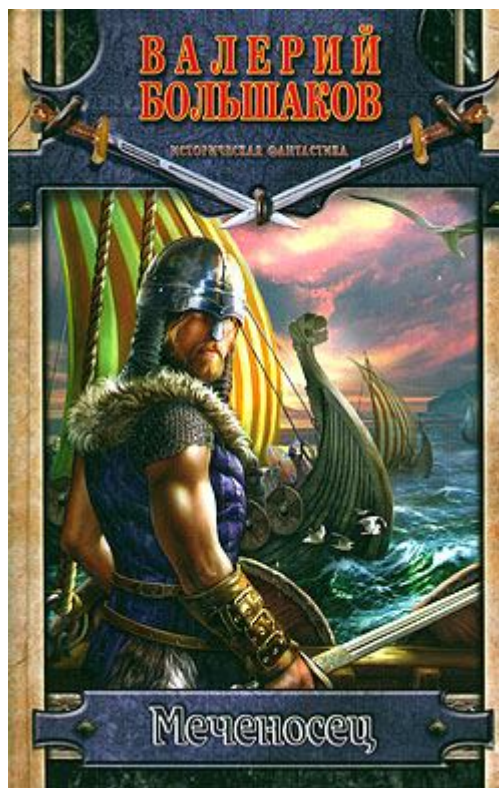

Валерий Большаков Меченосец

Закон меча – 2

Личный квест Олега Сухова, кузнеца, воина и нашего современника, продолжается.

Попав в девятый век, он не просто сумел выжить, а добился уважения в дружине конунга Рюрика.

И вот новая напасть – некая сила будто стремится вернуть Сухова обратно, в «родное время».

Жаль, не добрасывает – Олег с другом Шуркой Пончиком оказываются в веке десятом.

Без оружия, без друзей, без возлюбленных.

И вновь Олег Сухов делает свой выбор – все начинается с нуля, пробивается наверх, добывая мечом славу и золото, влюбляется до безумия и отправляется в поход на Константинополь...

Пролог

Багдад, 299 год хиджры (921 год от Р. Х.)

Утром, в час первой трапезы, Евлогий Комнин степенно прогуливался вдоль берега Тигра и поджидал своих высокоученых друзей – Аббаса Хаддада и Абула ибн-Казира. Оба были знатоками «ал-арисматики» и «ал-джебры», но Евлогия они интересовали исключительно как особы, приближенные к халифу. Аббаса с Абулом стоило лишь разговорить – болтливые и несдержанные, они выдавали массу ценнейших сведений,

полезных для базилевса Ромейской империи¹, которому Евлогий давно и верно служил, подвизаясь на поприще тайных дел.

Одетый в белоснежную галабийю² и головной платок, с посохом в загорелой руке, Комнин походил на библейского пророка. Его арабский выговор был чист, репутация безупречна. Никому даже в голову не могло прийти, что Евлогий – джасус, то бишь шпион.

Строгое лицо Комнина, осмугленное солнцем, черная борода с примесью седины, плотно сжатые губы и твердый взгляд, драгоценные четки, перебираемые пальцами левой руки, – все рисовало в воображении встречных натуру властную, воспоенную сурами Корана. Иные из прохожих даже кланялись ему, принимая за особу духовного звания.

Сощурившись, Евлогий Комнин огляделся и скривил рот в раздражении. Велик был Багдад! В громадном городе проживал миллион человек – вдвое больше, чем в Константинополе. Могуч был халифат, но тем ценнее любая победа над этими сыновьями юга, тороватыми и заносчивыми, опасными и коварными, обложившими Византию и грозящими ей великими бедами.

Комнин внимательно огляделся кругом, прикрыл глаза, и зашептал, частя и глотая звуки:

– Господи Иисусе, прости мя за невольное услужение богу нехристей! Не корысти ради, а токмо во спасение веры истинной кладу поклоны. Пресвятая Мать Богородица, услышь мя и помилуй!

Комнин сокрушенно покачал головою. Ах, знал бы кто, как тяжело бывает кланяться Аллаху и возносить священные формулы мусульман! Ему бы к светлому образу Богоматери припасть, испытать серафический жар и мистический восторг под куполом собора Святой Софии, но судьба разведчика сурова. Первая заповедь шпиона – быть как все. Не выделяться, раствориться в массе, таить истинное лицо свое под чужою маской, ненавистной и богопротивной.

Ромей сгорбился и поплелся дальше вдоль берега Тигра.

Набережная была застроена огромными зданиями, порою доходящими до восьмидесяти локтей³ в высоту. С нишами-айванами и угловыми башенками, с резными решетками на окнах и цветными куполами, дома создавали образ блеска и роскоши, чарующей тайны и восточной неги. Евлогию представились черные глаза красавиц за узорчатыми загородками, масляный блеск золота в неверном свете лампад... Пышные опахала пальм над глинобитными оградами лишь подбавляли яркости первому впечатлению.

Народу на улицах хватало – богатых горожан в длиннополых халатах, с краями, оплетенными разноцветной тесьмой, торговцев с закрученными в жгуты кушаками, ученых с тайласанами – покрывалами из верблюжьего подшерстка, ниспадающими с голов на спины и завязанными узлами на груди, слушателей медресе в чалмах со свисающими концами, ремесленников в стоптанных туфлях на босу ногу и халатах едва до колен. Все шли пешком или понукали смиренно-безразличных ишаков – верхом на коне имел право ездить только один человек. Халиф.

Царственно опираясь на посох, Комнин обогнул колодец за четырьмя арками и столкнулся со здоровенным молодчиком в шароварах и безрукавке на голое мускулистое тело. Голову молодчика обматывала грязноватая чалма, а могучую талию – порядком засаленный пояс, за который был засунут кривой кинжал джамбия.

– Стой, – лениво проговорил молодчик, кладя ладонь на рукоять кинжала. – Ну-ка, дай сюда четки...

¹ Ромейская империя – верное название для Византии. Базилевс – император.

² Галабийя – длинное, просторное одеяние, традиционное для арабов-мужчин.

³ Локоть – приблизительно 0,5 метра.

Комнин смиренно протянул затребованное. Его немывтый визави повертел четки в руках и поинтересовался:

– Дорогие?

– Не дешевые, – кротко ответил ромей.

– Ага... Теперь вытряхивай дирхемы с динарами⁴, и я оставлю тебе жизнь!

– А я тебе – нет.

Пока до грабителя доходил смысл сказанного, Комнин обхватил посох двумя руками, крутанул и разъял его на две половинки – в левой руке остались пустотелые «ножны», а в правой сверкнул узкий клинок. В тот же миг жало вошло в молодое, налитое здоровьем тело багдадского лиходея, погрузившись на всю длину, и вышло, смазанное кровью. Молодчик рухнул к ногам Комнина. Евлогий аккуратно обтер лезвие об истрепанные шаровары, заученным движением собрал свое потайное оружие. Наклонившись, он поднял четки, оброненные убитым. Отошел подальше. Остановился и стал смотреть – на реку, на колыхание мутных вод, на тот берег, всеми силами глуша греховную радость убийства.

Вниз по течению плыли большие серые чайки. Порою, потревоженные идущими с низовий барками, птицы начинали резко, негодуя орать и поднимались в небо.

За рекой был виден Ар-Русафа, загородный дворец халифа, и «Дворец вечности» – Каср ал-хулд, окруженный прекрасными садами и рощами финиковых пальм. Поближе к владыке правоверных переселились многие, целые кварталы выросли рядом с палатами его святейшества – Ал-Мухаррам и Аш-Шамассия. Туда через Тигр вел длинный лодочный мост, выше по течению виднелся еще один – подвесной.

– Досточтимый Халид! – воскликнул чей-то бодрый голос, называя Евлогия его арабским именем.

«Мои болтунишки!» – подумал Комнин, обернулся и увидел Аббаса с Абулом, затянутых в светлые халаты. Ученые гордо несли чалмы верных суннитов, в четыре витка накрученных на головы.

– Салам алейкум, – поздоровался ромей.

– Алейкум ассалам!

Ученые приблизились и с ходу повели прерванную с вечера дискуссию. Речь шла о числах «совершенных» вроде шестерки, об «избыточных», как двенадцать, о «недостаточных» типа восьмерки, о «телесных», «пирамидальных», «фигурных», «дружественных»... Чокнуться можно! Евлогий получил блестящее образование, изучив тривиум и квадриум⁵, но этого запаса знаний ему явно неоставало.

– Единица не есть число, – утверждал Аббас, – она начало и основа числа, а потому неделима.

– Истинная единица неделима, – соглашался с ним Абул и тут же начинал спорить: – Но единица, применяемая в наглядных примерах, называется ею условно. При взвешивании и измерении объемов, площадей и длин единица подразделяется на большое число частей при помощи деления: такая единица состоит из более мелких единиц...

Ученые бурно заспорили, вернулись к фигурным числам – «плоским квадратным» и «плоским продолговатым», потом перекинулись на «дружественные».

– А вы знаете, – оживленно заговорил Абул, – что сам Абу Камил ныне в Багдаде? Он приехал с караваном из Фустата, дабы посетить Дом мудрости⁶.

– Абу Камил Шуджа ибн-Аслам ибн-Мухаммад ал-Хасиб ал-Мисри, – торжественно

⁴ 6 медных данников составляют 1 серебряный дирхем. 35 дирхемов тождественны 1 золотому динару.

⁵ Тривиум (грамматика, риторика и диалектика) и квадриум (арифметика, геометрия, астрономия и музыка) составляли семь свободных искусств – высшее образование на средневековый манер.

⁶ Дом мудрости (Бейт аль-Хикма) – культурный центр, исламская академия, основанная в Багдаде.

сказал Аббас, – имеет светлый ум и быстрый рассудок. Вы знакомы с его «Книгой об ал-гебре и ал-мукабале»?

– Почтенный Абу Камил сильно продвинул учение великого Аль-Хорезми, – блеснул знаниями Комнин, – он изображал отрезками прямой и само число, и неизвестную величину первой и второй степеней.

– А давайте навестим его? – загорелся Абул. – Абу Камил живет в Круглом городе, я знаю, где он остановился.

– Тем более что нам по дороге, – тут же согласился Аббас. – Надо заглянуть к диван-беги⁷, он просил уточнить кое-что насчет ширваншаха.

– Ширваншаха?⁸ – делано удивился Комнин. – С каких это пор в диване интересуются отступниками из Ширвана, отринувшими власть халифа правоверных? Или готовится война?

– Готовится, – хихикнул Абул. – Только чужими руками!

– О-о... – молитвенно закатил глаза Комнин. – Как я завидую порой вашей близости к престолу! Быть доверенными высших лиц, вращаться в их обществе, касаться тайн, недоступных простым смертным...

– Ах, что вы такое говорите, досточтимый Халид, – пробормотал Абул, весьма, впрочем, польщенный. – Какие тайны... Просто вчера прибыл гонец с Хазарской реки⁹ и принес любопытную весть – воинственные руси собрались в поход на Ширван.

– Что вы говорите! – воскликнул Комнин.

– Да-да-да! – вступил Аббас. – Руси уже спускаются по реке и скоро нагрянут на земли ширваншаха.

– О-о... – протянул Комнин, быстро соображая. – Но это опасно для земель халифата, не так ли? Русы постоянно нападают на наши города в Мазарандане и Табаристане¹⁰, жгут и грабят, насилуют женщин и режут мужчин...

– Все правильно, – захихикал Абул. – Но в этот раз визирь принял мудрое решение – позволить русам жечь и грабить отпавший Ширван! Пусть режут воинов шаха – сколько смогут, пусть силою берут женщин за рекою Кур – сколько захотят. Халифу выгодно ослабление ширваншаха...

– Мудро, – согласился Евлогий. – И много тех русов?

– Эмир из страны Рус собрал дружину и выйдет в Абескунское море¹¹ на шестнадцати ладьях. Это... – Аббас посчитал в уме и выдал число: – Почти полторы тысячи воинов, умелых и ненасытных в золоте, любви женщин и крови врагов.

– Один эмир и один коназ, – поправил друга Абул. – Сам Халег, сын Ингара, царя Куябы, отправился в сей поход.

– Это точно? – насторожился Комнин.

– Абсолютно! – заявил Аббас с непрекращаемостью имама мечети.

– Вы говорили, что ослабление ширваншаха выгодно нам... А разве убить коназа Халега не выгодно? Ведь русы держат в страхе все побережье – от Джурджана до Гиляна!

– Верно, – снисходительно сказал Абул, – но этим можно поступиться, ибо русы суть главные противники Кунстантинии¹², грозящие румам с севера. А враг нашего врага – наш

⁷ Диван-беги – начальник дивана, арабского присутственного места.

⁸ Ширваншах – титул правителей Ширвана (северо-восточный Азербайджан).

⁹ Хазарская река – Итиль, ныне Волга.

¹⁰ Районы в южном Прикаспии.

¹¹ Абескунское море – оно же Гурганское, Хвалынское и Каспийское.

¹² Кунстантиния – Византия. Румы – ромеи, потомки римлян и греков.

друг.

– Пусть даже такой вредный, как руси! – засмеялся Аббас.

Воистину, подумал Комнин, болтун – враг тайны...

Переговариваясь, троица приблизилась к стенам Круглого города – Ал-Мадина ал-Муддавара, ядра Багдада. Его внешние стены из сырцового кирпича поднимались на высоту хорошего тополя, а башни возносились еще выше. Минешь ворота, пройдешь шагов сорок – вторая стена встает. За нею по окружности шла улица, переулками деля кварталы на сегменты.

Ученые свернули направо, однако Комнин уже расхотел наносить визит Абу Камилу.

– Ах, я беспамятный! – неожиданно запричитал он. – Совсем забыл навестить больного друга! Старый Катир ибн-Сабит живет один с дочерью, он ждет от меня помощи и участия. Простите меня, друзья, но нам не по дороге – долг зовет!

– Долг превыше всего, – согласился Аббас.

– Передавайте вашему другу наши пожелания здоровья и долголетия, – добавил Абул. – Да поможет ему Аллах!

Трое раскланялись и разошлись – ученые направились по улице, горячо обсуждая способы измерения земного шара, а Комнин пошагал к центру города.

Евлогий прошел воротами, над коими вздымалась на полета локтей башня караулханы. Прямо от нее к центру города вела длинная галерея, перекрытая полусотней сводчатых арок. Стражник шагнул из тени и грозно спросил:

– Куда направляешься?

– Иду в гости к другу, коего приютил брат халифа, да умножит Аллах лета жизни защитника правоверных!

– Проходи, – смиростивился страж и скрылся в тень.

Евлогий убыстрил шаг и покинул сводчатый переход на большой площади. Ее замыкали в кольцо семь присутственных мест-диванов, мечеть Ал-Мансура и дома родичей халифа, а в самой середине возвышался Аль-Кубба аль-Хазра – «Зеленый купол», один из дворцов халифа. Палаты владыки полумира были в самом деле увенчаны блестящей зеленой полусферой, достигавшей восьмидесяти локтей высоты, а на самой ее макушке блестела позолотой фигура всадника с копьём. «Да, умеет жить халиф...» – в который раз подумал Комнин.

Пройдя во двор дома Мухаммада ал-Кахира, брата халифа, Евлогий убедился, что тот живет не хуже. Прямоугольное зеркало бассейна занимало всю середину двора и светилось блеклой синевой летнего неба. Между краями бассейна и зелеными полосками стриженных мирт были оставлены узенькие проходы. Зелень обрамляла аркадумавазин, и получалось, что аркад было две – одна всамделишная, а другая, точно такая же, только перевернутая, отражалась в мерцающем водоеме. И до чего ж они легкие, эти аркадки! Их подпирали тонкие колонки, а каждая арочка была заключена в узорную раму. В орнамент рамы вплеталась вязь арабских букв. «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – пророк его» – эти слова повторялись и повторялись, а сам узор сменял свои мотивы с четкостью и последовательностью алгебраической формулы. Лазурная, алая и золотая краски то сплетались в завитках, то разбегались линиями...

Между колонками поблескивали тонкие струйки фонтанов. Комнин прочел замысловато свитую надпись на мраморной чаше: «Смотри на воду и смотри на водоем, и ты не сможешь решить, спокойна ли вода или струится мрамор...» Да уж...

А за водоемом открывался сам дом, обширный и богатый, отданный ал-Кахиром во временное пользование Катару ибн Сабиту – за известные лишь им двоим услуги (Катар спас брата халифа – увел из засады, которую сам же и устроил). Комнин усмехнулся. Знал бы ал-Кахир, кого он пригнул! Имя Катар ибн Сабита было одним из многих, взятых не старым еще Игнатием Фокой, агентом Комнина в арабских землях. Игнатий имел титул

спафарокандидата и мог спокойно обитать в Константинополе, отбывая непыльную службу при дворе императора. Но скука гнала его с берегов Золотого Рога на берега Нила и Тигра, где Фоку поджидали опасности и труды. Комнин хорошо понимал Игнатия – сам был такой же...

Между изящных колонн промелькнула фигура женщины, и Евлогий облизнул внезапно пересохшие губы – к нему приближалась Елена Мелиссина, напарница Игнатия. Нет, она не помогала Фоке сносить трудности, она командовала им. Елена была главной в неразлучной паре, играя роль дочери. Одиноким мужчине поневоле вызывает подозрения, но кого встревожит присутствие отца с дочкой? Впрочем, называть Игнатия мужчиной можно лишь в прошедшем времени – Фока добровольно оскотил себя, дабы спасти душу. Тем лучше для Елены – молодой, умной, коварной, изобретательной, жестокой... и невероятно красивой женщины. Вот уж кого Комнину не понять! Мелиссина принадлежала к богатому и знатному роду, с рождения будучи причисленной к самому высокому придворному рангу, являясь зоста-патрикийей. У нее было все, что нужно женщине для счастья, – деньги, роскошный дом в Константинополе, огромное поместье за городом. Казалось бы, живи и радуйся! Шей самые вычурные наряды, закатывай пиры, и пускай твои капризы наперегонки исполняют мужи, приближенные к базилевсу. Так нет же – Елена ударилась в политику, отдалась той ее тайной составляющей, которая подпитывает в базилевсе уверенность в победе или предупреждает о возможном поражении. Женщина стала разведчицей, тенью шествуя за Игнатием и направляя его.

– Салям алейкум, Халид, – поздоровалась Елена, выходя из-за аркады, и Комнин затрудненно сглотнул. Перед ним стояла не просто женщина, а сама суть ее пола, возбуждая страсть любым движением, гримаской или словом. Елена была закутана в тонкую накидку, из-под которой выглядывали шаровары, но драгоценная везарийская ткань не могла скрыть узенькой талии – легко обнимешь двумя сомкнутыми ладонями! А этот восхитительно-крутой, амфорный изгиб бедер?! А великолепные длинные ноги?! А грудь – вызывающе высокая, неколебимо тугая?! А эта шея, плечи, руки, вороная волна волос, склонных виться!

Лицо Елены скрывала полумаска, привычная для восточной женщины, но даже взгляда огромных черных глаз было довольно, чтобы вождеть.

- Салям... Лейла, – кривовато усмехнулся Комнин. – Где Катир?
- Он дома. Позвать?
- Не нужно. Я буду говорить с тобой. Есть новое задание.
- Мы готовы исполнить все, что нужно.
- Я не сомневался... Ты бывала в Руси?
- Именно бывала. С купцами из Херсонеса поднималась по Борисфену до крепости Самбат – арабы называют ее Куябой, славяны кличут Киевом, а русы – Кенугардом.
- Блестящие познания...
- Смеетесь?
- Нисколько. Язык русов знаешь хорошо?
- Мм... Ну, не так чтобы очень, но объяснить, чего я хочу, смогу.
- Отлично... Не удивляйся, что я заговорил о русах, находясь в сердце халифата...

Комнин пересказал Елене новость, услышанную от Абула с Аббасом, и продолжил:

– Арабы для нас – враг номер один, но если мы упустим из виду русов, то в недалеком будущем северяне займут место южан. Русы уже прямо и явно угрожают империи. Несколько раз они подходили к стенам Константинополя, но пока Бог миловал... А что случится завтра? По Борисфену проходит большой торговый путь, как русы говорят – «из варяг в греки». Так вот, по всему этому пути живут разные племена – галинды, лензанины, вервиане, северии, славяны... Кого-то из них русы подчинили своей власти, с кого-то требуют дань, с кем-то находятся в союзе. Русов мало, но они берут не числом, а умением и силой духа. Ты могла их видеть при дворе базилевса, поскольку русы составляют цвет

этерии¹³. Мы их прозываем варангами...

– О-о! – сказала Елена впечатленно.

– Вот именно... Так вот. Если русам-варангам удастся сплотить под собой все племена и создать единое государство, ромеи окажутся между ними и арабами, между жаркой наковальней с юга и ледяным молотом с севера. И тогда нам не выдержать натиска с обеих сторон. Выход один – упреждать русов, останавливать их на пути к господству. Все это я говорю для того, чтобы ты поняла важность задачи – надо будет убить Халега, сына царя Ингоря, что правит в Самбате и окрестных землях. Только не путай его с другим Халегом!

– Их двое? – удивилась Елена.

– Есть великий князь Халег, прозванный Ведуном. Он правит далеко на севере, откуда к нам привозят меха. Ведун стар, но рука у него твердая. Не зря его титулуют не простым князем, а великим. Когда его друг, князь Рюрик, умер, то сына своего Ингоря он доверил Халегу Ведуну, и тот с малолетства воспитывал мальчика. Увы, насколько Ведун велик как государственный муж, настолько он мал как воспитатель – Ингорь вырос крепким и здоровым, но дух его слаб, а ум не быстр. Зато его сын, которого Ингорь назвал Халегом в честь своего приемного отца, обещает перерасти родителя... и сильно усложнить нам жизнь.

Если не станет Халега, сына Ингоря, не будет кому унаследовать венец. Ингорь – неумелый и неудачливый государь. Славинские князья сменят его на киевском престоле, и тогда весь юг Руси долгие годы, если не века, терзаем будет смутами и междоусобицами. Князья начнут раздирать единую землю на уделы, чтобы самим править на клочках разорванной страны, великой и обильной. Вот наша цель! И добиться ее можно ценой всего одной смерти! Признаюсь, это не моя выдумка, умные люди в Константинополе давно вынашивают план убиения Халега, еще с той поры, когда русы напали на Таматарху¹⁴. Тогда Халег показал себя неплохим стратегом, в отличие от отца, хоть и молод годами. Этой зимой я получил тайный приказ самого базилевса – Его Божественность требовал найти и уничтожить Халега... Долго я думал, как исполнить высочайшее повеление, а тут такая удача – сын Ингоря сам идет к нам в руки!

– Я поняла, – серьезно сказала Елена. – Когда нам отправляться?

– Сегодня же. Берите лучших коней и скачите в Ширван, за реку Куру. Понимаю, что сложно будет найти русов и вовремя пересечь их путь, но попробовать надо. Думаю, варанги поступят как всегда – начнут грабить Ширван с Нефтяного берега¹⁵. Попробуйте встретить их там. Если не получится, совершите вторую попытку, ибо русы обязательно поднимутся по Куру. Знать бы докуда...

– Это мы выясним на месте! – решительно заявила Елена. – Что-то еще?

– Да... У тебя останется и третья попытка. Помнишь, сколько было разговоров о пропавшем караване рахдонита¹⁶ Гаддиила бен Халева? Его верблюды везли из Поднебесной империи много шелка. Караван вышел из Самарканда и словно растворился. Так вот... Ни верблюдов, ни купцов не осталось – их кости давно замечены песком. Но шелк цел. Вся драгоценная ткань сложена в странноприимном доме при храме Пресвятой Богородицы в Итиле, столице Хазарского каганата. Впрочем, властвует в Хазаране отнюдь

¹³ Этерия – личная гвардия императора.

¹⁴ Таматарха – город в Тамани, построенный на развалинах эллинских колоний Фанагории и Горгиппии. В летописной традиции его именуют Тьмутараканью, хотя вернее было бы – Тмуторокан. Имеются весьма смутные свидетельства того, что у князя Игоря (Ингоря) действительно имелся наследник – Олег (Халег или Хельгу), якобы погибший при защите Тмуторокана в 925 году.

¹⁵ Нефтяной берег, или Нафта, – это полуостров Апшерон и побережье у Бакинской бухты, где в древности добывали нефть, используя ее и как лекарство, и как зажигательную смесь.

¹⁶ Рахдонит, букв. «знающий пути» – богатый хазарский купец, ведущий торговлю шелком. Элита каганата.

не каган, а правитель-иша. Нынче в иши выбился Аарон, сын Вениамина. Он очень жаден и русов не любит, на этом и сыграй. Посули ему шелк рахдонита в обмен на избиение русов. Варангам деваться некуда, у них единственный путь домой – по Итилю, запертому хазарами. Власть иши держится на мечях арсиев, наемников из Хорезма. Даст им приказ иша – истребить русов! – и те с удовольствием исполнят его. Во-первых, добычу русы приволокут знатную, во-вторых, арсии как бы отомстят за братьев по вере...

Елена Мелиссина долго смотрела на опадающие струи фонтана, потом повернула голову к Комнину и твердо сказала:

– Можете считать, что задание выполнено. Я убью Олега!

Часть первая «ИЗ АРАБОВ В ВАРЯГИ»

Глава 1, в которой Олег Сухов предается воспоминаниям, бродя душою по местам боевой славы

Хвалынское море, 864 год от Р.Х.

Вечерело, но купцы не спешили приставать к берегу на ночевку – беспокойные были места. Десять пузатых кнорров проходили в прямой видимости восточного берега, где кочевали воинственные гузы, а караван не сопровождали боевые лоды¹⁷. Конунг Рюрик Альдейгьюборгский¹⁸ выделил по пятерке воинов на каждый корабль – и ему выгодно, и купцам спокойно, да только маловато полусотни, не сдержать им алчности степняков. Вот если бы гузы заприметили костры, разведенные небольшой дружиной, хотя бы мечей в пятьсот, тогда бы они обошли стороной опасных пришельцев, а так...

И приходилось экипажам одолевать морской простор не сходя на твердую землю, не отдыхая на стоянках. Опытные кормщики вели корабли по звездам, по солнцу, держа в памяти все течения и мели, сравнивая на вкус соленость воды. Там, где в море впадала обильная Аму¹⁹, зовомая ромеями рекою Окс, влага морская была почти что пресной. А дальше к северу вода все более горчила.

Впрочем, купцы не расстраивались – их дела шли хорошо и даже лучше. Прибыв с грузом рабов, воска и мехов в русскую факторию, что в городе Абесгун, торгоши живо распродали весь свой товар, получив сумасшедшую прибыль. Ох, недаром арабы-сарацины из жаркого Серкланда²⁰ так стремились на север, обильный мехами. Покупая соболей за серебряные дирхемы, они продавали драгоценные шкурки по сто, по двести золотых динаров! И очень не любили арабские купцы конкурентов из холодной Руси. Да только варяги не больно-то интересовались их мнением, а когда сарацины начинали наглеть, являлись целой флотилией. Грабили Абесгун, Сари, Дайлем, Гилян. Жгли, насильничали, убивали... Короче говоря, наводили такого страху, что арабы долго ходили как шелковые и

¹⁷ Лодья – боевой корабль русов (скандинавы говорили lodje), могла достигать 40 – 50 метров длины и неслась на себе 100 – 120 человек. Кнорр – торговый корабль.

¹⁸ Автор придерживается мнения, что в 860 году жители Альдейгьюборга (ныне Старая Ладога) призвали на княжение Рюрика, сына Регинхери, рейкса из Старигарда (ныне Ольденбург), что в землях вендов – Вендланде (Южная Прибалтика).

¹⁹ В 10 веке Амударья впадала в Каспийское море, протекая по руслу нынешнего Узоя, а само море занимало большую площадь, чем сейчас.

²⁰ Серкланд – страна сарацин, то есть арабов. Так на севере называли земли Халифата.

ласково улыбались купцам из русов...

* * *

– Слава Эгеру²¹, – пробурчал подкормщик Гунастр Вепрь, – слава Ран... Ветер меняется, задувает моряна с юга. Хорошо пойдем!

– Эгей! – крикнул кормщик, не выпуская из рук рулевое весло, опущенное за правый борт. – Суши весла! Ставь паруса!

Гребцы довольно заворчали, со стуком вытягивая из лючков гребни с узкими лопастями. Кнорр – не лодья, вся середка отдана товарам. На кнорре гребут лишь с носа и кормы, приподнятыми над волнами, а посему все весла длинные и тяжелые. Намаешься их тягать, особенно когда задует северный ветер – на Нефтяном берегу ему дали название «хазри».

Олег Сухов, молодой гридень²² из дружины Рюрика, прозванный Вещим, довольно потянулся, помахал руками, утоляя боль в натруженных мышцах, и присел на бочку у самой мачты. Мачта поскрипывала, шкоты и штаги, плетенные из кожаных ремешков, гудели, натянутые пухлым парусом, мелкая волнишка игриво шлепала в борт. Хорошо!

– Устал? – спросил Пончик участливо, опускаясь рядом. Александр Пончев отвечал своему прозвищу на все сто – был он румян, почти в меру упитан и плотен, даже так – пышноват. Пять лет назад Олег и Шура были просто знакомы, находились в приятельских отношениях, но события невероятные и фантастические сдружили их накрепко – обоих переместило из двадцать первого в девятый век, в эпоху викингов и варягов...

– Да нормально... – лениво протянул Олег. – Помню, три года назад, когда Париж брали, вот тогда я выдохся вчистую. Восемь часов гребли! Ярлы²³ наши, и те умаялись...

– Слушай, расскажи мне про тот поход, – сказал Шурик.

– Да я ж тебе уже рассказывал!

– Ну-у, когда это было-то... Может, ты еще какие подробности вспомнишь. Повествуй, давай!

– Да чего там повествовать... – отмахнулся Сухов с легким небрежением. – Обычный пиратский рейд. Напали на Лондон, пограбили всласть, еще и виру с короля стробовали. Потом в Париж нагрянули... Париж! – фыркнул Вещий. – Такая же большая деревня, как и Лондон. Грязи по колено, а уж архитектура... Сразу и не поймешь, где избышки, где хлева...

– Расскажи! – заныл Пончик.

– Достал ты меня, коновал... – Олег вздохнул преувеличенно тяжело, подумал и начал: – Рюрик тогда всех конунгов окрестных собрал и свободных ярлов – с озер Ильмерь и Вель, из Бьярмов, из Хольмгарда, Алаборга, даже из Суждала, Мелинеска и Полтескьюборга²⁴. Свели вместе лодий двести. Считай, на каждой по сто-сто двадцать человек. Сила! И мы ж еще схитрили – с осени пришли к Старигарду, да там, у вендов, и зазимовали. А по весне, когда у нас еще везде лед недвижим и снегу навалом, вышли в море – юг же! Ну, прошли мы узостью между свейским и датским берегами, и сделали поворот...

²¹ Эгер и Ран – бог моря с супругой.

²² Гридень – воин, рядовой дружины-гриди (по-свейски – грид, по-нурмански – хирд).

²³ Конунг – выборный король. Ярл – личный титул, тождественный графскому. Хевдинг – вождь.

²⁴ Обычно под Хольмгардом понимают Новгород, однако в 9 веке Новгорода еще не существовало, а вот Хольмгард был. Правда, неясно пока, где именно он стоял... Суздаль – это переименованное название мерянского города Суждал. Алаборг – это, скорее всего, Олонец. Бьярмы – Приозерск. Полтескьюборг – нынешний Полоцк. Мелинеск – город у верховьев Днепра, позже передавший свое название Смоленску. В скобках заметим, что данная географическая привязка весьма относительна...

...Обогнув Ютландию, корабли русов вышли в Западное море – в Европе его прозывали Северным. Атлантика зябко дышала в паруса армады, валила жидкими холмами, до реев взбрызгивала холодной пеной. День брызгалась, другой...

– Земля! – закричал с мачты Большой Валит, с палубы похожий на тощего медведя, влезшего на сосенку. – Вижу землю!

– Англанд! – довольно рявкнул конунг Лидул Соколиный Глаз. – Ага... Слазь, Валит! Уже и так видно.

Тонкая полоска прорезалась на горизонте. Лезвийной толщины неровность отделила сушу и воду, положила небу край.

– На фалы и шкоты! – разлетелась команда.

Флот выровнял строй, нацеливая носы в эстуарий Темзы, и последовал в бейдевинд левого галса – сбоку дул ветер, с левого борту. Потом отошел – стал более попутным. Чтобы идти полным курсом, ярл приказал приспустить лодью, нареченную «Лембоем», под ветер. Корабль набрал ход.

«Посмотрите направо, – подумал Олег, – вы видите низменность Эссекса, безлесную и пустынную. Берега ее илистые и отмелые. Посмотрите налево. За белыми скалами, у которых грохочет волнобой, видна возвышенность Норт-Даунс. Там – Кент...»

С самого начала похода его не покидало состояние продленного восторга. Вырваться из привычного окружения, увидеть заморские страны – что может быть лучше? Правда, в заморье и убить могут, но тут уж некому пенять...

Внезапно с травянистой макушки мелового обрыва поднялся столб густого серого дыма. Минуты не прошло, а с прибрежного острова потянулся еще один.

– Заметили нас англы, – усмехнулся Соколиный Глаз и повернулся к ярлу Олаву Гуляке: – Передай всем, чтоб без приказа не стреляли. Особенно это твоего Икмора касается! Попробуем сперва добром виру взять, а уж если не получится... – в голосе конунга зазвучала угроза. – Примем меры!

Дренг²⁵ по имени Слуд побежал на нос, развел руки с тряпками и пошел семафорить.

– И пусть навесят щиты. Не в гости идем...

Гридни перетаскали кучу щитов и навесили на оба борта.

– Белый щит поднять! – приказал Лидул.

– Поднять белые щиты! – отозвались старшие фелаги на других кораблях.

Конунг махнул Валиту, тот кивнул, прицепил к фалу и поднял до верха мачты круглый, выкрашенный белой краской щит – знак мира и добрых намерений. Но и красный висел тут же – поднять недолго...

Эстуарий сужался, глаза различали на эссекском берегу воднистые, мочажинные пустыри, заросшие поля, метелки редкого кустарника и далекие леса, синей каемочкой очерчивавшие горизонт. А влеве, на кентском берегу, виднелись дубравы, особняком жалась тисовая рощица, свечками торчали корабельные буки. В лощинах и у подножий холмов истаивал туман и деревья казались скрутками черной проволоки, опущенными в разбавленное молоко. С суши тянуло прелью, дымком и запахом небогатого жилья – кислой капустой и жареной рыбой. Не такая уж и пустыня этот Энгланд, как хочет казаться!

Солнце прогнало туман, открывая оба берега. Флот постепенно втягивался в широкое устье Темзы, реки глубокой и полноводной. Ее высокий берег сбегал к искрящейся воде, над которой клонились ивы. Берег низменный тоже начинал дыбиться холмиками. Плоские вересковые пустоши еще тянулись, укатывая землю до края, но лес все чаще вклинивался в поле, внося трехмерность вертикалями платанов и грабов, каштанов и кленов,

²⁵ Дренг – воин, кандидат в рядовые. Хольд – действительный рядовой, прошедший посвящение. Форинг – командир. Старший фелаг – старший товарищ.

высокоствольных буков и широколистных вязов. Деревья росли все тесней, все кучней, перемешиваясь с подлеском, забаррикадировавшим все прогалы.

– Хорошая река, – сказал позади Гуляка, – не то что Оклога²⁶ – порог на пороге...

– По весне они все хороши, – проворчал Лидул. – Вон, на что уж Итиль полный да водяной, а и то... В паводок как-то шли в хазары – летим без гребя, успевай рулить. А в обрат пошли – умучались. Где-то выше Клязьмы... да нет, еще повыше – после влива Костромы – подряд восемь мелей! Во как...

– Что ты сравниваешь – Темпс короткая совсем... О, глянь, глянь, как рыба вскатывается!

Олег повернул голову – прозелень реки волнило кругами.

– Небось щука играет, – со знанием дела заметил Лидул. – Щучка, она рыбка выметчивая... Ш-ш! – шикнул он вдруг и сделал жест палубной команде: тишина полнейшая!

Из-за плакучих ив, полощущих в воде пряди гибких ветвей, вытянулась рыбацья лодка. Гребец сидел спиной и не видел варяжских кораблей, прущих вверх по Темзе. Вероятно, он и на ухо туговат был, коли не слышал скрипа и плеска за собою. Положив весло в лодку, гребец приподнялся и забросил лесу от закидушки. Медленно опустившись на скамью, он поводил лесой и принялся наматывать ее на рогульку.

Рыбацкая посудина была совсем рядом, в каких-то шагах с левого борта, и Соколиный Глаз не смог отказать себе в удовольствии схохмить. Вывесившись за борт, он участливо спросил:

– И что вырыскал?

Его «аглицкий» выговор был чудовищен, но для рыбака голос конунга прозвучал как гром с небес. Мужик аж подпрыгнул и оторопело вытаращился на громадный корабль. Все, кто был на палубе «Лембоя», загоготали, как по команде.

Рыбак дико озирался – необычное и странное, ворвавшись в монотонную серость буден, сорвало размеренный темп жизни, вышибло из сознания убогий набор привычностей.

– Как звать тебя? – спросил, отсмеявшись, Лидул.

– А... Альдгелм, – пролепетал рыбак.

– Хорошо клюет? На что ловишь?

– Вот! – Альдгелм поднял за жабры здоровенную щуку, показал вяло трепыхавшуюся форель. А вот насчет наживки ответить не успел – страшно заклекотав, рыбак схватился за горло. Из-под его скрюченных пальцев родничками забила кровь, брызгая на улов. Обмякнув, сакс упал ничком. Стрела, торчащая из его шеи, весело забелела оперением.

– Ну что за сволочи! – потрясенно вымолвил кормщик. – Своего же!

Олег увернулся от еще одного смертоносного жала, едва не попортившего ему шкуру. Ничего себе, заявочки...

Подскочили гридни, прикрывая Лидула. Держа щиты двумя руками, они отлавливали стрелы. С десятка «змей тетивы»²⁷ втюкнулось в борт, одна впилась в мачту.

– Вон они! Вон!

Из-за мысочка, заросшего сухим дреком, выплывали низкобортные галеры, подобные русским стругам, но поразвалистей. В каждой сидело на веслах дюжины по две керлов-ополченцев. Сильно сутулясь, со щитами на спинах, они гребли и прикидывались Очень Мелкими Существами. Их подгоняли королевские таны²⁸. В кольчугах по колено и в таких же, из стали вязаных капюшонах, при мечях и со щитами, они кучковались на

²⁶ Оклога – ныне река Волхов.

²⁷ «Змeya тетивы» – кэннинг, то есть замысловатое сравнение для стрелы, принятое поэтами-скальдами. Воинов они называли, к примеру, «ясенями битвы», а женщин – «Мелями злата».

²⁸ Таны – военная служилая знать. Эрлы – англосаксонские графы.

полупалубах галер. В проходах между скамьями ховались стрелки в простых кожаных панцирях и остроконечных войлочных шапках. С палубы «Лембоя» нельзя было различить выражения лиц, но можно себе представить, что испытывали англосаксы, напав из засады на целый флот!

– Паруса долой! – заревел Лидул. – Весла на воду!

Забрякотали весла, выровнялись в два ряда и дружно загребли воду Темзы.

Олега охватил азарт битвы, а нелепая смерть Альдгельма раздувала в нем жестокую ярость. Казалось бы, ну кто он ему, этот англосакс? Он его не знает даже!

А жалко... И ведь видели же, что местный, – зачем было стрелять? Наверняка специально целились! Но азартовать и яриться – это значило распускаться. Эмоции! Они находят на душу, потом откатываются и не помнятся уже. Отходят. Биться надо рассудком, гормонам всяким не поддаваясь... Уговаривая себя, Олег вытер вспотевшие ладони.

– В линию! – проорал конунг. Замелькали флажки, затрубили трубы. Подгребли еще четыре лодьи, из самых больших – «Семаргл», «Пардус», «Алканост» и «Финист».

– Поворот!

Пять лодий развернулись, перегородив русло Темзы. Напротив них сбились в кучу английские галеры, числом до полусотни. Сила немалая, как ни крути. Считай, почти две тыщи народу. Над некоторыми галерами колыхались золоченые стяги, качались кресты. Надсаживаясь, орали королевские таны. Жалобными голосами выпевало псалмы духовенство. Галеры построились выпрямленной подковой и двинулись на сближение – глухо били бубны, чтобы кряхтящие ополченцы гребли в такт.

– Стрелки! Чего ждете?!

Воздух дрогнул басовой струной. Сотни длинных стрел сорвались с луков. Описали крутую дугу, ударили, язва палубы, щиты и неприкрытые тела.

– Стрельцам бить калеными и срезнями!

Низкое гудение русских стрел заглушило легкомысленный посвист английских *pirrows*²⁹.

– Копейщики!

С обеих сторон полетели копья и стрелы, воины потрясали секирами и мечами, дожидаясь сближения.

– Поворот! Смена гребцов!

Лодьи развернулись, и корабли сошлись с галерами на встречных курсах. Англосаксы подняли рев.

Тан на передней галере – зубы на выскале – поставил ногу на борт и половчее перехватил абордажный крюк. И не боится же...

Олег выдохнул, повернулся к ждущему Олдаме и махнул рукой.

– Давай!

Олдама ждал приказа с разожженным факелом. Запалив фитили на горшках с нефтью, он по одному передал снаряды могучему Ошкую, и тот швырнул «гостинцы». Зафонтанировал огонь – палящий и копотный. Две галеры, шедшие наперегонки, превратились в погребальные ладьи. Людской вой смешался с гудением пламени.

С десятка лодий, вплотную приблизившихся к англосаксам, тоже полетели круглые горшки, оставляя дымчатые шлейфы разгоравшихся фитилей. Горючка расплескивалась по баркам, опалая чернь и зная без разбору.

Олег готовился к абордажу, руку так и тянуло к левому боку, где висел меч, но боя не случилось. С галер наконец-то рассмотрели, что собой представляет противник, и начался распад. Барка, проскочившая за линию лодий, развернулась и понеслась к берегу. Королевскому тану это бегство сильно не понравилось, он орал, потрясая мечом, и

²⁹ *Pirrow* (англ.) – стрела (разумеется, в данном времени говорили на староанглийском, но не будем усложнять...).

озверевшие керлы утопили крикуна. Страх смерти пересилил страх наказания – король далеко, а русы близко!

Англосаксы бросали весла и кувыркались в воду, неуверенные, что их дезертирство поддержат товарищи. За керлами сигали стрельцы. Особа духовного звания в черном облачении бенедиктинца перекрестилась и плюхнулась, погнав волну и сверкая тонзурой.

На галере, борта которой были разрисованы кружками и ромбами, воцарился классовый мир – таны гребли вперемежку с керлами, а грузный эрл в роскошном меховом плаще ерзал на корме и подбадривал гребцов энергичными выкриками.

Река очистилась. Брошенные галеры, зачерпнувшие воды, сплавлялись в море вместе с «систер шипами», выжженными огнем. Плыли трупы, качались на волнах щиты.

– ...Вот так и началось наше вторжение, – проговорил Сухов, массируя ноющий бицепс.

– А дальше?

– Дальше – больше...

– Ну, Олег...

– Да дай ты мне отдохнуть!

– Ну еще немножечко, самую капельку! Здесь же нет телевизоров, нету газет...

– Дожил! Уже теликом обзывают...

– Олег...

Сухов повыпендривался малость и продолжил дозволенные речи:

– Ну, что? Приплыли мы, подступили к самому Лундуну, бросили якоря...

* * *

«Какой-то Лондон... не лондонский», – думал Вещий, разглядывая стену Константина, выходящую к Темзе. Угловая башня Юлия круглилась в правом углу, на месте будущего Тауэра, а с северной стороны к римскому Лондинию присоседился варварский Лундун – лепясь к каменным стенам крепости, прямо поверх рва, заваленного отбросами и грязью до такой степени, что выемка превратилась в насыпь. Слобода разбегалась кривыми улочками, кучкуя землянки, мазанки, свинарники, перемежалась пашнями, садами и огородами.

Олег обвел взглядом городские укрепления и только головой покачал. Во множестве мест крепостные стены, сработанные римлянами, были разобраны по камешку – где только зубцов лишившись, а где и до самого фундамента разрывая пояс обороны. Видать, англосаксам дюже стройматериал требовался... Пробои загородили не шибко высокими пряслами, рубленными из дуба. Разборке подверглись и башни – местные кое-как надстроили их грубыми срубами. Все это архитектурное и фортификационное безобразие выглядело очень неаккуратно и убого.

На правом берегу Темзы чернела деревянная крепостца – Саутварк или, как ее прозывали северяне, Судвирки. Поперек реки был переброшен Большой мост, сколоченный из крепких бревен, утыканный башенками и огражденный невысоким – по пояс – частоколом. Над пильчатым палисадиком выглядывали шлемы, дергаясь как поплавки на поклевке, горбятились спины, сверкая кольчугами, будто рыбыны чешуей. Ишь, забегали! Еще не так бегать будете...

А мост и вправду велик – две телеги запросто разъедутся. Последний пролет упирался в лундунские ворота, зажатые меж двух башен, наполовину сложенных из римского кирпича, наполовину – из бревен. Воистину, дерево – стройматериал варвара!

Топая по палубе сапожищами, подошел ярл Олав.

– Любуешься? – настроение у ярла было бодрое.

– Думаю, – сказал Олег.

– Думай, думай! – хохотнул Гуляка. – Продолжай в том же духе!

Утром, на военном совете, конунг Лидул предложил атаковать Лундун с реки. Обрушить мост – главное укрепление городских врат, вышибить хлипкие створки и ворваться на улицы. Сказать по правде, Соколиный Глаз меньше всего думал о том, как бы

побыстрей взять Лундун. Удар с Темзы помог бы сохранить жизни гриди.

Плох тот командир, который берет крепость любой ценой, ибо цена эта измеряется в смертях. Конечно, на войне как на войне, но это же не значит, что победа должна быть оплачена по высокой стоимости! Здесь торг уместен.

– Короче, ломаем мост, ко всем троллям, – энергично высказался конунг Игелд, приведший дружину на десяти лодьях, – и берем град сей.

Через полчаса начался шторм.

Вяло серебрилась Темза, помахивали ветвями яблони, задумавшие зеленеть. За зубцами лундунских стен мельтешил ратный люд, сустились таны, расставляя бойцов, копотно горели костры под чанами со смолой – город крепил обороноспособность.

– Скедии!³⁰ – гаркнул Лидул. – Па-ашли!

Пропели рога, разнося команду над водой, и четыре скедии в двадцать румов, то бишь на сорок гребцов каждая, сняв свои мачты, заскользили к Большому мосту. За низким частоколом зашебуршилась стража, закачались копья, донеслись гортанные крики команд. Воины разбежались по всему мосту – на подплывающие скедии обрушились стрелы и копья.

– По мосту-у... – затянул Олав.

Сработали пращи и луки. Град стрел и свинцовых шариков обрушился сверху, выбивая защитников Большого моста. Длиннотелые скедии, изящные и хищные, нырнули под его пролеты. Олегу на просвет видно было, как гридни обвязывают сваи крепкими канатами из моржовой кожи.

– Давай, давай... – цедил Лидул, нетерпеливо постукивая кулаком по мачте. – Ага!

Скедии вышли на чистую воду. Натянулись канаты. Напружились могучие спины, выгнулись весла, взбурлила загребаемая вода. И не выдержал мост! Сваи вырвало и поволокло по дну, с оглушительным треском лопалось дерево, визжали и скрежетали раздираемые доски. Гудели натянутые канаты, водопадом шумела вода, вспененная веслами. «Падает, падает Лондонский мост!»

Изломились пролеты, окунаясь боком в воду и переворачиваясь. Поплыли по Темзе полурассыпавшиеся башенки, колья, бревна, доски. Плотиками кружились обломки настила, по ним метались, падая на колени, человека три в кольчугах.

Олег ухмыльнулся: какой сборной по гребле удастся подобное – силою мышц и музыкальной слаженностью движений свергнуть огромный и крепкий мост?!

Он нахлобучил на голову мягкий подшлемник и натянул шлем с наносником и выкружками для глаз. Застегнул нащечники под подбородком. За спину – щит на плечевом ремне. Кольчужные ноговицы на ноги – похоже на женские чулки и цепляются так же – ремешками к поясу. Кафтанчик... Не, жалко кафтанчик – порубят еще... Створчатые наручья на предплечья – застегнуть. И такие же поножи – Валит споро затягивает ремешки у Олега на голених. Наколенники, наплечники... Из похода на Миклагард-Константинополь, куда он ходил под водительством Аскольда и Дира, Сухов вернулся с хорошей добычей. И сменял половину золота на знатные доспехи. Ничего, окупится...

– Вперед! – гаркнул Лидул, выхватывая меч.

Лодьи на веслах продвинулись на то место, где недавно стоял Большой мост, – теперь о нем напоминало лишь огромное облако донной мути, постепенно сносимое течением.

Щелястый обрубок моста торчал перед ними ни к селу ни к городу.

Со стены наклонили котел с выливным носиком, пуская струю кипящей смолы, но лишь заляпали голову горгульи, украшавшей высокий нос лодьи.

– Стрелкам прикрывать!

Загудели стрелы, вычищая бойницы башен и просветы меж зубцов над воротами. Сухов держал щит на манер зонтика: душ из кипящей смолы – удовольствие ниже среднего.

Подхватив бревно, с комлем, окованным бронзой, варяги с ревом и уханьем принялись

³⁰ Скедия (скандинавы говорили «скейд») – по сравнению с лодьей средний корабль на 40 человек.

таранить ворота. Первой не выдержала левая створка – лесины затрещали и рухнули в проем. За воротами, в клубах пыли металась англосаксы, бестолково громоздя баррикаду.

– Слушай меня! – заревел Лидул. – На врага!

Олег пробежал по веслу и прыгнул на берег. Выхватил меч. «Ну, кто на меня?!»

Англосаксы сгрудились в глубине арки, перегородив проход. Лиц было не разобрать – на светлом фоне проема фигуры воинов смотрелись черными силуэтами. Воняло навозом и мочой.

– Сулицы к броску! – скомандовал ярл Олав. – Целься! Замах! Раз! Два!

Тесно было под аркой, но на войне и хуже бывает. Мускулистые руки гридней отвели дротики-сулицы и послали во врага, выбивая передний ряд рекрутов.

– Строимся клином! Мечи из ножен!

Страшный северный клин-фюлькинг... Широкие плечи, бугрящиеся силой, обтянутые кольчугами, смыкаются в одушевленный железный колун и врезаются во вражье войско, ломая его строй, разрубая надвое, разя мечами и секирами направо и налево, без промаха и без пощады. А ты на острие этого клина!

Олег зашагал, топча осколки кирпича и щепки. Он держал в поле зрения весь строй англов и саксов, но всматривался лишь в двоих, крепкими короткими ногами упиравшихся в пыль на линии атаки. Эти падут первыми. От его руки.

Булат перешиб древко копья, нацеленного Сухову в грудь, и чиркнул лондонца по горлу. Лицо, сплошь заросшее рыжим волосом, закинулось кверху, а вбок словно выплеснули рубинового вина.

Удар фальшиона³¹ справа Олег погасил обратным движением меча и подрубил открывшуюся шею. Кровавый фонтанчик забил брызчатой струей, просвечивая багровым на лету. Сунувшуюся морду с клочкастой бородой Вещий треснул щитом, еще одного защитника Лондона достал ногой.

Он не геройствовал. На нем была тяжелая и грязная работа, и Олег ее добросовестно выполнял. Страх смерти и страх убийства он уже научился придавливать в душе...

Гремело и бряцало железо. Глотки ревели непотребное и утробно хакали. Вязла в ушах атональная какофония боя – скрежет, лязг, звон сцепившихся клинков, грохот щитов, отбивающих мечи, тупой хряск разрубаемых костей, треск ломающихся оскопищ³² и топорищ, крик, хрип, мат, вой...

Клин рассек ряды англосаксов, отбросил неприятеля к стенам и смешал с навозом.

– Сомкнуть щиты! Копья наперевес!

Загремели круги щитов, сбиваясь в крепкий тын, вспыженный иглами копий.

– Стрелкам – приготовиться!

Подвижной флешью выступил из-под арки русский клин, попадая в начало Главной улицы, немощеной и очень грязной. Бревенчатые дома перемежались с глинобитными мазанками и редкими зданиями из римского кирпича. Все окошки были задернуты промасленным полотном, из отверстий в тростниковых крышах шли сизые дымки, и два запаха попеременно перебивали друг друга – горящего торфа и конского навоза. Косматые коровы и тощие свиньи удирали на огороды и пашни.

В перспективе поднимались стены римского форума – три одноэтажных здания удивительной сохранности забирали квадратную площадь буквой «П», а с севера ее замыкала двухэтажная базилика. Лет семьсот этой базилике. Надо же, почти целая... Только половины черепицы не хватает, и балки крыши посередине провалились.

Но бытие определялось не этими метами цивилизации. Реалии жизни расплзались под ногами и противно чвакали – таяли замороженные за зиму фекалии и навоз. Ядовито-желтые

³¹ Фальшион – меч с лезвием, заостренным лишь с одной стороны, тесак.

³² Оскопище – древко копья.

ручейки размывали вывал дерьма и помоев, растекаясь зловонными лужами.

– Развели чушатник... – брюзжал Валит.

– И не говори, – поддержал его Ошкуй, выбирая, куда ступить. – Не город, а задок нечищенный. Помойка!

Ярл не обрывал «разговорчики в строю» – они выявляли «высокий боевой дух» и поддерживали горение энтузиазма в заробевших.

Англосаксы атаковали сразу с трех сторон – пешие и конные. В момент они запрудили улицу.

– К мечу! – заорал Олав. – Тесней строй! Щиты сбей! Первый и второй десяток – по улице! Третий и четвертый – кругом! Крайние – полуоборот!

Русский «клин» перестроился в «город», в плотное каре, отовсюду ждущее удара и готовое его отразить.

– Тесней! Тесней строй! Жми щит!

Таны обтекали «город» скобкой, потрясая копьями и треугольными щитами, размалеванными ярко и неумело – грифоны, драконы, львы... Нестройно ревя, англосаксы бросились на русов, плюхая по «анализам кала» и оскальзываясь на объедках.

– Луки к бою!

По команде Гуляки первый ряд раздвинулся, и в прогалы шагнули стрельцы. Низко запели тетивы. Таны дружно прикрылись щитами – не ведали они убойной силы русских стрел! Граненые наконечники протыкали насквозь и грифонов, и драконов со львами, прокусывали кольчуги и гвоздили, гвоздили неприятеля, отбрасывая никнувшие тела, мертвыми валя живых по принципу домино.

– Тесней! Не разрывай! Сомкни! Ускорь! Чаше! Шире шаг! Шире!

С жестяным грохотом столкнулись щиты и копьё. К множественному треску и реву прибавился противный хруст и лязг. И снова мешались крови – темная венозная и алая артериальная, бурым осадком падая в месиво под ногами.

«Где подкрепление?! – злился Олег. – Что они там возятся? Ага, пошли, кажись!»

– Наши в городе! – крикнул Валит.

– Чистим улицу! – приказал Олав.

Сухов втесался в строй англосаксов, как лесоруб на заготовке дров. Только и разницы, что не топор рубил, а меч, и были сии дрова разумными... Не думать! Не думать! Нет, думай. Но – правильно! Куда прешься, зараза?! Н-на! Судить надо не процесс, а условия, необходимые и достаточные. Зарубить безоружного, прирезать ребенка или женщину – вот это безнравственно. А снести голову с плеч хлопцу с поганым взглядом, длинному, унылому и гнущему – этому вот, что слева, или во-он тому малому, с лягушачьими глазами и жвачным рылом – никакое не убийство вовсе, а одержание победы... Ах, тебе мало? ...Они ж оба владели колющим и режущим инструментом. Хлопец, вон, топором махал – отмахался, служивый. Малый мечом кроил – и его уделали. Прав тот, кто жив. Слева подскочил Валит. Растянул лук и выстрелил. Стрела, низко гуднув, ушла в занавешенное окно на втором этаже деревянного дома. Грубое полотно сорвалось с петель, и наружу вывалился толстячок в безрукавке из коровьей шкуры. Лук и стрела выпали у него из рук.

– Так его! – похвалил Олег.

– А як же!

Ярл вывел полусотню на перекресток. Посреди улицы восседал на троне Юпитер с роскошным орлом у мраморных ног. Здесь русов и окружили.

– Держать строй! – проорал полусотник, чертя воздух мечом. – Стрельцов и раненых – внутрь!

Копья осаживали конных саксов, мечи и топоры косили пехоту, луки выцеливали окна. «Неужто не выдюжим? – тревожно подумал Олег. – Свинство какое!» Выдюжили! Из проулков ударила целая полутысяча, и таны сами попали в окружение. Ярл Олав Гуляка выстроил своих «стеной» – фалангой на русский манер, и вокруг громовержца началась давитьня. Мерзлое дерьмо разжидело горячей кровью и потекло под ноги. А Юпитер Статор,

недвижим и грозен, взирал на гекатомбы, приносимые русами, и прятал в мраморной бороде злорадную ухмылку...

Англосаксы не выдержали штурма и натиска варягов. Ряды керлов начали стремительно таять – войско разбегалось, ховаясь за свинарниками, просачиваясь в двери и окна, сигая через заборы. Угрюмые таны, чуждые массового героизма, бросали оружие и жались к стенам, зыря из-под шлемов. Валькирии, деловито подбирая павших, милостиво улыбались русам: с победой вас!

* * *

– ...Вот в таком плане, в таком разрезе... – зевнул Олег. – Все, я устал. Хочу есть и спать.

– А сейчас я все принесу, – засуетился Пончик. – Фаст уже сало нарежает... Еще немножко, а? Вторую серию! Мм?

– Вот пристал... Ну, пограбили мы тот Лундун и отъехали с серебришком. Двинулись на Париж – за золотишком...

* * *

...Франкское море (позже его назовут Ла-Маншем) встретило варяжский флот теплом и покоем, волны его тихо колыхались, греясь на солнышке, и отливали радостным бериллово-зеленым.

На следующие сутки лодьи добрались до залива Сены. Корабли затерялись в архипелаге мелких островков напротив устья реки – и викинги, и варяги, идя в набег на земли франков, всегда бросали якорь у этих песчаных пятчиков, заросших травой да кривыми сосенками. Тут чинили лодьи, отъедались, делили добычу.

Лидул Соколиный Глаз провел флот в тихий, глубокий заливчик, на место своей старой стоянки. Плавника сюда натащило горы, он хорошо поддерживал огонь под котлами, свисающими на цепях с треног, и вот уж толокно с салыцем и мясом запахло на всю Нейстрию³³. Вырос целый городок из шатров, с улочками и площадями, а под самым большим тентом собрался комент – военный совет. Пригласили всех – конунгов, ярлов, даже форингов. Гвалту и споров хватило, но Лидул задавил всех своим авторитетом. Постановили идти на Париж, не отвлекаясь на монастыри и аббатства, не трогая даже Руан, которому всегда первому пускали кровь. Но сначала решили послать людей «на вороп» – в разведку. Каждый из пяти конунгов предложил своего человека, проверенного в таких делах и балакающего на языке франков. Соколиный Глаз свой выбор остановил на Олеге Сухове. Посовещавшись с товарищами, конунг назначил старшим Варула, не по своему хотению проведенному в Париже три долгих года.

* * *

Было около пяти утра, когда маленькая вспомогательная скедия высадила пятерку разведчиков на левом берегу Сены, около рыбацкой деревушки – безобразного скопища хижин, сараев и развешанных сетей. Селение это оставили в стороне, карабкаясь по дюнам, и приблизились к бедноватому монастырю, плоду скрещивания покосившегося амбара с водокачкой. Дул противный ветер с моря, шуршала сухая трава на песчаных гребнях, зябко было и сыро. Но пятеро смелых – Олег Вещий, Большой Валит, Маленький Ошкуй, Олдама Паук и Варул Волчье Ухо – были полны рвения и горели энтузиазмом. «Заняв» у монахов коней и ужасные черные балахоны (Олег щеголял в лиловой рясе каноника), пятерка

³³ Нейстрия – Западно-Франкское королевство.

порысила на Париж.

К болотистым берегам Сены, заросшим камышом, отряд старался не приближаться, пробирались дубравами и прочими чашами. Вепрей встречали постоянно, раза два пробежали олени, даже медведь появлялся – худой, облезлый, вываленный в листве. Франкский мишка проснулся и жрать хотел отчаянно. А отряд продовольствием запасался по пути, отовариваясь в мелких аббатствах и глухих деревнях. Питались франки в большинстве своем скудно, частенько сживали на голодной диете. Мяса ели мало, масла практически не знали, сахар был почти неведом, его заменяли медом. Овощи в меню значились редко... Что же они ели тогда? Хлеб лопали, да кашу, да копченый сыр. Пряности были привозной роскошью, обходились солью, чесноком и уксусом. Ели из мисок, как и на Руси. Знать накладывала в миски серебряные, чернь подкреплялась из деревянных. Управлялись ножом и ложкой, византийские двузубые вилки были не в ходу. Запивали пивком да винцом – дешевой кислятиной с местных виноградников.

До Парижа добрались без приключений. Когда разведчики перешли вброд мелкую речушку в густых камышах, под сенью раскидистых осокорей, и взобрались на высокий холм, их взору открылась древняя Лютеция – вонючий, ряской затянутый ров и бревенчатые стены, черные, кое-где с прозеленью мхов. А за стенами – огороды, хижинки под красной черепицей или прелым тростником, свинарники, коровники, амбары... Село.

На правобережье – то же самое. Даже остров Ситэ, лежащий меж берегами, не впечатлял. Ну кирпичная башня Шателе на мысу, круглая и кургузая, пристроенная к обшарпанному римскому дворцу. Ну храм Юпитера – почти целый, хоть и видно, что заброшенный. Ну ветхие и безобразные особнячки меровингских времен под купами столетних вязов, платанов, каштанов... Глазу не за что зацепиться.

– Тю!.. – презрительно фыркнул Валит. – Да он меньше Ладоги! А я-то думал...

– Меньше, – подтвердил Олдама, рассматривая панораму Парижа с видом бывшего полководца, – но не беднее.

– Эт-точно... – поддакнул Ошкуй.

– Денарии эти, – Олег подбросил серебряную монетку с корявым профилем кого-то из Каролингов, – чеканят во-он там, на острове. Там у короля монетный двор.

– Понятненько... – протянул Варул и похлопал по шее своего гнедого, беспокойно переступавшего, словно почуявшего стойло. – Помните, вы – монахи, – строго предупредил он. – Лики извольте держать постными и благостными. Тонзуры вам выбрить?

– Нет! Нет! – запротестовали разведчики.

– Тогда куколей не снимать.

Они тронули коней и не спеша, как то приличествует служителям церкви, двинулись к разбитой дороге. В этих местах она считалась чуть ли не идеальной, такой, «где могла проехать невеста, не зацепив воз с покойником».

Земли вокруг Парижа и без того болотисты, а уж если их постоянно месить копытами и колесами, вы получите полосу грязи с консистенцией густой сметаны – в иных местах лошади будет по брюхо. Не ровен час, утонешь в этой жиже...

Ступив на осклизлые бревна моста, Олег милостиво благословил привратного стражника, бормоча «*Pax tibi, filius meus...*»³⁴. Стражник в сагуме – воинской рубахе поверх кольчуги, в каске с петушиным гребнем, смотрел на Сухова умильно, осенял себя крестным знамением и бормотал грубым голосом молитву на романском.

Под темными сводами воротной башни, рубленной из дуба, было сухо, хоть и грязи нанесено – без сапог не пройти. А дальше опять тянулось липкое, глинистое месиво – летом сей шлях будет сухим и пыльным. Осенью его опять разжидят дожди...

– Неужели так трудно замостить? – раздраженно высказался Валит.

– Франки!.. – снисходительно буркнул Ошкуй. Дескать, что с них возьмешь? Такими

³⁴ *Pax tibi, filius meus* (лат.) – Мир тебе, сын мой.

уродились...

Опять запахло нечистотами. Разглядывая дома, Олег вспомнил сказку о трех поросятах. Редко-редко можно было наткнуться на каменный дом. В основном, на улицу выходили саманные жилища или турлучные хижинки, держащиеся на каркасе из ивовых прутьев, обмазанных глиной. На возвышенных площадях тянулись к небу убогие колоколенки.

В упадке Париж, думал Олег, вертя головой направо и налево.

Хлодвиг, первый из Меровингов³⁵, сделал этот город своею столицей – здесь и жил, и в походы отсюда отправлялся. Лютеция ныне во владении первого графа Парижского, Роберта Сильного.

– Съездим на остров, – вполголоса сказал Варул. Товарищи молча кивнули низко надвинутыми капюшонами.

Людей на улицах было мало – оскальзываясь, парижане пробирались вдоль заборов, держась за прясла. Один раз, шлепая по грязи, четверо слуг пронесли портшез с важной персоной. Пинками, стараясь не слишком качать носилки, они прогоняли свиней, млевших в грязи. Хрюшки обиженно взвизгивали. Из-за плетней слышался лай, квохтанье кур, бление коз и коровье мычание.

Ближе к центру народу прибыло – крались неясные личности, степенно ступали надутые купцы, семенили с корзинками вертлявые служаночки, поливали герань на подоконниках домохозяйки в чепчиках, выясняли отношения через забор горластые, пышные мещанки, божились дородные торговки, всучивая простофилям порченный товар, шныряли проворные жуликоватые мальчишки. Одеты все были очень похоже – мужская часть населения щеголяла в льняных рубахах до колен, зовомых камизами, и в коротких штанах-брэ. Поверх камизы носили блио – рубаху покороче камизы, с напуском над поясом. Женщины ходили в нижних рубахах-шэнс и верхних блио. Блио обтягивало торс, а начиная от бедер книзу было сшито из другого куска материи, плиссировано и подвязано длинным поясом. Слышались возгласы:

- Молочка, кому молочка, тетушки?
- Сыр, хороший сыр!
- Уголь! Уголь! За денье целый мешок!
- А вот гу-уси! Гусей кому?
- Ах ты, господи! Украли!
- Держи вора!

Местное наречие Олегу давалось с трудом, понимал он с пятого на десятое – Варул, побывавший в плену у франков, всю зиму учил его, да, видно, не доучил.

Обмениваясь впечатлениями и не забывая зорко поглядывать по сторонам, «пятеро смелых» выехали к Квадратной башне, прикрывавшей мост через Сену. Башню подпирала стража, словно не вышедшая из спячки.

Кони гулко затопали под бревенчатыми сводами и выехали на мост, где двум возам уж никак не разъехаться. За спинами пятерки как раз такой и грохотал – здоровенная фура, запряженная першеронами-тяжеловозами. Наверху громадной кучи подопревшего сена восседал возница – лохматый мальчиш, «косматая Галлия», нечесаный и нестриженный.

Сена шумливо обтекала срубы быков, тянулась серым транспортером от плоскогорий Бургундии, где таяли снега.

– Разъезжаемся, – тихо скомандовал Варул. – Осмотрите оба берега, прикиньте, сколько войска в Париже, какой состав, где слабые места в обороне. Есть запасы хлеба, или город сидит на голодном пайке. Особое внимание – на монастыри. Если кто и богат во граде сем, так это монахи. Вечером соберемся на Монмартре... ну, на той горе – помните, я показывал? Вот там, где храм бога Меркурия...

Четыре мрачных фигуры качнули черными капюшонами и втянулись в проезд,

³⁵ Меровинги – династия франкских королей.

удаляясь к мосту на берег правый. Олег направил коня к башне Шателе, иначе зовоной Сторожевой. Лютеция... Из типичного оплота империи в далекой провинции Лютеция давно уж выросла, а до типичного средневекового бурга еще не дотянулась. Ей расти еще и расти. Рим давно дотлел, а Франция пока еще даже не затеплилась...

За приземистым дворцом Сеагриев, последних римских владык, расположилась маленькая площадь, теснимая с двух сторон башней Шателе и Галереей правосудия.

Объехав громадную кургузую башню, Олег двинулся по набережной, углубляясь в узкие улочки, оставшиеся неизменными со времен первых франкских королей. От этого, начального Парижа к будущим векам не останется ни единого кирпичика...

Осмотрев Остров, «обнюхавшись», приметив все ходы-выходы, Сухов направил коня на правый берег, где, немалое время спустя, откроется Сорбонна.

Решив «сходить в народ», он заехал в платную конюшню, разгороженную внутри на денники и довольно-таки чистую. Соскочив, Олег передал поводья конюшему – маленькому, лысому человечку в широких не по размеру портах и в безрукавке на голое тело. Человечек мелко кланялся и щерился беззубым ртом.

– Живо оботри лошадь соломой, – велел Олег.

– Сделаем, ваша святость! – прошамкал конюший.

– И овса задай, – добавил Сухов, небрежно бросая конюшему серебряный денарий.

– Все будет в лучшем виде, ваша святость! – В голосе человечка пробивалось ликование: он-то и на четверть денария не рассчитывал!

Олег зашагал по извилистым парижским улочкам, брезгливо обходя вонючие лужи. Потаскавшись переулками, нанюхавшись запахов – аппетитных и не очень, Сухов описал неровный круг и приблизился к конюшне с тылу, выбравшись на небольшой пустырь возле развалин римских терм. Нынешние парижане по баням не хаживали, им было велено блюсти чистоту не телесную, а духовную, приуготовливая себя к райским кушам. А пока они топтали землю грешную, то устраивали парадиз для паразитов, для насекомых, для крыс и прочей заразы...

Неожиданно внимание Олега привлекли громкие крики, злорадные и негодующие. Завернув за угол обшарпанной термы, он увидел толпу обозленных горожан и понял, что попал на самосуд.

Небольшая площадь между римскими банями и грузной часовней была полна народу. Народ бушевал вокруг столба, который линчеватели деловито обкладывали хворостом. В толпе попадались священники, узнавались торговцы, но больше всего топталось заезжих крестьян и городских босяков, равно жадных до хлеба и зрелищ. Все сословия гудели едино:

– Выжечь их, как ос!

– Давно пора было...

– Да сколько ж можно терпеть?!

– Ох, недаром с их двора серой несло!

– Господи помилуй! Господи помилуй!

– А тетке Эрмоаре кто на тень наступал? Она ж, Инграда проклятая! Эрмоара и померла!

– Господи помилуй! Господи помилуй!

– Давно бы уж спалили это отродье бесовское!

– А мне еще Варимберт Кривой сказывал... да знаешь ты его! Брательник он Тевдольду с Верхней улицы.

– А-а... этот. Ну как же!

– Вот... Так он сказывал – Инграда в дымогон вылетала верхом на черном коте!

– Да-да-да! Уж-жасающий! Ростом с собаку, глаза огромные и горят, язык кровоточивый и до пупа свисает, а хвост, наоборот, короткий такой и твердый, да так задран, что на ходу тварь эта казала всю свою гадостную промежность – туда еще эти... как их... adeпты Сатаны устами прикладываются, когда учиняют свои радения! Так-то вот!

– Да ты что?!

– Вот те крест! В искрах вся, в дыму, хохочет по-бесовски, а у кота глаза как плошки, красным светятся, и пламя пыхает из пасти!

– Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Олег протолкался в первые ряды и стал рядом с каким-то клириком, сухим и пожелтевшим старикашкой, здорово смахивающим на мумию. На нижнюю рубаху и брэ клирик надел белый стихарь-альбу, своего рода тунику. Поверх альбы его облачала еще одна туника, тоже белая, но более короткая и прямая – далматик. Рукава далматика были широкими, а разрезы по бокам открывали вышивку альбы. На шее клирик носил льняной наплечник-амикт, со шнурками по углам, а поверх далматика лежала стола-епитрахиль, длинная льняная лента, украшенная золотой нитью. Стола отличала разные разряды клира – дьяконы носили ее через плечо по диагонали, епископы оборачивали столу вокруг шеи так, чтобы концы ее ниспадали прямо. Старикашка оказался простым священником – он перекрещивал ленту столы на груди.

– Слышал я, – осторожно склонился к нему Олег, – нынче Инграды черед пришел? Ведьма она, что ли?

– Истинно так! – Клирик аж подался к «своему» (видать, страдал словесным недержанием) и зачистил: – Нечисто, ох, нечисто с этой девицей! Лекарка она, травница, но глаз у нее плохой, ох, плохой! Уж сколько раз у соседей ее скотина дохла, а весною поветрие случилось – половина улицы вымерла! Я уж не говорю о молоке, что скисало, как только Инграда приближалась к коровнику, или о яйцах, что тухли... А сегодня от ее колдовства обездвижил Винифрид, сынок купца Алагиса. Бедняга только и хотел, что задать ведьме плетей, а та как зыркнет на него, а Винифрид как грохнется на землю, и ну орать да корчиться! Воистину бесы управляли Инградой, ибо боль, ей же на пользу причиненную, она обращала на Винифрида! Это ли не силы демонические?!

– Обращала? – заинтересовался Олег. – То есть сынок купеческий пытался Инграду отстегать, а она заставляла страдать своего му... э-э... учителя?

– Истинно! Истинно так! Когда Ротар и Эрлефред схватили ее на месте преступления, все было как всегда, девица плакала, умоляла, клялась в своей невинности – обычные ведьмины штучки. Но когда Ротар попытался выкрутить ей руки, он закричал от дикой боли и упал, и пополз во двор. И лишь там, вдалеке от ведьмы, боль отпустила его!

– А этот... Эрлефред?

– Выбежал окарачь на улицу и до сих пор не пришел в себя, забился в сарай и воет от ужаса!

Олег сокрушенно поцокал языком, думая: «Так их, девочка! Молодец. Настоящая ведьмочка!»

– Но не грех ли это – казнить без суда? – нахмурился Олег.

– Грех, – виновато развел руки клирик. – Но эти настрадавшиеся люди творят дело богоугодное, ибо сражаются с Самим сатаной, владеющим Инградой!

– Ведут! Ведут! – заволновалась толпа.

– Это Викард и Годехар, – гордо сказал клирик, – дружки сына купеческого. Не бросили своего в тяжкую годину!

Из-за термы вышли двое молодчиков, одетых по-простому, но опоясанных дедовскими мечами. Они громко распевали псалом «Испепелю капища и разорю вертепы диавольские!» и тащили за собой упиравшуюся девушку, босую и в одной рубахе. Девушка не кричала, сопротивлялась молча. Она смотрела на толпу, но словно не видела злобных, тупых, глумливых морд. В глазах ее плескалась тоска и безысходность. У Олега сжалось сердце.

«Господи, – подумал он, – как же она красива и молода! И всю эту красоту и молодость – в огонь?!»

Он сильно пожалел, что его меч остался на «Лембое» – наворопнику меч не положен. Клинок – для боя. Для разведки достанет и ножа.

Линчеватели с большой опаской, бормоча молитвы, повели Инграду к столбу, крестясь свободными руками. Привязали. Но едва один из молодчиков достал огниво, он заорал

благим матом, корчась и сбивая с себя невидимое пламя.

Толпа охнула и подалась назад. Мумифицированный клирик забубнил псалмы, сжимая крест на груди ручкой, похожей на куриную лапу.

Но минуло замешательство, в толпе заголосили резче, потрясая кулаками, исходя праведным гневом, и добровольные палачи запалили факелы. Инграда смотрела безразлично, пока не поймала взгляд Сухова. Ее глаза расширились в безумной надежде, наполнились слезами, словно мольбой о помощи, а припухшие алые губки приоткрылись, будто для отчаянного вопля: «Помоги!..»

И Вещий кивнул. На бледные щеки девушки вернулся румянец, она вся ожила – это заметил и Годехар. Все в его лице с крепкими челюстями, слегка горбатым носом, крупным ртом и высоким гладким лбом дышало тяжелой свинцовой ненавистью, слепым и безрассудным фанатизмом. Он прицелился получше и швырнул в кучу хвороста факел. Еще один, кувыряясь, упал на вязанки, загодя облитые маслом и смолой. Повалил дым, показались первые язычки огня.

– Сгинь, нечистая сила! – взревел отец Винифрида с торжеством.

Толпа взревела.

– Пропади!

– Подпалим дьяволицу!

– Изыди!

– Огня ей! Огня!

Девушка закричала, забилась в пеньковых узлах. «Пора!» – решил Олег.

Он с ходу нокаутировал Викарда – остролицего, похожего на загнанного хорька. Молодчик еще падал, поднимая руки и пуча глаза, когда Олег выхватил меч у него из ножен и бросился к девушке, обвисшей в путах. Тяжелая черная волна волос закрыла лицо, переплетаясь с сизым дымом. Олег перерубил веревки одним ударом, подбросил Инграду на плечо попой кверху, и понесся гигантскими прыжками, прижимая «ведьмины» ноги к груди. Толпа с воплями разбежалась.

Мелькнуло перекошенное лицо Годехара – кулаком, сжимавшим рукоять меча, Олег с удовольствием разбил его, своротив молодцу нос и расплющив губы.

Заскочив в конюшню, он не стал искать свою лошадь, а посадил стонавшую девушку на ближайшую коняку – мухортого скакуна хороших, по виду, кровей – и взлетел в седло, не обращая внимания на вжавшегося в стену конюха, бледного от ужаса.

– Но-о! Живей, живей, мертвая!

Хорошо, подумал он на скаку, что еще не придумали телеграф, а то перекрыли бы все дороги, и думай потом...

С грохотом унесся назад мост. Наехала и отмахнула за стену Квадратная башня. Полетел в лужу сбитый страж. Девушка открыла глаза, они заполнились ужасом, но тут же, узнав спасителя, Инграда рванулась обнять его, и смеясь, и плача. Олег мимоходом чмокнул ее и крикнул:

– Куда ехать? Я не знаю города!

– Туда! – указала девушка. – К восточным воротам! Там мой дядька в карауле!

Олег оглянулся. Их догоняло трое с мечами и топорами, все на конях белой масти. Из-за поворота, расплескивая веером грязь, вынеслось еще столько же, потрясавших короткими охотничьими копьями. Ну-ну...

– Налево!

Улицу загородил воз с решетчатыми бортиками. Возница тупо вытаращился на диво – на распаленном коне мчался аббат. Его ряса вздувалась пузырем, в правой руке особа духовного звания держала меч, левой правила и прижимала к себе прекрасную девушку в одной белой рубахе. Демоны!

– Держись!

Не, верный у него глаз оказался, – мельком подумал Олег. Доброго выбрал коня. Мухортый дико заржал и перемахнул через воз. Париж в глазах у Олега опал, взмыл и

сотрясся. Одолели!

– Прямо, прямо!

Из-за спины донесся треск и ржание. Олег глянул за плечо. Придурки... Решились на групповой прыжок! Один всадник без чувств валялся в луже, белый конь хромал в сторону. «Бедный коняга...»

А спереди качками приближались ворота широкой башни с четырехскатной, под пирамиду, крышей из теса. У ворот стоял грузный коренастый вратник с рыжей бородой венником.

– Дядя Хагон! – завопила Инграда. – Открой! Дядя Хагон!

Створка ворот начала поворачиваться на петлях. Мелькнули выпученные голубые глаза на фоне огненной бороды.

– Куда ж...

Прогрохотали бревна моста.

– Прощай, дядя Хагон!..

И еще четырежды дробот копыт потряс мост у Восточных ворот. «Четыре и один – есть такая игра... Сыграем?»

Дорога уводила в лес, в решетчатую тень платанов и дубов, покрывавшихся яркой молодой листвой. Ладно, прикроем Инграду. Олег осадил жеребца, прыгнул с него и крикнул:

– Гони!

– А ты?!

– Быстро отсюда!

Мухортый ускакал, но лишь стих стук его копыт, как послышался частый перетоп преследователей. Четверо с мечами и копьями наперевес мчались по разбитой дороге, лихо гикая и горяча коней. Сухов, у них на виду, воткнул меч в землю, стянул душную рясу и вернул в руку клинок. Четыре ездоца, мня себя Святыми Георгиями, поражающими Змия, наехали на Олега Вещего. Сухов перечеркнул лезвием меча подпругу справа, лишь оцарапав коня. Тот всхрапнул и дернулся. Всадник, закидывая ноги, грохнулся оземь вместе с седлом.

Обратным движением меча Олег перерубил бьющее копьё и распорол копейщику ногу до колена. Еще двое спешили и, выхватив мечи, бросились на спасителя отродья сатанинского.

Чужой меч – старая спата – был Вещему не по руке, но другого у него не было. Хоть такой есть...

Двое с клинками наседали – огромные, сильные, злые. Один черевист и перегибист, другой – пухл и румян. Мах. Мах. Высверк. Удар. Отбив. Мах. Высверк.

Спата ударила по мечу пухлого у основания рукояти – клинок усвистал в дорожную грязь, а хозяин отправился за оружием, мешая слякоть с кровью из разрубленного плеча. Черевистый стал осторожнее. Бежать ему не позволяла гордость, а победить... да он уже и не надеялся на победу. Но и Олег притомился скакать, махать да уворачиваться. Движения его теряли четкость и отточенность, быстрота затягивалась на сотые, на десятые, на целые...

И вдруг черевистый застыл на взмахе. Уронил меч. Упал в грязь и завыл от боли. Разбредшиеся кони шарахнулись. Отпыхиваясь, Олег поднял голову и увидел Инграду, сосредоточенно глядевшую на линчевателя. Девушка стояла спокойно, но окаменевшие мышцы шеи и напрягшиеся плечики выражали ее усилия. Черевистый, ворочавшийся в грязи, смертельно побледнел и обмяк, злобно постанывая сквозь стиснутые зубы и вращая белками глаз.

– Я так и знал, что ты не удержишься... – устало сказал Сухов. – Едем отсюда! Садись на мухортого, а я этого возьму.

Он поймал белого коня, запутавшегося поводьями в ветках, успокоил животное и влез в седло. И куда теперь? Словно прочитав его мысли, Инграда сказала:

– Тут недалеко, через лес, стоит хижина моего деда. Едем туда! Дедушка умер, теперь это единственный мой дом...

Олег кивнул и поворотил коня в чашу леса.

* * *

В самых дебрях, под могучими вязами, вросла в землю покосившаяся изба из громадных бревен, окруженная почерневшим частоколом.

– Здесь мы и жили, пока в город не переехали, – рассказывала Инграда, урывком отворяя скрипучие ворота. Олег, держа в поводу мухортого, заехал во двор.

– Как тут все заросло... – вздохнула девушка. Она притянула створку и задвинула засов. Распрягши жеребцов, Олег пустил их пастись – кому-кому, а этим есть чем подкрепиться. Травы повылазило – страсть...

Углядев огромную, вросшую в землю деревянную бочку с водою, Олег сбросил с себя кожаную котту-чехол, полупудовую кольчугу и потную рубаху. С наслаждением обмакнул лицо в воду. Надо же – теплая! Ухая, Олег окатил спину, омыл плечи, тщательно протер шею. Сквозь плеск воды он слышал фыркание лошадей, хрупающих сочную травку, теньканье лесной пичуги. Потом послышался льняной шорох, и белая рубаха-шэнс легла ему на мокрую спину. Две гладкие ручки орудовали ею, как полотенцем. Олег обернулся и замер. Перед ним в великолепном порыве стояла нагая Инграда. По тому, как она на него смотрела, Олег понял, что девушка хотела выразить свою благодарность лишь одним возможным способом, доступным ей сейчас. Он почувствовал, как теплая волна прокатилась по позвоночнику. Приблизившись вплотную к Инграде, Вещий огладил ее плечи. Твердые груди Инграды, близко и высоко посаженные, прижались к нему ощутимо и приятно. От тела девушки пахло травами, и было оно очень горячим, но не хворый жар исходил от него, а здоровое живое тепло.

Подхватив девушку на руки, Олег понес ее в хижину.

* * *

Поздно вечером мухортый и белый жеребчики приблизились к храму Меркурия, сооруженному на склоне Монмартра, и приветственно заржали, учуяв собратьев. Олег сложил руки и прокричал совой. Ему ответили. Послышался скрип камешков, и взволнованный голос Валита произнес:

– Мы уж думали – все!

– Не дождутся, – усмехнулся Олег и попенял Большому: – А что это ты так лапами загребаешь? На весь лес слышать!

Невидимая в темноте Инграда хихикнула.

– Кто это? – насторожился Валит.

– Баба-яга...

Костер разведчики развели с умом – под защитой огромного валуна и пня-выворотня, оградивших стоянку с двух сторон. Олега встретили с радостью, Инграду – с восхищением. Валит, разглядев гостью, засуетился, постелил ей сложенный вдвое плащ. Ошкуй кинул сверху свой. Девушка рассмеялась хрустальным колокольчиком и села, а на лицах лазутчиков выступили улыбки.

– Извиняйте, други, – буркнул Олег, не глядя на Варула, – провалил я все дело...

– Ну, не бросать же... – усмехнулся Волчье Ухо, косясь на девушку.

– А за что тебя сжечь хотели? – ляпнул Ошкуй на корявом романском. Валит сильно пихнул товарища.

– Я лечила людей, – объяснила Инграда, улыбнувшись Валиту. Тот сильно покраснел – это было видно даже в свете костра.

– Ну и что? – удивился Варул.

– А я их не молитвами пользовала и мощей не прикладывала, – усмехнулась Инграда. – Я руками заращивала раны и снимала боль... Однажды я спасла Винифрида, сына купца

Алагиса – он охотился на огромного вепря, но поскользнулся, и кабан клыками вспорол ему живот. Я очистила кишки, смочила все... ну, таким зельем, которое убивает маленьких, малюсеньких червячков, разносящих заразу... уложила и зашила. Винифрид выздоровел и стал приставать ко мне... Я его прогнала, и тогда он стал всякие гадости обо мне говорить, болтал повсюду, что я ведьма и с дьяволом знаюсь...

– Вот гад какой! – вырвалось у Валита.

Олег почувствовал, как в Инграде поднимаются перенесенные ужасы, как рвется тоненькая пленочка покоя, пропуская в душу девушки смятение, горечь и страх. Он обнял ее за плечи и шепнул:

– Все хорошо, слышишь? Больше мы не позволим никому тебя обижать.

– Пусть только попробуют... – проворчал Ошкуй. – Надо будет, и сынка этого... Винефрида, найдем и бошку оторвем...

Валит истоиво закивал головой, и над костром снова прозвенел серебряный смех Инграды. И оборвался.

Опять на всех сошло молчание. Валит подбросил дров в костер, чтобы отогнать ночную сырость, и все зачарованно следили за пляской огня.

– Вы хотите напасть на Париж? – неожиданно спросила Инграда, глядя на Олега со смятенным вниманием.

– Откуда... – изумился Варул и смолк.

– Ведьма! – удовлетворенно сказал Ошкуй, но, заметив укоризненный взгляд Валита, быстро поправился: – Ведьмочка!

Олег подумал и кивнул.

– Хотим золото вытрясти из графа Парижского.

– И из монахов всяких, – поддакнул Ошкуй.

Инграда вдруг взволновалась.

– С той стороны Монмартра, – выговорила она, – есть маленький храм Януса – совсем уже разрушенный, от статуи один постамент остался... Но под ним берет начало подземный ход, очень длинный, и выходит он на острове Франков, в храме Юпитера. Я покажу вам, где это...

– Здорово... – выдохнул Пончик.

– Здорово будет, – поправил его Олег, – когда ты мне сала с чесноком принесешь.

– Щас я!

– И хлеба не забудь!

Подкрепившись, Вещий продолжил:

– Утром мы вышли к тому самому храму, что был Янусу посвящен...

* * *

...Вряд ли Монмартр стоило называть горой – холм как холм, – но вид на Париж с его лесистой макушки открывался недурственный. Город с высоты казался колоссальной пиццей, порезанной на три неравные порции – помидорками смотрелись черепичные крыши, жареным лучком выдавалась кровля из тростника, грибами чернели огороды, а вязы, буки и прочие насаждения гляделись зеленью. С утра было прохладно, и множество печей и очагов гнали сизые дымки – дополнительный штрих, «пицца» была горячее. К столу!

Олег усмехнулся и спустился по крутой тропинке вниз, к храму Януса, круглому в плане.

А кроме плана, ничего и не было больше. Имел место остаток святилища-целлы, заваленный мраморными обломками. Каннелюрованные барабаны колонн были рассыпаны, как бочки у нерадивого бондаря, завитые волюты лежали оббитыми, напоминая огрызки. Кому-то, видать, потребовался камень для забутовки, а тут языческое капище под боком! Бери – не хочу...

Из-за деревьев вышла Инграда – на ней была синяя котта длиной до пят, вернее,

женская разновидность котты – сюркени, плотно облегающая грудь. Поверх нее Инграда надела сюрко – безрукавку с разрезами по бокам и такую же длинную, как котта. Изящные ступни грелись в меховых туфельках, а плечи прикрывал плащ с серебряной фибулой на плече. Девушка тоже заметила Олега, и с ее беспокойного лица будто спал налет тревоги. Инграда подошла к Олегу и легонько прижалась. Словно древним женским инстинктом тянуло ее к самому сильному и надежному в этом опасном мире мужчине.

– Привет! – сказала она. – Тебе нравится?

Она покружилась перед ним.

– Очень, – признался Олег.

Инграда радостно заулыбалась.

– Готово! – разнесся голос Ошкуя. – Олег!

– Тише ты! Иду.

Валит с Ошкуем расчистили и постамент, на котором стояла статуя Януса, и каменные плиты вокруг.

– И что теперь? – спросил Валит у девушки.

«Краснеет, – подумал Олег, поглядывая на молодого карела, прозванного Большим как раз за средний рост и худобу. – Ишь ты его...»

– Надо повернуть постамент вокруг оси и сдвинуть в сторону вершины.

Олег, вдвоем с Ошкой, стронул с места тяжелый куб. Заскрипела мраморная крошка. Открылась плита – чистенькая, будто новая, с одного краю зияла широкая щель.

– Дай нож.

Поддев плиту, Сухов перехватился и открыл мраморную крышку люка. Вниз, во тьму, вели каменные ступеньки. Они тоже выглядели так, будто сделаны были на днях, а не полтыщи лет тому назад.

– Глянь-ка, – удивился Валит. – На шипах медных...

– Зажигайте факелы, – скомандовал Варул. – Я буду впереди, а Ошкой пойдет замыкающим.

– Я замкну люк, – кивнул Ошкой.

Каменная лестница была крутой, ступеньки высокими, но не скользкими. Хотя сырость чувствовалась – на стенах кое-где нацвела плесень в два-три вершка. Воздух был затхлый – застоялся за столетия! – но дышалось легко.

Ступени вели под арку, вытесанную из камня, а дальше из света факелов в темноту уводил подземный ход. Крепи его были надежны – через равные промежутки стояли полуколонны, поддерживающие каменные балки, перекрытые сверху обтесанными плитами. Стены между колонн были заделаны хорошо обожженным кирпичом, а пол под ногами покрывала крупная мозаика из кусков мрамора, плоской стороной вверх – так мостили улицы и в самом Риме.

– Сколько ж его строили... – заохал Валит. – Лет сто, наверное!

– У римлян было одно великое преимущество, – сказал Олег, приглядываясь к потолку. – У них имелись тьмы и тьмы рабов... Вперед!

Они прошли не меньше трех верст, пока обнаружили вывал кирпича – глину за стеной пучило, гряда кирпичей мокла в вечной луже.

– Наверное, мы уже под Сеной, – пропыхтел Варул, переходя лужу по кирпичам.

– Ты прав, – сказал Сухов. – Над нами дно.

– Ой... – сказала Инграда.

– Все путем! – весело сказал Олег. – Потопали.

Как ни толсты были пласты глины, как ни крепка постройка, а вода все же сочилась с потолка – даже не сочилась... Просто щели между плит наверху мокро блестели, а на колоннах и кирпичах ощущалась влажная пленка. В иных местах натекли целые лужи и токала капель.

– Вперед!

Дальше было посуше.

– Стой!

Померещилось ему, что ли? Олег поднял факел повыше и обмер. На полу лежали два скелета в полном облачении римских легионеров – шлемы с красными гребнями, кожаные панцири, поручи-поножи. Ступни ног, вернее, кости ступней были вдеты в красные калиги – грубые воинские башмаки, истлевшие кисти сжимали рукоятки коротких римских мечей-гладиусов. И у обоих в спинах по кинжалу. Кто были эти люди? Какая трагедия разыгралась в подземелье пять веков назад или еще раньше?

– Вот подлые... – проворчал Олдама. – В спину...

Олег наклонился поближе и осторожно вытащил из панцирей кинжалы. Ого... Это были не какие-нибудь пошлые засапожные ножи, а настоящие шедевры, гордость древних оружейников.

– Мечи какие-то короткие... – проговорил Ошкуй. – А че за ножики?

– Хорошие ножики... – сказал Олег.

Он поднес клиночки к глазам. А и впрямь хороши... Широкие жала из черной бронзы с выпуклым ребром посередине венчали золотые рукоятки, изображавшие львиц, раздвинувших лапы-перекрестия.

– Пошли, – буркнул Сухов, аккуратно укладывая кинжалы в кожаную сумку, где лежала провизия – кусище вяленого мяса, ломоть хлеба, пахучий сыр – и кожаная фляга-бурдючок с густым красным вином.

– Скоро уже! – донесся глухой голос Варула.

Начались повороты, ступеньки поднимали уровень пола на локоть, на два, и подземный ход вывел четверку к лестнице.

– Дошли!

Дошли-то мы дошли, подумал Олег, а вот выйдем ли? Он передал свой факел Валиту, поднялся до такой же крышки люка, какую «замкнул» Ошкуй, и осторожно надавил на нее. Вот будет номер, мелькнуло у него, если и тут постамент... Но нет – посыпалась пыль, заскрипели медные шарниры, и плита подалась. В щель проник тусклый свет.

Олег напряг слух и оглядел место прибытия сквозь щель. Никого.

Осторожно подняв плиту, он вылез и еще раз осмотрелся. Судя по всему, это действительно был храм Юпитера. Целла – центральное помещение, где стояла статуя бога. Храм считался его домом.

Жилищу Юпитера явно не повезло. Во-первых, расколотили самого хозяина – на мощном постаменте выделялись лишь следы огромных стоп. Стены, сложенные из квадров – обтесанных каменных глыб, – перекрывались поверху дубовыми балками. Удивительно, но свинцовые листы кровли по большей части уцелели – как раз в прорехи и лился свет, почти осязаемыми конусами упираясь в загаженный пол. Похоже было, что храм приспособили под склад. У тяжелых бронзовых дверей стояли пузатые бочки. Валялась сломанная мебель, покрытая толстым слоем копоти, – в домах ведь топили по-черному. Горшки, вложенные один в другой, поднимались кольчатыми колоннами. Вдоль всей задней стены громоздились сундуки и открытые шкафы римского времени.

* * *

– Олдама и ты, Валит, – приказал Варул, возвращаясь к потайному ходу, – скажите навстречу нашим и предупредите. Скажете Лидулу, чтобы сотни две тайком послал к храму Януса. Ударим франкам в тыл!

* * *

Минуло три дня, и к храму Януса подтянулись варяжские сотни.

– И когда ж ты успел четыре версты проколупать? – пробасил ярл Олав, сжимая до хруста руку, протянутую Олегом. Тот не остался в долгу.

– А ну, – заглядывался Гуляка, – покажь нам ведунью вашу!

Потупив взор, на свет маленького костерка вышла Инграда. Бойцы примолкли.

– Не знаю, как вы, – сказал Тур, молодой венд из Арконы, – а я сегодня пару раз подставляюсь франкскому мечу. Пусть Инграда меня полечит!

Сотни глоток исторгли полузадушенный смех, перебивая серебряный колокольчик Инграды.

– Тише, вы! – гаркнул ярл и скомандовал: – Выдвигаемся! Лодьи подойдут еще до света, надо успеть очистить остров...

...Ночной туман закутал и Сену, и остров Ситэ; словно в союзники русов записавшись, поставил завесу – плотную белую пелену, скрывающую корабли до верхушек мачт. Звуки вязли, падая как в вату, предутренняя тишина напускала на франков сонную одурь – часовые, и те дремали. Иные даже похрапывали, прислонясь к сырým камням.

А в храме Юпитера прибывало полку. Русы по-тихому вылезали из люка и жались к стенам в просторной целле. Олав раздавал краткие распоряжения:

– Полусотни Труана, Гуда и Пелга – занимаете восточную часть, и чтоб тихо! Тебе, Либиар, поручается мост на левый берег, ворота и Квадратная башня. Смотри мне, чтоб чисто было! К мосту лодьи будут швартоваться.

– Сделаем... – проворчал кряжистый Либиар.

– Ты, Асмуд, дворцом займешься, а твои, Тшудд, пусть Сторожевую башню берут. Только давайте сразу договоримся – не отвлекаться на девок и золото. Все и так наше будет! Если прокопаемся, то просто ничего не успеем.

– Да понятно, – отмахнулся бледнолицый Труан. – Я своих уже прижучил.

– Слушай меня! – пробасил Гуляка задушенно. Испуганное эхо запорхало под сводами храма. – К атаке... Готовсь! Мечи – к бою!

Вскинулись круглые щиты, сотней змей зашипели мечи, выползающие из ножен. Бесшумно разгребли туман ворота – ночью петли обильно смазали. Мягкие сапоги не грохотали, ступали тихо, как мокасины на тропу.

– На врага... И тихо чтоб!

Ушли тшуддовцы. Скрылись в тумане труановцы.

– Выдвигаемся, – сказал Асмуд и повел свою полусотню на дворец.

Теплая, благодатная Галлия! Даже туман не тяжелил одежд сыростью, не знобил тело. В землях, где зимою идут дожди, замерзнуть трудно, особенно русам, привычным к рекам, промерзшим до дна, и лопнувшим от морозу деревьям.

– Улеб, – раздавал приказания Асмуд, – удерживаешь южный вход. Твои, Свен, держат тот, что с угла. И ждать! Олдама, бери Варула – и на крышу. Свистнешь! Остальные – за мной! Прорываемся разом, по свисту Олдамы. Твои, Варул, первыми идут!

– Все понял, – кивнул Волчье Ухо.

Караул сняли мигом, будто тех и не было. Тихий свист Олдамы заменил рев турьего рога. Отряд бесшумно ворвался во дворец Сеагриев с трех сторон и сверху. Десяток Варула, заскользил по боковой нижней галерее. Стрелки водили луками по балюстраде верхней галереи-гульбища, ловили цели на балконах и в окнах, пугали кур-несушек и общипанных петухов в покоях дворца.

За позолоченными дверьми открылась пиршественная зала – высоченная палата с тридцатиметровым столом на сотню обжор и выпивох. С потолка свисали знамена, добытые в боях. В конце залы на возвышении стоял трон, а подле него – резное кресло. Стена, выходившая к реке, была прорезана парой щелевидных окон. Слюда, забранная в свинцовый переплет, цедила серое полусвечение, предвещающее зарю.

– Всех сгонять сюда, – приказал Варул. – Свенельд! Фаст! Стерегите двери. Всех впускать, никого не выпускать. Олдама!

Коренастый дренг возник на верхней галерее.

– Кто там у тебя?

– Слуги! – приглушенно доложил Олдама.

– Гони их вниз! Сюда вот!

Завизжала женщина. Напротив пиршественной залы, через атриум с давно уж иссякшим фонтаном, распахнулась дверь, и на каменные плиты двора выбежали растрепанные, очумелые тетки в одних рубахах, с соломой в волосах. Надо полагать, гофдамы. Почти все босиком, гофдамы волокли с собой вороха одежек и обуви.

– Как вы смеете! – срывающимся голосом закричала симпатичная, черненькая конфидентка. – Я особа королевской крови! Я – герцогиня Суассонская!

Олег галантно открыл дверь в трапезную.

– Особу загоняй первой!

– Топай, давай, – добродушно велел Ошкуй и ущипнул герцогиню за мягкое место. Особа королевской крови взвизгнула и влетела в пиршественную залу. Ойкая и толкаясь, за нею последовали прочие «прекрасные дамы». От дам остро несло благовониями и застарелым потом.

– Фрелав! Нур! Стемид! Давай в то крыло!

Варяги шагали темными, сырыми галереями, отчетливо вонявшими аммиаком, через запыленные палаты, по сводчатым коридорам, скупо освещенным смердящими факелами, торчавшими из ржавых гнезд в стенах, пока не вышли в портик зимнего сада, к волглым купам малахитовых колонн. Отсюда был виден Еврейский остров, лежавший против дворца, и просматривалась угловая Луврская башня на правом берегу.

– Аой! – донесся вдруг глухой боевой клич франков. – Аой!

– Эт-то что еще такое? – нахмурился Олег. С чудовищным скрипом раскрылись створки позеленевшей бронзовой решетки, и на пороге возник запыхавшийся Олдама.

– Там! – закричал он, тыча в коридор, и Олег бросился куда указано. Олдама затопал следом.

– Там Тшудд! Ему сказали Шателе брать, а он палаты грабит!

Олег зарычал от бешенства. Весь план насмарку! Тшудд, сволочь жадная... Взял и все испортил! Франков надо было тепленькими брать. А теперь прольется кровь! Кровь!

Сухов бегом пересек ветхую Галерею правосудия и выскочил на широкий двор между оплотом справедливости и башней Шателе. Из Зала караулов, занимавшего весь низ башни, валили, валили, валили палатины – личная охрана графа Парижского. В чешуйчатых доспехах, как жар горя, и в блестящих касках с петушиным гребнем, они с крыльца кидались в бой, словно пародируя задиристых петелов.

– Аой!

Палатины бросились на варягов Тшудда, таскавших по двору с хабаром – серебряными кувшинами под мышками, золотыми цепями на шеях, ворохами парчи, бархата и траченных молью мехов. Отягощенные добром, русы и биармы падали под ударами франков, пачкая в крови драгоценные ткани.

На Олега навалились двое. Один – огромный палатой с заплывшим глазом, перебрасывавший топор из руки в руку, второй – жиденький, бледный парнишка с прыщавой мордочкой – дрисливый щенок, дворянский ублюдок из мелкопоместных. Палатин с заплывшим глазом, надсадно хэкнув, занес топор и выронил. Опрокинулся на спину. Из переносицы у него торчала стрела. Другой палатин, который пожиже, присел и рубанул Олега по ногам. Сухов подпрыгнул и мечом развалил жиденького почти напополам.

Клокочущая в Олеге ярость уняла муки совести и долила сил. Навстречу, пуча глаза, выбежал Тшудд. На его бычьей шее болтался добрый десяток ожерелий, бус и цепей из тяжелого кованого золота.

– Ты что ж это, гад, творишь?! – прорычал Олег. Коротко ударив Тшудда под нос, он всадил костяшки пальцев в кадык биарму и ударом локтя снес того с ног.

– Слушай мою команду! – гаркнул Вещий. – Стройся «клином»! Мечи к бою! Вперед!

Добрая слава Вещего поднимала его в негласной табели о рангах. Поэтому даже хольды охотно подчинились – они верили Олегу и в те высшие силы, которые ему помогали.

– Валит! – надрывал горло Сухов. – Собери стрелков! Живо! Скажешь, ярл приказал!

Да, это должно было помочь – русские луки били даже под дождем – надежные, как столовая ложка. Но франки того не ведали и не шибко испугались двойного ряда русских стрельцов – утренний воздух сочился влагой, а для франкских стрел такая погода была нелетная, пеньковые тетивы их луков боялись воды. А русские стрелы пели и зудели, звонко и зло.

– Ао-о... – воинственный клич захлебнулся кровью.

Палатинов на флангах расстреливали пачками. И маятник Фортуны откатнулся от франков.

– Олег! – крикнул Олдама. – Наши!

Сухов обернулся. Из-за крепостных ворот донесся рев и дружный лязг. Створки повернулись, как занавес, открывая мост и левый берег. Варяги и франки, разобравшись по парам, ожесточенно рубились, топча влажные доски. Из узкого окна Квадратной башни, дрыгнув ногами, вывалился франк и бросился в Сену. Еще один, развалив копчиком хлипкие поручни, последовал туда же. И тут запели турьи рога и медные трубы. Из тумана, колышущегося над Сеной, выплыли носы лодий. Страшные морды драконов закачались над дощатым настилом.

С громкими криками на мост полезла судовая рать. Франки бросились кто куда, а варяги втянулись в ворота, с ходу сшибаясь с палатинами. Перед Олегом возник сам Лидул Соколиный Глаз.

– Здоров, Вещий! – взревел конунг. Оглядевшись, узрев злое Олегово лицо, расквашенный нос Тшудда и шею его, обмотанную золотишком как шарфом, Лидул все понял и насадил на меч нарушителя дисциплины.

– Я беру башню с улицы, – прорычал конунг, – а Варул пушай сверху ударит! Вы верткие...

Олег отбил меч подскочившего палатина, а Лидул, будто приняв эстафету, добил франка.

– Ошкуй! Валит! За мной!

Сухов сунул меч в ножны и кинулся к тому крылу дворца Сеагриев, которое примыкало к башне Шателе. Олдама уже был на крыше палат и скидывал вниз веревку. Олег взобрался первым, потом поднялся Ошкуй, а Валита они вдвоем буквально выдернули наверх.

– Олдама, готовь «кошку»!

– Это мы мигом...

Оскальзываясь на мхом поросшей черепице, варяги перебежали под стену башни Шателе, сложенную из крошащегося кирпича. Олдама раскрутил когтистую «кошку» и забросил ее наверх, за зубцы парапета. Натянул веревку, обвис на ней. Держится!

Перехватывая руками за ременной тросик, Олег поднялся на уровень высокого окна, прикрытого резными деревянными ставнями. Мощно оттолкнувшись, он описал дугу и пятками вышиб оба ставня. Сгруппировался, перекатился, выхватывая меч, и вскочил, шепотом матерясь. «Объект МЖ», чтоб их! От вони резало глаза. Толстые граненые полуколонны словно присели под тяжестью сводчатых потолков, а в полу, прикрытая уделанной решеткой, чернела дыра. Из нее дуло и смердело. С потолка на крюках свешивались платья – туалет служил... ну не гардеробной, конечно, а чем-то вроде дезинфекционной камеры.

Со стуком и грохом в окно влетел Валит и перекувыркнулся.

– А... это чего? – скривился он, оскальзываясь.

– Уборная у них тут, – любезно объяснил Олег.

– Засранцы... А одежда зачем? Подтираться?

– Это они так блох выводят...

– Тьфу!

Ошкую и Олдаме измазаться не дали, подстраховали. Вчетвером выскользнули на круглую лестничную площадку.

– Ты, Валит, пойдешь направляющим, – скомандовал Олег. – Ты, Ошкуй... последним пойдешь. Олдама – за мной. Вперед, ищем графа!

Искали с полминуты. Натолкнулись на двух лбов-палатинов, живот готовых положить у вызолоченных дверей, и поняли, что дошли до нужного места. Два кинжала из черной бронзы, пущенные с обеих рук, завязли у палатинов в мощных шеях.

– Стойте здесь, – сказал Олег приглушенно. – Валит, лук приготовь. Если что, поможешь. Только не убивать! Граф нам живым нужен...

Он вернул кинжалы, вежливо постучался и вошел.

Роберт Сильный, первый граф Парижский, действительно был мощного телосложения. Лицо породистое, квадратное, нос перебит и приплюснут, волосы смешно подстрижены в кружок. Босой, в потемневшей от долгой носки рубахе, граф нервно оглянулся на вошедшего и переменился в лице. Но не струсил – выхватил здоровенный скрамасакс³⁶ и метнулся к Олегу, пластая воздух крест-накрест, наискосок. Стрела, выпущенная Валитом, аккуратно пронзила графское запястье. Скрамасакс забрякал по плитам пола, утепленным свежей соломой, и Сухов не стал рассусоливать. Он перехватил здоровую руку графа, заломив волосатую конечность так, что его светлость осел на колени, натужно шипя и взрыкивая.

– Не рыпайся, – посоветовал Олег графу Парижскому, – и проживешь долго-долго. Шагом марш!

Отряд спустился в Зал караулов по каменной винтовой лестнице, узкой и скользкой, как шнек в мясорубке. Огромный полукруглый зал был полон – русы загнали палатинов с улицы сюда и теперь теснили, словно отыгрываясь за недавний позор. Варяги и франки кружились, сживая друг друга со свету, рубились почем зря, и низкие своды зала дробили многоголосое эхо.

– Прикажи своим людям бросить оружие! – велел графу Олег. Роберт Сильный бешено глянул на него и тут же полуприсел от резкой боли в вывернутой руке.

– Бросить оружие! – взлаял граф.

Зычный голосище покрыл шум побоища. Палатины оборачивались, на их искаженных лицах проигрывалась гамма чувств – неверие, надежда, облегчение, ярость, презрение. Бойцы расцепились и разошлись, посверкивая глазами. Мертвых разобрали и оттащили до своих.

– Сдавайтесь! – холодно сказал Олег. – И вам всем сохраняют жизнь! Иначе... – он приставил к подбородку графа острое меча. – Вас перебьют, а первым умрет граф!

На пять ударов сердца зависла тишина. Потом, с громким дребезгом, на каменные плиты упал меч. За ним другой, третий... и посыпалось.

– Чего вы хотите? – прохрипел граф.

– Как чего?! – комически изумился Олег. – Золота!

Русы загоготали.

– Сколько? – в тоске спросил граф Парижский.

– Тысячу фунтов, – сообщил Олег размер виры.

– Сколько?!

– Ты-ся-чу, – раздельно выговорил Вещий. – Не приbedняйся, граф!

Граф покорно склонил голову. Domine, libera nos a furore normannorum³⁷...

– Да-а... – проговорил впечатленный Пончик. – Как в кино сходил... Олег! – вскрикнул он вдруг. – Гляди! Как тогда...

Сухов перевел взгляд на море и оцепенел. Над караваном пылало зарево удивительного сиреневого оттенка. «Как тогда...» Опять открывается темпоральный туннель?! Опять их забросит черт-те куда?

³⁶ Скрамасакс – короткий меч.

³⁷ Domine, libera nos a furore normannorum (лат.) – Боже, спаси нас от ярости северян.

Олег ощутил странное покалывание по всему телу, словно он организм «отсидел». Сиреневые сполохи заиграли, струясь лентами и вихрясь разрывчатыми струями света. Весь мир обездвижел – не вздымались волны, утих ветер, хотя парус по-прежнему пучил полосатое брюхо. В абсолютной тишине накатила синий туман, и пала тьма.

Глава 2, в которой Олег находит себе нового сеньора, а Пончик определяется во времени

Хвалынское море, 921 год от Р. Х.

В следующую секунду палуба под Олегом исчезла, и вокруг заколыхалась вода цвета светлого изумруда. Внезапный переход от предзакатных сумерек к свету ударил по зрению, по рассудку, но самым невероятным ощущением было иное – вдруг оказаться в воде. Не нырнуть, не плюхнуться нечаянно, а почувствовать в какой-то момент, что вокруг тебя не воздух, а плотная и не очень-то теплая влага.

Олег рванулся к светлой пленке над головой, колыхавшейся и отливавшей серебром, и вынырнул, отряхиваясь и отплевываясь.

Неподалеку барахтался Пончик. Лицо его было бледным, искаженным от страха, а глаза напоминали выпученные буркала глубоководной рыбы, о чем Олег не замедлил сообщить другу. Шурик не обиделся.

– Мы вернулись?! – заорал он, бултыхаясь. – Мы дома?!

– Я доктор? Я знаю? Поплыли к берегу!

До берега было далековато, только выбора не было – плыви или тони. Идти на дно никто не хотел.

– Что ты воду пенишь? – крикнул Сухов. – Экономней работай, а то выдохнешься!

– Я спасаю свою душу! – булькнул Пончик.

– Тело не забудь!

На берег Олег выбрался буквально на карачках и выволок Пончика на сырой песок.

Став на колени, он оглянулся. Не запад катились зеленые валы Каспия, небо было чистым, едва тронутым облачками. На восток от широкой полосы пляжа, замусоренного кучами гниющих или сухих водорослей, поднимались пологие холмы с редкой травой. И ни звука. Даже чаек не слышать. Только море в извечном ритме перелопачивало гальку и обтачивало песчинки, намытые волнами.

– А тут день! – воскликнул Пончик и закашлялся.

– Да ну? – буркнул Олег. – Какой ты наблюдательный... И что ты высматриваешь в небесах?

– Мало ли... Вдруг самолет пролетит...

– Ага, жди, – буркнул Сухов и пошарил по поясу. Древний нож на месте, и то слава богу... И заветный мешочек...

– Чего ты такой недовольный? Спаслись же!

– Спаслись! – фыркнул Вещий. – Спаслись когда?

– Может, мы вернулись обратно? – неуверенно предположил Шурик. – В 2007-й?

– Не верю, – буркнул Олег. – Слишком уж чисто кругом. Ни бутылок, ни пакетов из-под чипсов... И кто тебе вообще сказал, что мы переместились в будущее?

– А куда ж еще? – округлил глаза Пончик.

– Существует еще прошлое. Или тебе об этом не рассказывали? Провалимся куда-нибудь в нижний палеолит, то-то на мамонтов поохотимся...

– Да чего ты злишься?

– Ха! Чего злюсь... А ты знаешь, сколько я времени угробил на то, чтобы хоть чего-то добиться в тутошней жизни?! Годы! И на тебе, спасся! Где я, мне известно – эти холмы я с борта видел. Вон те, двуглавые. А вот какой век на дворе?

– Ну, не все так плохо, – бодро сказал Пончик. – В какое время мы переместились, я не

знаю, но твое умение обращаться с мечом осталось с тобой – этого не отнять!

– Ага, вот только меч мой остался на кнорре. И доспехи тоже! Знаешь, во что они мне обошлись?

– Да я ж понимаю! Только что ж делать-то?

– Костер разводить, – пробурчал Олег. – И греться. Пройдись по берегу, собери, чего посуше...

– Щас я! Слушай, я одного не понимаю. Ну ладно, перекинуло нас... э-э... сюда. А остальных почему не тронуло?

– Не морочь мне голову... Где сушняк?

– Да щас я...

Пончик побрел по берегу, собирая обломки дерева, выбеленные морем, а Олег достал из мешочка кресало и грецкий орех, залитый воском. Вместо ядрышка в орехе хранился сухой трут.

Надергав травы, подтащив ломких водорослей, Олег высек искры. Трут задымился сразу. Нежно поддувая, Сухов добился того, что из искры возгорелся огонек. Подкрепившись сухими стеблями, он загудел, обращаясь в пламя костра.

– Пончик!

– Несу...

Сучья, ветки, обрывок тростниковой циновки – все сгодилось в пищу огню. Олег обсох и согрелся. И задумался. Что делать-то? Пробираться к своим? А где они, свои? Хороший вопрос, но сочтем его риторическим...

– У нас две возможности, – рассудил Пончик, вторя Олеговым мыслям. – Можем двинуться на восток, тут неподалеку проходит караванная тропа из Хорезма на Итиль и Булгар³⁸... Или сдадимся гузам. Хотя я точно не знаю, кто тут кочует... И вообще! Вдруг вечером с моря пароход загудит?!

– Фантазер ты... В любом случае двинем берегом моря на север, а там видно будет...

Пончик снял с себя мокрую рубаху и стал сушить ее над костром, поворачивая то так, то этак.

– Все равно не понимаю... – проговорил он.

– Что тебе не дается, добрый доктор Айболит?

– Ты помнишь, как все случилось тогда, в первый раз? Там физики ковыряли основы мироздания, разбирались в хронодинамике. Затеяли эксперимент и... Случился побочный эффект. Нас – сюда. А теперь что? Какие тут могут быть физики? Тут и слова такого не знают... Может, это... Он?

Пончик неуверенно ткнул пальцем в небеса, боясь ехидных замечаний друга-атеиста, но не дождался.

– Не знаю, Понч, – серьезно сказал Олег. Откинувшись на груду сухого песка, он помолчал и продолжил: – В институте я числился в воинствующих безбожниках, чуть ли не в язычниках. У нас на даче даже идол стоял, я его аж с Алтая волок. Хватило ж ума... А попов как высмеивал... Куда там антирелигиозной пропаганде! Сектантов всяких, вроде иеговистов, громил по-страшному. Они в дверь стучатся, начинают про Библию толковать, и пошла дискуссия – они мне слово, я им – десять... Всяко бывало. Злорадничал даже, когда священники ныли о порушенных большевиками храмах. Так, думаю, вам и надо! Жгли капища, когда Русь крестили? Вот вам и аукнулось! А сюда попал и...

Олег смолк. Пончик уселся, поерзал и напомним, не выдержав:

– И что здесь?

– Язычество здесь, – усмехнулся Сухов. – Во всей своей красе. Ей-богу, устал я от него. До тошноты. Помню, читал про дубы, посвященные Перуну, мечтал посмотреть в натуре...

³⁸ Итиль – так называлась река Волга и столица Хазарского каганата, ядро которого совпадало с дельтой этой важной водной артерии. Булгар – государство, расположенное на берегах низовьев Камы и у Волги.

Посмотрел. Да ты и сам их видел – на каждом суку по человеку висит, птицами обклеванному, а земля у корней черная, жирная – ее кровью поливают... И как же это «святое место» смердит!

– Да уж, – сморщился Пончик, – хоть нос зажимай...

– И это ж постоянно, – продолжил Олег, – всегда и везде. Для Хорса мы девушку топим в реке. Чтобы Бодана ублажить, пленных потрошим, да так, чтобы самих обрызгало кровью жертвенной – на счастье... М-мерзость! Знаешь, так порой хотелось убежать от этого, скрыться, а куда? Язычество – это ж не что-то отдельное, для капищ предназначенное, оно повсюду, вся жизнь по его правилам разложена – дома, в лесу, на море, на службе конунгу! Это как на зоне – не верь, не бойся, не проси. И захочешь по-иному жить, а не можешь – на волю ход заказан!

– А ты не пробовал в церковь сходить? – несмело спросил Пончик. – Поставишь свечку, и вся жертва – без крови и кишок. И не воняет там...

– Ты крестился, что ли? – спросил Сухов с удивлением.

– Да меня еще в школе крестили, – смутился Шурик. – Я отбивался, кричал, что не хочу, что мне стыдно перед ребятами, а мама упросила-таки. Для меня, говорит, крестись, пусть мне спокойней будет...

– Ох, не знаю, Понч... Понимаешь, креститься-то легко. Любой поп рад будет язычника обратить, вот только где я веру возьму? Нет ее во мне!

– Олечка, да тут никто не верит! Они все просто знают, что Бог есть, и принимают это без доказательств. Весь спор из-за того, какой Бог или боги истиннее...

– Им легче, а мне как раз доказательства подавай...

– Зачем? – неожиданно спросил Шурик.

– Как это – зачем?

– Зачем тебе нужны доказательства? Чтобы установить истину? Но кто же верит в истину? Ее положено знать! А Бог – это не закон природы...

– Слушай, – спросил Олег заинтересованно, – а ты сам-то веришь в Бога?

– Честно?

– Честно.

– Я хочу верить в Него, но у меня это плохо получается. И я придумываю окольные пути – представляю себе Господа как Мировой Разум, или как Гомеостазис Мироздания... Так проще, понимаешь? Это я могу понять, с этим мне легче смириться... В Альдейгьюборге всего одна церквушка, но я не то что хожу туда – я убегаю в храм. Успокоиться чтоб, сил набраться, прийти хоть в какое-то равновесие. В Питере мне это было не нужно, а здесь тянет...

– Ох, не знаю, Понч... Я сейчас, как в чистилище – отмываюсь от крови и слизи. От язычества вроде как отступился, к вере истинной шагу не сделал. Пока. Да и какая истинна? Под каким знаком эту истину искать? Под крестом? Под полумесяцем? Под звездой Давидовой?

– Ты таки немножечко еврей? – ухмыльнулся Пончик.

– Молчи, смертный... Пошли лучше рыбу ловить.

* * *

С великим трудом наколов рыбину на самодельную острогу, Олег вывалял улов в золе, чтоб солоней было, обмазал глиной и запек в костре. Блюдо получилось пресноватым, зато питательным.

Привалившись к теплему песчаному склону, Сухов задумался. 2007-й... За все эти годы он редко вспоминал свое прошлое, которое теперь стало будущим. Просто некогда было заниматься ерундой. Служба в дружине отнимала все его время и силы. Но он никогда не раскаивался в своем выборе. Недаром время сие называли «военной демократией». На всем Севере – от Рейна до фиордов, от Дуная до Волги правили конунги, князья, рейксы, кунигсы

и прочие, могущие собрать дружину, чтобы беречь мирное население и не давать спуску чужим. Брать за эту услугу дань, а для пущей славы ходить в походы за пределы подведомственной территории.

Уже сама принадлежность к дружине почетна, ибо не всякого берут гриднем, а лишь самых лучших – сильных, храбрых, умелых. На гридней заглядываются все девушки, старейшины здороваются с воинами, ибо те и защищают народ, и правят им.

Эти вещи он учил в школе, повторил пройденный материал, когда увлекся ролевыми играми с исторической реконструкцией. Но то были именно игры, развлечение для людей из 2007-го, которые кое-как разбираются в средневековом вооружении, но имеют смутное представление о нравах той поры, о житье-бытье.

И только угодив в век девятый, Олег почувствовал разницу. Только здесь, погрузившись в раннее Средневековье по самое «не хочу», он понял, до чего же безопасным было его «родное» время.

Отправиться на пикник за город. Спуститься на байдарках по реке. Ехать в одиночку по пустынной трассе. Все это было возможно и здесь, в «эпоху викингов», но мало кто решался на подобное, ибо вместо шашлычков тебя самого могли нанизать на меч, а вольного путника обратить в раба.

Здесь купцы сбивались в огромные караваны по пять тысяч человек, нагружая товаром целые табуны лошадей и стада верблюдов. Тут каждая вшивая деревня была обнесена крепким частоколом, и каждый дом по очереди выставял дозор.

Да что говорить о гражданских, когда и самим воинам не давали покою – набегі кровожадных соседей случались постоянно. Впрочем, русы тоже не ангелами числились...

В начале века русские конунги грабили Эгину, Амастриду, Фессалоники, Таврию. В 845-м варяги брали на щит Севилью. Об этом в истории остались горестные строки, писанные ал-Якуби: «В город Исбилию вошли в 229 году хиджры поганые, называемые ар-Рус, которые захватывали пленных, грабили, жгли и убивали...»

Да и стоит ли перечислять? Мало было крепостей и богатых градов на европейских берегах, кои не испробовали русского меча!

И быть причастным к этой славе, самому копить силу, занимаясь «греблей и фехтованием», было приятно. Еще лет десять такой жизни, и он мог бы выбиться в ярлы, собрал бы свою дружину, обзавелся бы парой лодий... Или двумя парами. А на старости лет заделался бы купцом, отправился бы с караваном в Индию, в Китай...

А теперь что? Какое время на дворе? К кому тут примкнуть? Какому сюзерену служить, славу плюс золото-серебро добывая? У него даже меча нет! Все, нажитое воинским трудом, все исчезло, растворилось в прошлом. Или в будущем...

– Паруса! – завопил вдруг Пончик, подпрыгивая. – Олег, гляди! Там паруса!

Сухов вскочил и приложил ладонь козырьком ко лбу. С севера шли лодьи под полосатыми парусами.

– Наши, да? – прыгал возбужденно Пончик.

– А что, ты уже рад остаться в прошлом?

– Все лучше, чем в плен к кочевникам угодить!

– Тоже верно... Тащи водорослей посвежее! Дым пустим!

– Щас я!

Олег и сам бросился собирать горючий материал, подкидывая в костер все, что давало пламя. Повалил дым, серым столбом поднимаясь в небо. Заметят или не заметят?

Пончик приволок охапку водорослей и вывалил их в костер.

– А это точно наши? – осторожно спросил он.

– Видишь, какие паруса? В белую и синюю полоску. Бывают еще в белую и красную. Их шьют из разных тканей, так лучше. И шьем только мы или урмане. Так что либо варяги пожаловали, либо викинги. Но кто бы пропустил в наши реки чужаков? Значит, варяги...

Сигнал был замечен – одна из лодий повернула к берегу. Медленно, очень медленно она вырастала в размерах. Олег жадно разглядывал приближающийся корабль, но никаких

особых отличий от виденных ранее не замечал. Тот же развалистый корпус, изящно переходящий в завиток кормы и в высокий форштевень, увенчанный зубастой и рогатой головой. Тот же широкий парус, оттянутый десятком шкотов, те же ряды весел, с идеальной точностью загребавших воду, и ряды круглых щитов, вывешенных по бортам.

Парус поник, заколыхался, вздуваясь и опадая, и его спустили. Гребцы прибавили ходу.

Шагах в двадцати от берега огромный загорелый мужик в шлеме и кольчуге уперся в борт ногой, затянутой в кожаные штаны, и проревел:

– Кто такие?

Олег сложил руки рупором и прокричал:

– Гриденъ я! Купцов сопровождал! Буря случилась великая, наш корабль затонул, спаслись только мы! А это друг мой, лекарь знатный!

Мужик сделал знак гребцам, и те подвели лодью к самому берегу.

– Меня называют светлым князем Инегельдом Боевой Клык, – представился он, – и гридни мне нужны. Если они гридни! Ну-ка...

Пощелкав пальцами, князь принял протянутый ему меч и перебросил его Олегу. Сверкающая полоса отточенной стали мелькнула в воздухе, но Сухов не сплосховал, ухватил клинок за рукоять и занял боевую стойку – вполоборота, меч острием вверх.

Инегельд высадился, проплюхал по мелкой воде и вдруг из неуклюжего создания превратился в стремительного и опасного бойца. Его тяжеловатый полуторный клинок завертелся с бешеной скоростью – казалось, сам тестируют Шива обрушил на Олега удары одновременно со всех сторон, сверху и снизу.

Сухов устоял. Князь был воином изрядным, и нанести ему удар, сделать выпад Олегу не доставало ни сил, ни умения. Весь его талант меченосца уходил на то, чтобы не допустить чужое лезвие к коже, не дать ранить себя. Он изнемогал, выкладываясь полностью. Еще немного, и...

Боевой Клык внезапно отшагнул, и резко отвел меч в сторону, опуская его к земле.

– Годится! – пробасил он. – Звать как?

– Олег Вещий, – брякнул Сухов.

Инегельд весело загоготал, а за ним и все гребцы-молодцы грохнули.

– Ты только великому князю нашему не говори своего имени, ладно? – попросил Клык, утирая глаза.

– Виноват я, что ли, если прозвали так? – пробурчал Сухов и поинтересовался: – А кто великий князь ваш?

– Халег³⁹ Ведун, – гордо сказал Инегельд, – наследник Рюрика и пестун сына его Ингоря, владетель Альдейгьюборга и Ногарда.

«Десятый век!» – щелкнуло у Сухова. Раньше Ногарда-Новгорода просто не существовало. Узнать бы еще год... Когда там Олег помер? И тут Сухова окатило – знать, не он та историческая личность, что сбиралась отмстить неразумным хазарам и обречь их села и нивы пожарам за буйный набег! Ну и слава богу... Легче жить без ответственности перед будущими поколениями.

– Ладно, полезай на борт, – велел Боевой Клык. – Ивор! Освободишь весло для новенького!

– С радостью, – спокойно сказал невысокий парень с узким лицом и длинными белыми волосами, собранными в два «хвоста».

– А я? – закричал Пончик. – А меня?

По лодье снова прокатился смех.

– Лекарь нам тоже надобен, – решил светлый князь. – Залазь!

³⁹ Славянофилы очень любят возводить имя «Олег» к норманнскому «хельги», что значит «святой». Однако среди русских имен, известных по летописи, не встречается тех, что имели бы германское происхождение. У них или кельтские корни (Карл, Лют, Прастен, Фрелав, Тилен, Берн), или венецианские (Борис, Карн, Акун, Удо), или персидские (Фроутан, Алвад, Мутур). Имя Халег – того же ряда. По-персидски оно означает «творец».

Пончик вскарабкался на лодью быстрее Олега и устроился в самом широком месте – у мачты. Там уже сидел какой-то оборванец в грязной чалме, уныло перебирая четки из деревянных бусин.

Сухов перекинул послушное тело через борт и занял место Ивора, взял в руки теплую рукоять весла, отполированную мозолистыми ладонями.

– Весла на воду! Поворот!

Лодья плавно развернулась.

– Парус ставить!

Полосатое ветрило захлопало, раздуваясь и принимая в себя попутный норд.

Пончик повожился, пооглядывался и начал знакомиться с экипажем.

– Ты по-нашему разумеешь? – спросил он унылого в чалме.

Тот кивнул.

– Звать как?

– Саид я...

– А меня Шур. А чего ты тут делаешь?

– Плыву...

– Да это понятно, что не летишь. Ты тут кто?

– Толмач я...

– Переводчик, значит. Ага. С какого?

– С арабского...

– Еще яснее. Я смотрю, тут много лодий плывет...

– Шестнадцать. Светлый князь в поход собрался и сын князя с ним на пару.

– Ага... Понятно... И куда ж они все намылились?

– Ширван грабить...

– Ух, ты... А год какой сейчас, не скажешь?

Унылый Саид очень удивился, даже четки перебирать перестал.

– Двести девяносто девятый год хиджры, – ответил он.

– Хиджры?

Пончик нахмурился. Черт, как же ему совместить обычное летоисчисление с этой хиджрой? Нужна понятная обоим веха... О! В 861-м убили халифа Ал-Мутаваккиля.

– А скажи мне, досточтимый Саид, в каком году его святейшество Ал-Мутаваккиль отправился к Аллаху?

Поглядев на Пончика с интересом, Саид ответил. Шурик посчитал, проверил еще раз, потом подполз к Олегу поближе, и прошипел:

– В девятьсот двадцать первый нас занесло! Малость не докинуло до дому!

Олег кивнул только. Он старательно греб, не глядя на тех, кто греб впереди него, не оборачиваясь назад. Придет время, и он узнает всех, кто с ним в одной лодье...

Глава 3, в которой Олег получает новое прозвище

Для ночевки русы выбрали берег севернее Дербента. В этих местах степные просторы ужимались до узкой полоски приморской низины. Она то снежными проплешинами солончаков покрывалась, то прорастала ярко-красным покровом солянок, почти вплотную подходящих к морской воде. Пушистые кусты пряно пахнущего тамариска оживляли пески пляжей. А дальше к западу вскидывались зеленые, пока еще не выгоревшие предгорья, изрезанные синими вилюжинами ущелий. По кручам ссыпались кусты татарника, редкие сосенки и можжевельник. В предгорных низинах путались в лианах замшелые рощи с густым подлеском из кизила и терна, а на травянистых лужайках дыбились могучие ореховые деревья.

К подножиям жались убогие кутаны – нижние укрытия для чабанов и овец. Загоны строились из камня, из него же складывали круглые убежища типа юрт. Здесь отары

спасутся, когда спустятся с горных пастбищ – уж очень любили барашков тутошние волки. А кавказских тигров стоило опасаться и мелкому рогатому скоту, и пастухам – кто их знает, полосатых? Баранинкой придут полакомиться или человечинкой закусят?

Варяги подтащили лодьи поближе к отмелому берегу и канатами привязали к вбитым кольям. Песок пляжей был настолько плотен, что не оставлял следов. Загорать на таком не тянуло, да и времени не было для солнечных ванн – половина воинов занялась укреплением лагеря и стоянки кораблей, а остальные отправились на охоту, убредая по густой и высокой траве – жирные фазаны вспархивали из-под ног и падали, сбитые стрелой, а то и дубинкой. Славный выйдет ужин!

Олегу выпало строить оборонительное сооружение. Вооружившись деревянной лопатой со стальным набоем по режущему краю, Вещий вместе с сотнями новых товарищей копал ров, ограждающий лагерь, и накидывал землю на вал, где на глазах вырастал частокол. Фортификаторы переговаривались:

- Тилен! Подмогни-ка, тут каменюка...
- Щас я!
- Да ты на вал сыпь!
- А я куда?
- На сапоги мне!
- Ништо...
- Вот огрею по хребту лопатой, тогда узнаешь, што или ништо!
- Поддень!
- Да поддел я. Тут корни какие-то...
- Ивор! Кинь топор!
- Держи!
- Подруби.
- И-эх! Готово!
- Кормить нас скоро будут?
- Так ты ж уже ел!
- Да когда это было?
- Копай, давай! Тут осталось-то...

Тяжелая работа горячила мышцы, а множественное шарканье и перестуки грели дух – Олег был в общем строю, он участвовал в походе, «не отрываясь от коллектива». Князь даже презентовал ему персидский меч караджур. Что еще нужно для счастья? Доспехи бы... Ну, это дело наживное. Дураком надо быть, лентяем или трусом, чтобы в военном походе не разжиться золотишком! А за золото любую сталь купишь... Сухов усмехнулся – здорово его эпоха «перековала». А что делать? Жизнь такая... Как кочевнику прослыть героем в глазах девушек? Ему надо украсть коня или отбить от стада пару-другую коровенок – это уголовное деяние расценивается как подвиг. А русу как добиться почета и уважения? Да по тому же сценарию – сходить в поход и вернуться с добычей. И ведь что интересно, разбоем это никто не считает. Грабят-то чужих, а они все – вне закона. Зато, не дай бог, пришибешь своего или ограбишь соседа – мигом виру стребуют, в разор введут. Таков языческий закон. Правда, даже убийцу не предадут смерти, самое большее – изгонят на тридцать лет и три года. Такие вот правила бытия у варваров: со своими – по закону, с чужаками – по понятиям. С другой стороны, после падения Рима вся Европа скатилась к варварству. Здесь все так живут – и степные народы, и оседлые, и короли, и папы римские – тянут все, что плохо лежит, а то, что уложено хорошо, берут с боем. Нехорошо выделяться...

Часа через два лагерь был укреплен, и его внутреннее пространство, защищенное от внешнего мира, вспухло десятками шатров из кож или войлока. Разгорелись костры, поплыли запахи каши и печеной дичи.

К костру Олег подсел с чувством исполненного долга. Пожилой рубака по имени Турберн Железнобокий сунул ему полную миску каши и плюхнул сверху фазанью «голяшку».

– Ешь... – проворчал он.

– Всегда готов, – ухмыльнулся Олег, доставая ложку из-за голенища. И пошел наяривать.

Хмыкнув, Железнобокий подложил ему добавки. Сухов и ее схомячил. И почувствовал, что жить – хорошо! Уже в полной темноте к костру подошел князь Инегельд.

– Турберн? – гуднул он.

– Тута я, – донеслось в ответ.

– Ага...

Боевой Клык подстелил плащ и устроился на песке, вытянув ноги. Рядом присел на корточки Саид.

– Разговор есть, – веско сказал князь.

Олег привстал, чтобы уйти, но Клык остановил его жестом.

– Раз ты с нами, – молвил он, – мне таиться не с руки. Халег! – кликнул он.

– Иду! – донеслось из темноты.

Меж костров и согбленных черных фигур прошел Халег сын Ингоря, совсем еще молодой парень, типичный царевич из сказок – белокурый, краснощекий, курносый и лопоухий.

– Садись, – предложил ему Клык, уделяя место у костра.

Княжич сел и придал лицу выражение скромного достоинства. Из полутьмы, запутанной светотенями, вышли еще трое свободных ярлов, присоединивших свои лоды к княжеским.

– Короче, – начал Инегельд. – Надумал я Дербент брать. Как его у вас называют? – поинтересовался он у княжича.

– Дербень, – сказал Халег и ухмыльнулся во все тридцать два зуба.

– Во-во... Саид там проживал как-то. Ну, чего молчишь?

– Дарбанд вам не взять, – встрепенулся толмач. – Ни в жисть! Знаете, как арабы нарекли его? Баб-аль-Абваб, то бишь «Ворота ворот»! Дарбанд перегораживает узкий проход между горами и морем – это город-забор, город-засов. Две стены его, высокие и крепкие, тянутся с горных склонов до берега почти четыре версты, а поперек Дарбанд пройдешь, сделав полтыщи шагов...

– А с гор не обойти? – деловито спросил Халег.

– Это невозможно! – замотал головой Саид. – На западе стены замыкает цитадель-кухендиз, а дальше в горы, аж на сорок верст, уходит Горная стена, усиленная десятком квадратных крепостей с круглыми башнями по углам...

– Мы не собираемся лазать по горам! – нетерпеливо вмешался ярл Вуефаст Дорога – Ты лучше скажи, как к этому Дарбанду с моря зайти.

– Тамошняя гавань тоже защищена прочными стенами из камня, – заторопился Саид, – они уходят в море большим полукругом, оставляя для кораблей проход, запираемый цепью...

– Цепью, говоришь... – протянул Клык. – Цепь – это плохо...

– А богат ли Дарбанд? – поинтересовался ярл Олав Лесоруб. – Может, не стоит и возиться?

– Дарбанд – великий город! – ответил Саид с придыханием. – Он больше Дамаска или Иерусалима, там завязываются торговые пути с востока и запада, севера и юга! Это очень богатый город.

– Значит, будем брать, – удовлетворился Олав.

– Так я ж говорю... – начал Саид проникновенно, но Боевой Клык оборвал его.

– Мы уже слышали о неприступности Дербента, – сказал Инегельд. – Его не взять хазарам и гузам, только мы – другие. И Дербент будет нашим! Слышь, Турберн... Как думаешь, ежели нам с гавани начать?

– А иначе никак, – пожал плечами Железнобокий.

– Знаешь, какая у меня думка? Хочу к Дербенту ночью подойти...

– Думка хорошая, – признал Турберн, – но цепь...

– Да видали мы эти цепи... – отмахнулся Клык с пренебрежением. – В Миклагарде такие же и в Херсоне. Там у них ворота стоят, вроде тех, что у нас по волокам расставлены, только не деревянные, а из железа. Ими ту цепь и натягивают – между двумя башнями, когда надо. А когда не надо, опускают на дно. Можно и дербентскую цепь опустить...

Турберн выставил мосластый палец и сказал внушительно:

– Это, если кто изнутри стражу снимет и открутит ворота.

– О! – просиял князь. – Я к тому и веду. Знаю я, что на лодьях хватает пушного и прочего товару. Ежели его собрать в кучу, можно в Дербент наших отправить под видом купцов. Они там все, что надо, разузнают, со стражниками разберутся и опустят цепь. И мы в Дербенте!

– Дело говоришь, княже, – оценил Турберн затею. – А кто пойдет?

– Желающих я найду быстро, – хмыкнул князь. – Сам-то как?

– А чего ж не сходить? – отвечивал старый варяг. Его глаза блеснули в свете костра. Как Олегу показалось – хищно. – Сходим.

– И кого б ты взял с собой?

– Ивора. Свена. Стегги. Воиста... Да найдется кого взять! Загвоздка в том, что из наших мало кто говору сарацинскому внемлет...

– Вот! – увесисто сказал князь. – То-то и оно... Хм. Слышь, Олег, ты ж вроде купцов в Абесгун сопровождал... Как по-сарацински будет «здрасте»?

Сухов вздрогнул, выходя из задумчивости, и ответил, не думая:

– Салам алейкум! Только это не здоровья пожелание, а мира.

– Слыхал? – ухмыльнулся Клык. – Берешь?

– Такие люди нам нужны, – сказал Турберн и хлопнул Олега по плечу. – Со мной пойдешь.

– Так точно! – ляпнул Сухов, но Железнобокий не обратил на его слова внимания.

– Тогда укладывайтесь, – приказал князь, – подниму с первым светом.

– Лошадей бы сыскать, – закричал Турберн. – Не переть же на себе весь товар! Да и приметен пеший...

– Я Саука, сына Тааза, в степь послал с молодцами, – успокоил Клык ветерана. – Саук из гузов, в лошадях знает толк.

– Эт-точно, – повеселел Железнобокий и строго скомандовал: – Спать всем!

Олег противиться не стал – за день умаялся так, что телом ворочал лишь силой воли. Завернувшись в кошму, он уснул почти мгновенно.

* * *

Разбудило его конское ржание. Лошади отаптывались по ту сторону частокола, фыркали недовольно. Турберн проговорил что-то, Олег со сна не разобрал, что именно, зато расслышал ответ.

– Кони добрые, денег не жалко, – донесся резкий голос, «джокающий» по-гузски. – У аланов сторговали...

– Да ты целый табун привел, – недовольно сказал Железнобокий. – Куда столько?

– Как куда? Верховые надо? Надо! Вьючные надо? Надо! Куда ж без них? И запасные тоже надо!

– Надо ему... – продолжал ворчать Турберн уже больше для порядку. – А кормить их чем?

– Сами отыщут.

– А седел где столько набрать?

– Да они оседланы! Десять седел и еще три, этого хватит.

Олег сел, потянулся, протер глаза. Вдали над спокойным морем серело небо, обещая зарю. Сухов вздохнул. Все хорошо в службе воинской, одно плохо – вставать приходится рано.

– Турберн! – жизнерадостно прогудел князь. – Все ругаешься? Чем опять недоволен?
– Коней ему много! – пожаловался Саук.
– Тебе не угодишь! – по-прежнему жизнерадостно вострубил Клык. – То мало ему, то много... Одного для меня седлайте, я с вами двинусь.
– А лодьи? – строго спросил Железнобокий.
– Халег поведет. Верно говорю?
– А то! – гордо откликнулся Ингорев сын.
– Собираемся, грузимся и едем. Хватит сидеть.
– Поесть бы... – робко высказался огромный Малютка Свен.
– В дороге полопаем, – отрезал князь. – Все, по коням!

Олег влез в седло и помахал Пончику. Тот ответил и несмело улыбнулся, а Сухов подумал, что попрощался с единственным человеком, близким ему. Были у него друзья-товарищи, да где они сейчас? Ошкуй, Олдама, Валит... Если они и живы теперь, то им всем под сотню лет. Вряд ли в этом времени найдешь таких долгожителей... А каково Пончику? Он же любил свою Чару. И что ему делать? Искать возлюбленную? А найти кого? Древнюю развалину, маразматичку беззубую? Вот ужас-то...

«Зато мы с Пончем все те же!» – утешил себя Олег. Не допрыгнули до своего времени? Ну, что ж теперь делать... Не сейчас, так потом. Знать, есть сила некая, что заботится о равновесии в природе, о гомеостазисе мироздания, и стремится та сила сохранить баланс меж временами, тащит провалившихся в прошлое назад, в будущее... Вот только не всегда дотягивает.

Десяток варягов двигался без спешки, постепенно одолевая узкую и опасную Каспия, как римляне называли дорогу между морем и горами Кавказа. В поводу бойцы-купцы вели вьючных лошадей, груженных мехами, моржовой костью и воском – все без обману! Саук, сын Тааза, скакал поодаль, подгоняя табунок запасных коней. Запасные брыкались и встряхивали пышными гривами, но не разбегались далеко, чуяли близость хищников. А еще им нравились соленые сухарики, которыми их угощал гуз.

– Турберн! – взревел князь и оскалился в приливе добрых чувств. – Говорил я тебе, что заново дюжину заведу? Говорил?

– Было такое, – согласился Железнобокий.
– Во! Доконали аланы Шибрида Двуглавого – Саук встал на его место. И Олег еще...
– Тогда это не простая дюжина, князь, – подал голос Сухов, – а «чертова».
– Это как?

Ругнувшись про себя и на себя, Олег выкрутился:

– Дюжина – это когда двенадцать, а я – тринадцатый. Стало быть, чертова дюжина.

– А почему чертова? Черт – это кто?

– А-а... Ну, это так говорится. Черт – это... э-э... див такой. Или тролль.

– Мне нравится! – ухмыльнулся Клык.

– Не понял, – нахмурил лоб Малютка Свен. – А при чем тут тролль?

– Можно двенадцать разделить на два? – вопросом ответил Олег.

Малютка глубоко задумался.

– Можно, – бодро ответил Воист Коварный. – Будет два раза по шесть.

– Правильно. И на три можно дюжину разделить, и на четыре, и на шесть. А вот чертова дюжина делится только на себя, на тринадцать. Никак ты ее больше не разделишь!

– Здорово... – впечатлился Свен. – Ловко ты считаешь... Олег Полутроль!

Турберн с князем рассмеялись.

– А почему Полутроль? – поинтересовался Олег.

– Ну, ты ж поменьше тролля... И не такой страшный!

Тут уж вся «чертова дюжина» захохотала, включая и Сухова. Олегу полегчало даже – быстро ему «погоняло» дали, и достаточно почетное. Троллей русы уважали.

Долог ли, короток ли был путь, но и ему конец пришел. Засветло варяги спустились в широкую пойменную долину, заросшую вязами да грабами, пересекли маленькую

каменистую речушку, взобрались по травянистому откосу и вышли к Дарбанду-Дербенту.

Могучая стена со ступенчатыми зубцами поднималась ввышину на пятьдесят локтей, соединяя сорок шесть мощных башен – круглых, квадратных, восьмиугольных. По левую руку стена уходила в море (огромные зеленые валы взбивали пену на плитах тесаного известняка), а по правую руку дотягивалась до крутого скалистого холма, карабкалась по его склону, к вершине, укрепленной желтыми стенами цитадели. Под холмом раздавалось сырое ущелье, заросшее кизилом.

Баб ал-Кабир – Большие ворота – были открыты. Через них варяги и въехали в город, сунув стражникам горсть медных даников.

За стенами они тотчас же окунулись в шум и гам. Толпы людей бродили вдоль и поперек, торговали или приценивались, степенно обсуждали дела или бурно ругались, призывая в свидетели Аллаха, бродили без цели или сидели у стен, сосредоточенно потев на жарком солнце. Разноязычному говору вторили надрывные крики ослов и верблюдов, и вся эта зверино-людская мешанина тусовалась и перетасовывалась, поднимая пыль в вечной круговерти купли и продажи, спроса и предложения.

– Двигаем к постоялому двору! – крикнул Боевой Клык. – Сложим товары, пристроим коней... Осмотримся.

По широкому проезду варяги вышли к одной из трех улиц, тянущихся от цитадели до моря, и поднялись по ней до громадной трехнефной Джума-мечети с бирюзовыми куполами. Рядом с нею отыскался солидный караван-сарай, четырехэтажное здание, замыкающее в себе квадрат внутреннего двора. За умеренную плату русы сдали на хранение товар и завели в конюшню лошадей. Облегченно вздохнув, князь сказал:

– Разделяемся. Стегги с Алком торговлей пусть займутся – хорошо бы все до вечера продать, а мы походим... Когда солнце коснется гор, собираемся здесь. Потолкуем...

Все кивнули и разошлись. Олег Полутроль отправился на разведку вместе с Малюткой Свеном и Ивором Пожирателем Смерти. Если Свен здорово напоминал Сухову старого знакомого Ошкуя – такой же был здоровенный и добродушный с виду, то Ивор казался личностью куда более интересной. Невысокий, стройный и сухощавый, он всегда носил одежду из кожи, как охотник-лесовик, только вот его оленью куртку крест-накрест перетягивали две перевязи, а тонкие, изящные ладони всегда лежали на рукоятках пары мечей. Лицо его так и тянуло назвать одухотворенным, интеллигентным даже, хотя Ивора никто не обучал грамоте. Единственной преподанной ему наукой была наука побеждать, а искусство, которым он владел досконально, звалось боевым. Пожиратель Смерти всегда хранил невозмутимое спокойствие. Не гоготал, как бесхитростный Свен, улыбался только. Но и не ярился. Когда другие орали от бешенства, Ивор сжимал губы в нитку и щурил серые глаза. Удивительно просто, до чего же Ивор и Свен были различны! Малютка – натура шумная, разгульная, душа нараспашку, этакий Портос. Пожиратель Смерти всегда скромен и собран, аккуратен, говорит тихо, но из них двоих именно Ивор был по-настоящему опасен. Не для Олега – тот был своим, а для врага. Ивор рожден воином, талантливым убийцей. Арамисом в квадрате.

– А тут и поперечные стены поставлены, – заметил Пожиратель Смерти, окидывая взглядом стену, перегородившую город.

Олег кивнул согласно. Вокруг него раскинулись сады, огороженные высокими каменными заборами. Тут, в двухэтажных домах под черепичными крышами, за окнами, заделанными круглыми стеклами, живут люди богатые, владетельные или знатные. Это Верхний город.

В нем высится соборная Джума-мечеть, и шумят купцы на базарной площади, журчат фонтаны, плещутся бассейны-хаузы и поют бездельные красотки, запертые в женских покоях.

И есть Нижний город – вон там, за широкой поперечной улицей. Это тоже Дербент, но второго сорта. Дербент плосковерхих глинобитных домишек, грязных, немощеных улиц, крошечных огороδικов и множества мастерских – кузнечных, гончарных, стекольных.

Отсюда происходят слава и богатство Дербента, но достаются они купцам и раисам-начальникам из Верхнего города.

Сверху были видны три продольные улицы Дербента. Северная улица, что тянулась вдоль крепостной стены, не проходила между домами – опасное околостенное пространство оставалось незастроенным. А вот к южной стене дома лепились вплотную. За нею открывались глазу склоны холмов, где кустарник перемежался зарослями орешника. Воздух с юга шел горячий, пряный и немного терпкий.

– Если тут и есть что грабить, – высказался Олег, – то в Верхнем городе, а добираться до него от гавани лучше всего вдоль северной стены.

Ивор кивнул согласно, а Свен прогудел:

– Никто и не заметит!

– Точно... Пошли.

Трое вышли на шумливую базарную площадь. Со всех сторон ее замыкали крытые столбчатые галереи – это были места для купцов побогаче. Торгаши попроще занимали ряды под солнцем. Кого тут только не было! Из Персии, из Византии, из Сирии приезжали сюда торговые гости, из Индии и Китая наведывались, а уж товару было – ну просто завались!

– Шелковые ткани! – надрывался зазывала. – Бодрят тело!

– А вот фру-укты! Сладки, как любовь красавицы!

– Мечи, мечи! Клинки булатные, клинки дамасские!

– Купите «масхури»! Полотно льняное, носить приятно, а стоит недорого!

– А вот стекло! Купи стекло! И тепло с ним, и светло!

Олег, следуя за Ивором, миновал ворота в поперечной стене, пересек широкую улицу, мощенную булыжником, и углубился в лабиринт узких улочек Нижнего города.

Здесь не слышались крики зазывал, не брэнчала музыка. Здесь лягали молоты и стучали ткацкие станки, гудело пламя в горнах, и верещали голые дети, играющие на траве и делящие ее с худыми козами.

Ближе к порту домишки еще более обветшали, пошли сплошь обшарпанные турлучные хижины, сплетенные из ивовых прутьев и обмазанные глиной, а после и вовсе потянулся пустырь Дубара, заросший кустами тамариска.

Берег моря, зажатый каменными стенами, опять «пророс» домами и сараями – тут селились рыбаки и грузчики-амбалы, корабельщики и моряки. На кольях сохли сети, на грязный песок накатывался ослабевший прибой. Пахло рыбой, битумом и стружками. По причалам шныряли неясные личности, наверняка с ножами и свинчатками. Подлый народец. Завидя троицу, они принялись кружить вокруг, и Пожирателю Смерти пришлось выполнить простенький этюд – молниеносно выхватив оба меча, он описал ими сверкающие круги и бросил обратно в ножны. Шпана рассосалась.

– Вон где цепь натягивают.

Олег остановился на берегу и кивнул в сторону гавани, наполовину полной пузатыми кораблями со вздернутыми носами и гнутыми диагоналями реев, приспособленных под косые паруса-«сетти». Стены закруглялись, охватывая порт, и почти сходились краями, увенчанными громадами граненых башен.

– По стене – в башню, – добавил Ивор, – и к воротам.

– И тихонечко опускаем цепь, – заключил Свен.

– Именно.

Пожиратель Смерти поглядел за спину – солнце почти касалось гор.

– Пошли, потолкуем...

И они пошли.

* * *

Возвращалась троица не Средней, а Южной улицей и сразу наткнулась на большую толпу народу. Люди в бедных одеждах были растревожены и злы, детишки-голыши

возбужденно метались между взрослыми, как челноки.

– Чего это они? – удивился Свен. – Слышь, Олег?

Сухов прислушался к звукам чужой речи. Арабскому его учил купец из Багдада, почтенный Абу-Зайд Халид ибн ал-Йазид ас-Самарканди. Учителем Халид был хорошим, но сколько той учебы? Олег поднатужился...

– Они говорят, что эмир Абу ал-Малик Первый совсем стыд потерял... Среда бела дня похитил дочку кузнеца Бусснара, сына Шеруда, и увел к себе во дворец... Нет, не так! Это не Бусснар – сын Шеруда, Шеруд – это жених похищенной девушки. Вон он, худой такой, усаый...

– И чего они хотят? – осведомился Ивор.

– Хотят вызволить девушку, а заодно вломить всем тутошним богатеям.

– Правильно! – одобрил Свен.

– Пойдемте, – заторопился Пожиратель Смерти, – надо князю обо всем рассказать.

Инегельда и всю честную компанию они нашли в сторонке от Джума-мечети, под раскидистым карагачем.

– А мы уже все распродали! – похвастался Стегги Метатель Колец, весьма пройдошливая личность.

– Разобрали влет! – гордо подтвердил Алк Ворон.

– Ну, что у вас? – поинтересовался князь, обращаясь к Ивору.

Тот с ходу выложил последние известия.

– Вот попали... – закричал Турберн.

– Только заварушки нам еще и не хватало... – озабоченно сказал Боевой Клык.

– А может, нам как раз повезло? – осторожно предположил Олег. – Если простонародье попрет на Верхний город, это отвлечет внимание от гавани. Даже если у нас что-то не заладится, подкреплений эмир не пришлет – штурмующие никого не пропустят. Да и не до гавани будет эмиру, ему бы задницу свою спасти! А мы под шумок войдем в город.

– Точно, – поддержал его князь. – Пускай штурмуют. Если ворвутся за стену, мы войдем следом. Если не смогут, все равно половину работы они сделают за нас!

– Верно, – кивнул Железнобокий. – Нам в Нижнем городе ловить нечего, золотишком брякают в Верхнем.

– Значит, – внушительно сказал Боевой Клык, – начинаем, как и было задумано. Так, Ивор, Олег и ты, Турберн, отправляетесь к гавани. Когда стемнеет, заберетесь на башню и подадите знак Халегу. Ответят – спускайте цепь. Свен и Алк, давайте и вы туда же – приглядите за вахтенными на кораблях, чтобы шуму не подняли, стражу поможете снять. Не двое же их там стоят... Отправляйтесь сейчас же, пока эмир не приказал ворота запереть! А мы тут ждать будем. Появитесь под стенами – мы отопрем ворота. Все ясно? Расходимся!

Олега князь восхитил – Клык все по полочкам разложил, каждому свой маневр объяснил, и даже не задумался спросить о главном: сможет ли четверка снять портовую стражу? Для ярла было ясно – сможет, конечно! Разве могут быть сомнения?

И четверка Турберна быстренько просочилась за ворота. Сердитый стражник прокричал им вслед, что обратно не впустит.

– Знать, напугали эмира, – хмыкнул Свен.

– Забраться бы к нему в палаты... – мечтательно проговорил Ивор. – Вот уж где богатств, наверное!

– А чего ж не попытаться? – пожал плечами Железнобокий. – Попробуем...

На улицах Дербента стемнело, но город не погружался в сон. Тревога и предчувствие беды витали над улицами его. Не спал Верхний город, по мощеным улицам печатали шаг наемники-гулямы. Богатеи с муллами метались по своим хоромам, не зная, то ли хватать пожитки в охапку и бежать подальше, то ли отсиживаться, потя от духоты и страха.

В Нижнем городе тоже никто не ложился – там горело множество костров, по улицам хороводили факелы. Сдержанный шум доносился из хижин и грозным прибоем достигал дворцов.

Олег, закутанный в темный плащ, мало выделялся из тени. Ремесленники и рыбаки, ткачи и гончары бегали по улице, сталкиваясь и бурно жестикулируя. Вооружены они были как попало – у кого нож в руках, у кого палка, у кого праща и грюкающий запас окатышей. Блестели и топоры, а лучше всех были экипированы кузнецы-оружейники – все в бронях и при мечях. Бунтовщики переговаривались:

- Нишу, волокни бронзу, будем таран делать!
- Да, да! Гулямы заперли ворота и вышли на стены!
- Ждут, сволочи...
- Ничего, брат, дождутся!
- Ох, не к добру это...
- Не трусь, Золтан, они нам за все заплатят!
- А вы чего сидите? Особого приглашения ждете?
- Мы как все...
- Оружие есть?
- Топор...
- Самое то!
- О, Аллах!
- Мира и благополучия, домисто Ишбан! И вы тут?
- Алхамидуллило!⁴⁰ Куда ж вы без меня, домисто Ваче?
- Эй, народ! А кто у нас главный?
- Шеруд, говорят...

К штурму готовились все – дети стаскивали подручный материал, женщины и старики вязали лестницы и плели щиты из лозы. Пастухи готовили луки к бою, ткачи деловито мастерили копья, мореходы тащили с кораблей метательные палки-фустибалы, защищавшие от морских разбойников.

– Разворошил эмир осиное гнездо! – сверкнул зубами Турберн и поглядел в небо, сверяясь со звездными часами. – Пора!

* * *

Варяги шли быстрым походным шагом, по пустырю припустили бесшумным бегом. Оставив в стороне припортовую мечеть, сложенную из окатанных морем камней, выдвинулись к громадной восьмиугольной башне, стерегущей вход в гавань с правой, южной стороны. Площадка перед башней напоминала плац – ровный, утопанный и пыльный. Поодаль горело три костра, несколько унылых фигур с копьями стояли у огня. Доносился негромкий говор.

- Ивор, – негромко распорядился Турберн, – бери Свена и займись этими.
- Сделаем.
- Алк, Стегги – к кораблям.
- Пошли мы...
- Олег – за мной.

Олег пополз за Железнобоким. Показались крутые ступеньки, ведущие на стену. Олег оглянулся. В свете костра произошло неясное движение, и стоящий с копьем превратился в лежащего без копья. Сдавленный крик – и еще один улегся.

- Поднимаемся, и к башне.

Олег взобрался по сбитым ступеням на верх крепостной стены. Яркая луна висела над морем, прокладывая «дорожку к счастью». Ступенчатые зубцы бросали чересполосицу теней на выщербленные плиты.

Пригибаясь, Сухов заскользил к башне. Там, где стена примыкала к восьмигранному

⁴⁰ Алхамидуллило! – Слава Создателю!

боку, чернела сводчатая дверь – проем в толстой кладке.

– Осторожно, – сказал Олег, – тут ступени.

Шаля ногой в темноте, он спустился по винтовой лестнице на два «оборота» и попал в луч света, льющегося из узкой бойницы. Бледное сияние выхватило из мрака смутные формы больших зубчатых колес. Тусклый блик дрожал на огромном звене цепи, опутавшей барабан в полтора человеческих роста.

– Факел дать? – спросил сверху Свен. – Ивор зажег уже...

– Не надо, – ответил Олег, нащупав рукоятку. – Сигнал подали?

– Ага! Ивор факелом покрутил, с моря огнем помахали... Близко наши!

– Стражи много было?

– Было! – хихикнул Свен. – И не стало!

– Олег! – окликнул Сухова Турберн. – Разобрался?

– Да вроде...

– Опускай цепь!

– Щас...

Полутроль поднатужился, готовясь приложить большое усилие, но рукоятка пошла легко. Зашелкал храповик, сдвинулись с места шестерни, закрипели валы, и вот повернулся барабан, загремела великанская цепь, опускаясь на дно.

– Все! До упора.

– Порядок! Пошли наших встречать.

«Разведчики-диверсанты» выбрались из башни и спустились к гавани. По-прежнему горел костер, но грелись у него одни лишь мертвецы. Олег странно почувствовал себя. Эта теплая южная ночь, величественные стены древней крепости, томительное ожидание, угрожающий ропот вдали... Так непохоже на обычную тактику штурма и натиска! Из задумчивости его вывел голос Железнобокого:

– Эй, Полутроль! Глянь-ка, вроде на тебя кольчужка...

Сухов приблизился к Турберну. Пожилой воин снял халат с убитого стража-гуляма. Халат был напаян поверх кольчуги. Кряхтя, Железнобокий стянул броню с мертвяка.

– Ну-ка, примерь!

Без особого желания Сухов сунул голову в тяжелый ком скрипучих стальных колечек, продел руки в рукава. Кольчуга увесисто легла на плечи, опадая до середины бедра.

– Длинная, – удовлетворенно заметил Железнобокий. – На-ка вот...

Он протянул Олегу ком поменьше размером – это был кольчужный капюшон.

– Во! Может, и шлем подойдет?

Сухов попробовал нахлобучить на голову круглый шлем с острым навершием – копия русского шишака образца века тринадцатого, – но, увы, шлем не налезал.

– Не мой размерчик, – вздохнул Олег.

Турберн коротко хохотнул.

– Ничего, – сказал он, – скоро будет что примерять!

– Это точно...

Опясавшись мечом, Сухов почувствовал себя куда бодрее. Кольчуга – это вещь!

– Наши! – прошипел Свен.

Между двух башен в гавань Дербента входила русская лодья. Лунный свет выбелил оскаленные клыки на драконьей голове, блеснул по вывешенным щитам, а после заиграл каплями, сыпавшимися с мокрых весел.

– «Пардус»! – опознал лодью Ивор.

– А вот и «Вейла», – добавил Свен. – И «Сокол» наш!

Одна за другой вошли все шестнадцать лодий, закрипели киями по гальке, притерлись бортами к причалам.

Турберн издал глухой переливчатый свист, и варяги, во множестве полезшие через борта, поперли на звук.

– Ты, Железнобокий? – донеслось из темноты.

– А то кто же... – было ответом.

Коротко посвятив форингов в ситуацию, Турберн повел варягов за собой.

– Сотни Асмуда, Каницара и Актеву охраняют лодьи. Приказ князя Инегельда!

Поворчав, названные отделились, рассыпались по берегу, а основная масса, почти полторы тысячи бойцов, пошагала через пустырь к Северной улице.

В темноте Олег не нашел экипаж «своей» лодьи и пристроился ближе к авангарду, топая рядом с Ивором и Малюткой Свеном.

– Гуляем, братцы! – донеслось из рядов.

– Прогуливаемся, – подхватил другой голос.

– Свежим воздухом дышим.

– Га-га-га!

Каменная стена справа тускло отсвечивала в лунном сверкании, а в домишках, теснившихся слева, огни не горели. То ли спали жители, то ли притаились, гадая, что будет. «А что будет? – мелькнуло у Олега. – Что везде было, то и здесь будет – кровь пустим Дарбанду и свое возьмем. А если город отбрыкиваться станет и оказывать сопротивление, большая кровь хлынет...»

Он прислушался – за топотом и шарканьем дружины узнавались иноязычные крики, лязг и ритмичное грохотанье.

– Не иначе, ворота высаживают, – догадался Ивор.

Варяги вывернули на широкую поперечную улицу, делившую Дербент на Нижний и Верхний город. Судя по всему, вся улица была запружена народом. Люди ревели нестройным хором, требуя выдать Ферузу, дочь Буснара, угрожающе качали копьями и прочим убойным инструментом.

Два десятка дюжих молодцев били в ворота Верхнего города здоровенным брусом. Ворота скрипели и качались.

По всему верху поперечной стены горели костры, на огнистом фоне мелькали черные силуэты гулямов. Их толстый командир драл глотку, сильно тужась:

– Р-разойдись! А то я за себя не отвечаю! Разойдись!

В толпе народа оглушительно засвистели, и град камней обрушился на командира, сгоняя его под прикрытие каплевидных щитов охранников.

И вдруг ворота пошли раскрываться, пока не распахнулись настежь. Бунтовщики обомлели, а в проеме ворот показался князь Боевой Клык. На секунду зависло молчание, и Олег воспользовался подходящим моментом. Набрав воздуху в грудь, он проревел по-арабски:

– Мир хижинам! Война дворцам!

Толпа завывала, заколыхалась и ринулась в ворота – светлый князь едва успел спрятаться за створкой. Темной, неразличимой массой бунтовщики помчались по Средней улице, сминая растерянных гулямов, и грозным человеческим приливом докатились до стен цитадели-кухендиза.

Князь Инегельд вышел из ворот на свет костров и вскинул руку с мечом.

– Город наш! – протрубил он.

И варяги, скрытые ночной тьмой, заорали во все глотки, вторым цунами разливаясь по улице и переулкам, убивая и калеча редких защитников Дербента, потерявшихся от двойного набега, круша секирами резные двери, вламываясь в богатые усадьбы, громя все вокруг, вспарывая животы слугам и домашним, хватая самое ценное, пихая за пазуху ожерелья, браслеты, подвески...

Окна одного из домов внезапно осветились пляшущим оранжевым огнем, языки пламени вырвались из комнат, облизывая стены, забираясь под крышу. Темный переулок стал виден весь, от Средней до Северной улицы.

Олег пробежал мимо одного дома, где уже орудовали русы, спешно деля награбленное, миновал другой и ворвался во двор третьего – со спины он узнал Ивора Пожирателя Смерти. Сухову навстречу выскочил верезжающий мужик, бритоголовый, в одной набедренной

повязке, но с острым скимитаром в руке. Олег выхватил дареный караджур и нанес удар, не думая, «на автомате». Мужик заклекотал, давясь кровью, и покатился в пыль. Сухов выдохнул.

Переложив караджур в левую руку, он подхватил с земли скимитар. Оружие ему понравилось – арабский меч был почти прям, слегка изгибаясь и расширяясь к концу. Заточен скимитар был, как и караджур, только с одной стороны. Полированное лезвие блеснуло в огнистом свете, выделяя вязь букв, инкрустированную серебром, – что-то о неверном, коего даже алмазный щит не спасет. Увы, спас... А меч хорош... Булат! Пригодится в хозяйстве...

Расслышав крик Ивора, Олег бросился к дому и едва не столкнулся с гулямом, высоким и мощным мужиком в красном халате-чекмене, в медном сияющем шлеме с красными перьями. Гулям с размаху опустил меч. Сухов отпрянул. Отбив выпад дареным клинком, он ударил скимитаром – противник успел отскочить. Упала на землю рассеченная перевязь с ножнами. Гулям едва не запутался в ремне, но успел отпрыгнуть, выругавшись по-русски. По-русски?!

– Сюда все! – заорал гулям на чистом наречии северных озер, лесов и рек.

– Ты – рус?! – крикнул Олег.

Гулям изумленно отшатнулся, не опуская меч.

– Ну! – рывкнул он. – Я – Улеб, гулам эмира!

– Слуга?

– Гвардеец! Вы-то кто такие?

– Варяги мы! Я – Олег Полутроль, а князем у нас Инегельд Боевой Клык!

– Клык здесь?! Так чего ж ты молчал?

– Боялся, что ты мне язык срубишь нечаянно, – огрызнулся Сухов, – вместе с головой!

Гулям радостно захохотал. В это время резную дверь спиной вышиб Ивор. Пожиратель Смерти крутанулся, удерживая равновесие, и отступил на шаг, подпуская неприятеля к себе. Тот не замедлил явиться – огромный мрачный детина с рыжими усами, спадающими на грудь, и того же цвета косичками, выглядывающими из-под арабского шлема.

– Стой, Мутур! – крикнул гулям Улеб. – Это варяги Инегельда!

Детина изумленно вытаращился – сначала на Улеба, потом на Ивора – и мигом успокоился, подобрел.

– Предупреждать надо, – пробасил он.

Ивор недоуменно глянул на Олега.

– Это гуламы эмира, – объяснил тот, – они при здешнем правителе как варанги при базилевсе.

Улеб хмыкнул и демонстративно убрал меч.

– Ладно, – решил он, – мы вам мешать не будем. Наше дело – эмира охранять. Пошли, ребята!

– А чего б и вам не поучаствовать? – подкинул идею Сухов.

– Нельзя, – вздохнул Мутур, – мы клятву давали...

Улеб сумрачно кивнул.

– Ну, тогда, конечно, – развел руками Олег.

Гуламы поклонились и покинули двор. Ивор с Олегом переглянулись. Спросили друг друга глазами: продолжим? И согласно кивнули, достигнув трогательного консенсуса.

Сухов кинулся в дом и взлетел по лестнице вверх, попав в большую комнату, устланную дорогими ширазскими коврами. Со стен свисали шелковые сюзаны, расшитые цветами персика и миндаля, на шестигранных столиках лежали серебряные подносы со сладостями. Спотыкаясь о раскиданные по ковру подушки, Олег покрутился по комнате и наткнулся на двух девушек, насмерть перепуганных, – обе разевали дивные ротки, но даже завизжать не сумели, настолько их сковал страх.

– Спокойствие, только спокойствие, – сказал им Полутроль, стараясь быть убедительным, и сделал жест рукою, намечая направление движения. Девушки бросились в

указанную сторону и забились в угол.

Сухов покачал головою – крутизна крутизной, но и совесть тоже иметь надо. Девчонки совсем молоденькие, им лет по четырнадцать от силы. Так что прелюбодеяния оставим на потом...

Обнаружив занятный сундучок, Олег вскрыл его и весело присвистнул – вместилище было полно увесистых ожерелий. Богатая, но безвкусная золотая оправа удерживала витки бадахшанских рубинов и бирюзы из Нишапура, отборных розовых жемчужин и сапфиров с Цейлона.

– Живем! – весело сказал Олег, вешая всю эту роскошь себе на шею и вспоминая Тшудда. Мельком успокоив совесть – иначе нельзя-де, народ-де не поймет... – Сухов приблизился к девушкам. Те задрожали отчетливей, а он не смог отказать себе в удовольствии – правую прелестницу ущипнул за грудь, левую погладил по бархатистой щеке. Глаза обеих девушек расширились, губки задрожали, складываясь в подобия бледных улыбок. Олег подумал, снял с себя три или четыре ожерелья и повесил их на шею той девушке, что дрожала справа. Подцепил еще парочку ювелирных украшений, добавил к ним понизь крупного жемчуга и сделал «подарок» левой красотке.

– Делиться надо, – сказал Сухов назидательно, после чего изысканно попрощался и поспешил уйти.

Когда-то, в детстве золотом, он мечтал, чтобы все ленинградцы пропали на время, и можно было бы ходить повсюду, заглядывать в квартиры, магазины, лопать бесплатно мороженое и брать без спросу чужие вещи... А вот варяги обходились без волшебства – они исполняли его мечту, вырезая лишнее население, а те, что оставались, сами спешили пропасть. И русы врывались в чужие дома, брали без спросу все, что им нравилось, смеясь над лепетом в смысле «не укради» да «не убий». Ох и трудно же было вместить в себя варварскую мораль...

Спустившись во двор, Олег увидел Ивора, равнодушно вытиравшего меч о грязный халат убитого слуги. Куртка из выделанной оленьей кожи изрядно оттопыривалась.

Неподалеку Свен деловито потрошил большой деревянный ларь, оббитый крест-накрест полосками железа. Разбросав медные кумганы и кувшины, Малютка вытащил тяжелое золотое блюдо, испещренное чеканным узором, и украсился довольной улыбкой.

– Пойдемте отсюда, – сказал Ивор, оглядываясь, – а то Слуда прибежал, звал на площадь к крепости эмировой.

– Пошли, – согласно кивнул Сухов.

– Ага, – откликнулся Малютка Свен.

Выходя со двора, Олег обернулся и увидел две девичьи фигурки, прижавшиеся к оконной решетке на втором этаже. Он помахал им рукой, но девушки так и не вышли из неподвижности. Оцепенели. А Олег пожелал, чтобы тот мужик, которого он убил и лишил скимитара, не оказался отцом этой сладкой парочки.

– Как бы пожара не случилось, – обеспокоился Пожиратель Смерти, принюхиваясь к запаху гари, разнесшемуся по улице, – а то сгорит все прежде времени...

– И не говори, – поддержал друга Свен. – Взять ничего не успеем!

Олег промолчал.

Быстрым шагом они миновали магалы – кварталы Верхнего города, проходя мимо разграбленных дворов, переступая трупы, шугая местных мародеров, вороньем слетавшихся к месту пиршества волков.

– А народу... – проговорил Ивор.

У мощных стен цитадели скопилось несколько тысяч бунтующих жителей, исходивших гневом, яростью и опасной эманацией вседозволенности. Высоко за зубцами реяли обмотанные шлемы гулямов, изредка мелькала пышная чалма эмира, усеянная камнями. Вот один из воинов Аллаха просунулся меж зубцов и грянул:

– Чего хочет народ Баб ал-Абваба?

Толпа взревела и стихла. Вперед протолкался нескладный Шеруд и прокричал:

– Пускай эмир вернет похищенную Феруз! Она дочь Бусснара и моя невеста!

– Феруз сама ушла к эмиру! – заорал в ответ гулям.

Толпа взревела хором ночных демонов, и тогда князь Инегельд дал сигнал трубачам. Их мускулистые руки поднесли к губам трубы-рога и исторгли дружный рев. Все стихло.

Изумленные бунтовщики стали оборачиваться и обнаруживали у себя в тылу целое войско. Эмир тоже растерялся, зато Боевой Клык просто наслаждался произведенным эффектом и выглядел в свете факелов как голодный кот перед миской, полной сметаны.

– Олег, – мурлыкнул он, – ну-ка, переведи этому эмиру долбаному, что за хорошую плату мы не только город не пожжем, но и бунтовщиков умирим. Давай!

Сухов решил малость отредактировать текст. Он вышел на пустое пространство между толпой бунтовщиков и стройными рядами варягов и обратился к эмиру:

– О, Абу ал-Малик Первый! К тебе обращается эмир русов и предлагает следующее! Если ты желаешь и впредь править этим городом, то пожалей его – заплати нам, и наши факелы не сожгут дома и мечети! Больше того. Будь щедр, и мы разгоним восставших, но прежде верни Шеруду его невесту!

Олег смолк. Народ безмолвствовал. Потом в толпе поднялся ропот, он усиливался, переходя в рев. Князь Инегельд прикинул, что к чему, и отдал неслышный приказ.

Варяги построились «стеной» – сплотились мощным рядом панцирей и щитов, лязгнули мечами и сделали шаг. Толпа сбилась в кучу, рев, наполовину оскорбленный, наполовину одобрительный, угас.

И тогда яркие факелы высветили фигуру эмира. Абу ал-Малик в золототканом халате и серебристой чалме возник перед народом, с трудом уместившись между двумя зубцами, и сказал зычным голосом:

– О, руси, друзья правоверных! Мы вознаградим вас за милосердие и помощь, и пусть в город вернется порядок и покой!

Эмир сделал эффектный жест и скрылся.

– Чего он там сболтнул? – нетерпеливо спросил Инегельд.

– Эмир согласился, – ответил Сухов.

– А куда ему деваться? – хмыкнул ярл Рогволт Глубокозадумчивый.

Минуту спустя отворились ворота цитадели, и две плотные шеренги гулямов выстроились по обе стороны от входа. Сначала в темноте проема ничего не было видно, потом за воротами забелело платье, и вот на площадь выбежала хрупкая девушка. Испуганно заметавшись, она рванулась в сторону, но ее догнал отчаянный крик:

– Фируза! Я здесь!

– Шеруд! – взвился тоненький вопль.

Положив ладонь на рукоятку меча, Олег ближе подошел к толпе бунтовщиков и дал не очень громкий совет:

– Расходитесь по-хорошему, и вас никто не тронет. Мы не грабим хижины.

В этот момент протрубили трубы, и целая процессия вышла из ворот цитадели. Придворные в халатах, шитых золотом и мелкими жемчугами, с лицами, бледными даже в свете факелов, волокли на себе вороха дорогих тканей, тащили увесистые мешочки с динарами. Один из слуг эмира, облаченный в синий суконный халат с двумя красными лентами на груди, спотыкаясь от страха и усердия, приблизился к светлому князю и в поклоне протянул ему расшитую подушку, на которой лежал меч в ножнах. И рукоятка меча, и сами ножны были просто усыпаны изумрудами, рубинами, топазами. Боевой Клык с ребяческой улыбкой принял подарок и небрежно кивнул придворному.

– Эмир русов благодарит Абу ал-Малика за ценное подношение, – сказал Олег надменно, – и обещает отдариться – он сохранит городу мир и благополучие.

Слуга эмира прогнулся еще ниже и поспешно ушел. Ворота цитадели плавно закрылись.

– Ну ладно, – молвил Боевой Клык, – пошли к лодьям. По дороге загоним простолюдинов...

Варяги развернулись и неспешно потопали к гавани, тыкая мечами в отстающих бунтовщиков. Толпа к тому времени здорово поредела. Восставшие дербентцы, бывало, огрызались, но у варягов разговор был краток – тычком в зубы, хуком слева, хуком справа...

Добредя до моря, Олег почувствовал опустошенность – нервный напряг давал себя знать. Пончик, молча улыбаясь, хлопнул его по плечу. Сухов вяло ответил.

– Все на борт! – весело заорал Боевой Клык. – Весла на воду!

Варяги, оживленно переговариваясь и похохатывая – редко у них бывали такие спокойные набеги! – расселись по скамьям, ухватились за рукоятки весел.

– Я ж говорил, – проорал Стегги Метатель Колец, – сходим на прогулку!

– Сходили! – загоготал Малютка Свен, и все его поддержали.

Так варяги и отплыли – сотрясая древние стены Дербента мощным гоготаньем. На востоке уже теплилась заря. Лодьи распустили полосатые паруса и взяли курс на юг.

Глава 4, из которой доносятся шипение вечных огней, победные кличи и вопли предателя

Каспийские просторы радовали покоем. Хазри задувал, колыша изумрудные валы с белой оторочкой пены, и наполнял паруса.

Лодья была тесна для сотни крепких парней – приткнуться негде, но Олег нашел себе местечко – устроился у борта в самом носу, на мягкой скатке запасного паруса.

Он сидел, разнеженно жмурясь, и тупо отдыхал, как кот, наловивший мышей.

Пончик сидел рядом на корточках – отдыхал от трудов праведных. Все утро он накладывал швы раненым, менял им повязки, поил маковым настоем.

Олег зевнул и спросил:

– О чем задумался, детина?

Шурик улыбнулся стеснительно и сказал:

– Ты не поверишь – о происхождении русского народа.

– Во! – удивился Сухов. – И что ж тебя подвигло на подобные размышления?

– Бытие, – ухмыльнулся Пончик и кивнул на палубу лодьи, где сидели и лежали варяги. Князю выделили место на корме, на сложенном вчетверо ковре, и Клык спал, задрав кверху бороду и издавая громовой храп.

– Я тут кое с кем познакомился, пока первую помощь оказывал, – продолжал Шурик. – Вон, гляди, тот, что у мачты, «лицо кавказской национальности». Его зовут Тагаур, сын Ира, он из асов. Был узденем, то бишь воеводой у касожского князя Алэджа. А вон, рядом с ним, тоже черный, с тремя косичками. Это Геза, сын Тотоша, мадьяр. А там, рядом с кормщиком, видишь?

– Который щит чинит? – уточнил Олег.

– Он самый. Это Шад, сын Имака, куман, иначе – половец.

– А чего он блондинистый такой? – удивился Сухов.

– Так потому и половец! От слова «половый», соломенный то есть.

– Понятно... И когда ты только успел их всех упомянуть?

– Ну, так... – хмыкнул Пончик польщенно и продолжил с еще большим энтузиазмом: – А вон Пуреш, сын Чекленера, он был азором, выборным вождем в племени арису... Наверное, это летописная эрзя. А то – Исавар, сын Баттхара, алан из Магаса, служил у нас, в Тматорокане, теперь он у Клыка в дружине. Представляешь? И все они – варяги!

– Открытие сделал, – фыркнул Олег. – Ты б меня лучше спросил, я бы тебе то же самое сказал... Знаешь, что такое «варяги»? Это – «морские люди».

– То есть пираты... – заметил Пончик с ехидцей.

– Типа того, – легко согласился Сухов. – Они... то есть мы, вроде рыцарского ордена. Или какого-нибудь Берегового братства. Принимаем всех, годных к строевой службе... Только вот комиссию пройти не проще, чем в отряде космонавтов. И учебка еще... Не, тут

параллели не срабатывают. Сам посуди – писаных уставов нет. Присягу мы князю-конунгу даем, но почему его слушаем? Не потому, что он чином повыше, а потому, что князь – первый среди лучших, ему-де сами боги помогают.

А знаешь, что самое поразительное? У князей очень маленькие дружины. Пятьсот человек – это уже очень много, а тысяча – так вообще. Но эти мелкие гриды города берут с наскоку, королей гнут!

– Ничего... – протянул Пончик с грустной улыбкой. – Скоро тут все повстают в новые производственные отношения, установят феодализм с человеческой мордой, всякое княжье во вкус войдет, станет командиров за взятки назначать. И придет вашему братству кирдык...

Олег хмыкнул и сказал лениво:

– На мой век хватит...

Он полюбовался добытым скимитаром и принялся любовно чистить блестящий металл. Неожиданно его вниманием завладел самый незаметный член экипажа – толмач Саид. Тот впал в беспокойство, засуетился, поглядывая на солнце, и вытащил драный молитвенный коврик. Постелил, стал на колени и принялся поклоны отбивать в сторону Мекки.

Вот вам пример эволюции веры, подумал Олег. Иудеи, христиане и мусульмане верят в одного и того же бога, только с разных позиций. Можно ли говорить, что христианство устанавливает единобожие? Говорить можно, а на деле целый пантеон – Бог Отец, Бог Сын, Дух святой. Богородица. И Сатана – чем не бог зла? Плюс двенадцать апостолов, плюс легион святых и угодников. Святой Илья на небесной колеснице разъезжает, изображая громовержца, Святой Петр, по слухам, вахтером при райских вратах состоит... Прав был Фома – верую, ибо абсурдно. А вот Мухаммад избавил новую веру от парадоксов. У него все четко – нет бога, кроме Аллаха, и он – пророк его. И точка. Иисуса-Иссу он уважает, но лишь в пророки записывает.

Может, и ему, Полутроллю, обрезание сделать? И кланяться Аллаху по пять раз на дню?

Олег усмехнулся. Иногда ему видятся прохладные и гулкие нефы храма Божьего, с россыпью свечей, с пением псалмов за кадром – то ли в кино такое видел, то ли из детства воспоминание, когда с бабушкой Феней в церковь на Пасху хаживал. И это находит некий отклик, будит что-то в душе. А вот мечеть для него чужда.

Восточной экзотикой отдают гортанные призывы муэдзина, возносимые с минаретов, и почему-то сплетаются в сознании с просветленной улыбкой Будды. Хорошо, что стремящиеся к нирване исповедуют непричинение смерти живому, но и этот путь не для Олега. Не испытывать желаний, дабы не страдать? Спасибо. Куда лучше удовлетворять желания по максимуму, тогда и страдания сведутся к минимуму...

* * *

После полудня на юге прорезалась темная полоска земли – показался Апшерон. Варяги оживились, хотя до цели было еще далеко.

– Нафта, – довольно проговорил князь Инегельд. – Страна Огней!

Лодьи повернули к юго-востоку, пробрались меж островками, обогнули вытянутый к югу длинный мыс и взяли курс на запад.

– Земли здесь никудышные, – бубнил Саид, – зато озера соленые и сотни колодцев с земляным маслом – тут ее нефтой прозывают. Целые озера нафты! Все на этом живут – солью торгуют и черным соком земли...

– Да на кой он нужен, тот сок, – пренебрежительно проговорил Клык.

– Ой, не скажите, нафта – известное лекарство, а еще она хорошо горит.

– Вот это другое дело. Надо будет запастись этим самым маслом земляным, набрать его в горшки и фитили присобачить. Арабы так делают. А что? Хлопнешь вражине о палубу пару горшочков, и все, сгорел корабль, к такой-то матери!

Ближе к вечеру открылась синяя бухта, вытянутая подковой. К ней сбегало нагорье – всхолмленная серо-желтая земля с клочковатыми кустиками тамариска. Крепость Баку не была видна – видеть ее мешали несколько островков.

– Правь на острова! – скомандовал Боевой Клык. Светлый князь стоял на носу, жадно вбирая в себя воздух, ощутимо пахнувший нефтью. – Закрепимся рядышком!

Лодьи направили свой бег к плоскому острову. Низкий песчаный берег, тут и там в пятнах бурых кустиков верблюжьей колючки, возвышался лишь в одном месте, где за зубчатой стеной прятался храм огнепоклонников. Но самое замечательное зрелище открывалось на скалах, из которых били малиновые фонтаны неугасимого огня – газ, сочащийся из пропитанных нефтью недр, сгорал тут веками и никак не мог погаснуть.

«Флагманская» лодья обошла остров справа, и глазам варягов открылась странная картина – десятки кораблей были причалены к берегу, а у ворот храма шла настоящая драка – добрая сотня мусульман теснила жалкую кучку истощенных зороастрийцев. Толпа размахивала палками, лопатами и ломami. Ветер донес вопли:

– Бей нечестивцев!

– Инша-а-ала!

– Все во власти Аллаха!

– Велик Аллах! Омин!

Когда в поле зрения погромщиков показались русские лодьи, крики подутихли. Толпа сперва оцепенела, узнавая полосатые паруса, а после очень резво кинулась к своим плавсредствам и дружно отчалила. Неповоротливые купеческие корабли едва двигались, подгоняемые ветром и силою гребцов.

– Во несутся! – воскликнул молодой боец Фудри Московский, выходец из маленькой крепостцы, затерянной в дебрях между озером Серегер и рекою Итиль. Варяги не шибко тиранили добра молодца, но и спуска ему не давали. Однако на этот раз замечание «солобона» было встречено хохотом – уж больно потешно гляделись арабы, неумело загребавшие воду залива.

Шестнадцать лодий, одна за другой, причалили к берегу с подветренной стороны, и их экипажи сошли на землю, плюхая по мелкой воде.

Огнепоклонники попрятались по кельям, а их главный жрец-эрбад залез в комнатку-баланхону, помещавшуюся над входным порталом. Русы повытаскивали всех и привели к князю.

Олег только головой покачал – зороастрийцы так увлеклись умерщвлением плоти, что представляли собой душераздирающее зрелище. Немытые волосы, белые от пыли, торчали во все стороны. Худые тела изгибались под весом двухпудовых цепей, а на спинах серели обширные участки омертвевшей кожи – фанатики подолгу лежали на негашеной извести.

– Большие приветы, – прогундосил эрбад на корявом русском, – от нас до вас большие радости-встречи...

– Не ври, – добродушно сказал Инегельд и огляделся.

Храм окружала зубчатая стена, пятиугольная в плане, а посередине стояла квадратная ротонда, в которой пылал «худи-суз» – «сам по себе горящий» газ, вырывающийся из трещин в известняковой плите.

– Неплохо вы тут устроились, – оценил князь обстановку. – Короче. Придется вам потесниться – мы тут лагерем станем. Понятно?

– Ахурамазда будет недоволен... – проскрипел эрбад, и огнепоклонники дружно закивали нечесаными головами.

– Не будет! – отрезал князь. – Эти, из крепости, пришли сюда разгромить храм. Так? Так.

При этих словах жрец затрясся от злости и прошипел в сторону Баку:

– Пусть у них потухнут очаги!

Огнепоклонники содрогнулись – подобное пожелание было страшным проклятием и самой черной бранью. Легче смерти пожелать.

– Пусть, – согласился Клык. – И мы их накажем, богохульников. Понял, старик? Они – ваши враги, а мы враги им. Значит, мы для вас кто? Правильно, друзья! А друзьям надо что? По-мо-гать! Вот ты и подскажи нам, как пробраться в крепость незаметно.

Ярлы и княжич Халег согласно закивали.

– Вокруг крепости есть слободы, – сказал ярл Олав Лесоруб, – но оттуда все уже, наверное, сбежали и спрятались за стенами. Вместе со всем своим добром!

– Можно, конечно, пойти на приступ, – рассудил ярл Рогволт Глубокозадумчивый, – но сколько мы положим наших?

– А главное, зачем? – энергично поддержал его ярл Вуефаст Дорога. – Мы отправились грабить Ширван, а не этот Нефтяной берег. Нас ждет Шемаха – там горы шелка! Что нам этот Баку?

– Верно! – подвел черту князь Инегельд Боевой Клык и вновь обернулся к главному жрецу: – Выкладывай, старик, выкладывай все, что знаешь.

Эрбад задумчиво пожевал губами и вымолвил:

– Есть одна проход... На южная стена имеется такой труба, он спускает воду в ров... Идти надо ночью.

– Покажешь! – сказал Клык и так хлопнул жреца по тощему плечу, что тот аж присел. – «Чертова дюжина»! – заорал он. – Готовься!

– Всегда готовы! – осклабился Олег.

– Шатры ставь!

Пока молодежь устанавливала шатры, Сухов прогулялся по храму. «Вот тебе, богоискатель, еще одна вера, – подумал он. – Есть Ахурамазда, бог добра, и есть Ариман, бог зла. Ахурамазда вечно мутузит Аримана, тот дает сдачи. Понятная такая система...»

– Ом-м! – послышался внезапно негромкий голос, тянущий глубокую согласную. – Ом-м-м!

Рука Олега непроизвольно дернулась к мечу, но он вовремя разглядел в тени одинокой кельи этакого седобородого патриарха в длинной тунике и варварской безрукавке из меха. Патриарх сидел на расстеленной шкуре снежного барса: пятки поверх колен, ладони дощечками, одна над другой, веки полуопущены. Буддист, что ли?

Заинтересовавшись, Сухов подошел ближе. Патриарх открыл глаза, и Полутролль поклонился старцу, сложив перед собой ладони по восточному обычаю.

– Я не следую путями Колесниц, – сказал тот на плохом арабском, намечая улыбку.

– Колесниц?

– Будда указал два пути – узкий путь Малой Колесницы для избранных и широкий путь Большой Колесницы для всех. По этим путям идут многие, спасаясь от иллюзии и раздвоенности сансары, но я не следую им.

– Тогда какому богу ты молился?

– Единому, – кротко улыбнулся патриарх. – Любая вера хороша. Все боги ведут к Единому: Шива и Брахма, Ахурамазда и Христос. Имена богов исполнены активной мощи. Властелин Шива и властелин Зевес – лишь разные проявления Единого, все боги восходят к нему. Из него, вечного, проистекает все, что движется и что неподвижно, все небесные тела, пространство и время. Единый – это безличностное начало, Абсолютная Истина и Великая Пустота... Только я не молился. Не внимает Единый человеческим молитвам – люди слишком ничтожны для него. Как мы равнодушно взираем на суетливых муравьев, так и нас самих воспринимает Великая Пустота. Наши души, как искорки костра жизни, гаснут в ее бесконечности, возносимые ветром смерти...

– Тогда что это было? Медитация?

– Я пытался увидеть истину и постичь себя, – ответил старец и прочитал нараспев: – «Пространство внутри сердца такое же огромное, как Вселенная. Именно в сердце заключены все миры, небо и земля, огонь и ветер, солнце, звезды, луна и молния». Так говорят Упанишады...

– Но если ты не молишься, а постигаешь истину, зачем обязательно обращаться к

Единому?

– Знание торит дорогу спасения. Через знание приходит свобода от великой цепи кармы.

– Ах, кармы...

Патриарх кивнул, жмурясь от луча, проникшего в келью, но головы не отворачивая.

– Страшен закон кармы, – проговорил он, – даже боги подчиняются ему. Карма – это рабское странствие человека по круговороту смертей и рождений. Мы бредем по кругу сансары всю жизнь, рождаясь в муках и умирая в страданиях. Но только во временном теле человека дух способен освободиться от кармических уз. Это означает конец рождений и слияние с Абсолютом... Лишь тот, кто каждым поступком и помыслом приносит жертву Великой Пустоте, преодолев карму, избегнет плена материального мира...

– Ну-у... – протянул Олег. – Не уверен я, что этого плена так уж стоит избегать...

Патриарх тонко улыбнулся, смолчав.

– Ну ладно, – сказал Сухов. – Допустим, я хочу разорвать это ваше кольцо сансары и слиться с Абсолютом. Что мне, в святые податься?

– Преодоление кармы не требует святости. Да и что есть святость? Не совершение грехов? Этого мало... Ищущему спасения следует отказаться от заблуждений.

– Например?

– Например, не воспринимать себя обязательно принадлежащим к определенной семье или роду. Духовная сущность человека никак не определяется качествами его временного тела или отношениями этого тела с другими. Трудное искусство Акармы заключено в умении действовать, не вызывая своими поступками никаких последствий.

– По-твоему, это возможно? – усомнился Олег.

– Это самодовлеющая истина. Постичь ее способен лишь тот, кто освободился от всех материальных желаний, равно как от привязанностей и скорбей. Я пока несовершенен и недостойн и только-только осознал вечную связь с Высшей душой, источник которой – Великая Пустота. Но я продолжаю путь и надеюсь, что скоро увижу божество в своем сердце...

– Удачи! – пожелал Сухов.

«Не-е... – вздохнул он. – Не слиться мне с Абсолютом!» Куда ему от иллюзии мира? От заблуждений любви и дружбы?..

* * *

Часа в два ночи, когда небо на востоке еще даже сереть не начало, любимая лодья князя Инегельда, окрещенная «Соколом», отплыла в сторону матерого берега. Корабль шел без мачты, поэтому заметить лодейный силуэт на фоне темного моря было практически невозможно, а гребцы опускали весла плавно, без всплеска. И надо ли говорить, что на борту стояла полная тишина? «Сокол» подкрадывался сторожко, как хищник к добыче.

Вечером ярлы договорились, что на захват, кроме «чертовой дюжины» Клыка, пойдут еще по двое от каждой лодьи – всего сорок пять человек. А потом, когда этим сорока пяти удастся открыть ворота крепости, вовнутрь ворвется команда «Сокола». Она завяжет бой, а тут и остальные-прочие подоспеют, и Баку придет хана.

Олег, как и товарищи его по «чертовой дюжине», не сидел за веслом, берег силы для подвига.

Бакинцы будут настороже – это уже заметно. Вон, по всей стене коптят огни. Защитники крепости жгут нефть в огромных площадках-светильнях. Дрожащее оранжевое зарево светит недалеко, но вода во рву – почти вся на виду.

– Водичка там морская, – тихо давал вводную Турберн, – вливается по копанке с моря. Ров вырыт кругом, только вода в нем не везде, только со стороны берега и еще маленько с полуночного боку, где у них ворота. Дальше она не поднимается... В общем, так. Добираться будем вплавь. С моря – в копанку, из копанки – в ров, изо рва – в трубу. Жрец говорит,

решетка там гнилая, выломать можно, только она вся под водой, а выныривать нам нельзя – арабы заметят. Только под самой стеной, где не видно. Поняли?

Бойцы серьезно кивнули, не заметные в ночи.

– Пора... – послышался голос князя.

Олег снял сапоги, проверил ножны с кинжалом – ни мечей, ни кольчуг не брали с собой – с грузилами не выплывешь.

– И чтобы без шума! – строго сказал Железнобокий, переваливаясь через борт.

Олег нырнул пятым, после Ивора, и поплыл к берегу, ориентируясь на свет со стен Баку. Канал, проведенный от моря к крепостному рву, он заметил по огненным бликам.

Рядом с Олегом вынырнул Пожиратель Смерти и рассмеялся тихонько.

– Дураки эти гуламы, – выговорил он. – Развели огонь, прячутся на пламя... Как после этого увидеть хоть что-то в ночи?

– Нам же лучше! – усмехнулся Сухов. – Поплыли?

– Поплыли!

Вода в канале была мутная, песок, поднятый забегающей волной, не оседал, плавал, покалывая кожу.

Во рву было поспокойнее, и Олег открыл глаза, различив над собой слабые отражения огня. Сориентировавшись, он подплыл к самой стене и осторожно вынырнул в «мертвой зоне». Турберн уже был здесь – морщился недовольно и обтирал рукою пыльные усы, обвисшие двумя хвостиками.

– За мной! – прошептал Железнобокий и нырнул.

Олег последовал за ним, поплыл вдоль стены, ощупывая руками каменную кладку, пока не натолкнулся на плечо человека. Плечо шевельнулось и напряглось. Гулкий удар разнесся под водою, такой громкий, что Олег даже испугался. Выпустив бульки, он передвинулся и нащупал пальцами бронзовую решетку. Решетка шаталась, как гнилой зуб. Сухов вцепился в нее, упираясь ногами в камни, поднатужился... Рядом пристроился Малютка Свен. Напряглись мускулы, и решетка подалась. С громким скрипом разогнулись шипы, и Олега отбросило вместе с бронзовым изделием. Он выпустил решетку из рук и поспешно вынырнул, прислоняясь к стене. Вдохнул, провентилировал легкие как следует. А под водой уже было не протолкнуться – десяток за десятком проскальзывали варяги в узкую трубу слива.

Олег проник в круглый, выложенный кирпичами лаз в числе последних. Он проплывал шаг за шагом, брезгливо касаясь стенок, и старался не думать о том, какую именно дрянь сюда сливали.

Неясный шум его насторожил, а когда он вынырнул, то оказался в глубокой нише. В нишу не проникал свет десятков факелов, а зря. Снаружи шел бой – варягов, вооруженных одними ножами, встретили гуламы в полном боевом, со щитами, с мечами и топорами. С яростными криками они набрасывались на русов, русы гибли, но прихватывали с собой одного-двух гулямов каждый.

Малютка Свен, мокрый и злобный, трубно ревел, вертя отобранной секирой, и наносил такие удары, что никакое светило медицины уже не могло бы помочь его жертвам.

– Олег! – заорал Турберн, отбиваясь от наседающего араба. – Уходи! Все уходим! Нас тут ждали!

Засвистели стрелы. На глазах у Олега три «змеи битвы» пронзили грудь Карла Убийцы, одного из «чертовой дюжины». Карл захрипел и тут же заработал стрелу в глаз.

– Свен! Бросай секиру! Уходим!

– Щас я! Н-на, зараза!

Могучий удар вогнал секиру в грудь гуляма по самый обух. Вперед скользнул Ивор. Выхватив у падающего мертвяка меч, он заработал им с таким неистовством, что гуламы испуганно отступили. Один из них, схватился за горло, роняя оружие, и его руки, белые в полутьме, зачернели кровью. Тут же закачался другой, со смертным стоном выгнулся третий...

– Уходите! – крикнул Пожиратель Смерти. – Я прикрою!

Русы, огрызаясь, отступили, по одному скрываясь в трубе водостока. Нырнул и Олег. Грязная вода во рву, видимая из спускной трубы, светилась оранжевым – арабы лили горящую нефть на воду. Не вынырнешь!

Взглядывая на огонь, мятущийся у него над головой, Сухов мощно погреб к каналу. Слава арабам – растекшаяся горючка высветила темный провал – вход в канал. Олег устремился туда и вынырнул за порцией воздуха. В тот же миг вода коротко взбурлила от ударов стрел. Сухов поспешно скрылся в глубине, ощущая касание древка, прорвавшего рубаху. «Ничего, – думал он разрывчато, – ткань – не кожа... Ну, я вам еще устрою!»

Вынырнув уже в море, он распознал неподалеку мокрую фигуру Турберна, орущего в сторону моря.

Пока приближался «Сокол», рядом с Олегом выныривали остальные. С радостью он увидел живых и здоровых Ивора и Свена.

– Живем? – осклабился Сухов.

– Еще как! – разулыбался Малютка.

Если бы арабы оказались посмелее, они бы смогли покончить с диверсантами, но никто из гулямов не решился покинуть крепость – слава русских воинов по всем берегам Каспия была велика.

Мокрые варяги полезли в подваливший «Сокол», и светлый князь замысловато выругался – в атаку отправились сорок пять воинов, а вернулся тридцать один...

* * *

Унылые и злые, варяги собрались во дворе зороастрийского храма. На востоке горизонт едва посветлел, пепельной полоской отделив черное небо от темной земли, воины стояли в потемках, негромко переговариваясь. По ним перебегали малиновые отсветы вечного огня, то высвечивая хмурые лица, то бросая на них тень.

Те, кто вымок, толпились в ротонде, греясь у неугасимой горелки, поворачиваясь, чтобы одежда сохла быстрее.

Олег стоял тут же, протягивая руки к огню. От мокрой рубахи валил пар, оставляя соляные разводы, ткань дубела, но это пустяки. Вон, огнепоклонники вообще в чем попало гуляют. А некоторым уже все равно...

– Я бы щас по слободкам ихним прошелся, – со злостью вымолвил ярл Рогволт, – все бы спалил, на хрен!

– А толку? – угрюмо сказал ярл Олав. – Крепость не спалишь...

– Но можно попробовать, – вырвалось у Олега.

Все посмотрели на него. Сухов не смутился – выпрямился и задрал подбородок.

– Ты это о чем? – прямо спросил Клык.

– Если в слободах найдутся бревна или брусья... какие-нибудь балки потолочные, то можно попробовать построить катапульту.

– Чего-чего построить? – не уразумел Малютка Свен.

– Котопульту, – подсказал ему Ивор.

– Котов пулять? – изумился Свен.

Мрачные выражения лиц сменились обычными, в задних рядах засмеялись.

– Катапульты – это такое метательное орудие, – назидательно объяснил Боевой Клык, – если столкнетесь с ромеями, узнаете. Она вот такие каменюки, – князь развел руки, показывая размер снарядов, – мечет за тыщу шагов!

– Серьезная штука, – заценил Свен. – А нам она зачем? А-а... Понял! Каменюки по крепости метать?!

– Не камни, – терпеливо втолковывал Олег, – а горшки с нефтью! Если такой горшочек запалить да метнуть, мы всю крепость сожжем, на хрен!

Ярл Олав крякнул в доvole.

– Это выход! – сказал он. – И ты знаешь, как их делать, эти кото... ката... Ну, ты меня понял?

– Соображу, – ответил Олег, – если найду все, что нужно. Надо Саида порасспросить... А где он, кстати?

Варяги заоглядывались, и тут Пончик сказал громким голосом:

– Саида давно уже нет на острове! Я сам хотел его найти, чтобы он перевел мне надписи на ротонде, и нигде не нашел...

– Не там искал, – выцедил Олег. – Саид наверняка в крепости – вот кто нас арабам сдал!

Варяги яростно взревели.

– Найду, подлюку, – пообещал Клык задуманным голосом, – лично врежу ему «красного орла»! Собираемся! Поищем по слободе, что Олегу нужно. Если не возьмем с бакинцев золотом, так хоть спалим этот подлый городишко!

* * *

Слобода к северу от Бакинской крепости была застроена глинобитными мазанками, с плоскими крышами и кривыми дувалами, через которые перевешивались ветви тутовых и инжировых деревьев, акаций и каштанов. Но попадались и дома побогаче, иные в два этажа вытягивались.

В один такой, стоявший на возвышенности – шагах в двухстах от стен крепости, – и ввалились полсотни варягов.

Олег прошелся по-хозяйски, оглядел потолок мехмонханы – гостевой комнаты.

– Семь балок! – сказал он удовлетворенно. – Ломай, ребята!

Ребятам только скажи... Мигом разобрав крышу, русы выдрали балки и спустили их во двор. Затем бригада «ломастеров» отправилась дальше, и к разгару утра у Олега было полно пиломатериалу. Нашлись и костыли, и кожаные ремни.

– А ты точно знаешь, как ее строить? – недоверчиво спросил Пончик.

– Да я этого добра столько в Интернете перевидел, – отмахнулся Сухов. – И баллист, и онагров... Сообразим! Зря я, что ли, вуз заканчивал?

Среди варягов хватало опытных корабельщиков, умелых в обращении с деревом. Они живо собрали опорный каркас катапульты-онагра, поставили верхнюю раму, уперли ее откосинами, приладили метательный рычаг с плетеной пращей, скрутили упругий жгут из вороха кожаных ремней и волосяных веревок. Больше всего возни было с механизмом натяжения. Пришлось разжигать огонь в местной кузнице и отковать грубое подобие шестерен с храповичками.

Понаблюдав за ходом строительства «чудо-оружия», ярл Инегельд поскреб в затылке и разослал своих людей собирать по домам глиняные сосуды, наполнять их «каменным маслом» из ближайшего нефтяного озера и складывать в сторонке. Олег и Пончика припахал – заставил подобрать испытательный снаряд с учетом веса будущих зажигательных бомб. Шур соорудил весы-качели, пока не уравнил большой горшок, полный нефти, с каменной глыбой, выломанной из забора.

После обеда состоялось испытание.

– Крутим! – скомандовал Олег, берясь за рукоятку натяжного механизма, и варяги взялись за дело.

Толстый сноп из ремней и веревок скручивался и скрипел, поддаваясь все туже и туже.

– Хватит! Закладывай камень!

Малютка Свен с готовностью подхватил увесистую глыбку, вывешенную Пончиком, и бережно уложил ее в веревочную пращу.

– Ну-ка...

Олег подхватил секиру и обухом ударил по стопору. Жгут с визгом крутнулся, метательный рычаг с грохотом ударил по верхней раме, обмотанной толстым слоем тряпья, и

камень унесся по крутой дуге, вращаясь в полете.

– Здорово! – выдохнул Свен.

Пончик влетел во двор с криком:

– Перелет! Перелет!

– Ага! – К Олегу вернулась уверенность. – Тогда надо передок приподнять.

Общими усилиями нижнюю раму приподняли над землей, подложив под нее пару брусьев.

– Крутим! Заряжаем!

Последний оборот. Свен торжественно кладет камень.

– Пуск! – весело гаркнул Сухов.

Катапульта сотряслась, а камень увистал по-над крышей разобранного дома.

– Попал! – донесся крик Пончика.

– Крутим? – радостно спросил Малютка Свен, прижимая глыбу к животу.

– Пока не надо, – строго сказал Олег. – Делаем еще парочку орудий... Или две парочки. Короче, сколько успеем. И стрельнем залпом!

* * *

Работа катапультиков завершилась лишь к вечеру – пять орудий стояло вдоль пустынной слободской улицы.

– Ну все? – спросил ярл Олав нетерпеливо.

– Все! – выдохнул Олег. – Можно начинать!

– Крутим! – гаркнул Малютка Свен.

Варяги опустили и закрепили метательные рычаги, уложили в них большие кувшины с нефтью, запечатанные, с фитилями, смоченными все в том же «земляном масле». Заскрипели сворачиваемые жгуты – в слободе не хватило ремней, но ярлы не пожалели корабельных снастей из кожи моржа и тюленя.

– Готово!

– Поджигай!

– Горит!

– Пускай!

С множественным грохотаньем сработали катапульты. Пять снарядов, распуская по вечеряющему небу шлейф искр, унеслись к крепости и лопнули на улицах, разбились о плоские крыши. Полыхнуло пять очагов возгорания.

– Ага! – заорал ярл Рогволт. – Грейтесь теперь!

– Крутим!

И еще один залп. И еще. Неумело собранные катапульты расшатались, грозя развалиться вовсе, но с функцией своей они справились – в крепости начался нешуточный пожар.

Большие кувшины кончились, тогда нефть стали наливать в кожаные бурдюки, для этого и предназначенные. Бурдюки хлопались на улицы Баку и расплескивали лужи огня. Пробивали хлипкие крыши, и тогда гудящее пламя охватывало дома изнутри. Вой и крики донеслись до катапультиков, радуя закаленные варяжские сердца.

Стемнело, но в крепости было светло – пожар бушевал, пожирая все, что могло гореть.

– Арабы выезжают из ворот! – прокричал Фудри Москвич.

– Много их? – встрепенулся князь Инегельд.

– Человек десять! Едут сюда!

– Не трогать сарацин!

Арабы на белых конях, закопченных сажей, въехали на возвышенность и остановились. Ехавший впереди – в шитом золотом халате, с жирной талией, стянутой поясом, черненным серебром, в парчовых сапогах с загнутыми носами, в белой чалме – слез с коня и поклонился князю Инегельду. Видно было, что поклон дался арабу с превеликим трудом – его смуглое

лицо было стянуто, как маска, а губы сжаты в ниточку.

– Я шейх Нафты, – надменно проговорил араб, – меня зовут Абу Юсуф Усман ибн Назир. Сколько мы должны заплатить, чтобы вы покинули Нефтяной берег и оставили в покое жителей его?

Олег перевел, и Боевой Клык удовлетворенно кивнул головой.

– Люблю таких, – признался он. – Не ходят вокруг да около, а сразу о деле ведут речи. Значит, так, Абу... мнэ-э... и так далее. Выплатишь нам дань золотом... можно жемчугами или камнями, подбросишь пропитания и передашь на мой суд некоего Саида, бежавшего от нас. И мы снимаемся с якорей!

Поторговавшись, шейх с князем сошлись в цене.

* * *

Ранним утром воины Аллаха с постными лицами пригнали десять ишаков, груженных драгоценными металлами и тканями, вином и продовольствием, пробовать которое варяги заставили самого шейха. Усман ибн Назир добросовестно покусал все фрукты и отпил из мехов. А к ослу, плетущемуся последним в череде ушастых собратьев, был привязан Саид. Толмач дергался и извивался, пуча глаза, но Боевой Клык встретил переветника с отеческой улыбкой.

– Здравствуй, Саид, – проворковал он. – Чего ж ты ушел и не попрощался? Нехорошо... А ну-ка, кладите это дерьмо пузом вниз!

Малютка Свен и Стегги Метатель Колец сноровисто уложили брыкавшегося Саида на шатун катапульти, и сдернули с него рубаху. Варяги окружили место казни плотным кольцом.

– Приступим!

Князь Инегельд вытащил нож, приложил его к спине Саида, отчего тот забился в путах, и распорол предателю кожу вдоль хребта, взрезая мышцы с сухожилиями и хрящами, отделяя ребра от позвоночника. Прodelав ту же операцию с другого боку, Клык вывернул наружу ребра, открывая розовые легкие.

– Вытащи ему крылья, князь! – завопил Турберн в полном восторге.

– Не-ет, – улыбнулся нежно Боевой Клык, – так он сразу сдохнет... А я хочу, чтобы эта мразь полетала! Отпускай!

Свен со всей силы трахнул по стопору, и метательный рычаг зашвырнул воющего Саида в небо.

– Как парит! – сказал Олег, провожая глазами толмача. – Наш орел!

Дружина загоготала и повалила к берегу – все должно быть по-честному. Получили выкуп? Получили. Обещали отплыть сразу же? Обещали. Значит, надо держать слово.

Оживленно делясь впечатлениями, варяги полезли на лодьи.

– Весла на воду!

Бакинцы-погорельцы стали потихоньку покидать крепость. Они боязливо толпились у ворот и глядели, как уходят страшные дэвы с холодного севера. В сторонке стояли двое, он и она – красивая молодая женщина, безуспешно скрывающая великолепную фигуру под мешковатым покрывалом, и пожилой мужчина с обрюзгшим лицом евнуха. Коротко посоветовавшись, странная пара оседлала коней и отбыла по дороге в Шемаху.

А лодьи обогнули острова и подняли полосатые паруса. Устойчивый хазри погнал корабли дальше на юг – за новой славой, за новыми приключениями, за новой добычей.

Глава 5, в которой Олег обретает и теряет рай

Лодьи шли ходко, надутые паруса несли их вдоль Нефтяного берега, то удаляя, то приближая довольно унылые пейзажи – бесконечные валы галечников перемежались

золотистыми песками, частенько наметаемыми в высокие дюны. Острый запах нефти по-прежнему витал в воздухе, мешаясь с пустынным ароматом полыни.

Экипаж «Сокола» от безделья не маялся, иначе суровый дядька Турберн обязательно нашел бы тунеядцам работенку. Все были как бы при деле – починяли оружие и ухаживали за ним, чуть ли не облизывая клинки и секиры.

Олег был занят скимитаром – любовно протирал клинок, доводя до зеркального блеска, чистил ножны, изнутри выстланные овечьим мехом.

– А для чего мех? – заинтересовался Пончик. – Чтоб лучше скользило?

– Почти угадал... На овечьей шерсти всегда есть налет жира, его там чуть-чуть, но все равно, смазывает меч... Средство от коррозии, понял?

– Ага... Дай подержать.

– На... За рукоятку бери! Клинок пальцами не трогай, ржа пойдет.

– Да ну... От пальца?

– От пота!

Пончик с почтением принял меч, повертел его, с видом большого знатока проверил баланс.

– Хорошая штука, – заценил он. – Почти что булат...

– Ничего себе – почти! – фыркнул Олег негодуя. – Да это и есть булат!

– А где такие полосочки с разводиками на лезвии? Где?

– Балда! Полосочки с разводиками на кованом мече появляются – когда его из разных полосок складывают, скручивают и проковывают сотни раз! А настоящий булат – литой, его из стали «вуц» делают. Понял? Индийцы готовые отливки продают, а кузнецы из них клинки куют... И лезвия не касайся, острое очень.

– А если сверху на него платочек уронить, разрежет?

– Запросто.

Олег забрал меч и вложил его в ножны.

– Скажи, – задумчиво проговорил Шурик, – а чего ты хочешь добиться?

– В смысле?

– Ну, в этом времени. Чего достичь?

Олег подумал и только рукой махнул.

– Да ничего я уже не хочу, – сказал он с легким раздражением. – Раньше хотел, да. Вот, думаю, пройду посвящение, выбьюсь в хольды, а там, глядишь, и дружинку собью. Ежели не рассорюсь с госпожой Удачей, то и лодьей обзаведусь, смогу свою ватагу в походы водить, разбогатею еще больше. Слава пойдет, коли не убьют... Так и в ярлы выйти можно. Ну, это я раньше думал. А теперь... Что толку хотеть, когда какая-нибудь темпоральная хрень опять тебя выдернет и закинет непонятно в какой год и какое столетие? Вот я с Инегельдом в походе участвую. Повезло, можно сказать. Но прошлые-то результаты мои обнулились, считай. Я все начинаю сызнова!

– Ты неправ, – покачал головой Пончик. – Да, прежние знакомства и связи ты потерял, но опыт, но мастерство остались с тобой!

– Это ты про меч? – скривился Олег. – Да, кое-что я могу. Ну а если бы нас закинуло подальше, ко времени, когда пользуются шпагами? Или саблями? Все, опять мне переучиваться! А ты помнишь, сколько я времени убил, пока арабским овладел? А я еще и по-старофранцузски могу. Вот только кто меня поймет даже в веке тринадцатом? Выходит, опять зря? Господи, как оно мне уже надоело все...

– Ох, – вздохнул Шурик, – лишь бы нас зашвырнуло в те годы, когда мечами стали баловаться – в ролевках, на фестах ваших...

– Зашвырнет... – протянул Сухов и сделал жест в стиле Мимино: – Я так думаю!

Пончика позвали на корму, перевязку менять, а Олег задумался. Это перед Шуркой он мог корчить из себя оптимиста заядлого, у которого проблем нет и не было. В реале-то все иначе. Проблемы были.

В принципе, все они сводились к одной-единственной – проблеме выбора. «Каждый

выбирает для себя женщину, религию, дорогу...» Он выбрал путь воина. Трудный путь, зато почетный. С блестящими перспективами и обеспеченным житьем. Вот только за перспективы приходилось платить – рисковать своей жизнью и отбирать ее у других. Последнее было самым поганым. И тут дело не в самом причинении смерти. В конце концов, когда свеи напали на Ладогу, он их кроил за милую душу, и никакая совесть не тревожила его, не портила аппетит, не лишала сна. Но свеи были врагами, захватчиками, и дать им отпор было священным долгом и первейшей обязанностью бойца. Однако эти походы... Он сходил на Миклагард, на Лундун, теперь вот и Дербент на его счету. И кто он? Защитник разве? Нет, обычный захватчик. Пират. И тот толстый дербентец, зарубленный им в Верхнем городе, не был врагом, над коим одержана победа. Он его просто убил. Прикончил, защищаясь. Защищаясь, да, но разве это оправдание? Это тот толстяк защищал свой дом, своих близких от находников вроде него... Вот тут-то все и начинается – просыпается совесть и принимается грызть. А за что?! Разве он мог иначе? Что ему, стыдливо потупясь, не убивать, перепоручив «мокрые дела» сотоварищам? Так они тогда автоматически перестанут быть ему товарищами – на кой им нужен такой побратим? Выбор! Чертов выбор! Он никак не может уговорить свое благовоспитанное нутро, что выбор делается окончательно, полностью, без вычетов и оговорок. Если уж ты взял в руки меч, то пользуйся им. Если встал в строй, то шагай со всеми в ногу. Бьется дружина? И ты бейся! Грабит братия? И ты грабь! А иначе ты живо лишишься почтительного уважения мужчин и любви девушек. По их понятиям, воин, вернувшийся из похода без добычи, плох. Это или неумеха, или трус. Кто такому руку жать будет? Вот и думай...

Он и думает. Дорогу он выбрал сразу, топает по ней, не сворачивая. А вот женщины у него нет – такой, которая не на одну ночь, а на одну жизнь, такой, что не жалко за нее все отдать и душу продать. Душа... Олег чувствовал себя на пороге, накануне, в преддверии Большого Откровения, но сознание все еще упиралось. Хотя и опаска зарождалась уже – как бы жестокое бытие и вовсе не выдавило из него последние капли добра. Или содеянное им сложилось в такой задел зла, какого ему не избыть во веки веков?..

* * *

Лодья плавно повернула нос к востоку, направляясь к малозаметному острову, плоскому, как блин, но усеянному конусами грифонов.

– Готовимся! – разнесся веселый голос княжича Халега. – Все на помывку!

«Сокол» приблизился к острову со стороны маленького заливишка и заскрипел килем по галечнику. Остальные лодьи причалили неподалеку. Варяги, гомоня и перешучиваясь, полезли за борт.

– Какая еще помывка? – не понял Пончик. – В бане, что ли?

– Пошли, – потянул его за собой Малютка Свен, – мы тут всегда моемся, когда на юг ходим. Тут грязюка такая – все что хошь отмоешь, и вода не соленая есть. Горячая! Айда!

Олег перепрыгнул через борт и побрел к берегу. Весь остров был расковырян круглыми кратерами грязевых вулканов – жидкая глина вздувалась огромными пузырями, лопалась и оседала, пуская вонючий парок. Между кратерами – огромными, как круглые озера в тридцать шагов поперечником, – разливались лужи прозрачной «газированной» воды. Дно было чистым, выложенным галькой. Утробный гул и шипение разносились над островом, перебиваемые плеском и плюханьем горячей грязи.

– Значит, так, – зычно скомандовал Турберн. – Воды мало! Кто хочет помыться – раздевайся и в море окунайся. Мокрые натираются грязью – и обратно в море, мыться! В прудках этих только соль споласкивать. Понятно?

– Ага! – гаркнули варяги.

И вот тысяча голых мужиков, гогоча и шлепая друг друга по гулким спинам, полезла в море. Вода была теплой, и Олег от души скупнулся. Вылезая на берег, он прошлепал к ближайшему кратеру и как следует обмазал себя горячей, скользкой грязью.

– Тебе спинку потереть? – заорал Пончик.

– Мочалки нету!

– Га-га-га!

Смыв с себя всю грязь, Сухов с наслаждением опустил в глубокую лужу – как в ванну. Сполоснулся и уступил тесный водоем товарищам.

– Ух! – довольно крикнул князь Боевой Клык, шлепая себя по животу, где каждая мышца выделялась ромбиками. – Как в баньку сходил!

– Не-е... – покачал головой Олав Лесоруб. – Без парной какая баня?

– Тоже верно.

– Ничего, – взбодрился Олав, – вот возьмем Шемаху, попаримся! Там тоже бани водятся... Эй, ну все, кончай воду мутить! Двигать пора!

Чтобы зря не мокнуть, варяги полезли на лодьи в чем были, то есть голяком, и уже на борту облачились в порты и рубахи. Протрубил рог.

– Паруса ставим!

Шестнадцать кораблей развернули полосатые паруса и легли на курс.

* * *

Утром «эскадра» вошла в устье Куры. Река текла переполненная мутной водой – снега в горах продолжали таять, подпитывая исток.

Места вокруг Куры лежали пустынные – сплошь полынь да кусты держи-дерева, но берега окаймляли реку пышной зеленью тугайных лесов. Ива, белый тополь, береза, кусты ежевики и тамариска вырастали невысокими и корявыми, но стояли густо и часто, переплетаясь в живую изгородь.

Днем и ночью из тугаев неслись птичьи крики, а когда из зарослей доносился рык тигра, то разом хлопали тысячи крыльев, вознося несметную стаю над деревьями, и помет обильно выбеливал листву.

Иногда заросли прореживались, и глазам открывались маленькие озера-ахмазы, блестящие неподалеку от русла Куры. Тугаи охватывали лесополосками и озерки.

Хазри по-прежнему поддувал в паруса, но течение здорово тормозило ход лодий, и гребцам приходилось помогать ветру.

Подошло время, Турберн оживился, начал высматривать одному ему знакомые приметы, пока уверенно не указал в сторону правого берега:

– Сюда! Бона протока, она выведет в озеро. Мы там стояли в прошлый раз, когда на Барду ходили.

Лодьи послушно повернули, куда сказано.

В самом деле, сплошная стена тугаев раздернулась, словно занавес, и открыла узкую затененную протоку, над которой склонились ивы, макающие плети ветвей в зеленую воду.

Лодьи медленно проплыли, мачтами расчесывая листья смыкавшихся верхушек, и вышли в озеро – овал глубокой воды. На пригорке, посреди вырубленного леса, возвышался частокол брошенного лагеря.

– Стоит еще, – удивился Железнобокий.

Некоторые бревна повыпадали из общей ограды, другие здорово подгнили, но все равно фортификационные работы обещали быть куда более легкими, чем ожидалось.

– Починим, и ладно будет! – вынес свой вердикт князь Инегельд. – Высаживаемся! «Чертовой дюжине» все осмотреть кругом, все подходы разведать. Вперед!

* * *

«Чертова дюжина» разошлась веером. Олегу достался сектор у самых тугаев, куда он поглядывал с опаской. Точно неизвестно, когда в Закавказье исчез последний тигр и витязи перестали заматываться в полосатые шкуры, но в начале десятого века этих рыкающих

хищников хватало. Они охотились на оленей и кабанов, коих тоже было в достатке, а изредка тигриную добычу оспаривал лев, чей громовой рык сотрясал тугай.

Сухов крался, лавируя между редкими железными деревьями, пока не вышел на опушку. Дальше, питаемая близкой водой, стелилась степь. Трава вымахала высокая, почти в рост человека, но, чем дальше к северу от Куры, тем она делалась реже и ниже, пока не сходила вовсе, открывая горячую землю, где-нигде заросшую серебристой полынью.

Внезапно Олег насторожился – ему почудилось, что заржала лошадь. Причем ржание тут же прервалось не по воле животного. Было похоже, что рука человека сжала губы коню, и тот смолк.

Сухов внимательно огляделся, едва поднимая голову над метелками трав. Никого...

В ту же секунду послышался тихий шелест, и грудь Олегову стянул волосяной аркан, прижимая руки по швам и сбивая дыхание. Сухов сделал судорожный полувдох, рванулся, но тут аркан дернули так, что петля врезалась в тело, сдавливая руки и ребра тисками.

Олега повалило в траву, и все что он успел сделать, это закрыть глаза, защищая органы зрения от стеблей дикорастущих злаков.

Сухов хотел крикнуть, но не было воздуха, а потом пятеро малорослых и кривоногих мужчинок, воняющих немывтыми телесами, набросились на него, стали накручивать кожаные ремни, угрожающе лопоча:

- Поганный... Попался!
- Проклятый руси...
- Хоть одного добыли!
- Куда неверного?
- Привяжем к седлу!

Олегу связали руки и распустили аркан, чтобы пленник не задохся. Сухов набрал воздуха в изголодавшиеся легкие, но тут же плотная ткань обмотала ему рот. Он изловчился и стукнул одного из нападавших пяткой в колено. Тот глухо вскрикнул и попал под удар, отбросивший скрюченное тело на пару шагов. Взбешенные мужчинки кинулись одновременно и пинать Олега, и связывать ему ноги. Типчик с рваными мочками ушей заработал удар коленом в лицо, оглушивший и расквасивший ему нос. Но, видать, пятерка была привычной к пастушеству и наловчилась вязать сноровистых бычков – Олега скрутили так, что не вздохнуть, не охнуть. И поволокли в отдаленную рощицу, где, как оказалось, были привязаны кони. За ними приглядывали еще двое.

Только теперь Олег разглядел своих похитителей как следует. «Семеро смелых» не были смуглы от природы, просто загорели на солнце дочерна. Двигались они резко и выверенно, как опытные воины, но замечалась и чисто гражданская расхлябанность. Мужчинки ходили в засаленных халатах, головы были обмотаны чалмами по-шиитски – в двенадцать оборотов, на ногах красовались мягкие чуваки из сафьяна, а вот мечи, заткнутые за пояс, чудились предметами чужеродными. Скорее всего, мужчинки привыкли к иному оружию. К луку и стрелам, например.

Олега усадили на коня и крепко привязали к седлу. Повод держал в руке один из мужчинок, которого все прочие звали Джавдетом. Джавдет хищно улыбнулся, демонстрируя кривые желтые зубы, и с ловкостью опытного наездника вскочил в седло. Глухо свистнув, он поскакал, таща за собою коня с Олегом.

Семерка, глухо топоча, поспешила скрыться из опасных мест. Мужчинки двигались по краю тугаев, пригибаясь к шеем коней, почти незаметные за буйными зарослями бурьяна.

Они скакали по своим следам, держа путь на восток. Полутролль оглянулся назад, но ничего и никого не заметил – даже тени не промелькнуло.

«Вот влип!» – мелькнуло у Сухова. Он еще подумал, что семеро похитителей долго следили за лодьями, поднимавшимися по реке, но эмоции смыли мысли, а самым сильным чувством, переполнившим Олега, была ярость, настоящая злоба. Хотелось душить этих вонючек, кромсать, пускать грязную кровь. Но ремни, туго стягивавшие руки и ноги, не поддавались – бывшие пастухи умели крепко затягивать узлы.

Обогнув густую рощу из низеньких, тонкоствольных топольков, похитители выехали к своему лагерю. На небольшой возвышенности стояли шатры из черного войлока, а рядом паслись верблюды, уже нагруженные – огромные плетеные корзины свисали по обоим бокам животных.

Завидев приближающихся мужчинок, в лагере забежали, кинулись снимать шатры и грузить все хозяйство на лохматых лошадок степной породы. Когда семерка вместе с Олегом въехала на территорию лагеря, караван был готов двигаться в путь.

Толстый, но весьма подвижный караван-баши подкатился к Джавдету, оглядел Олега и расплылся в кровожадной усмешечке.

– Вай, молодец! – пропел он и оглянулся, резко меняя интонацию на повелительную: – Масуд! Пересади нашу добычу на Ушастого. Тахир, оставь барабан в покое, все и так уже собрались. Или ты хочешь подать знак неверным?

Перепуганный Тахир отдернул руки от барабана, чей бой обычно сзывал отъезжающих, а трубу повесил на плечо, касаясь ее осторожно, словно та сама могла затрубить.

– А ну, – грозно нахмурил брови караванщик, поднимая лицо к Сухову, – отвечай! Сколько вас? Куда вы идете? Кому хотите принести смерть и разорение? Ну?!

Олег глянул на него сверху и выцедил по-русски:

– Да пошел ты...

– Он по-нашему не понимает, – сделал вывод Джавдет, крутившийся рядом.

– Ладно, свезем поганого шаху, там его живо разговорят! Хо-хо!

Караван-баши вразвалочку подбежал к головному верблюду из сильной породы нар и снял с его шеи медный колокол. Один из семерки лишил колокола замыкающего верблюда из породы лук. Вскорости без колокольчиков и бубенцов остались все одnogорбые и двугорбые корабли пустыни. На одного такого пересадили Олега – верблюд повернул к нему свою голову с надменно выпяченной губой и фыркнул презрительно.

– Выходим! – заметался караван-баши. – Выходим!

И караван двинулся в путь. Семеро, пленившие Олега, оказались погонщиками. Каждый из них собирал звено из трех-четырех верблюдов и вел их, составляя цепь каравана. Между звеньями ехала охрана верхом на конях и путники на скрипящих арбах.

Сидеть на верблюде было удобно, но езда была непривычна и утомительна – приходилось сильно раскачиваться вперед и назад, попадая в такт размеренному шагу горбатого «грузовика».

Олег ехал и молил небо, чтобы варяги не спасли его именно сейчас, в этом унижительном положении. Иначе как его станут называть? Явно не Полутроллем...

Сухов приглядывался и прислушивался, узнавая своих врагов по именам. Вязали его косой Юнус и Махсум с отрезанными мочками ушей, Усман со шрамом, рассекавшим бровь на две мохнатки, хромоватый Хафиз, Фахриддин с бородой, как у Старика Хоттабыча, и этот... в изначально белом яктаке, халате-безрукавке... как его...

– Али Джафар! – сердито позвал караван-баши мужчинку в яктаке. – Не отставай!

«Али Джафар! – удовлетворенно подумал Сухов. – Буду знать...»

Караван двигался без усталости, погонщики торопили верблюдов, горбачи возмущенно ревели, но ходу прибавляли. К ночи животные отшагали верст тридцать, а тут как раз и селеньице объявилось – плоскокрышее скопище домиков-кубиков. На тускнеющем фоне заката выделялись лишь веретена кипарисов да одинокий минарет. В стороне расположился рабат – караван-сарай, укрепленный стеной с башнями по углам. Впрочем, Сухов заметил всего лишь одного наемника-сарбаза в шлеме и в широких шароварах, ниспадающих на сапоги. Воин выглядел осанистым и черевистым – видать, служба при караван-сараях была не пыльной, но хлебной.

Сарайбон, смотритель постоянного двора, сам вышел встречать «драгоценных гостей» и велел разместить их в лучших покоях.

Олега, полумертвого от усталости, грубо стащили с верблюда, отволокли и бросили в комнатке-келье, на груде прелой соломы.

Скоро спина болеть перестала – почти, но вот ремни по-прежнему впивались в запястья и щиколотки, возбуждая новые позывы резать и бить.

После вечерней молитвы никто не тревожил Сухова. Потом за стеной послышались два голоса – грубый, принадлежащий его стражу, и высокий женский.

Сухо брякнула деревянная щеколда, дверь открылась наполовину, чтобы пропустить внутрь хрупкую женщину-каниз, здешнюю невольницу. В одной руке каниз держала тусклый масляный фонарь, другой поддерживала деревянное блюдо с двумя плошками – с пловом, лишенным признаков мяса, и чалом, кислым напитком из верблюжьего молока.

Олег почувствовал лютый голод. Он сел и прислонился к стене, понимая, что рук ему не развяжут.

– Отведай, – тихо сказала женщина, поднося к его губам плошку с рисом, сдобренным подливкой.

– Сначала пить, – мотнул головой Олег.

– Ты знаешь наш язык?! – изумилась каниз.

Сухов не ответил, он принял к щербатому краю протянутой плошки с чалом и выхлебал шипящий в нос, щиплющий язык напиток. Олег не слишком беспокоился насчет того, что его лингвистические способности раскрыты. Вряд ли невольница побежит докладывать об этом, да и кто станет ее слушать?

Каниз брала рис комочками и пальцами вкладывала Олегу в рот, тому оставалось только пережевывать.

– Как зовут тебя? – спросил он, слегка насытившись.

– Шамсия.

– Принеси мне нож, Шамсия, и мы с тобой станем свободными. А тебе я подарю весь караван с грузом. Кстати, что везут верблюды?

– Рис... – пролепетала каниз. – И ткани... Белую симгун, красную мумарджал... синизи – полотно из Самарканда... О-о... Ты, конечно, храбрый воин, но один, а их вон сколько!

– В рабате, по-моему, не много бойцов...

– Один Ахмед Толстый... Но в караване двадцать человек!

– Да хоть сорок... Послушай, я ведь тоже не дурак. И не собираюсь бежать с тобой в степь – нас легко догонят и просто расстреляют из луков. Значит, мне надо сделать так, чтобы гнаться за нами было некому. Поняла? Принеси нож.

Каниз побледнела, решая в это мгновение свою судьбу. Подняв голову к потолку, она прошептала:

– Видишь, там дыра? Я сброшу тебе нож оттуда, он воткнется в пол рядом с тобой... Только ты ногу не выпрямляй!

– Ладно, – улыбнулся Олег, – не буду. И вот что, Шамсия... Попробуй узнать, у кого из погонщиков мой меч.

– А я знаю! – обрадовалась каниз. – У Джавдета. Он самый главный после Долгого Абдаллы.

– Абдалла – это караванщик?

– Ага. Джавдет отдыхает в гостевой комнате, она... третья от входа... Ой, я боюсь!

– Не бойся, ступай. Я буду ждать, пока Аллах с твоей помощью ниспошлет мне нож...

Шамсия неуверенно улыбнулась, подхватила посуду и вышла, семена и прикрывая лицо платком. Стражник распустил руки, и каниз зашипела рассерженной кошкой.

А Олег принялся терпеливо ждать, поглядывая на дыру в потолке. Ожидание растянулось, видимо, Шамсию загрузили работой. Но вот сверху донесся слабый шорох, в дыру просыпались катышки сухой глины, а потом упал кинжал и воткнулся в утопанный земляной пол.

Сухов очень оживился и, угадывая взволнованное дыхание над собою, сел спиной к ножу, нащупал онемевшими пальцами рукоятку.

Сколько раз он читал про такой способ освобождения, и вот самому довелось... Это было трудно, кожаные завязки упорно не поддавались лезвию. Но вот лопнул один ремешок,

потом другой, третий. Неожиданно руки стали свободны. Руки-крюки...

Кряхтя, Олег сжимал и разжимал кулаки, тер запястья. Кровь запульсировала в пережатых жилах, и вернулась боль.

«Ничего... Злее будешь!»

Неуклюже перехватив нож, Олег перерезал путы на ногах и попробовал встать. Это ему удалось. Походив, Сухов размялся, поприседал, отжался раз десять от пола. Сила и гибкость вернулись сполна. «Приступим...»

Олег подошел к двери и прислушался. Тихо... Просунув нож в широкую щель, он уперся острием в щеколду и сдвинул ее на полсантиметра. И еще. И еще, пока дверь не скрипнула тихонько, сигнализируя о том, что вход свободен.

Выглянув из тьмы во тьму, слегка озаренную парой факелов, воткнутых в держак на стенах внутреннего двора, Сухов не обнаружил стража. Надо полагать, нарушителя дисциплины привлёк запах плова и майноба, многолетнего вина наподобие коньяка.

Выскользнув наружу и заперев дверь за собой, Олег по стеночке прокрался к комнате Джавдета. Вход был прикрыт кожаным пологом, и Сухов решил не таиться – до него доносился мощный храп погонщика.

Откинув полог, Олег проник в комнату, где обнаружил «главного после Долгого Абдаллы» спящим на толстом армянском ковре, красном с желтыми разводами. Над Джавдетом витал сладкий дух майноба, смешиваясь с запахом горелого масла, распускаемым светильней в углу.

Свой меч Сухов обнаружил висющим на стенке и мигом опоясался, затянул перевязь, погладил ладонью рукоять. Нет, грязнить меч мы не станем...

Олег присел на колени рядом с Джавдетом. Погонщик замычал во сне, словно чуя скорую гибель, приподнялся, болтая головой, и Сухову оставалось лишь ухватить башку руками и резко крутануть ее. Глаза Джавдета выпучились, узнавая пленника – за секунду до того, как мокро хрустнули позвонки.

Поднявшись, Олег двинулся дальше, от комнаты к комнате. Трех аробщиков, прибавившихся к каравану, Сухов оставил жить. Восьмерых охранников зарезал, сонных и пьяных, а потом пришел черед и караван-баши отведать водички из Пруда Пророка...⁴¹

Оставались погонщики. Эти не спешили ложиться спать – друзья и подчиненные Джавдета гуляли в большой комнате рабата.

Шестеро сидели вокруг открытого очага, а надушенные подростки-кравчие, наряженные в халаты из переливчатых шелков-букаламунов, бесшумно скользили остроносими чарыками по ворсу ковров, обносили погонщиков вином и набизом. Шамсия и еще несколько девушек находились здесь же, покорно дожидаясь своей очереди, но клиенты еще не созрели до плотских утех.

Олег схоронился за тяжелым пыльным занавесом и внимательно осмотрел комнату. Оружие было свалено в углу вместе с седлами и сумками-хурджунами. Там были и луки в налучьях, и колчаны, набитые стрелами... Сухов прикинул, что к чему, и решил попробовать. Во-первых, должен сработать эффект неожиданности. Во-вторых... Ну, стрелок из него плоховатый, но промахнуться с пяти шагов?! Если он допустит подобное, то гнать его надо из варягов, таким в дружине не место...

Олег выдохнул. Отведя полог, он прошел в комнату, неслышно ступая по толстому коврику. Погонщики нестройно ревели, изображая хоровое исполнение песни о некоей лунолицей Меванче, подобной гурии. Мужчинки размахивали руками, проливая вино из кубков, пили, закусывали, обтирали грязные руки о халаты.

«Веселитесь, веселитесь...»

Каниз узнала его, вздрогнула и торопливо зашептала подругам что-то успокаивающее. Девушки побледнели так, что уподобились привидениям из страшных сказок.

⁴¹ Пруд Пророка – водоем, из которого пьют те из правоверных, кто попал в рай.

Олег спокойно прошел к оружию, сваленному в кучу, выбрал лук, вытащил из колчана пучок стрел...

Когда оперенное древко вылезло из груди Али-Джафара, собутыльники, вернее, сокувшинники не сразу это заметили. А когда разглядели, то тупо уставились на хрипящего товарища, шарившего руками по кровавому пятну. Махсум умер сразу и упал в огонь головой. Загорелась чалма. Третьим выгнулся Усман. Юнус до того протрезвел, что сумел вскочить, – стрела пронзила его шею спереди.

А вот с Фахриддином пришлось сойтись-таки на мечах. Два скимитара сверкнули, скрешиваясь, зазвенели. Снова сошлись, скрежеща доброй сталью.

Олег видел перед собой потное лицо противника и снова пожалел меч – воткнул в печень Фахриддину нож, посланный Шамсией.

Последнему из компании погонщиков он оставил жизнь – противно стало. Да и что за подвиг – резать пьянь?

– Шамсия!

– Я здесь!

– Уходим!

– Бежим!

– Не бежим, а именно уходим. И не забудь взять верблюдов! Три, четыре, сколько сможешь увести. Если хочешь – поделись с подругами, мне чужого добра не жалко...

Стремительным шагом Сухов вышел во двор... И нос к носу столкнулся с Ивором Пожирателем Смерти.

– Ивор?!

– Полутролль!

Они обнялись, не скрывая радости.

– Мы тебя ждали-ждали, – прогудел Малютка Свен, выходя из тьмы, – да так и не дождались. Стали искать, вышли на след и дунули сюда!

– А ты, смотрю, – проворчал Турберн, пряча меч в ножны, – времени зря не терял... Всех уделал!

– Заглядываю в одну комнату, – подхватил Саук, – трупы! В другую – трупы! И тишина...

– А это кто такая? – уставился на Шамсию Стегги Метатель Колец.

– Это здешняя невольница, она мне помогла. Я ей обещал всех верблюдов из каравана отдать, вместе с грузом.

– Раз обещал, – рассудил Железнобокий, – пушай забирает. А мы коней возьмем, не пешком же до Шемахи топать? И так уже все ноги сбили, тебя догоняя...

«Чертова дюжина» помогла нагрузить десяток верблюдов и проводила девушек-невольниц за ворота.

– А я бы с той худенькой покувыркался бы... – задумчиво проговорил Малютка Свен.

– Охлонись, – строго сказал Турберн. – Вот зайдем Шемаху, и кувyrкайся хоть до одурения. По коням! Поехали наших встречать...

* * *

Утром солнце осветило безрадостную степь, редко где отмеченную зеленой арчой, купами дубов или порослью кизила. А вот там, где селились люди и хватало воды, колыхалась не трава, а пшеница. Зеленели виноградники. Зрел хлопчатник.

Впрочем, варяги (а их в поход отправилось четырнадцать сотен) старались обходить селения стороной – не стоило размениваться на мелочь, когда впереди ждал крупный приз.

Поначалу наведывались – реквизировали коней и мулов, но вскоре вся пехота превратилась в кавалерию. Конники из варягов получились хреноватые, да от них и не требовались фокусы джигитовки. Главное, прибытие в Шемаху резко ускорилось – и никто из местных не успевал предупредить шаха о непрошенных гостях.

На второй день на севере поднялись невысокие горы, склоны которых были покрыты густым лесом из дуба, граба, карагача. Толстые плети дикого винограда и плюща заплетали деревья, как лианы, а можжевельник больше походил на сосну – до такой величины вымахивал.

Перевал отыскиали не скоро, но спуститься по другую сторону хребта удалось без проблем.

И вот настала та долгожданная минута, когда князь Инегельд выехал на высокий холм и сказал:

– Шемаха!

Он вытянул руку с плеткой-камчой, указывая на серые стены города, сложенные из плитняка. Множество плоских крыш и глянцевых куполов теснилось за ними, а выше их, превосходя даже шпили минаретов, поднимались палаты дворца Гюлистан.

Шемаха лежала меж лесистых гор, ее окружали семь нарядных караван-сараев, зеленые сады и виноградники. Расстояние скрадывало грязь и вонь, нищету и убожество – издали Шемаха смотрелась очень даже ничего.

Турберн, а за ним и вся «чертова дюжина» поднялись на холм, легонько понукая коней.

– И много у той Шемахи защитничков? – спросил Железнобокий, щурясь на солнце.

– Мало! – уверенно сказал Саук. – Совсем мало! Тысяча и еще две сотни аскерхасов⁴² – они во-он там, на горе, в лешгергяхе – военный лагерь такой... Во дворце сидят двести телохранителей-джандаров. Ну оруженосцы еще, миршабы – это конные стражники. А больше и нет никого!

– Вперед! – величественно сказал Боевой Клык, и войско тронулось, спускаясь в долину.

Шемаху загородили пологие холмы, за холмами буравила землю мутная речушка, кусты дикого орешника обозначали русло. Вразброс росли карагачи, а далее виноградники чертили зеленые рядки по склонам.

– Чо! – послышалось из низинки. – Чо-о!

Мемекая, выбежали овцы, за отарой поспешали два пастуха, старый и малый. Оба были в меховых душегрейках-кюрди на голое тело, вязаных носках-джорабах и остроконечных овечьих папах.

Узрев огромное войско, чабаны растерялись, и овцы этим тут же воспользовались – стали разбредаться. Но лохматые пастушьи собачищи дело свое знали туго – рыча и клацая зубами, они сначала собрали отару, а потом облаяли варягов. Кто-то, кажется, Стегги, достал лук, но князь остановил его жестом.

– Я вас приветствую! – сказал он, покосившись на Олега.

Полутроль перевел, и старый чабан поклонился.

– И мы приветствуем тебя, – сказал он нараспев. – Живи, пока светит солнце и луна!

– Олег, – проговорил князь, продолжая милостиво улыбаться, – расспроси их, что тут и кто где.

– Звать вас как? – спросил Сухов.

– Да что мы... – застеснялся старик-чабан. – Овец пасем... Сахлом меня зовут.

– А я – Сунбат, – представился молодой и зарделся.

– А скажи-ка, почтенный Сахл, где ширваншах обретается? В городе ли он?

– Дык как же? – вылупил глаза чабан. – Уехали оне еще на той неделе, да.

– Охотиться изволят, – вставил Сунбат.

– Сегодня вернуться должны, – снова взял слово Сахл, – да! Знатные из города уже и встречать его выехали. Видали мы, как торопились...

– Валили толпой! – добавил молодой.

Выспросив, куда и по какой дороге отправилась знать, Олег выложил полученную

⁴² Аскерхасы – дословно: «чистое воинство». Привилегированная гвардия ширваншаха.

информацию князю.

– Отлично! – оценил сведения Клык и подмигнул Турберну. Железнобокий мигом всадил клинок Сахлу в бок. Сунбат в ужасе метнулся бежать и попал на меч Ивора. Пропели три стрелы, обрывая жизни верных волкодавов. Отара начала медленно разбредаться...

– Вперед, братие! – загремел Клык. – Перехватим служилых, а шаху засаду устроим!

– Любо! – зашумела братия.

И зашагала в ускоренном ритме. Проползли мимо виноградники, нашла тень тутовых садов. То слева, то справа открывались каменные стены червоводен, откуда драгоценные коконы доставляли на шелкопрядильни города. Конечно, качеством ширванский шелк уступал китайскому, но покупали его охотно, торгуясь лишь для приличия.

– Разделяемся! – скомандовал князь Инегельд, когда варяги вышли на дорогу.

В Шемахе было шестеро ворот, открывавшихся в сторону Баку, Дербента, Шеки, Шабрана, Аррана. Тот путь, по которому возвращался ширваншах, вел в Мугани. Узкая, извилистая дорога вильнула в очередной раз, ныряя в обширную сосновую рощу, и до Олега донесся смутный шум – шарканье и говор толпы.

Вскоре варяги обошли встречающих, перекрыли дорогу впереди и отрезали путь к отступлению. Шемаханцы заголосили, призывая Аллаха и проклиная «проклятых шайтанов с холода», но покорились при виде извлеченных мечей.

Кого только не было в цветастой толпе! В общем строю выступали небедные ремесленники в серых войлочных шляпах, желто-серых чекменях-косоворотках и легких башмаках из овечьей шкуры. Шли землевладельцы в кафтанах-архалуках и длинных накидках-чухах. Старосты прели в меховых шапках, кожаных чекменях и длинных сафьяновых сапогах. Впереди топтались купцы в синих халатах из парчи, затянутых кушаками.

– Вяжите их десятками к одному ремню! – приказал Клык. – Сотня Асмуда пушай посторожит, а мы пошли встречать шаха!

Варяги загоготали и двинулись по дороге, выбирая место для засады. Олег только головой покачал. Никто не учил ярлов с конунгами стратегии и тактике, кроме их дедов и прадедов, и варяги вечно импровизировали, полагаясь то на богов, то на себя, то на удачу. И ведь побеждали же!

Место для скрытного ожидания нашли без труда – там, где дорога сужалась до того, что лишь одна телега могла протиснуться между огромными валунами, зелеными от покрывавших их мхов. Скалы и сосны хорошо укрыли варягов, а вся дорога лежала перед ними и ниже них.

Олег присел на ствол поваленного дерева и приготовился ждать. Рядом примостился Пончик, вид у него был расстроенный.

– Ты из-за пастухов переживаешь? – угадал Сухов.

Шурик кивнул.

– Ну зачем их было убивать? – выговорил он, нервно потирая ладони. – Просто так, вот взяли и зарезали!

– Не просто так, – мотнул головой Олег. – Понимаешь ли, есть хорошее правило, очень полезное на войне – не оставлять свидетелей. Пастухи могли побежать и предупредить горожан или шаха, и что тогда? Знаешь, сколько наших поумирало бы зазря, только из-за того, что двоим ширванцам оставили их жизни? Понял? Ты думать – думай, но правильно. В нашу сторону! Иначе будет худо тебе же – пожалеешь одного чужака, а из-за твоей слабости погибнет десяток своих...

Пончик непримиримо покачал головой.

– Чужаки здесь мы... – глухо сказал он.

Олег только плечами пожал, ответить ему было нечего.

– Идут! – разнеслось от человека к человеку. – Идут!

Олег приподнялся, выглядывая. Вдали, там, где дорога загибалась за гору, показалось облачко пыли, потом показались всадники и пешие, шествующие в парадных облачениях.

Впереди важно шагали аскерхасы в черных суконных чекменях и желтых сафьяновых сапогах. Они грозно хмурили брови, прижимая к себе небольшие, отделанные серебряной насечкой щиты и кривые дагестанские мечи.

А следом ехал сам ширваншах – в халате, словно отлитом из чистого золота, в расшитой красной мантии, в стальном островерхом шлеме с павлиньим пером – красная повязка стягивала шлем на лбу и висках и узлом вязалась на затылке.

За шахом поспешали приближенные и слуги, а замыкали процессию все те же аскерхасы.

Протрубил рог, и варяги ревущими лавинами скатились по склонам, врезаясь в авангард и арьергард, окружая гвардейцев ширваншаха и резко сокращая их численность. Лучники обстреливали ширванцев с высоты, и ни один боеприпас не пропал даром.

Первая минута замешательства обеспечила выигрыш русам – окруженные, аскерхасы только защищались, подчас нанося смертельные удары, но, зажатые в теснине, не могли использовать всю свою силу и гибли, гибли, гибли...

Олег рубился между Ивором и Малюткой Свеном, не отвлекаясь на опасности с боков – об этом беспокоились его товарищи. Теснота мешала, не давала развернуться. Он бил с оттягом, так, чтобы скимитар резал плоть, и аскерхасы падали к его ногам. А Олег использовал трупы, как приступочку, и рубил с коротким замахом, уберегаясь от умелых выпадов, ибо неумех в аскерхасы не брали.

От поднятой пыли, крика и запаха крови у него кружилась голова, и надо было напрягать всю волю, чтобы удержаться в сознании, не окончив боя прежде времени.

– Получи, зараза! – надсадно ухал Свен, вскидывая и опуская секиру – как чурки колот на дрова. – Получи!

Ивор Пожиратель Смерти бился молча, только слабая усмешечка кривила его тонкие губы.

– Сдаемся! – завопил аскерхас, бросая меч на землю и вскидывая руки – видите, мол, пустые они! – и его «однополчанин» тут же вонзил клинок в слабодушного. И погиб сам от руки Олега.

В какой-то момент Сухову стало легче. Оказалось, варяги перебили всех, потеряв убитыми четверых. Раненые – не в счет. Пончик поможет. Или боги...

– Победа! – пронеслось по узкой долинке. – Наша взяла!

Сухов опустил меч. Тяжело дыша, обтер клинок об чекмень павшего.

– Ништо! – бодро заявил Свен. – Меч от крови не ржавеет!

Князь, перешагивая через умерших, подобрался к ширваншаху, бледному до синевы, вытащил нож. Шах глухо вскрикнул, но Клык лишь рассек золотой кушак монаршьей особы и снял с него меч в красных сафьяновых ножнах, редко осыпанных крупными сапфирами и бирюзой.

– Пока ты пленный, шах, – зычно объявил Клык. – И запомни: будешь послушным и смиренным – выживешь. Олег, переведи...

Сухов старательно перевел, и ширваншах кивнул заторможенно – понял, дескать, уяснил.

– Он проникся, – сказал Олег.

– Тогда шагом марш в Шемаху, – приказал князь.

* * *

В сосновой роще новых пленных объединили со взятыми ранее, и повели в город.

Муганские ворота были заперты, но когда ширваншах, которого ярл Рогволт невежливо в спину мечом подкалывал, прокричал приказ, то караульные в серокожаных одеждах неохотно отворили ворота. И варяги повалили в Шемаху стальным потоком, расшвыривая стражу, понуждая мирных граждан искать спасения в закоулках и подвалах.

По улице, мощенной булыжником, варяги поднялись вверх, минуя кварталы Мейдан и

Шабран. Выйдя на Мраморную площадь между шахской мечетью и ханегой – жилым зданием дворца, Боевой Клык свернул к диванхане, шахской канцелярии – мрачноватому строению из серого необтесанного камня, и приказал:

– Пленных – внутрь! Запереть и сторожить!

Царедворцев вместе с венценосной особой загнали в сумрачные коридоры диванханы, а варяги только теперь, наверное, осознали, что Шемаха взята ими, взята почти без боя. Без приступа, без длительной осады, изнуряющей обе стороны.

Князь Инегельд тоже это почувствовал. И еще он уловил то настроение у своих подчиненных, каковое предшествует безумству разрушения, опьяняющей страсти уничтожать, жечь, крушить, предавать смерти. Можно простить разваленный город, но развал дисциплины – никогда, ибо гридь сильна не мечами, а командирской уздой.

– Слушать меня! – трубно взревел Клык, и варяги, разбежавшиеся было по Мраморной площади, остановили свой разбег. – В этом городишке, – продолжал греметь князь, – живет столько тыщ человек, сколько у каждого из вас имеется пальцев на руках и на ногах! Они никудышные воины, но их много. Мы свели счеты с шахом, и мы возьмем с него ха-арошую виру. Обещаю, добычи хватит каждому! А посему в город никому не отлучаться! Кто же не внемлет слову княжескому, будет иметь дело со мной и моим «вдоводелом»! – при этих словах он вскинул над головой руку с огромным полуторным мечом. – Всем ясно? Вон дворец – хоть весь его вынесите...

И варяги повалили в ханегу. Олег не отставал, шагал в первых рядах.

Поднявшись по широким веерообразным ступеням, он прошел под аркой с колоннадой в длинный коридор, где сгруппировались телохранители-джандары. Они стояли тесно, плечом к плечу, и перегораживали коридор в несколько рядов. Джандары были мрачны и настроены воинственно.

Халег, сын Ингоря, подошел и встал рядом со своим тезкой.

– Лучников, что ли, позвать? – подумал он вслух. – Или шаха им показать?

– Чего стоим? – бодро спросил сзади Малютка Свен. – Пошли, порубаем этих холуев!

– Погодь, – остановил его Турберн и кликнул: – Саук! Кажись, самое время испробовать ту штуку, с дымом едучим!

– Щас мы! – было ответом.

Варяги оживились – Железнобокий всегда умел удивить какой-нибудь смертоубойной новинкой. На этот раз они пришли в изумление – Саук приволок большую медную жаровню и с грохотом опустил ее на пол. Стегги и Фудри принесли два меха, выломанных на дворцовой кузне, а Воист Коварный притащил большой ком кира – битума из Страны Огней, разломал его, уложил куски на жаровню, а сверху щедро присыпал серой. И поджег.

– Мехи, мехи качайте! – сердито закричал Турберн. – Сильнее!

Горячая смесь разгорелась, раздуваемая мехами, и едкий дым, густой и ядовитый, тяжелыми клубами поплыл на джандаров – тяга была хорошая.

– Давай, давай... – цедил Железнобокий.

Дым стелился, колыхаясь, и совершенно скрыл за собой телохранов. Из сизой пелены доносился кашель и хрипы, лязг роняемого оружия. Мягкие шлепки озвучили падение тел – джандары теряли сознание. Еще через минуту все они были мертвы.

– Хватит! – просипел Турберн, перхая. – Выходим! Пусть проветрится...

Саук, зажимая нос пальцами, залил жаровню водой из кувшина и выскочил наружу.

Варяги скребли затылки в недоумении, но когда дым-отрава рассеялся, все увидели груды мертвых тел и посмотрели на Железнобокого уважительно.

– Теперь всегда будем так делать! – воскликнул Свен. – Как выйдем в поле биться, как разожжем костры, да как напустим дыму!

– Дубина ты, – ласково сказал Турберн. – В чистом поле надо будет целую гору горячего сжечь, чтобы подействовало! Это только для узостей всяких, для коридоров, для ходов потаенных... Понял?

– Понял... – вздохнул Малютка Свен и тут же взбодрился: – А чего стоим? Айда!

И все пошли коридором, где еще витал удушливый, свербящий запах, оставшийся после газовой атаки.

Олег прошагал вперед, под высокую арку, задернутую тяжелой ковровой завесью, и попал в тронный зал ширваншахов – приличных размеров помещение. Пол его был устлан коврами, вдоль стен – тюфячки, сундуки, подставки для книг, а сами стены увешаны мечами и копьями, головами антилоп, шкурами медведей и тигров. Напротив входа, на возвышении, стоял золотой трон.

Варяги разбежались по палатам дворца, ликующими возгласами сопровождая каждую находку. Трещащие и лязгающие эхо загуляли по Гюлистану – полным ходом шло расхищение чужой собственности.

Успокоив себя тем, что шах эксплуатировал народные массы, несправедливо нажив добро, Олег присоединился к «расхитителям». Он собирал оружие и золотые кубки, одеяния из драгоценных тканей, увесистые светильни, отлитые из серебра. Все это считалось общей добычей и сносилось во двор, в одну кучу. «Дуванить», то есть делить трофеи, варяги станут потом, в спокойной обстановке.

Малютка Свен обнаружил в дальних покоях насмерть перепуганных слуг, и князь Боевой Клык постановил:

– Нечего тут трястись! Тащите самые лучшие припасы и готовьте пир!

Слуги бегом бросились на дворцовую кухню...

Когда обчистили дворец, варяги собрались на площади возле диванханы. Халег, сын Ингоря, отпер двери и огласил приговор:

– Выкупайте себя!

Олег перевел, и бледные шемаханцы потянулись в город. Каждого сопровождали двое-трое варягов.

Олегу с Фудри Москвичом и Малюткой Свеном достался купец Хасан. Он был толст, кушак едва стягивал полы халата на необъятной талии, а маленькую лысую голову венчал огромный тюрбан.

Хасан боялся так, что его ноги не держали – подгибались, и Свен то и дело заботливо встряхивал купца, так что у того зубы клацали.

Торговый человек привел варягов в свой дом – большое двухэтажное строение, и сразу провел к сундуку.

– Вот, – сказал он трагическим голосом, – здесь все, что я имею!

Свен открыл сундук. Под окованной крышкой лежали одежды из шелка и парчи. Малютка перерыл все содержимое сундука, но ничего, кроме платья, не нашел.

– А динары где? – спросил он в недоумении. – Слышь, ты, куль с жиром? Денежки гони!

Олег с удовольствием перевел. Купец затрясся еще пуще. Жалобно стеная и призывая в свидетели Аллаха, он клялся, что беден, нищ, разорен...

– Ищем, – коротко сказал Олег.

Втроем они устроили обыск, шугая домашних, и нашли-таки три шкатулочки, набитые золотыми и серебряными монетами. Купец увял.

– Зато ты живой, – утешил его Сухов и махнул рукой: – Пошли отсюда!

Уже спускаясь по лестнице, он услышал злобное шипение Хасана, проклинавшего поганых «ар-Рус», но возвращаться не стал.

* * *

Ограбив шаха, вытребовав выкуп с пленных, варяги устроили во дворце пир. Заматавшись в чужеземные одежды, русы веселились вовсю, тем более что слуги раскупорили множество кувшинов с ширванским вином «рейхани». На яд проверили? Хватало и барашков, зажаренных с неведомыми на севере приправами. Появились и женщины – иных притащили силой, другие сами пришли.

Легкомыслия, впрочем, варяги не допускали – ученые были. Пока одна треть гуляла, две трети стерегли награбленное, коней и все подходы к дворцу. Потом следовала пересменка.

Наевшись и напившись, Олег до того устал, что отправился искать себе лежбище. Забредя в одну из башен дворца, он столкнулся с Халегом, сыном Ингоря. Угадав первейшее желание тезки, княжич сказал:

– Ложись у меня, я все равно не усну! Знаю, что завтра буду как сонная муха ползать, а все равно... Ну не хочется мне если!

– Чужой город, – улыбнулся Олег, – чужая ночь...

– Во-во! – подтвердил Халег и признался: – Это ж первый мой поход...

– Ну, дадут боги, не последний! Бурной ночи.

– Ха-ха-ха!

Веселый, молодой, безбашенный княжич удалился, а Олег ввалился в отведенные сыну Ингоря покои. Тут было безопасно. Сонно поморгав в цветные стекла шестигранного шебеке – стрельчатого окна, – Сухов разглядел костры на Мраморной площади. Разухабистые крики доносились смутно, сливаясь в общий гул.

– Мне бы красную девицу, – пробормотал Олег, – шемаханскую царицу... Не-е... Ну ее...

Сделав над собою усилие, он разулся и рухнул на пухлую стопу одеял. Подтянул к себе подушку. И уснул.

* * *

Когда он проснулся, неизвестно. За окном чернела все та же ночь, и варяги гудели по-прежнему, причем их жизнерадостный гогот все чаще перебивался женскими взвизгами. И визжали прелестницы отнюдь не от страха...

Олег зевнул и потянулся. Полная луна засветила в шебеке, протягивая по ковру затейливый рисунок, расцвеченный причудливо, но бледно.

Внезапно дверь в покои стала медленно растворяться. Олег насторожился и с той же неспешностью подтащил поближе к себе меч.

В проем скользнула гибкая и стройная фигурка. Женщина?! Уже интереснее...

Вошедшая отбросила накидку с лица, и тяжелые волны волос обрушились на грудь – весьма заметную, кстати. Выдающуюся в обоих смыслах.

– Халег? – произнесла женщина, и Сухов вздрогнул.

Голос был молодой, в нем чувствовался неуловимый акцент, но не в том суть. Голос обволакивал, голос томил, обещая невероятные улады.

Олег облизнул пересохшие губы и признался:

– Я...

Женщина изящно скинула с себя одежды. Сухов ощутил «сердечный укол». Настолько прекрасного тела он никогда даже не надеялся увидеть. Разве могли быть у живой женщины настолько длинные и ровные ноги? Настолько тонкая талия? Большие круглые груди, не обвисавшие вопреки тяготению?

Кажется, будто природа или Бог трудились из поколения в поколение, вытачивали овал лица, искали рисунок соболиных бровей, волнующую линию груди, ужим талии, чтобы воссоздать изначальную прелесть Евы и Лилит. Каждая клеточка ее тела желанна, любое движение законченно, полно спокойного достоинства и опасной женской силы. Этой бесконечной женственностью, где ангелическое с демоническим сплетено неразделимо, можно любоваться всегда, глядеть, не уставая, не моргая даже, сдерживая бурное дыхание. И жаждешь ее отчаянно и в благоговейном трепете стесняешься своего необузданного желания, себя ощущая рядом с нею грубым и отвратным, затхлым и мерзким...

Дразняще качая бедрами, женщина приблизилась к Олегу и опустилась рядом на колени, прилегла, приобняла, коснулась сухими, горячими губами его пересохших губ.

Чувствуя невероятное возбуждение, Сухов обвил руками гибкий стан красавицы, перекатил ее, хватая за роскошную попу, и стал покрывать поцелуями – от стройной шеи до коленок. Он нарочно длит удовольствие, не позволяя осуществить желание, но «шемаханская царица» все сделала сама, отдаваясь торопливо и жадно.

Женщина извивалась под ним, охватывая его ногами и руками, изгибалась, вскрикивала, и вот издала последний сладострастный стон, вытянулась стрункой и замерла в его объятиях.

Ладонь Олега плотно лежала под ее левой грудью, и он ловил частое биение сердца незнакомки.

– Как зовут тебя? – спросил он, не думая, по-русски.

К его удивлению, женщина ответила на том же языке.

– Елена... – нежно сказала она и упруго села, добавив: – О, я увлеклась без меры... Надо же... Я назвала тебе свое истинное имя! Впрочем, это уже неважно...

Она подняла руки к волосам, запуская пальцы в густую черную гриву, и вдруг вытащила из прядей тонкий кинжальчик с золотой рукояткой. Замахнулась им...

Олег, мало что понимая, приготовился перехватить красивую гладкую ручку неожиданной любовницы.

– О, господи! – застонала Елена. – Я не могу убить тебя, Халег, сын Ингоря!

Она с силой выбросила руку, и кинжальчик вонзился в одну из тонких деревянных колонн, подпиравших балки потолка.

Женщина вскочила, выпрямляясь, и Олега как пружиной подбросило. Стоя на коленях, он обнял руками бедра Елены, прижимаясь к ней, и сказал:

– Я не знаю, кто ты, но и ты пришла не к тому. Меня в самом деле зовут Олег, но я не сын Ингоря, и не княжич вовсе. Я простой воин... И благодарю всех богов этого и того света за то, что ты ошиблась!

Елена глухо вскрикнула и развела его руки, отступила на шаг.

– Проклятый северный варвар... – проговорила она и неожиданно бросилась обратно, с силой и страстью прижимаясь к Олегу, целуя его лицо, шею, плечи. – Проклятая Евина природа, – выдохнула Елена, – она подвела меня... Прощай!

Оттолкнув Сухова, она вырвалась и кинулась к двери, на бегу подхватывая свои одежды. Хлопнула дверь, затихли легкие шажки.

Олег, опустошенный и счастливый, вдохнул воздух, ловя легчайший аромат женского тела.

– Елена... – прошептал он, словно ощущая вкус этого имени. – Елена...

«Она с ним попрощалась...» – подумал Полутроль. Пройдясь к колонне, он расшатал и с трудом выдернул изящный кинжальчик.

– Фиг я прошусь с тобой... – пробормотал он, сжимая еще теплую витую рукоятку.

Глава 6, где прямые мечи скрещиваются с кривыми, лязгают абордажные крючья, а храбрый росс веселится, потрясая Магомета

Полночи Олег искал свою потерю, но варяги на вопрос о черноволосой красавице смеялись только и предлагали Полутролю брюнеток на выбор – одетых, полураздетых и голых, молодых и совсем еще девчонок, худеньких и капитальных. Но Елены среди них не было.

Сухов не побрезговал обратиться к вездесущим слугам, и ему повезло – одна из кухарок видела Елену. Олег вцепился в повариху, как коршун в цыпленка, и степенная женщина выложила все, что знала, – приходила-де тут одна красоточка, вся такая из себя, спрашивала какого-то русского принца по имени Халег, шаталась где-то по дворцу, а потом прибежала растрепанная вся и расстроенная. Ее встречал пожилой мужик, похожий на евнуха. Оба сели на коней и тут же уехали.

Олег покинул жаркую кухню расстроенным и в растрепанных чувствах. Ясно, что Елена покинула Шемаху, – иначе зачем ей конь? Другой вопрос, что так ее огорчило? Расставание с Олегом? Или все-таки сожаление о том, что не убила «русского принца»? И вопрос номер три, самый важный и самый сложный, – где теперь искать Елену? Бросить все и отправиться на поиски? Благородно, но глупо. Да и смахивает такое поведение на пошлое дезертирство. А тогда что ему остается? Память? И еще «заколка», которой его чуть не заколола самая прекрасная женщина в этом мире и времени...

* * *

Утром варяги покинули Шемаху. Улицы города были пусты и тихи – жители попрятались кто куда.

Дружина ехала довольная, веселая. Кони навьючены награбленным добром, желудки набиты вкусной и здоровой пищей, а шемаханские женщины еще не скоро забудут неистовых прелюбодеев с севера.

Один Олег выделялся на общем фоне – он был мрачен.

На второй день пути войско вышло к лагерю у Куры, и князь Инегельд очень удивился, насчитав в строю на один корабль больше, чем он оставлял. Семнадцатой боевой единицей флота стала арабская дармуна, двухмачтовый корабль с веслами в два ряда. Гордый Вузлев Дракончик, чья сотня сторожила флот, поведал о захвате дармуны:

– Глядим – поднимается медленно вверх по течению, а с палубы арабы все высматривают чего-то по берегам. Ну, мы выплыли и спрашиваем: не нас ли ищите? Тех как сдуло с палубы – попрыгали в воду, и на тот берег, где ихний халифат... А мы эту посудину себе взяли. Рабов расковали, они дунули от нас еще прытче хозяев!

– Молодцы! – гаркнул Клык. – Благодарю за службу. Грузимся! Чур, я на дармуне пойду. Олежа, чего там накалякано?

Сухов разобрался в премудрой арабской каллиграфии и огласил, что дармуна названа «Аль-Кахирой», то бишь «Крепостью».

Варяги перебросали добычу на борт «Аль-Кахиры», расселись сами и дружно засвистели табуну коней, оставленному на берегу, словно прощались с землей Ширвана. Первой на простор речной волны вышла дармуна, за ней в кильватер пристроились лодьи.

Поход удался.

* * *

Дармуна, как и ее византийский прообраз-дромон, не имела сплошной палубы. Моряки обходились тремя сквозными проходами – два тянулись вдоль бортов над гребцами, а средний был уложен по оси «Аль-Кахиры», от носа до кормы.

Съемные щиты, прикрывавшие гребцов верхнего ряда, отсвечивали матово в закатных лучах, бимсы наложили «зебру» теней. Во влажном воздухе блестели мощные спины. Раз... два и три, и раз... два и три, и раз... Весла проворачиваются в лючках почти без шума – уключины смазаны, а налитанный жиром войлок подбавляет масляной пленки.

– Перерыв! – весело сказал Олег и принял поданные сверху корзины. Гребная палуба, только что наполненная лишь мерным мощным дыханием, огласилась довольным ворчанием, смешками и хрусткими потягиваниями. Втащив весла, «дромонарии» поднимались со скамей и принимали нехитрый ужин – поджаренный хлеб, рыбу и слабое вино.

– Выйдите, разомнитесь, – присоветовал Олег. – Пусть проветрится немного...

Он подошел к Фудри, закусывавшему на скамье близ миделя, и легонько хлопнул его по могучему плечу:

– Ступай, поспи. Моя очередь.

– Да я еще могу... – вяло засопровтивлялся Москвич.

– Гуляй, – сказал Олег.

Добрый молодец с медвежьими ухватками меланхолически прошлепал в носовую часть, где сходились борта, и бухнулся на расставленное там походное ложе из плетеных ремней. Довольное кряхтение перебило журчание воды, трущейся об обшивку, и легкое поскрипывание дерева.

Надышавшись свежим воздухом, вернулись гребцы.

– Я первый! – заявил Алк Ворон и возмущенно заорал: – Этот уже здесь!

– Ваша лошадь тихо ходит! – хихикнул Фудри.

Гребцы, похохатывая, заняли три оставшихся спальных места, а те, кому не достались ложа, укладывались на скамьи или ложились в проходе на толстых циновках, прихватывая плоские кожаные подушки, набитые шерстью, коими они умягчали сидалища при гребле.

Олег сел на такую же, поерзал, умачиваясь, и помог своему напарнику – Воисту Коварному, худому, но жилистому – протянуть весло через лючок. Лопасть, хоть и была узкой, но в кожаную манжету, защищавшую лючок от брызг, пролезала туго.

– Снял бы рубаху... – подсказал Воист.

– Точно, – кивнул Олег и стянул одеяние через голову. А то ходи потом в потной...

– Взялись, – скомандовал он, и четыре ладони крепко ухватились за гребь.

– Весла на воду! – донеслась сверху команда Боевого Клыка.

Малолетка по имени Яр, трубач и барабанщик, задал ритм гребле. Кленовые палочки в его ручонках словно стронули и занесли десятки кипарисовых весел. И раз! Два и три... и раз... два и три...

– Тера-тера!.. – звонко запел Яр. – Пентеконтера!

Две сотни гребцов навалились как следует.

* * *

Разбудил Олега крик вперёдсмотрящего.

– Парус на горизонте! – орал с мачты. – Одиночный!

Сухов хотел было вскочить, но подумал, что горизонт далек – можно успеть как следует потянуться, продрать глаза и приготовить организм к переходу в активный режим.

– Паруса справа по борту! – вновь закричали с марса. – Много! И все косые!

Теперь в голосе марсового различалось беспокойство.

– Догнали-таки... – заворчал князь. – Не выдержал-таки шах, собрал флот... Ну и к троллям его!

Олег не стал уже садиться за весло, остался на боевой палубе. Не нравились ему эти паруса справа по борту... Так и слышалось, по памяти: «Вэ-7! Мимо! Гэ-9! Ранил! Гэ-8! Убил...»

– И... раз! Два и три! И... раз!

– Спустить паруса! – заорал Клык.

Паруса разом свернулись, как небывалые полосатые цветы на закате дня, зато сотни и сотни весел пенили, взбивали воду, толкая узкие, хищные корабли к северу.

– Вздеть брони! Свободная смена – к оружию!

Из трюма подняли два сундука с мечами, ножами и секирами, тулы, набитые стрелами, и вязанки копий. Гребцы сели по двое, свободные сменщики живо натягивали кольчуги, кожаные панцири с железным набоем – у кого что было, вооружались и подхватывали щиты.

– Яр, живо на корму, передай всем, чтобы строились в линию!

Лодьи, догонявшие дармуну, стянулись цепью, в которой не было слабых звеньев, и на их палубах тоже было заметно шевеление – русы готовились к бою. Ветер, словно испугавшись близкой битвы, стих. Море расплылось чуть волнистой гладью – природа замерла в ожидании величайшей нелепости – смертоубийства носителей разума.

Олег перевел взгляд за правый борт и нахмурился. К ним поспешала целая эскадра – уж никак не меньше дюжины пятидесятивесельных сафин и двух гурабов. На мачтах обвисали

черные флаги с серебряным шитьем, запечатлевшие что-нибудь типа «Мухаммад – пророк Аллаха» или «Аллах щедр». У гурабов и сафин борта были черны, да с белой полосой – означение боевых кораблей.

«Гураб» по-арабски значит «ворон», наверное, из-за ростров-передков их с изображением ворона – сарацины считали эту птицу вестником беды. И впрямь, гурабы были кораблями мощными, быстроходными и маневренными, на каждом стояло по две мачты, а самые выносливые рабы – славины или черные зинджи – гребли ста восьмидесятью веслами.

– К бою! – разнесся долгожданный приказ.

Сафины расходились по трое, отрезая лодьям путь к отступлению – как будто русы собирались отступить! Один из «воронов» покинул строй.

– Переговорщики, что ль? – Боевой Клык приставил ладонь козырьком ко лбу, затеняя лицо.

На носу подходящей сафины стоял, подбоченясь, чернобородый араб в широких синих шароварах и в полосатом халате. Голову его покрывала белая чалма с зеленым лоскутом – знак хаджи. За кушаком этого Синдбада-морехода торчал здоровенный кинжал.

Такая пошлая экзотика, подумал Олег, и на тебе – в реальности! Пошлая реальность?..

Сафина подошла совсем близко, и араб в белой чалме прокричал на корявом русском, каким пользовались восточные купцы, бывавшие в Альдейгьюборге:

– Руси, сдаваться! Тады – живой! Ино – совсем мертвый будешь!

На лодьях загоготали.

– Я – князь Инегельд, – гордо сказал Клык. – А вы кто такие и куда идете?

– Морская стража ширваншаха Абу Тахира Йазида ибн Мухаммада! – надменно отчеканил араб. – Сдавайся, руси! Живой будешь! Кормить совсем хорошо-хорошо! Работать совсем мало-мало!

Боевой Клык прочистил горло и отдельно прокричал обычную формулу русских пиратов:

– Я предлагаю вам выбор! Можете садиться в лодки и добираться до берега, если вам повезет! Или защищайте себя и корабли!

Ничего не ответили арабы – видать, уровень русской наглости превысил сарацинский порог восприятия. Сафина отвалила прочь, а русы продолжили готовиться к бою. Вскоре до слуха их донеслись гулкие удары арабских барабанов, отбивавших ритм гребли. Гурабы стали бок о бок, сафины укрепили фланги, и ширванская флотилия двинулась разомкнутой подковой, грозя окольцевать варягов.

– Весла на воду!

Олег пощупал рукоять меча, попробовал, хорошо ли вынимается. Состояние у него было – не передать словами. Злая радость, азарт, нетерпение и ожесточенность – вот под таким соусом вступал он в первый свой морской бой. Будто смерть, незримым стервятником кружившая над волнами, его минует по договоренности!

– Луки завя-ажи!

Фудри вынул свой лук и принялся его «завязывать» – натягивать тетиву. Уперев нижний рог лука в палубу и еще ногу подставив, он одной рукой потянул лучную спинку к себе, а другой отжал верхний рог, сгибая тугую кибить и двигая по ней петельку тетивы. Есть! Загудела сердитым шмелем витая жилка, запела убийственную песню.

Корабли сближались, и с лодий полетели в неприятеля стрелы. Они гвоздили сарацин, а те, что мимо пущены были, «подстригали» такелаж. Арабские лучники пустили стрелы навесом.

– Щиты вверх! – заорал князь.

Стрелы заколотили по дармуне железным градом. Гребцу Бруни не повезло, прочие «змеи битвы» попали в щиты, занозили палубу, повтыкались в скатку паруса.

Маломощная баллиста с кормы «Аль-Кахиры» метнула увесистую кучку свинцовых

шариков, а «скорпион»⁴³ с носа выстрелил пучком дротиков. Сарацины давали сдачи – осыпали варягов камнями из пращей и фустибалов – метательных палок. Оставляя дымные шлейфы, полетели с гурабов огромные стрелы, обмотанные паклей, смешанной с серой и битумом и пропитанные нефтью. Они вонзались в борта и палубы лодий, заставляя варягов бегать с песком и мокрыми кошмами, чтобы ликвидировать очаги возгорания.

– Щиты сомкнуть!

Еще одно облачко стрел пролилось губительным осадком.

– Князь! – заревел Турберн. – Не забыл ли? У нас таран в носу!

– Не верю я в эти штучки... – с сомнением протянул Клык и решительно махнул рукой:

– Полный вперед! Пойдем на прорыв – между гурабами – и ударим сзади!

Нахазы – капитаны гурабов – дружно заработали плетями, подгоняя рабов-гребцов. «Вороны» начали смыкать строй и готовиться к абордажу. Угрожающе закачались ассеры – управляемые тараны, длинные тонкие балки с оббитыми железом концами. Ассеры свободно висели над бортами гурабов – стоило их как следует раскачать и с силой толкнуть на дармуну, могли ей и борт пробить.

Все просчитали арабы, одного только не учли – на захваченной «Аль-Кахире» не рабы гребли, а варяги, лучшие в мире весельщики. Дармуна прорвалась между гурабов, едва не цепляясь веслами за весла. Ширванцы взвыли, потрясая серпоносными шестами-дорюдрепанами, но уже ни снасти порвать, ни людей покалечить ими они не могли – поздновато спохватились!

«Аль-Кахира» описала широкую дугу, разворачиваясь и разгоняясь, и пошла на таран. Выбранный для удара гураб «Сейф уль-ислам» («Меч ислама») сначала попытался уклониться, потом рванул вперед, но не ушел.

Надводный таран дармуны, окованный медью, с разгону врезался ему в корму. Удар был страшен – таран разворотил борт гураба и вскрыл нижнюю палубу. Весла вспенили воду, «Аль-Кахира» сдала назад, высвобождая таран. Развернувшись, как злобный единорог. Сафина, надменно окрещенная «Аль-Мансурия», то бишь «Непобедимая», попыталась сманеврировать, уклониться и не подставить борт. Арабам это почти удалось – дармуна с разгону вонзила свой «бивень» в скулу «Аль-Мансурии». С лодий дармуну поддерживали лучники, держа под обстрелом всю палубу атакованного корабля. Стрелы-срезни сбивали канаты, каленые вели счет убитым и раненым.

С моря подлетели «Зилант», «Вейла» и «Пардус», закидывая крючья на палубу гураба «Аль-Музаффар» («Победоносный»).

– Мечи к бою! Вперед!

Как раз в этот момент, словно подбадривая идущих в бой, налетел порыв ветра. С грохотом упал абордажный мостик, выколачивая пыль из чужеземных досок, и на палубу «Аль-Музаффара» неостановимым железным потоком хлынули варяги. Воины Аллаха бились отчаянно, но кривые скимитары уступили прямым мечам. Мигом проведенный абордаж потряс подданных ширваншаха в обоих смыслах. Противник им достался страшный. Под натиском варягов сарацинские моряки отступали со шкафута на корму, а, пока этот молниеносный бой свирепствовал на «Победоносном», лодьи сошлись с сафинами на встречных курсах, перетасовались, загородились щитами и оголили мечи. Ивор подхватил два копья и метнул их с обеих рук – два ширванца словили их грудью. Боевой Клык махал секирами направо и налево, разрубая щиты и черепа, раскраивая грудины, отрубая ноги и руки. Чудовищная мельница смерти!

– Вперед! Всех на дно!

– Ширванцы-засранцы! – проревел Малютка Свен, поигрывая секирой.

Олег, удерживая равновесие с помощью щита и клинка, перепрыгнул на палубу

⁴³ «Скорпион» – своего рода станковый арбалет, стрелявший дротиками, короткими копьями или пучками стрел.

«Аль-Музаффара». Ударил мечом по ноге подлетевшего сарацина. Пригнулся, уходя от копья. Арабский меч скользнул по щиту, Сухов качнулся в сторону и нанес ответный удар снизу. Стальное острие вошло арабу в горло, и тот страшно заклекотал, давясь и брызгая кровью.

Олегу навстречу кинулись двое гулямов из судовой рати. Оба черноусые, в круглых шлемах, в длинных стеганых хуфтанах-поддоспешниках. Левый ударил кривым мечом, Олег отбил выпад щитом и подсек гуляма ногой. Пока левый падал, правый замахнулся копьем. Сухов рванул навстречу, избегая наконечника и вонзая меч в гуляма-копейщика. Развернулся в приседе и поразил встававшего левого.

Варяги зверствовали на палубах сафин и гурабов, как хори в курятниках. Ширванцы дрались остервенело – не все спешили попасть к гуриям, многим и в дольном мире жилось недурно, – но «руси» ломили с еще большей силой и яростью.

Очистив «Аль-Музаффар» от полубака до миделя, варяги отжали противника на корму. Тут им неожиданно помогли. Рабы не сидели болельщиками – они ставили подножки ширванцам, подчас расплачиваясь за это отрубленными ногами. Однако ненависть, этот «перегной страха», возобладали над всеми их чувствами – рабы помускулистее вырывали свои цепи, наматывали звенья на руку и дубасили сарацин. Те, кто был послабже, били веслами, как киями, целя аскерам в головы.

Отправив особо настырного за борт, Олег столкнулся с рабом-степняком – смуглокожим, с приуженным разрезом глаз.

– Я – Котян! – гортанно выкрикнул раб, бия себя в грудь рукою с обрывком цепи. – Я печенег-мореход! Со мною двадцат человек, и все мы ждат твой слово, коназ!

Мускулы играли под загорелой, порченной плетью кожей печенег.

– Я не князь, – сказал Олег, оглядываясь. – Пока! Твои люди оружны?

– Вот! – показал Котян кривой скимитар.

– Чистите гураб! Арабов – к рыбам!

– Ага!

«Ворона» дочистили быстро и качественно. Распотрошив «воронов», занялись сафинами – налево и направо полетели горшки с нефтью. Всплески огня, разливавшегося по палубам сафин, вызвали акустический удар: варяги заревели победно, арабы подняли вой ужаса.

По наклоненной палубе тонущей «Аль-Мансурии» проскакал нахаза-переговорщик. Чалмы на нем уже не было, а полосатый халат горел, как растопка из бересты. Вскочив на фальшборт, ширванец кувыркнулся в море.

Паре сафин русы прорубили топорами днища, третья была «вычищена» от живых и залита кровью, четвертая горма горела, пятая шла на дно под сопровождение воя цепных рабов, бурлила вода на месте затонувшего «Меча ислама»...

Но и русам досталось – на «Зиланте» едва половина людей уцелела, «Алконосту» размолотили левый борт, и лодья плыла с сильным креном. Вернее, дрейфовала, потому как теми остатками весел, что торчали из лючков, грести было нельзя.

Не повезло и дармуне – одолев оба гураба, корабль пылал, закиданный глиняными сосудами, полными нефти, смолы и серы.

Чадные клубы дыма стелились над морем, сбиваясь в сине-черное облако. На волнах качались десятки голов, как поплавки, – ширванцы и их рабы спасались в едином порыве.

Пламя разгоралось, а бой стремительно угасал. Поднялся ветер, и дым отнесло прочь.

Победа... Олег ощущал ее именно так – без восклицательных знаков, но с многоточием, знаком сомнения и горечи.

– Халег! – затрубил князь Инегельд. – Освободил моего «Сокола»! Пересаживайся на сафину!

– А тут их две! И обе свободные!

– Бери ту, что к тебе ближе. Олег, Турберн, Фудри! Сигайте на вторую...

Названные перепрыгнули с горящей дармуны сперва на палубу «Сокола», а уже оттуда

– на сафину. Рабы – грязные, худые, заросшие, с кругами мозолей на запястьях, смотрели на варягов – вызывающе, заискивая, радуясь.

– Трупы – за борт, – приказал Олег.

Рабы качнулись, заслышав привычные повелительные нотки, но громадный тип с клеймом на плече и лбу оскалил беззубую пасть.

– А кому это ты велишь? – прошамкал он. – Мы теперича швободные!

– Еще раз вякнешь, – мрачно сказал Олег, – дух вышибу! А ну, живо убрать мертвяков!

Рабы бросились исполнять приказ. Человека, на их глазах чистившего гураб, сердить не стоило.

– Котян! – рявкнул Олег.

– Я! – подскочил печенег.

– Это правда, что ты мореход?

Котян осклабился в довольной усмешке:

– Ага! Подкормщик был у арабов, кормщика замещат.

– Иди тогда к рулю!

– Ага!

Захваченные сафины и лодьи окружили «Аль-Музаффар». Гураб решили сделать погребальным кораблем для павших. К его дымящимся бортам по очереди приставали корабли русской флотилии, и варяги переносили на палубу «ворона» погибших побратимов. Скорбная церемония длилась долго, но никто не подгонял похоронную команду – не тот случай. Оставшиеся в живых и ходячие раненые молча стояли у бортов, ветер полоскал их длинные волосы и разносил над морем тоскливую песню.

Последним уложили Яра, маленького музыканта. Угрюмый Вуефаст Дорога вложил в мальчишечьи руки медную трубу и сделал знак товарищам. Альф Убийца и Одд Галат из Ямталанда запалили факелы и разошлись по гурабу, множа поджоги.

В молчании переправившись на свои лодьи, они веслами оттолкнули пылающий «Аль-Музаффар» в его последний рейс – по маршруту «Мидгард – Вальхалла»⁴⁴.

Гураб выгорел дотла. Россыпь углей и тающие шапочки пепла уплыли в сторону брошенного «Алконоста», чья голая мачта качалась наподобие маятника: *memento mori... memento mori...*

* * *

Северо-восточный ветер хазри унялся, задула с юга моряна, и лодьи с сафинами расправили паруса. К Олегу неуверенно подсел давешний клейменный гигант.

– Ты... это... – замялся он, – не шерчай, што я... того... развыступался тогда... Я так, шдуру...

– Пустяки, – проговорил Олег, – дело житейское.

– Ну да, ну да... Меня Кирилл звать, я из ромеев.

– Олег.

– Ага... И куда нас... потом?

– А куда хотите. Вы все били с нами ширванцев-засранцев, а теперь гребете на нашем корабле. По нашим законам, если раб дерется с мечом, то он получает свободу. Если раба садят за весла, то его тоже отпускают на волю. Так что вы все дважды свободные! Можете расходиться по домам...

– По домам... Кто меня где ждет?

Напевая какой-то варварский мотивчик, подошел Котян.

– Ты ж говорит, ест невеста в Кустандине! – припомнил печенег.

– Была... – беззубо заулыбался Кирилл, и Олега резануло жалостью. Надо же, как

⁴⁴ То есть из дольного мира в обитель мертвых.

человеку жизнь изломали...

- Ты знаешь, кто я? – спросил он Кирилл.
- А как же! – пригасил улыбку тот. – Варанг!
- Четвертый год пошел, Кирилл, как я перестал быть рабом.
- Как?! – дуэтом вскричали Кирилл с Котян.
- А вот так!

Олег изложил свое несвятое житие, скомкав года в минуту.

– А я по-глупому попал... – пригорюнился Кирилл. – Мы с Марией моей хотели пожениться... Тоже четыре уж года тому... Я и домишко пришмотрел в регеоне⁴⁵ Пемптон, рядом совсем с Влахерной, там мы тогда комнату снимали. И все бы хорошо, да вот денег на хозяйство все время не хватало. И решил я поджаработать. У дядьки моего кубара была, штаренькая, но крепкая еще, на ней он в Левант за товаром ходил. Вот я к дядьке моему – Максим жовут его – и приштоился. Приказчиком, «подай-принеси». Сходили мы раз в Алекшандрию, и привез я кое-что из того плаванья – Мария рада была, мы до шамого утра сидели, думали вслух, как это все у нас будет – и дом, и хозяйство, и дети... А потом пришла наша кубара в Антиохию. Золото там дешевле, чем у нас, и решил я прикупить побрякушек для Марии. Но не шторговались мы с тамошним среброделом-аргиропратом, дорого мне показалось... И тут какой-то араб – толштенький такой, глазки бегают, – давай меня завлекать. Пошли, говорит, совсем даром отдам! Все есть – чеши, кольца, серьги! И черт же меня дернул пойти за ним... В общем, дали мне по башке, и очнулся я прикованным к веслу. Потом в Багдад отплыли, там меня перепродали сюда, на море Кашпийское...

Все помолчали.

- А меня родной брат продат... – выцедил Котян.
- Ну! – выдохнул Кирилл.
- Ага... У нас как – ест большой орда и над ней хан...
- Очень большая? – поинтересовался Кирилл.

– Сорок тысяч воин! – гордо сказал Котян. – Ага... Хан у большой орда был Мурзай – это как конунг у русов, хан у малой – Албатан, он как ярл. А я был бек, имел брат кровный Халил... Ш-шакал! – Котян смолк ненадолго, словно заново переживая давнишнее предательство, и продолжил глухо: – До сих пор снится мой юрта из белого войлока... Кибитки кругом, арбы, кошары, а дальше – стада мои и табуны, и надо всем кизячный дым стелет... Просыпаюсь иногда – вот оно! – а это дым с жаровни... Халил всегда ласков был, и я отмечал его, рядом с собой в юрте сажал... Три зимы назад откочевали мы за реку Данебр, а, когда бродом ходи, Халил и говорит: «Тут, мол, недалеко ромейская ладья стоит, у меня там друзья. Давай, мол, приходит в гости – у ромеев вино, что мед сладко, а уж веселит не в пример кумысу!» Ну я, дурак, и согласился. Надо же, думаю, попробоват! Иначе как скажут «нравится», коли не испытат? Заявились мы... Встретит меня с почетом, усадит на ковры, чару вина подносит... Короче, споили бека Котяна. Последнее, что помню, – это как Халил, трезвый как стеклышко, на коня садит, а соматопрат⁴⁶, к которому я угодит, кланяется ему... А я лежу как конь взнузданный и кисну от смеха... Потом... – печенег прерывисто вздохнул. – Меня долго водит по Кустандине, показыват, как обезьяну, в Большом Дворце. Я забавлял царедворцев, пока не надоел, и тогда меня продали на Кандию сарацинам. Я пас их коз, два раза пытался бежат, но меня ловили. В третий раз выжгли тавро на плече, словно я бычок в гурте, и отправили сюда, – Котян топнул по палубе.

Он смолк. Не вел речей и Кирилл. Оба словно пытались осмыслить свое теперешнее положение и тянули на себя одеяло жизни прежней, чтобы прикрыть дыру во времени, оставленную подлостью и рабством, чтобы сметать на живую нитку прошлое с настоящим и

⁴⁵ Регеон – район в Константинополе.

⁴⁶ Соматопрат – торговец живым товаром.

определился с будущим.

– Я не могу обещать, Кирилл, – сказал Олег негромко, – что Мария ждет тебя по-прежнему, но мы непременно найдем ее в Константинополе. Разыщем и Халила...

Больше в тот вечер они ни о чем не говорили. У каждого на душе столькоросло болючего и палящего, что утолить эту боль и залечить этот ожог можно было только наедине с собой, с морем, с небом и с тем Богом, которому возносились молитвы.

Глава 7, из которой доносится шепот любви, скрип колес и шелест шелка

С ветрилами, поймавшими попутное дуновение, плылось легко и просто. Лодьи и сафины бодро резали форштевнями мелкую волну, а бек Котян, сменивший убитого кормщика, даже песню затянул. Слов ее никто, кроме бека, не понимал, но гортанный голос, выводивший мелодию, унылую, как зимняя степь, странно сочетался с шумом морских валов и посвистом ветра, путающегося в штагах и шкотах.

Пончик принес немудреный ужин Олегу и спросил:

– Ты чего такой скучный стал?

– Да так... – попытался отвертеться Сухов.

Шура, памятуя, что его друг отличается не только страстью к языкам, но также изрядным женолюбием, ухмыльнулся с пониманием:

– Шерше ля фам? А? Ля фам шерше?

– Ля фам... – вздохнул Олег. – Такая ля фам, Понч, что тебе и не снилась... Чем-то на нее Софи Лорен смахивает. Заметь – не она на Софи, а та – на нее...

– Может, встретитесь еще... – неуверенно проговорил Пончик.

Сухов только плечами пожал – Бог его знает...

* * *

Рано утром, когда с левого борта еще таяла тьма, а с правого разгоралась заря, перекрашивая серые сумерки в гламурный розовый колер, по северному окоему показалась черта земли.

– Ну вот, – бодро сказал Турберн, – мы почти дома!

Пока корабли подошли к устью Итиля, красный шар солнца успел взойти, зажелтеть и изгнать ночную сырость.

Дельта великой реки разошлась в обе стороны, пропадая за горизонтом. Еще немного, и лодьи с сафинами вошли в узкую протоку. По болотистым берегам вставали высокие зеленые стены камыша, перемежаясь с зарослями чакана, похожего на гибкие мечи. В воде плескались осетровые, нагуливая вес, на мелководье у берегов гуляли цапли. По затонам крутились стаи уток, в тростниках шелестели кабаны, откапывая вкусные корешки.

Река текла под уклон, и вскоре топкие берега «просохли», их заняли ивы в три обхвата. Ветлы, склонившиеся над водой, отражались в мощных струях – там, где речную гладь не покрывали зеленые лепешки листьев лотоса и его царственные цветы.

За ивами потянулась равнина, заросшая камышом вдвое выше человеческого роста. Над ровной гладью колеблющихся метелок вздымались продолговатые бэровские бугры, на сухих вершинах которых качались под ветром колючие кусты перекати-поля.

– Благодать! – сощурился Железнобокий.

К борту подошел князь и поглядел из-под руки.

– Кажись, керхане встречают, – проворчал он. – Бона, едут...

Разъезд керхан, свободных воинов-хазар, показался из камышовых дебрей. Человек десять всадников были вооружены щитами и плетьюми, арканами, привязанными к седлу, и копьями. Черноволосые и смуглые, керхане больше всего напомнили Олегу гастарбайтеров-узбеков. В левом ухе у каждого по бронзовому кольцу, у левого бедра –

кривой нож.

Турберн сделал приветственный жест.

– Хон керба⁴⁷! – крикнул он, исчерпав наполовину запас хазарских слов.

Керхане сильно удивились и повернули коней обратно, а их предводитель не придумал ничего лучшего, чем обернуться в седле и погрозить варягам кулаком. На лодьях захохотали.

А местность по берегам Итиля все более «одомашнивалась» – потянулись садочки и огородики, появились виноградники. На зеленых пастбищах, обнесенных изгородями из колючих кустов, паслись лошади. Раз за разом из камышей выплывали узкие рыбацкие челны, в которых трепыхались огромные серебристые белуги.

– Вот где рыбы... – проговорил Фудри, жадно приглядываясь к чужому улову.

– Она здесь дешева, – подтвердил Турберн, – большого осетра можно за полданика купить... И вообще, ничего у хазар своего нету, окромя белужьего клею!

– Подгребаем, однако! – крикнул Котян. – Город Итиль видат!

Олег даже привстал с места, чтобы разглядеть знаменитую столицу Хазарского каганата. Итиль его малость разочаровал – после чудес и диковин Константинополя город на волжских берегах поражал убожеством.

И слева, и справа тянулись на десять верст сплошные глинобитные дувалы, зигзагами ограждая улочки, заросшие зеленой травой. Высокий западный берег был застроен вразброс саманными мазанками с покатыми кровлями и островерхими войлочными юртами, деревянными домами богатеев с горбатыми крышами и культовыми зданиями – церквями с золочеными куполами, облитыми глазурью минаретами, плоскокрышими синагогами и караимскими кинассами.

На низменном восточном берегу расположился Сарашен – «Желтый город» – средоточие купеческих складов и приземистых, с плоскими кровлями и крохотными оконцами, караван-сараев, присыпанных желтоватой пылью. В Сарашене селились купцы и располагались базары – Понедельничный, Вторничный, Средний, Четверговый и Воскресный. Велась торговля на Сук Ар-Раких, невольничьем рынке, на Платяном, Ковровом, Арбузном, Рыбном, Мясном. Продавцы просиживали весь день на корточках в Саффах, торговых рядах вдоль улиц, или запирались в будках менялен. Сарашен был тем перекрестком, где сходились пути из Хорезма и Багдада, Булгара и Альдейгыюборга, и начиналось великое торжище.

А посреди реки лежал длинный остров, вытянутый с севера на юг и окруженный широкой глинобитной стеной. От него к обоим берегам протягивался на цепях наплавной мост из бревен. Из-за стены, окаймлявшей остров, поднимались могучие дубы, посвященные богу Тенгре, но даже они не могли скрыть ровный кирпичный куб дворца и высокую башню – Белую Вежу.

– Там живет сам каган, – показал пальцем Турберн. – Он думает сразу за всех хазар, а те слушаются его во всем, как дети – отца. Каган приказывает, а его управитель иша исполняет повеления. Раньше Вениамин в ишах ходил, а нынче сын его, Аарон, на побегушках у кагана...

– Тогда лучше ишой быть, – рассудил Малютка Свен. – Думать не надо.

Варяги посмеялись и принялись облачаться в «парадную форму» – надо же блеснуть перед хазарочками, выдержать марку.

– Большая деревня, – пренебрежительно высказался Пончик, оглядывая проплывающий пейзаж.

– Большой аул, – поправил его Олег.

Лодьи отшвартовались у причалов Сарашена и совершенно затерялись в длиннющем ряду торговых кораблей. Больше всего было арабских завов и хазарских каюков, плоскодонных, четырехвесельных суденышек, годных лишь для плавания по реке.

⁴⁷ Хон керба! – «Зиму прожил!» По весне это восклицание употреблялось как приветствие.

Кряхтя и разминаясь, варяги полезли на сушу. Видя целое воинство, на берег высыпали арсии, хорезмийские наемники на службе иши, – все в кольчугах и чеканных нагрудниках, в шлемах, с копьями и кривыми мечами. Но варяги вели себя мирно, и арсии успокоились. Зато мигом оживились сборщики податей в длинных халатах и круглых шапочках, с медными чернильницами у поясов. Часто кланяясь, они окружили Клыка, униженно, но настойчиво требуя выплатить десятину.

Князь спорить не стал – не с руки ему ссориться с ишой. А то, чего доброго, в следующий раз и вовсе не пропустит русскую гридь в набег на сарацин. Боевой Клык повернулся к лодьям и махнул рукой. Ярлы и княжич Халег передали приказ дальше, и вот отобранные гридни потащили на берег охапки ширванских шелков – драгметаллами Клык делиться не собирался.

Сборщики еще чаще забились в поклонах и мигом оприходовали выданные ценности.

Теперь варяги были свободны. Следовало набрать припасов в дорогу, распродать добычу, чтобы до дому привезти звонкую монету. Ну и гульнуть как следует.

– Ты куда собрался? – поинтересовался Пончик.

Сухов безразлично пожал плечами:

– Да так, пройдусь...

– А я на базар!

– Один не ходи, пристройся к Свену, а то тут сплошной криминал...

– Ладно! Ну, ты как стилига местный.

– Топай, топай...

Олег вырядился в кожаные штаны и шелковую рубаху, в сапоги из сафьяна, а сверху, скрывая меч на поясе, накинул плащ-кису. «Первый парень на деревне, – подумал он с иронией, – а в деревне один дом!»

Но то была присказка, а вокруг творилась сказка. Огромная толпа народу шаталась вдоль пристани, тщательно перемешивая знать и чернь. Высшие жрецы в белых мантиях пересекались с желторизными, разрядом пониже. Проститутки в красных кожаных шароварах приставали к купцам-базарганам, ведущим местную торговлю, и клеились к рахдонитам, везущим товар из-за моря. Сафиры-чиновники, прозванные «синеподушечниками» по цвету подушек, на которых они восседали в диване, раскланивались с «красноподушечниками» – амилями, то бишь таможенниками. Женщины-простолюдинки ходили в платьях из цельных четырехугольных кусков, оголявших шею, руки и ноги выше колен, и щелкали деревянными сандалиями, а хазары-хукерчины, коровьи пастухи, кутались в халаты, из-под которых выглядывали штаны-дотаай и сношенные сапоги. Караимы гуляли в таких же халатах, только головы прятали под высокими войлочными или парчовыми шапками тузурке, похожими на кувшины.

Мелькали чекмени торговых гостей из Хорезма и Самарканда и черные одежды христианских священников, стирающих веру истинную в краю хазар и печенегов. Скрипели арбы, кричали ослы и верблюды, мычала толпа ярбигал – рабов с деревянными колодками на шеях. Воины-каткулдукчи важно шествовали, покрикивая в толпу: «Нижит е! (Будем бить палками!)» И толпа смирела на время, а после снова поднимала крик.

– Конгшиу! – бросил Турберн, морща нос. – По-здешнему это значит «вонь», – похвалился он знанием хазарского, исчерпанного на все сто.

– Похоже, – улыбнулся Сухов.

– Ступай, Олег. – Железнобокий хлопнул его по плечу. – Погуляй как следует, а то потом до самого Булгара будет только степь да река, река да степь... Давай!

И они разошлись, как в море корабли.

* * *

Олег вышел к мосту на остров и пошагал по качавшемуся настилу. Надо полагать, мост

служил не только для передвижения – он запирает реку, как стены Дербента – Каспийскую дорогу.

Наплавное сооружение состояло из двух частей, соединенных посередине высоким горбатым переходом, аркой приподнятым над рекой, – это был единственный проход для кораблей, идущих на север или следующих на юг, и он был заперт тяжелой цепью. Граница на замке.

Затопав по гулким ступеням, Олег миновал «виадук», опиравшийся о палубы двух барж, и продолжил путь. Ворота в стене, окружавшей остров, были раскрыты – горожанам позволялось пересекать дворцовую площадь и выходить к мосту, ведущему в Итиль. Тем более что рядом с дворцом кагана возвышались главная церковь и главная мечеть города. И главный иудейский храм, неуклюже копирующий тот, что был выстроен по приказу Соломона. Его плоская крыша была вся утыкана позолоченными гвоздями, дабы птицы небесные не садились и не гадили на святое место.

Перед дверьми храма стоял жрец в желтой ризе, окруженный негустой толпой торговых гостей, по виду – арабов или хорезмийцев, и вдохновенно вещал, похожий на пророка. Олег прислушался. Похоже, что, в самом деле, тут богословскими прениями пахнет.

– Не всем дано войти в храм, – говорил жрец, – а уж в Кодеш ха-Кодешим, святая святых, скрытую завесой парохет, и вовсе нет доступа обычным смертным. Туда является один лишь первосвященник и только раз в году, в Судный день. Он окропляет святилище кровью быка и козла, возжигает благовония в золотых курильницах перед Ковчегом Завета и произносит всуе тетраграммат – сокровенное имя Господа. И все это время он чувствует Шехину вокруг себя, и ему даже открывается скрытый лик ее...

– Ты нас совсем запутал, – сердито сказал толстый купец. – Какая еще Шехина?

– Шехина, – строго сказал жрец, – это женская ипостась Господа. Когда вы рядом с нею, то ощущаете присутствие божественной силы. Уста наимудрейших гласят, что Шехина была низвергнута коварной Лилит с места Царицы Небесной и ныне бытует среди людей, отсоединенная от Господа. Вся земля преисполнена ею, грехи удаляют Шехину от нас, а благие деяния возвращают ее к людям. Христиане говорят о Святом Духе... Что ж, в приближении и упрощении Шехина есть Святой Дух...

– Нечего нам про неверных рассказывать, – снова оборвал жреца толстяк. – Скажи лучше... Вот тут мне нашептали... Правда ли, что пророк Мусса, коего вы зовете Моисеем, жил с этой вашей Шехиной, снизошедшей к народу, и бросил ради нее свою человеческую жену?

– Это так, но то была не измена, а праведный способ приблизиться к Господу, ибо никто не может видеть лицо Его и не умереть! – жрец заголосил: – Во имя Священного и Благословенного и его Шехины!..

Олегу надоело прислушиваться к богословской перебранке, и он отвернулся. Скучая, оглядел площадь, примыкающую к красным кирпичным стенам дворца. Площадь была вымощена известняковыми плитами. Внутри дворца вели высокие двери, покрытые золотыми и серебряными бляхами. Неплохо устроился Небоподобный, Небом рожденный, мудрый каган, равный богам...

Олег усмехнулся, повернул голову – и будто умер. Воскрес и снова погиб. И ожил, чтобы, затаив дыхание, слушая, как часто тарахтит сердце, видеть Елену. Это была она! Кто еще способен так идти, обычной походке придавая вид эротического танца? Шехина, разве что... Или это богохульство?

Женщина шла, кутаясь в длинный плащ, прикрывая им голову, но ее великолепная фигура словно просвечивала сквозь ткань, и Олег испытывал в эти мгновения радость узнавания тех волшебных изгибов и выпуклостей, которых он касался своею рукой. Подумать только!

Незаметно оглядываясь, Елена подошла к дверям, ведущим во дворец. Двое арсиев-великанов скрестили перед нею копья и грозно спросили о чем-то.

Женщина нетерпеливо ответила, и стражи расступились, открывая двери. И затворили

их за нею.

Первым порывом Олега было проткнуть мечом обоих арсиев и ворваться следом за Еленой, но он быстро остудил разгоряченный мозг. Не хватало еще заварушку устроить в чужом городе. Тут голову потерять ничего не стоит, но как бы не навредить самой Елене... Да и зачем мертвому даже лучшая из женщин?

Сухов подошел, не торопясь, ко входу во дворец и постарался изобразить простофилю.

– Это здесь каган проживает, что ли? – спросил он у арсиев.

Те его поняли. Гигант, стоявший слева, усмехнулся и ответил густым басом:

– Нету тут кагана, кочует он. Проваливай!

– А можно глянуть, как оно там, внутри? – не унимался Олег.

– Не дорос ты еще, – вступил в разговор другой великан, – чтобы по дворцам шастать. Сказано – проваливай!

– А выход только один? Да?

– Да! – рывкнул левый и сделал вид, что тянется за мечом.

– Подумаешь, – притворился обиженным Олег. – Спросить уже нельзя!

Погуляв по площади, он нашел подходящее место между палатами иши и мечетью, среди неохватных священных дубов. Устроившись в развилке, Сухов приготовился ждать – ему был отлично виден вход во дворец.

Ожидание растянулось, он уже начал было переживать – может, Елена все же другим путем ушла? И тут она явила себя.

Женщина вышла из покоев кагана в сопровождении самого иши, пожилого мужчины с обрюзгшим, бульдожьим лицом. То, что это именно Аарон, сын Вениамина, Олег понял, увидев, в каком низком поклоне согнулись арсии.

Иша говорил Елене любезности, та кивала, после чего небрежно поклонилась, развернулась и пошла по направлению к Сарашену. Ее прекрасное лицо кривила неласковая усмешка – видать, к ише Елена не испытывала особо теплого отношения.

Олег неслышно спрыгнул на землю и зашагал следом за своей красавицей, не приближаясь особенно, но и не теряя из виду.

Красавица перешла по мосту на восточный берег и двинулась по извилистой улочке, огибая пасущихся верблюдов и стайки замурзанных детей, играющих в пыли. На перекрестке, где торчал истукан-балбал из серого известняка, изображавший неизвестно какого героя, Елена свернула к большой церкви. Перекрестившись на храм Божий, она двинулась к большому, приземистому зданию, смахивавшему на конюшню или склад, и остановилась у дверей, снимая с пояса связку ключей.

«Пора!» – решил Олег. Быстро перейдя площадь, он остановился за спиной Елены и сказал как только мог спокойно:

– Здравствуй, Елена.

Женщина охнула и резко обернулась, махнув по лицу Олега черной волной волос. Страх в ее глазах он не заметил. Все что угодно светилось в этих глазах – тревога, опасение, растерянность, но только не страх. И не радость...

– Олег?! – выдохнула красавица.

Не отворачивая своего лица, она ощупью нашла ручку у двери, дернула ее, распахивая, и затащила Олега внутрь. Громыкнул засов. Сухов оказался в полутемном коридоре, свет в который попадал лишь из полуоткрытых дверей в комнаты по сторонам.

– Елена...

– Идем! – решительно сказала названная и, схватив Олега за руку, повлекла его за собой. Ввела в просторную комнатку, устланную коврами с раскиданными поверх подушками, и замерла.

– Господи, – произнесла она, – я не ведаю, что творю!

Она бросила на Олега мрачноватый взгляд, вздохнула, отчего ее груди поднялись еще выше, ощутимо задирая просторное платье.

– Елена... – вымолвил Сухов. – Я никогда не встречал такой красивой женщины, как ты.

Никогда не слышал о подобном, не предполагал даже, что бывают такие красы... Мне хочется восхвалять тебя, но язык мой молчит, ибо не с кем и не с чем сравнить мою Елену. Ты несравненна!

Женщина подошла к нему, положила руки Олегу на плечи, погладила его шею кончиками пальцев.

– Поразительно... – сказала она тихо, вглядываясь в его глаза. – Я слушала поэтов, которые воспевали меня в стихах, и скучала. Моей руки просил герцог Бургундский, он осыпал меня хвалами и пел за троих трубадуров, а мне было смешно. И вот я слушаю северного варвара, свирепого воина со стальным блеском в очах, и его слова приятны мне... Сам голос твой волнует мою кровь, и соски грудей стали тверды, как желуди... Я теряю свою волю, из меня уходят силы, я забываю все, чему научена, кроме одного темного знания, – как быть женщиной...

Елена обняла Олега за шею, прижалась к нему, теплая, покорная, желанная, а Сухов таял от одного лишь ощущения близости.

– Знаешь, – признался он, – даже касаться твоих волос, вот так, вскользь, уже улада. Одно лишь легкое касание переполняет меня блаженством...

Елена подтянулась и опалила его ухо горячим шепотом:

– А мне этого мало...

Она расстегнула фибулу на его плече, и плащ упал на пол. Сняла с него пояс с ножнами...

Олег не выдержал, обхватил Елену и принялся целовать, быстро, сбивая дыхание. Женщина лишь улыбалась и поворачивала голову, подставляя то губы, то шею, то ушко.

А руки у обоих будто жили сами по себе – раздвигали пряжки, развязывали шнурки, снимали, совлекали, стягивали...

Нагая, Елена казалась еще прекраснее, но куда уж больше? Олег подхватил женщину на руки, покружил по комнате и бережно уложил на мягкое шелковое покрывало.

– Иди ко мне, мой варвар, – ласково сказала Елена, протягивая руки, и сладко улыбнулась...

* * *

...Сложно сказать, сколько же минуло времени, пока обладание друг другом перестало дарить наслаждение и бурное дыхание унялось.

Елена лежала рядом с Олегом, закрыв глаза и мягко улыбаясь. Эта мягкость делала ее бесконечно милой, доверчивой, незащищенной. Хотелось оградить обладательницу улыбки от всех напастей и горестей, прикрыть, отдать все, лишь бы спасти и уберечь.

– Елена...

– Мм?..

Ресницы женщины задрожали и приоткрылись, выпуская лукавый взгляд.

– Что, мой варвар?

– Не называй меня варваром.

– А мне так хочется...

– Тогда ладно...

Перемену в настроении Елены Олег не почувствовал, а воспринял глазами. Женщина села, откинув назад руки, и посмотрела на него через плечо – печально посмотрела, смятенно.

– Что с тобой?

Олег сел рывком, обнимая Елену за плечи.

– Иша тебя обидел?

Женщина вздрогнула.

– С чего ты взял? – пробормотала она. – И при чем тут иша?

– Я видел, как ты входила во дворец.

– Ах вот оно что... Ты за мной следил?

– А за кем следишь ты? – прямо спросил Олег. – Можешь ответить, на кого ты работаешь? Ведь ты ромейка?

– Да, – прямо ответила Елена, – я подданная базилевса Ромейской империи. На него же, как ты выражаешься, и работаю.

– Шпионишь?

– Да... – В голосе женщины появилась усталость и толика равнодушия. – Не узнаю себя... Скажи мне кто-нибудь, что я способна раскрыться, я бы даже не улыбнулась подобной нелепице... А перед тобой я и разделась, и раскрылась... И-зу-ми-тель-но!

– Елена, – сказал Олег серьезно, – об этом не узнает никто и никогда. Твою тайну я не выдам просто потому, что она – твоя. Ты для меня священна... Пафосно звучит, верно? Но это правда... Я чувствую, я знаю, что способен предать из-за тебя, нарушить любую клятву – ради тебя, пойти на любое, самое ужасное преступление, лишь бы сделать приятное тебе...

– Ты удивительный... И очень странный. Непонятный. Варвары такими не бывают...

– А какими они бывают? – улыбнулся Сухов.

– Варвары просты, их желания убоги, а мысли примитивны, – убежденно проговорила Елена. – Им нужны женщины, вино, вкусная еда и война.

– А что нужно тебе? Ты не подумай, что я обиделся на твои слова, просто хочу понять, отчего ты выбрала такой необычный способ служить императору ромеев...

– Я служу не ему, – отрезала женщина, – а империи! Ты не поймешь этого... Ваши правители пока слишком дики и необузданны, они неспособны сложить государство, народ которого понимает и чувствует, что есть patria...

– Сие означает «отечество». А еще мы говорим так – «родина». Но ты права, на нашем севере еще нет единого народа с общей историей.

– Вот видишь, как ты рассуждаешь! Варвары и слов таких не знают...

– Слава богу, я уже не дикарь в твоих глазах!

– Ты веришь в Господа?

– Н-не знаю...

– Ты странный... Но, господи, как же мне с тобой хорошо! Такое впечатление, что я вместе с одеждой сняла и свой незримый панцирь. Лишилась этой тяжести, осталась голой и беззащитной, но мне спокойно – ты рядом...

Олег продолжал гладить ее руки, незаметно перешел на тугую грудь и почувствовал, что кровь вот-вот закипит.

– Ненасытный... – нежно проворковала Елена, словно радуясь уходу от тяжелых дум, неведомых Олегу, и прогнулась, охватывая руками его шею, запуская пальцы в волосы. – Я тоже хочу тебя...

* * *

Незаметно стемнело. Сначала в маленькое окошко хлынул рябиновый свет заката, потом он потускнел, сжижая в комнате сумерки.

Елена со вздохом разъяла объятия и потянулась за платьем. Олег, сожалея о быстротечности времени, быстро оделся и затянул воинский пояс.

– Я точно не знаю, когда мы отбываем, – проговорил он с неуверенностью, – но если вдруг случится задержка... Я смогу прийти к тебе?

– Нет. Сегодня мы с Игнатием уезжаем отсюда.

– Куда?

– Это не моя тайна. Олег... – голос Елены стал напряженным. – Послушай меня. Иша... он задумал уничтожить вас. Всех варангов! Сегодня на рассвете арсии сожгут ваши корабли, а людей перебьют.

– Нас трудно убить... – возразил Сухов.

– Арсиев – одиннадцать тысяч! – с силой сказала Елена. – И они уничтожат вас. Да, я

знаю, что вы все великие воины, но вы даже не вырветесь из узкой протоки – вас перестреляют из луков с берега при свете горящих лодий!

– Но зачем нас убивать?! Какой смысл?

– Смысл... – криво усмехнулась Елена. – Смысл лежит в соседних комнатах и называется китайским шелком. Его там столько, что боязливый иша забыл про страх. Если с наступлением завтрашнего дня не останется живых варангов, весь шелк достанется Аарону...

– Это было твоим заданием? – тихо спросил Олег.

Елена зябко передернула плечами и выдавила:

– Да...

– Убить всех варангов... – продолжил логическую цепочку Сухов. – Чужими руками. И среди убитых должен обязательно оказаться Халег, сын Ингоря...

– Ты проныцателен, – усмехнулась Елена.

Губы ее задрожали, по щеке скатилась слеза. Женщина крепилась, чтобы не всхлипнуть, и это ей удалось, зато крупные слезинки закапали на ковер.

– Елена! – Потрясенный Олег бросился обнимать возлюбленную. – Только не плачь! Прости меня, ради бога, я не хотел тебя расстраивать, но... Ты же понимаешь...

– Видишь, – сказала женщина тонким голосом, – какая я становлюсь слабая, когда ты рядом... Я пять лет не плакала – ни разу, хотя было от чего зареветь. Иди, Олег, иди и предупреди своих. Ведь ты не собираешься спастись в одиночку?

– Нет, – скупно улыбнулся Сухов, – в этом сила северных варваров. У нас так – все за одного, один за всех.

– Иди... – неслышно повторила Елена.

– Да, конечно... Но... Скажи, – взмолился Олег, – что мы еще встретимся! Я так мечтал тебя найти после той ночи, и вот моя мечта сбылась. И что? Я должен снова терять тебя? Мир так велик, а мы так малы... Скажи хотя бы, как твое полное имя и где ты живешь! Как мне найти тебя?

– Олег... – Елена грустно покачала головой. – Мы слишком разные. Я... Да, наверное, я полюбила тебя, но вместе нам не быть. Поверь! Я принадлежу к древнему роду Мелиссинов и возведена в высший ранг зоста-патрикии, а кто ты?.. Мой дом в Константинополе найти нетрудно – свернешь от форума Константина направо и выйдешь к церкви Святого Сампсона. Я живу поблизости... Но зачем тебе искать меня? Не сейчас, но потом я обязательно вернусь в круг той жизни, и где в ней найти место тебе? Вот здесь, – женщина прижала ладонь к груди, – здесь ты у меня!

– Я понимаю, – опустил голову Олег, – ты, конечно, права... Но я все равно отыщу тебя! Хотя бы для того, чтобы убедиться – ты жива и по-прежнему красива... Вот, возьми, это твое... Твоя «заколка».

Женщина приняла протянутый кинжальчик и грустно улыбнулась.

Олег поцеловал Елену в последний раз.

– Прощай, – прошептала она.

– Нет, – наметил улыбку Олег, – до свидания!

Повернувшись, он покинул комнату. Прошагал по коридору, вышел на улицу. Ноги сами несли его, удаляя от любимой женщины, от тепла и счастья, наполняя душу холодом, разверзая пустоту. Счастье... Елена права – кто он и кто она? Интересно, кем бы эта восхитительная фемина представила его в свете? Да он и сам бы не позволил ей так портить репутацию. К чему знатной женщине быть замеченной в порочащей связи? Елена Мелиссина...

Свежий воздух малость освежил Олега, вернул его в реальность. Терзаясь раздумьями, он не заметил, как вышел к пристани.

Лодьи он обнаружил по звуку – варяги мощно хохотали, оживленно делясь наблюдениями, рассказывая о своих похождениях в стольном городе хазар.

Найдя лодью «Сокол», Олег перепрыгнул на борт и сразу столкнулся с Турберном.

– Ты уже здесь? – проворчал Железнобокий. – Быстро же вы, молодые, справляетесь...

- Князь где? – резко спросил Сухов.
- Зачем тебе? – удивился старый воин.
- Беда, Турберн.
- Пошли, – посуровел тот.

Инегельда они нашли на корме. Боевой Клык зверски зевал, раздумывая, ложиться ли ему спать или погодить.

- Клык, – негромко обратился Железнобокий, – тут Олег что-то важное сказать хочет.
- Валяй... – зевнул светлый князь.

Сухов сдержанно и сухо рассказал о зловещих планах иши. Зевота у Клыка прекратилась моментально, князь напрягся и сжал кулаки.

– Вот оно что... – протянул он. – А я-то думаю, и чего это они факелы жгут на мосту? А оно вон как...

– Тут еще кое-что, – добавил Турберн. – На севере – мост, и на юге проход нам закрыли – там каюки их цепью выстроились. Наверное, их еще и связали друг с другом. Заперли реку. Не войти, не выйти!

– Ничего, – процедил Клык, – выйдем! Так ударим, что от того моста одни щепки поплывут!

- Княже, – вставил слово Олег, – а если уйти по тихой? И оставить ишу в дураках?
- Это как же? – усмехнулся князь. – По суше уплыть?
- Именно! Только не уплыть, а уехать.
- На чем?!

– А это мысль, – заинтересовался Турберн, любитель всяких новинок. – На волоках телеги-колы есть и дроги, везут же они лодейки...

– И где ты тут колы видал? – агрессивно сказал Клык. – Тут не те колы, что на колесах! Тут другие, заостренные с одного конца! Тот конец жиром мажут и насаживают тебя дыркой в заднице!

- Есть же арбы, – подсказал Олег, – они еще пошире колов будут.
- Короткие больно... – засомневался Железнобокий.
- А если по две сразу? И ремнями соединить, чтобы не разъезжались?
- Вы что, – нахмурился князь, – серьезно?
- А что делать? – развел руками Сухов. – Не хочу я на кол, больно будет!

Турберн захихикал. Клык посопел-посопел и решил:

- Ладно! Ты, Олег, хватай «чертову дюжину» и шуруй, арбы добывай. Волон не забудь!
- Может, лошадей?

Князь подумал и мотнул головой:

– Не, лошади послабже. И шумные они, а волам все едино – тянут и тянут... Ладно, иди. Железнобокий, что расселся? Вперед! Я пока всех обойду, предупрежу. Проверю заодно, все ли на месте, не загуляли ли. Вы еще здесь?

Олег с Турберном мигом канули в ночь. Следом за ними ушли Ивор и Малютка Свен, Стегги Метатель Колец и все остальные. Железнобокий объяснил задачу, и «чертова дюжина» отправилась добывать арбы.

* * *

У причалов и на соседних улицах, выходивших к реке, «чертова дюжина» отыскала десятка два хазар, наблюдавших за варягами. Князь запретил их убивать, дабы не осложнять международную обстановку, так что русы лишь отпинали соглядатаев и повязали их. Вся операция балансировала на грани провала – достаточно было хотя бы одному хазарину или арсию подать сигнал тревоги, и началась бы большая резня. Но пока все было тихо.

Глубокой ночью на пологий берег у пристани упряжки волов выкатили громадные арбы, чьи оси были щедро смазаны бараньим жиром.

Пятясь по велению варягов, волы скатили арбы, связанные парами, в воду и сами

вошли в реку почти по брюхо. Только тут животные проявили первые признаки беспокойства.

А варяги, уложив мачты своих лодий на палубы, заталкивали «Пардусов» и «Соколов» на квадратные повозки, действуя почти на ощупь – тьма стояла крошечная. Лодьи скрипели киями по дереву арб, но становились как надо. Команды шустро распирали их клиньями, подбивали подпорки, привязывали штевни к тележным бортикам и тихо понукали волов. Те, накормленные сытным зерном, вытаскивали лодьи на сушу. Огромные колеса, в диаметре больше человеческого роста, оставляли глубокие колеи в песчистом грунте, но буйволы вытягивали небывалую поклажу и неторопливо везли по улицам Сарашена. Одна упряжка, другая, третья... Десятая... Шестнадцатая.

– Все, – глухо сказал князь. – Сматываемся. Надо поскорее уйти, и подальше.

У Олега мелькнула идея, которую он тут же воплотил в жизнь – побежал к знакомой церкви. Волы, везущие лодьи, как раз шествовали мимо храма. Олег подбежал к дверям, которые еще днем отпирала Елена, и увидел, что они незаперты. Ворвавшись внутрь, он метнулся в ту самую комнату – никого. Оббежав все помещения, он убедился, что Елена и ее провожатый исчезли, покинули Итиль в неизвестном направлении.

Сбавив шаг, Олег заглянул в кладовки. Так и есть – на деревянных полках были аккуратно разложены небольшие – с локоть – рулоны шелка, уложенные в холщовые мешочки. Сколько тут этого шелка...

Высочив на улицу, Сухов позвал за собой варягов.

– Чего там? – недовольно проворчал Малютка Свен.

– Шелк там, – нелюбезно ответил Сухов.

– Да ну?! Много?

– Хватит на всех.

– Ух, ты!

Светлый князь, узнав о находке, злорадно улыбнулся.

– Обрадуем ишу! – хохотнул он и тут же распорядился: – Цепочкой становись!

Рулоны перебросали быстро. Кидали прямо на палубу. Проезжала одна лодья, швыряли на следующую. Товару хватило на пять кораблей.

Олег в последний раз глянул на шпиль церквушки, вздохнул и рысцой догнал своих.

Одно было хорошо в Итиле – у города не было стен. Вообще. Ни глинобитных, ни частокола. Так что арбы, влекомые равнодушными волами, свободно пересекали черту города и растворялись в степи.

Под утро лодьи были спущены на воду. Свежий ветер с юго-запада наполнил паруса, но и веслам нашлась работа – течение у Итиля было неслабое.

Погони варяги не шибко опасались – на воде их взять трудно. У хазар был свой командующим флотом, звался он джавшигаром, вот только кораблей у джавшигара не было...

* * *

Чем дальше на север, тем суше делались берега. Исчезли ивы. Гладкая степь по берегам взбугрилась пологими холмами, прорезанными глубокими, поросшими лесом оврагами. Воздух был влажный и резкий.

Стоял июнь, степные увалы нежно голубели россыпями незабудок, а среди них, золотым шитьем, выделялись пятна степного крестовика и лютика.

В середине июня, когда лодьи поднялись по Итилю выше земель коротконогих буртасов, по степи разлился темно-лиловый шалфей и желтый козлобородник, а к концу месяца пологие склоны перекрасились в снежно-белый цвет – пришла пора клевера-белоголовки и таволжанки.

Ближе к середине июля, когда варяги прибыли в страну булгар, зацвел эспарцет, и подувдавшая белизна степи приняла тускло-розовый оттенок. И это был последний всплеск

цветения. Скоро задуют суховеи, и пышное разнотравье побуреет, словно готовясь к слезливой осени. И это степное уныние будет в тон настроению Олега – в Полутролля вселилась тоска.

Глава 8, из которой доносятся стенания и хрипы, а Олег помимо воли участвует в языческих обрядах

Утро было теплым, обещаая жаркий день. Петухи устали кукарекать и смолкли, переключились на повышение рождаемости. С Итиля тянуло влагой, доносились плеск весел и смутный говор рыбаков. Олег, умывшись из бадьи с дождевой водой, устроился на завалинке и занялся делом – стал щит чинить, набивая по кругу вощеную воловью кожу, твердую, как доска.

В землях болгар у князя «все было схвачено» – купцы из его рода, Адулб, Адун и Гомол, выстроили целую факторию, где складировали товар, чинили лодьи и кнорры, бывало, что и зимовали. Здесь и расположилась дружина. Помещений на всех не хватило, большая часть личного состава ночевала в шатрах, но варягам не привыкать, да и не ведали в этом времени обо «всех удобствах» – спали, где положат, ели, что дадут.

К исходу серых сумерек, олицетворяя собой команду «подъем!», явилась Сфандра, невольница Адуна. Она семенила по двору, держа перед собой большую деревянную лоханью, полную холодной воды. Дотащив свою ношу, девушка-тир сердито брякнула лоханкой, выставляя ее на лавку. Вода плеснула Сфандре на босые ноги, не улучшив настроения рабыни.

– Носи им тут, носи, – пробурчала она, – будто река от них далеко!

Из «длинного дома» вышел князь Инегельд Боевой Клык в одних кожаных штанах. На широкой груди его светлости колечками вились седые волосы, растрепанные космы цвета соломы торчали во все стороны. Всю правую руку князя, от ногтей и до шеи, обвивали зеленые драконы, переплетаясь с ветвями, грифонами и клювастыми птицами.

Почесав под мышками, Инегельд потянулся, отчего взбугрились чудовищные мышцы спины, выдохнул с силою, крикнул в довое и приступил к утреннему туалету.

Ухая, Клык набирал полные горсти воды из лоханки, оmyвая лицо, руки и волосы. Отряхнувшись и жмуря глаза, он заворчал в поисках полотенца. Сфандра была тут как тут, протягивая князю чистую холстину. Подождала, пока тот утрется, и сунула в руки гребень.

Расчесываясь, Боевой Клык прислушивался к звукам, доносившимся из дома, – двое или трое гридней прелюбодействовали с рабынями, коих купец Адун доставил на продажу. Сфандра приготовилась улизнуть.

– Погодь, – буркнул Инегельд.

Девушка преувеличенно громко вздохнула, сняла с себя клетчатую поневу и задрала длинную рубаху, оголяя крепкий задик. Прогнулась, упираясь в лавку руками, раздвинула ноги. Боевой Клык засопел, распуская ремень и стягивая штаны. Выражение его лица в этот момент было деловитым и сосредоточенным. Он шагнул, качая напряженным членом, и овладел девушкой с ходу, не тратя времени на прелюдии и церемонии. Облапил крутые белые бедра темными, мозолистыми ладонями, мощно задвигал тазом, пыхтя и покряхтывая. Сфандра стонала в такт, изредка вскрикивая, пластаясь по лавке, раскидывая по ней руки. В момент могучего крещендо Инегельд изогнулся, конвульсивно и порывисто, не сдерживая шумного дыхания, и ухватил рабыню за груди. Та закричала, не то притворяясь, не то и вправду получая удовлетворение.

Стали выбираться во двор гридни. Все споласкивали в лоханке руки, умывались и брызгались. Вытирались, расчесывали длинные волосы или заплетали косицы. Татуировки отмечали всех подряд, причем у Турберна, как у самого опытного воина, были изрисованы обе загорелые, обросшие мышцами руки, а зубастая пасть синего дракона, обвивавшего левую длань, забиралась на середину груди.

– Олег! – кликнул Сухова Боевой Клык. – Пошли, поможешь мне...

Олег с готовностью поднялся, запахиваясь в грубый воинский плащ-кису и перекидывая полу за плечо, чтобы правая рука была обнажена и свободна. Инегельд – в такой же кисе, при мече и секире, – дождался его и отправился за «длинный дом», где в загоне паслись коровы и овцы – живой припас для вечно голодной братии.

– Надобно жертву принести Велесу, – строго сказал князь. – Старый Адулб привез много товара, а тут, как я погляжу, сарацин – как мышей в амбаре, живо расторгнемся... Ты давай, корову веди, а я пару овечек прихвачу.

Олег выбрал самую старую коровенку и потащил ее за собой, накинув веревку на рога. Корова сопротивлялась, упираясь по-ослиному. Инегельд поступил проще – подхватив двух овечек под мышки, он по очереди взвалил блеющих животных на широкие плечи и потопал до святого места.

Олег повлек буренку туда же.

Капище расположилось на полдороге между якорной стоянкой и поселком при русской фактории. Это была невеликая полянка на берегу реки. С краю полянки был вкопан высокий столб в обхват с вырезанным ликом Белеса, покровителя купли-продажи. Кругом его сгруппировались малые идолы, а позади них были врыты в землю высокие столбы.

По дороге к святому месту за Олегом, ведущим строптивую корову, увязались человек десять в потрепанной одежде, очевидно надеясь, что и им перепадет мяса.

Процессия миновала шатер, в котором маялся Радим, подхвативший лихорадку, – гридь следовала жестокому, но здравому обычаю, согласно которому больных селили отдельно. Даруют ли ему здравие боги, вылечит ли Радима Пончик, неясно, а разносчик заразы изолирован.

Череда идущих обогнула высокий, толстый клен, на котором висел почерневший Тугарин-разбойник, и вышла к капищу. Намоленное место...

Князь небрежно скинул мекающий груз, тут же подхваченный угодливыми руками, и простерся ниц перед Белесом. Выпрямился, стоя на коленях, и воздел руки в молитве:

– О господине! Я пришел издалека, со мной девушек двадцать голов, соболей и бобров – сорок вязок, меду всякого виду – тридцать колод, воску топленого – три десятка полновесных кругов, шелку почти сто штук. А этот дар я приношу тебе, о податель приплоду и богатства!

Инегельд скинул плащ и вооружился секирой. Одним ударом зарубив корову, он, походя, прикончил овец. Беднота распотрошила жертвы, разделала на части, за что князь швырнул горсть медных даников. Мелочь и мясо порасхватили босяки, а что осталось, Клык преподнес Велесу.

– Желаю, – сказал он, договариваясь с богом, – чтоб ты мне доставил купца с динарами и дирхемами, который купил бы у меня все, что я желаю продать, и не прекословил бы мне во всем, что я ему ни скажу!

Боевой Клык торжественно водрузил коровью башку на столб, пачкаясь в крови, а Олег, ежась в душе, насадил на шести головы овец. Все, исполнен обет, кровью подписан «протокол о намерениях» с небесами. И пусть только попробуют нарушить контракт! Сухов только головой покачал. Что за идиотство...

Князь, довольный и успокоенный, обтер руки о росистую траву. Хотел было кису накинуть на плечи, но тут ему помешали.

К капищу подвалили болгары, подданные царя Балтавара, коих он царь решил обратить в ислам. По этому случаю в Булгар прибыло целое посольство во главе с Сусаном ар-Раси, направленное в северные пределы по личному указанию халифа аль-Муктадира.

Растерянные арабы потерялись в толпе болгар, облаченных в халаты с вышивкой, брякавших наборными поясами и подвесками. Местные кричали то радостно, то гневно, и «гости города» робели, не понимая болгарского наречия.

Не разумел его и Олег, но вот настрой толпы уловил – новообращенные болгары шли бить язычников-русов. Достанется и богам – у многих в руках горели факелы и посверкивали

топоры. Новообращенные успели давеча расколоть молотами грубое изваяние Зиланта, местного змия, которому поклонялись болгары, нынче записанные в язычники.

Приблизившись к границам капища, погромщики столпились и заорали, распалая себя, – их легкие не хулу исторгали, а разжигали в себе злобу к неверным, как меха воспаменяют горнило.

Босота, прижимавшая к груди кровавые куски мяса, сбилась в кучу, не ведая куды бечь.

– Кто подмогу кликнет, – бросил Олег, – получит дирхем!

Вдохновившись, бедняки ринулись на прорыв, попрыгали с обрывца на берег, скрылись.

Клык молча перебросил в левую руку верную секиру, а правой выхватил меч. В глазах его, пронзительно-синего цвету, заплясали огонечки бешеного веселья, а рот искривился зловещей ухмылкой. Олег тоже оголил свой клинок.

Толпа, казалось, только и ждала этого. Кто-то в задних рядах завыл, закричал, старательно выговаривая чужеродную формулу:

– Аллаху акбар!

И болгары с ревом бросились на русов, потрясая топорами и дубинами, кроя воздух скрамасаксами, полуножами-полумечами.

Инегельд со звериным рыком обрушил на болгар дюжину ударов. Он рубил сверху увесистым полуторным мечом и поднимал его для следующего удара невероятно быстро. Ударив, он тотчас отскакивал, чтобы не попасть под встречный выпад.

Здоровенный косоглазый детина с дубиной наперевес напал на Олега. Окованная железом палица мечу не поддастся...

Сухов увернулся раз, увернулся другой, а потом, пока косоглазый замахивался, подрубил ему ногу, да так, что из лодыжки вылез розовый осколок кости. Булгарин взвыл и рухнул наземь, а Олег насадил на меч дружка косоглазого, с головой, неумело обмотанной тряпкой на манер чалмы.

Боевой Клык гребил врагов, не зная устали. Тяжелая секира так и мелькала, круша черепа и ребра, а меч разил с правой, разбрызгивая кровь по капищу.

– Примите подарок о, боги! – взревел князь, скалясь без натуги. – Жертвую вам этих двуногих баранов!

Небрежно перешагнув через окровавленные тела, он продолжил сеять смерть. Олег поддерживал его устремления с левого фланга.

Толпа внезапно отхлынула, но не разбежалась – болгары устроили себе роздых. Боевой Клык невозмутимо опустил секиру и проворчал:

– Зря ты щит не взял...

– Думаешь, стрелять начнут? – спросил Олег.

– А то...

– Где же наши?..

– Заучи урок: надейся только на себя!

Из орущей толпы прилетела пара стрел с широкими наконечниками, как у хазар. Однако стрелки были никудышные – Боевой Клык свою отбил рукою, а Олег перерубил «змею битвы» в полете.

И тут взревели знакомые голоса – гридни навалились на булгар с тыла, прорубая себе дорогу сквозь кровь и кости. Толпа дрогнула и стала таять – новообращенные разбегались, не спеша угодить к гуриям.

Инегельд с Олегом вытерли оружие о халаты убитых и двинулись навстречу разъяренной дружине.

– Дозволь, княже! – прорычал Малютка Свен. – Дозволь догнать и порешить! Искрошим, как морковь для похлебки!

– Это не воины, – утишил его князь, – не стоит поить наши мечи их вонючей кровью. Все живы-здоровы?

– Почти, – скривился Турберн Железнобокий. Лицо старого вояки выражало печаль –

немного натужную, но гридню долго скорбеть не положено. – Грустную новость сообщая тебе – Адулб помер!

– Помер, говоришь? – хладнокровно повторил князь.

– Кровь пустили старому Адулбу, прямо на торгу. Убийц мы поймали и повесили – это были Талут и Безмер, местные лиходеи.

– Ага... Ясно. Что ж, задержимся в булгарах, похороним купчину как следует. Адулб еще с Аскольдовым сыном хаживал, хазар бил, Миклагард брал. Послужил честно и Водану, и Велесу. Объяви всем: сегодня кладем Адулба в могилу, а девки его пушай одежду кроют и шьют. Третью добра семье возвернем, на остаток погребем Адулба. Пошли, братие...

* * *

Временную могилу выкопали глубокую, положили в нее умершего, поставили рядом с ним кувшин с вином, закуску, гусли и закрыли яму крышкой, присыпали сверху землей.

Девушки шили Адулбу богатые одеяния, работники его и рабы-трэли варили пиво, а князь Инегельд лично сыскал погребальную лодью, не старую еще посудину, на которой не стыдно будет всплыть в мир иной.

Олег злился на задержку, но что уж тут поделаешь? И он носился со всеми вместе, исполняя требования сложного обряда.

Лодью уже выволокли на берег, втащив на березовые подпорки, покрасили и обновили, а вокруг вкопали столбы с личинами богов.

Двое молодых воинов-дренгов подняли на палубу широкую скамью и покрыли ее вышитыми коврами, разложили подушки из ромейской парчи. Другая парочка натянула над скамьею походный шатер, а толстая старуха с видом лютым выстлала ложе драгоценными паволоками. Была она «ангелом смерти», проводницей за последнюю черту, в обиталище предков. Таких, как она, выбирали трудно, ибо не всякая женщина могла без ущерба знаться с нежитью, не каждая умела пройти по лезвию меча между белым светом и иномирьем.

И настал черед страшного выбора – мертвецу нужна была подруга.

Инегельд поступил по-солдатски – вывел всех рабынь и наложниц купца и прямо спросил:

– Кто умрет с Адулбом?

Красны девицы стали бледнеть. Страх умереть боролся в них с желанием попасть в рай, не дожидаясь старости. Девушки переглядывались, будто ища в подругах ответ на мучивший их вопрос. И вот одна из рабынь храбро выступила вперед, звонко выкрикнув:

– Я!

Сероглазая, с носиком в конопушках, девушка смотрела с вызовом и отчаянием, ибо понимала – назад дороги нет. Ее заостренный подбородочек мелко вздрагивал от волнения, зрачки расширились настолько, что цвет глаз стал походить на карий.

– Звать как? – поинтересовался Клык.

– Гута, – ответила сероглазая.

Инегельд кивнул и показал пальцем на двух девушек:

– Ты и ты! Стерегите Гуту и всегда будьте рядом.

– Да, господин, – смиренно ответили девушки.

Турберн собрал местных старух, и те затеяли посмертную брачную церемонию. Гуту переодели в белую рубаху, расплели ей волосы и напоили вином.

Седобородые деды наяривали на гуслих плясовую, им подыгрывали на гудках и бубнах, колотили в барабан, а оседлый печенег по прозвищу Кангар дул в здоровенную серирскую трубу с бычьей головой из серебра.

Пьяную сероглазку взяли под руки и трижды провели вокруг похоронного корабля, а гридни колотили мечами по ножнам и щитам, притоптывали в такт.

– Поженили... – пробормотал Пончик.

– Замуж выдали, – поправил друга Олег.

– Вот счастья девке привалило...
– Как сказать... Она-то уверена, что смертью оплатила билет в жизнь вечную... Ладно, пошли отсюда. Князь приказал две бочки александрийского выкатить...

* * *

И вот наступил день прощания. Четверо пожилых гридней сгребли землю с могилы и подняли крышку. Медленно и торжественно извлекли почерневшее тело в покрывале, вынули кувшин с пивом, закуску и гусли.

– Я уж думал, – сказал Пончик облегченно, – вони будет...
– Да он там как в морозильнике лежал, – фыркнул Олег. – Тут, Понч, каждая мелочь продумана.

– Все равно как-то мрачно все.

– Пончик, ты не на дне рождения...

Девушки под пение старших товарок надели на Адулба шаровары и носки, натянули сапоги, а сверху – парчовый кафтан с золотыми пуговицами, нахлобучили на мертвую голову шапку из соболя.

Протяжно голося, гридни понесли умершего в предпоследний путь.

А толпа на берегу реки собралась изрядная – многие знали купца и пришли проводить, отдать дань уважения умершему, а большинство явилось для участия в тризне.

Задубевший труп устроили на ладье и подперли его подушками. Приглашенные понесли подарки – пиво и вино, благовония и овощи, каравай хлеба, блюдо жареного мяса. Рассекли на две части собаку и бросили на палубу. Обок с умершим положили его оружие, ломаное и гнутое, чтобы никто из живых не покусился. Трэли вскочили на двух коней и гоняли их, пока те не вспотели, после чего скакунов порубили мечами и загрузили на корабль. Зарезали петуха и курицу и кинули туда же.

А девушка, избравшая наикратчайший путь в небесную усадьбу, ходила по рукам, по очереди отдаваясь родственникам и друзьям покойного, и те говорили избраннице: «Скажи своему господину, что я сделал это по любви к тебе».

– Не, я бы так не смог, – тихо прокомментировал действие Пончик. – Группен-секс мне никогда не нравился.

– Так это ж не свальный грех, – возразил Олег, – а священнодействие! Хотя... Знаешь, первым я бы стал, но в очередь становиться... Ну уж, нет уж!

Когда настало среднее время между полуднем и закатом, Гуту повели к священным вратам – двум рогатинам, врытым в землю, с перекадиной, укрепленной поверх. Этаким косяк без дверей и самих стен.

Избранница, напичканная зельем, встала ногами на сложенные руки двух могучих гридней, и те подняли ее выше перекадины.

– Смотри, смотри хорошенько! – кричали ей. – Что открылось тебе?

– Вижу отца моего и мать мою! – радостно голосила Гута. Язык ее малость заплетался.

Гридни спустили «невесту» вниз и снова подняли.

– Вот вижу всех умерших родичей сидящими!

– Не ждет ли тебя муж? – крикнула «ангел смерти», когда жена мертвеца воздвиглась на крепких руках в третий раз. – Видишь его?

– Вижу! Вижу! Вижу моего господина сидящим в раю, а рай прекрасен, зелен! С ним взрослые мужчины и мальчики... О! Муж мой зовет меня! Он хочет меня, ведите меня к нему!

«Ангел смерти» подала Гуте курицу, избранница отрубила ей головку, а трепыхающуюся тушку бросили на ладью. Мрачный спектакль, где был просчитан каждый акт, близился к концу.

Сероглазая сняла серебряные браслеты и отдала старой карге. Отстегнула серебряные пряжки и протянула их двум девушкам, прислуживавшим ей все эти дни, от «свадьбы» до

похорон. И повели Гуту на лодью к муженьку...

Мужчины со щитами и палками поднялись следом, и Турберн протянул сероглазой кружку с вином – девушка пропела над нею, прощаясь с подругами, и выпила до дна. Турберн тут же налил вторую. Гута затянула длинную песню, задабривая силы добрые и пугая демонов.

«Ангел смерти» еле дотерпела до конца сольного номера и ввела «жену» к «мужу» в шатер. За пологом скрылись шестеро мужиков от рода Адулба и хором сочетались с Гутой.

И вышел срок – сероглазую простерли бок о бок с мертвецом, двое схватили ее за ноги, двое за руки, а «ангел смерти» обвила стройную шейку Гуты красивым шнурком и протянула концы его третьей паре «любовников». Мужики крепко затянули шнурок, душа сероглазую, а старуха яростно втыкала ей в бок большой ширококлинный кинжал.

Стоны и хрипы удушаемой не доносились до берега – гридни со всей мочи колотили мечами по щитам, заглушая озвучку ритуального убийства.

«Ангел смерти» выпрямилась, и по толпе разнесся выдох: Гуты больше нет! Она ушла туда, откуда не возвращаются.

Адун, ближайший родственник умершего, двинулся спиной к ладье, держа в одной руке факел, а другой пятерней вцепившись в собственный голый зад, пока не зажег погребальный костер, разложенный под кораблем. За ним пошли остальные, запаливая ладью со всех сторон. И каждый их шаг, любое движение или слово было утверждено строжайшим обычаем, все имело свой смысл и причину.

Пончик постеснялся участвовать в действе, а Олег зажег факелом изгородь-краду вокруг погребального корабля, оплетенную соломой, – замкнулся круг из огня, спрятал от глаз людских ход в страну мертвых, куда вступал Адулб, рука об руку с молодой женой.

Сильный огонь охватил корабль, потом подул сильный, грозный ветер, словно насланный милостивыми богами, и неукротимое воспламенение усилилось еще пуще.

Жар был велик, и Олег отошел подальше, прикрываясь рукою, пока не остановился рядом с Боевым Клыком.

К светлому князю приблизился заезжий сарацин, поклонился Инегельду и спросил кротким голосом:

– Дозволено ли будет гостю этих мест присутствовать на похоронах достойного Адулба?

– А чего ж нет! – хмыкнул князь. – Кто таков будешь?

Араб поклонился и ответил:

– Меня зовут Ахмед ибн-Фадлан ибн-аль-Аббас ибн-Рашид ибн-Хаммад. Я прибыл в эту холодную страну из славного города Багдада, дабы помогать послу святейшего халифа в его славных делах... Во имя Аллаха, велик Он и всевышен!

– Да уж, славных дел вы натворили, – проворчал Клык. – Распалили болгар так, что те взбесились!

Ибн Фадлан прижал пятерню к сердцу и поклонился.

– Ладно, чего уж там... – махнул рукой князь. – Присутствуй.

Араб отвесил дежурный поклон и осторожно поинтересовался:

– Обычай сжигания мертвых известен в Индии, где люди поклоняются множеству богов. Русы тоже предают своих мертвецов огню. Мы же, боящиеся Аллаха, хороним их. Чей же обычай лучше?

Боевой Клык фыркнул и ответил со снисхождением:

– Вы, арабы, глупый народ. Вы берете милейшего и почтеннейшего для вас из людей и бросаете его в землю, где он становится добычей пресмыкающихся и червей. Мы же сжигаем павшего или умершего в огне, в одно мгновение, и он в тот же час входит в рай! – Громко захохотав, князь добавил: – По любви богов к Адулбу, наслали они ветер, так что огонь охватит его в час!

И подлинно, не прошло и часа, как ладья с умершим и подругой его обратилась в пепел.

Рассеялся дым, и князь вновь созвал своих гридней – таскать землю на щитах и засыпать место последней стоянки лодьи. Дружина взялась за дело споро, так что к вечеру на берегу возник курган. На вершине его вкопали деревянный столб, обтесанный с одной стороны, и жрец выжег на нем имя похороненного, а ниже – имя великого князя: «АДУЛБ ПОЛУНОЧНИК – ХАЛЕГ ВЕДУН».

* * *

Погас один большой костер, зато разгорелось много малых, словно отмечая торжество жизни над смертью. Началась поминальная тризна.

Дорогое вино заморское лилось рекой, что уж говорить о выдержанном меде – хоть топись в нем. Олег отведал медку, выдул полный кубок – хорошо пошло.

– Закусывать надо, – сказал Пончик.

Сухов вяло махнул рукой и подставил кубок расторопному рабу-кравчему. Тот живо плеснул новую порцию меду.

Сколько он выхлебал хмельного напитка, Олег не упомянул. Проснувшись посреди ночи, Сухов обнаружил себя голым, на расстеленной овчине. Земля, до того опаленная костром, грела сквозь шкуру так, что на коже пот высыпал бисером.

Рядом, круглой попой к нему, спала голая девица. Кто такая?..

Сухов приподнялся на локтях и огляделся. Он лежал на берегу, среди гаснущих огней. В дрожащих отсветах угадывались спящие товарищи, богатырский храп звучал на все голоса.

Поискав одежду и оружие, Олег обнаружил их рядом с собою и успокоился. Подумал-подумал и шлепнул девицу по упругой заднице. Нечаянная любовь живо обернулась к нему, залопотала не по-русски, придвинулась, подлащиваясь и раздвигая ноги. Хорошенькая вроде, пригляделся Олег.

Так и не познакомившись с девушкой, он овладел ею. Сухов мямл большие груди с торчащими сосками, рассеянно слушал стоны и горячие аханья, а сам вспоминал Елену Мелиссину.

Удивительно, но случайная наложница излечила ему душу, утешив тело. Тоска истаяла, зато родилось ожидание.

А рано утром князь низко поклонился кургану с прахом Адулба и объявил:

– Пора!

Лодьи по очереди отваливали от болгарского берега и выгребали на стрежень великой реки.

Землями сувазов и арису, черемисов и мери флотилия поднялась до реки Шексны, переправилась в озеро Вель, то бишь Белое, оттуда волоками добралась до Онега, через реку Сувар выплыла на простор озера Нево и свернула к устью реки Оклоги⁴⁸. Вскорости по правую руку открылась древняя столица Гардарики – Альдейгьюборг, с могучей крепостью, сложенной из камня по приказу Халега Ведуна, перенесшего престол свой в Ногард, Новый город, заложенный совсем недавно на вливе Оклоги, там, где мутная река вытекала из Ильмерь-озера.

Туда и потянулись лодьи, одолевая пороги, пока не завиднелся вдали новый стольный град, не зажелтели свежим деревом его стены. Город продолжал строиться – от крепости на правом берегу на берег левый тянули Великий мост, рубились из дуба кургузые башни, беря под защиту Славенский конец Новгорода.

Лодьи приставали к набережной Буян, и варяги вскакивали со скамей, ревели от восторга, изо всей силы колотя друг друга по спинам и плечам. Они дома! Дома!

⁴⁸ Описан самый распространенный вариант движения по Великому Волжскому пути. Сувар – ныне Свирь, Нево – Ладога, Оклога – Волхов.

И только Олег оставался спокойным в общей кутерьме, ибо его дом был очень далеко отсюда...

Часть вторая «ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ»

Глава 9, в которой Олег отправляется на юг

Лето кончилось скоро. По утрам стало холодать, леса переоделись, пятная багрецом и желтью хмурые сосняки и ельники. Но не долго красовались лиственные породы – задули ветра каленые, и все пышное убранство опало, оголяя корявые ветви. Набежали тучи, спрятали сочную голубизну небес, вывалили снегу по колено, и весь видимый мир перекрасился в цвета зимнего триколора – белый, черный и серый.

И вот перелистнулся календарь на месяц грудень, предпоследний в году. Олег заметил, что для варягов зимовка не тянулась, как для него. Русы продолжали жить как жили, не откладывая бытие на потом. Пили, ели, спали, целые турниры по тавлеям разыгрывали. Подружек заводили. И каждый день учились побеждать – уж за этим Инегельд следил в оба глаза, спуску не давал.

Беготня по лесным тропам, борьба и кулачные бои, упражнения с мечом, с луком и стрелами, с дротиками, долгие разговоры у костров, где воспоминания о реальных битвах причудливо мешались с вымышленными победами, – вся эта «боевая и политическая подготовка» ужимала время, ускоряла тяготное перетекание секунд в минуты, минут в часы, часов в дни и недели. Олег и сам бы не заметил, если бы ему не напомнили – сегодня 24 студня! Праздник! Йоль называется. Самая длинная ночь в году. После нее света будет прибавляться, зима на убыль пойдет, повернет к теплу и вешнему растополью.

* * *

– Ты где встречать-то будешь? – прогудел Малютка Свен.
– Не знаю, – пожал плечами Олег, плотнее запахивая теплый овчинный полушубок.
– Пошли с нами, – пригласил Свен. – Фудри будет, и Стегги, и Пончик. Князь обещал подойти... Чего одному сидеть?
– Пошли! – махнул рукой Сухов.
– Во! – оживился Малютка. – Хозяйка еще и пирожков напечь грозилась – с ягодой! Дюже вкусные!

А Новгород не очень-то и тишел на ночь глядя. И в темноте не тонул. Группки парней и девушек, хохоча во все горло или прыскавая в ладошку, перебегали от дома к дому, плясали вокруг костров, шатались по улицам, пели песни и махали факелами в такт. С наступающим!

Дом, где гостила «чертова дюжина», был из богатых – большая усадьба постройками своими брала двор в обхват, замыкала его неровным квадратом. Даже ворота были сделаны аркой под вторым этажом хозяйского «теремка».

Пировали в отдельной избе – «столовой». В ней было натоплено, сизый дым стлался повыше полок-сыпух, циклончиком крутясь под дымогоном. Посреди обширной хоромины стоял длинный, крепкий стол, скобленный дожелта. И чего только не было на том столе! На солилах – общих деревянных блюдах – дымилось жареное мясо, горячее, исходящее духовистым соком и влекущее голодный взор румяной корочкой. В деревянных ведерках плескался мед, стояла даже корчага с «зеленым» вином – так тут почему-то прозывали вино белое. А посерединке курчавилась паром целая гора выпечки – пирожков, расстегаев, булок, кренделей...

По лавкам сидело человек десять гридней, к молодежи присоседился Турберн

Железнобокий, большая и шумная душа компании. Турберн спорил с Хуртой Славинским, белобрысым веснушчатым парнем, принявшим крещение. Спор шел на опасные темы.

– Да не могла Мария бога родить! – наседали Турберн. – Никак не могла!

– Пресвятая она... – пробубнил Хурта.

– Да хоть какая! Все одно – не богиня. Женщина! И что вы так баб шугаетесь? «Непорочное зачатие»... Можно подумать, бывает иное!

– Все мы во грехе рождены... – бубнил Хурта.

Олег скинул полушубок, подумал и разделся до рубахи.

– Знаешь, Хурта, – вздохнул Железнобокий, – я б еще понял, если бы дите от брака с сестрой родилось или, там, от отца с дочерью. Вот то грех! Потому как родная кровь смешана, и дитю тому хворым быть и тямом скорбеть. Но если любя мне девка, и понесет она от меня – где ж тут грех?!

– В блуде!

– Кончайте эту тему, – не выдержал Олег. – Ты, Хурта, не помнишь случайно, какую такую новую заповедь Иисус дал?

– Возлюби ближнего, – буркнул Славинский.

– О! – поднял палец Олег. – Вот и возлюби Железнобокого, пока тот не рассердился всерьез и не накидал тебе пачек... Может, закусим? – предложил он. – А то остынет.

– Давайте... – проворчал Турберн и потер зачесавшийся глаз. – Давайте сначала выпьем!

И они выпили. Трижды. Хмельной мед и выдержанное вино смягчили души, добавили к праздничному настроению хмельной радости.

Хурта впал в задумчивость. Ивор Пожиратель Смерти тоже порой замирал, уставясь в «красный угол», где в пламени светильника отсвечивали лики богов, вырезанные из дуба. Огонек прыгал, мерцал, тени шевелились, и казалось, боги пытаются что-то сказать, раздувая щеки, кривя брови, но никто не слышит гласа их...

Во влазне гулко затопали, счищая снег, и в дом ввалился розовый с морозца Инегельд Боевой Клык с глиняным горшком в руках.

– Вот наглые! – трубно взревел он. – А ну, гаси огонь! Я вам чистого принес!

Стегги, Ивор и Алк кинулись задувать светильни. В крошечной темноте виднелось лишь лицо Клыка, раздувавшего угли в горшке. Смахивало лицо на идольское – так же прыгали тени на нем и играл свет. «Чистый огонь» был добыт трением и разнесен по всем домам – с Новым годом, с новым огнем в очагах!

Олег подхватился и сбегал в сени за хворостом. Разложил в погашенном очаге, скрутил сухой бересты, и князь отсыпал из горшочка угольев. Береста задымилась и вспыхнула.

– Гори ясно!

Затрещал хворост, загудело пламя. Лучинки разнесли огонь по светильням, все сели за стол.

– Новый год прямо... – сказал Пончик. – Только елки нету...

– И мандаринов, – подхватил Олег. Шурик вздохнул только...

Инегельд крепко потер ладони и взялся за деревянную чашу. Стегги Метатель Колец поспешно плеснул в нее из ведерка с медом.

– Ну, – крикнул светлый князь, – поехали!

* * *

...В месяце апреле снег стал рыхлеть, а лед на реках затрещал, готовясь сойти. Задули сырые ветра, разогнали серую хмарь, открыли солнцу продрогшую землю.

Впрочем, дружине Инегельда и без того жилось тепло и сытно – великий князь Халег Ведун пристроил войнство Боевого Клыка в Рюриковом городище – крепости, что стояла рядом с Ногардом. Там же зимовала и гридь самого Халега – уж таков был закон.

Гардарики населял народ вольный, он сам выбирал себе правителей и указывал место

конунгу, коего теперь вся чаще прозывали великим князем, отличая от простого княжья. По древним заветам властителю не позволено было проживать в стенах города, а лишь вовне.

Волей-неволей конунги читили установления предков, подчинялись им, хоть и без особого желания. Никогда народ Гардов не ставил над собою выборного короля из своих, всегда призывал со стороны – нечего было ближним потакать, а то потом от власти да почестей не отвадишь. Лучше уж дальнего пригласить – приди-де и володей нами, чужак. «Земля наша велика и обильна, – гласила древняя формула, – а наряду в ней нет». Вот в обязанности чужаку и вменялось привнести наряд, то бишь законную власть, и устроить жизнь к правде и благу. Будешь справно службу нести, чужак, будешь блюсти законы – не узнаешь голода и безденежья, зато славу обретешь навек. А встанешь люду поперек, или трусишь в бою, или примешься загребать под себя общее добро – прогоним!

И служили конунги на совесть, честь свою берегли и страну, их мечу доверенную.

Как гласили саги, Радбард Гардский, заложивший Альдейгьюборг, сразился с великим вождем свеев Иваром Широкие Объятия и укоротил жадному захватчику руки, похоронил в Карельской земле. А внук Радбарда, Рогволт, прозванный Русским, встал на сторону свейского конунга Сигурда, и в битве при Бравеллире они сообща разбили войско датского короля Харальда. В честь той славной победы и назвал Рогволт сына своего – Бравлином. Сыночек в папашу пошел – дал жизни ромеям. По всем берегам империи знали имя его и трепетали, молились истово, дабы провел Боже лодьи неистового руса мимо, а того лучше – и вовсе потопил их, прости, Господи...

Рюрика, сына Регинхери, славного рейкса из страны вендов, призвали в лихую годину – опять свеи ополчились на Гарды, явились в числе великом убивать и грабить. Наподдали тем свеям изрядно, приятно вспомнить.

А вот наследник Рюрика, Ингорь, слаб оказался, хотя его сам Халег Ведун пестовал, давний знакомец и побратим сына Регинхери. Пришлось Ингоря сажать на престол в Кенугарде, городе Киуна, коего тамошнее население прозывало по-свойски – Кием. На юге люди то ли сроду не имели права голоса, то ли позволили отобрать его. Получалось так, что им было привычней покоряться царьку или князьку, чем самим делать выбор. Явились к ним готы – гнутся под готами. Сменили тех авары – прогнулись и под этих. Пришли с востока хазары – понесли дань хазарскому наместнику-тадуну.

Аскольд с Диром, разойдясь в мнениях с Рюриком, отправились в Киев-Кенугард, забрали тот городишко себе, тадуна прибили, а хазар, кои явились с претензиями, долго по степи гоняли.

По смерти Рюрика люди Гардов собрались на тинг, или, как венды говаривали – на вече, и выбрали великим князем Халега Ведуна. Тот первым делом спустился по реке Непру, убил Аскольда, убил Диру и поставил князем Ингоря.

Вздыхнув с облегчением, Халег вернулся до дому и занялся строительством – заложил Новый город на вливе Оклоги, близ озера Ильмерь⁴⁹. На одном берегу крепость основал, на другом торг открыл. Место было с умыслом выбрано, ибо оно на перекрестке дорог лежало. Сюда корабли по рекам, озерам и волокам добирались из земель арабов и греков, урман и франков, вендов и пруссов, болгар и хазар. И город пошел в рост...

Туман нагло лез под рубаху, лапал холодными пальцами, но кончалась власть его – солнце все сильнее жарило с небес, разгоняя зябкую пелену, выпутывая из нее мокрые ветви деревьев, на которых лопались почки.

Потом проявились тесовые крыши домов, крепкие башни, срубленные из дуба. Туман редел, медленно растворяясь в утреннем воздухе.

Хлопнула где-то дверь, донесся громкий разговор, перебитый смехом, заскрипел колодезный ворот, загрохотало ведро... Плюхнуло, заплескало. Скрипение пошло натужней...

⁴⁹ Непр – это Днепр, Данаприс, как его называли сарматы, а озеро Ильмерь стали называть Ильменем лишь с 16 века.

Разошелся туман. С галереи терема Олегу стали видны бревенчатые стены домов и клетей, крытый верх крепостной стены, темные лесины мостовых. Осмелевшие лучи прогоняли последние белесые клочья, таящиеся по оврагам и западинам. Дольше всего туман держался над рекою; сквозь него размыто проступали хищные силуэты боевых лодий – их мачты качались на мелкой волне Ильмеря, словно разгоняя туманную взвесь. И это вроде как помогло – истаял туман, открывая зрению вток Оклоги – мутная озерная вода вливалась в русло реки, чтобы вынести ил к устью.

На левом берегу, заняв господствующую возвышенность, основательно сидела крепость, забирая в неровный овал скученные дома. Всякие – от маленьких избушек до богатых усадеб. С той стороны доносился петушинный хор, гавканье собак, наплывали запахи свежеиспеченного хлеба и топящихся печей.

Олег созерцал приметы ясного весеннего утра и откровенно скучал. Зима, нудная и холодная, минула. До самого апреля дружина Халега Ведуна занималась «кружением» – по замерзшим рекам и болотам, по редким дорогам гридни с великим князем во главе объезжали малые и большие поселки, собирая дань. Халег и Боевого Клыка нагрузил – светлый князь со своими воинами отправился за податью в далекие грады карел и биармов.

К удивлению Сухова, данники встречали гридь чуть ли не с радостью. А как же – новые люди, новые вести. Из Нового города! Старейшины и вожди суеились вовсю, угощали дорогих гостей изысками северной кухни – от строганины из лосося в клюкве до жаркого из медвежатины. А уж меду сколько выпито было – не счесть тот объем.

Правда, хозяева тоже остались довольны – наслушались былей и сказок на год вперед. А уж гридни старались – ввали самозабвенно, так расписывая свои подвиги, что Олег ежилась – вот-вот старейшина вскричит: «Не верю!» Нет, никто не вскакивал и протестов не заявлял. Еще и сами привирали, трофеями хвастались, якобы добытыми на охоте или рыбалке. Гридни кричали только, слыша о медведях выше дома и о рыбах, что длиннее всякой лоды вдвое.

А в обратный путь лошади потащили сани, груженные моржовыми клыками и мехами всякого разбору.

Так и зима прошла, в делах да в заботах, пролетела незаметно. А вот весна тяготила Олега – не сиделось ему на месте, хотелось снова быть нужным, чувствовать сопротивление весла, загребавшего воду, высматривать землю на горизонте, к которой полосатый парус несет лодью...

На высокое крыльцо терема вышел Халег Ведун, одетый стильно и неброско, – на нем были сафьяновые сапоги, расшитые мелким речным жемчугом, порты из шелку, увиденного в Итиле, и длинная, подпоясанная рубаха с богатой вышивкой по вороту.

Великому князю шел седьмой десяток, но он был крепким человекищем, даже в старости не растерявшим былой могучности. Лицо его, чеканное, твердое, рубленое будто, дышало волей, седые космы были красиво расчесаны и обжаты венцом – нешироким золотым обручем с громадным изумрудом на лбу. Глаза не прятались под белыми бровями, а смотрели зорко и пытливо, длинные, пышные усы свисали на грудь, не пряча тонких, плотно сжатых губ.

Величественно обернувшись к дверному проему, Халег позвал, разрушая образ:

– Долго ты там будешь копать?

– Иду... – прогудело в ответ.

Пригибаясь под притолокой, на крыльцо шагнул Инегельд Боевой Клык, обряженный в красные юфтевые сапоги с желтыми нашивками, ярко-зеленые штаны и пурпуровую кису, наброшенную на голое тело.

Клык и верховный правитель Гардов сошлись и склонили головы, негромко обговаривая детали. Детали чего? Как ни напрягался Олег, но ничего путного он так и не расслышал. Но увидел – Инегельд и Халег кивнули друг другу и крепко пожали руки.

На цыпочках отойдя от перил, Сухов бросился в гридницу, окна которой закладывались резными досками на зиму, но с весны до зимы стояли открытыми. На месте он застал

Малютку Свена, Ивора и Фудри Москвича.

– Старики чего-то затевают, – сообщил Олег. – Видел, как они сговаривались.

– Это хорошо, – слабо улыбнулся Ивор, – а то застоялся я...

– Размяться не помешало бы, – солидно заметил Фудри.

Свен ничего не добавил к сказанному – не успел. Могучая фигура Клыка заняла весь проем двери. Ступив на заскрипевшие доски, князь кашлянул и начал:

– Значится, так...

– Мы согласны! – пробасил Малютка Свен.

Все присутствующие захохотали, последним затрясся сам Инегельд. Отсмеявшись, он уселся на лавку, хлопнул себя по коленям и продолжил:

– Короче. Задумал одно дельце – в Миклагард податься, тамошнему базилевсу службу сослужить.

– Ух, ты! – не удержался Москвич и покраснел.

Сердце у Олега забилося чаще.

– Да уж... – проворчал Клык. – Запишемся в гвардию его, в великую этерию, охранять будем владыку ромеев, а за то он нам золотишком выплатит.

– Заработаем неплохо, – уразумел Пожиратель Смерти.

– Точно! Отплываем завтра же. Ну как, согласны?

– Так мы ж сказали уже, – вытаращился Свен. – Согласные мы!

– Тогда чего сидите? – строго спросил Клык. – Кого ждете? Собирайтесь! А то расселись тут...

* * *

Ежели говорить в северных понятиях, был князь Инегельд сэконунгом, «морским королем, тем, у кого было много дружины и совсем никакой земли». Зато Клыку сопутствовала свобода от забот о подданных, и великий князь всегда мог рассчитывать на его светлость.

С вечера гридни Инегельда отворили двери пяти наустов – корабельных сараев – и по каткам спустили на воду скедии – узкие, изящные лодейки, на сорок человек каждая.

На волоках, где корабли скользили по смазанным жиром бревнам, двигаясь силой воловых упряжек или воротов, наматывавших тросы, могли и большую лодью перетащить из реки в реку. Но одолевать Непровские пороги приходилось своими силами, там не было воротов и прочей техники. Самым опасным порогом слыл Айфор – двенадцать его гряд надо было обходить посуху, выволакивая корабли на берег и перетаскивая за шесть тысяч шагов. Удерживая руками и плечами крутые борта, подставляя под киль дубовые катки, напрягаясь до красной пелены перед глазами. Одолеть пороги на большой лодье было неисполнимым желанием.

Конечно, хотелось прибыть к причалам Константинополя на плавсредстве посolidней скедии, да что ж делать-то?

С другой стороны, ободрился Олег, скатывая в озеро Ильмерь суденышко, тоже окрещенное «Соколом», скедии были куда мореходней ромейских дромонов. Корабельщики-византийцы растеряли знания и умения римлян, у них тяму не хватало распаривать деревянные заготовки и гнуть из них крепкие шпангоуты – забыли, как это делается! А русы помнили. Ромеи обшивали борта досками вгладь, из-за чего в трюмах дромонов и хеландий постоянно плескалась вода, а русы предпочитали обшивку внакрой, да еще прокладывали швы крученым волосяным шнуром, хорошенько его просмолив. Самую же великую зависть византийцев вызывали кили русских лодий, сработанные из одного дерева. Надо ли говорить, насколько крепче были лодьи, скедии или снеки против тех же дромонов, чьи кили составлялись из недлинных обрубков и сплавивались толстыми досками? Ромеи прозывали русские корабли «моноксилами», то бишь «однодеревками», досадуя на то, что в лесах империи уже не осталось столь могучих деревьев, какими полны

были дебри Гардов.

* * *

Утро отплытия было ясным и ветреным, причем всю неделю задувал юго-западный ветер шелоник, разводя по Ильмерю метровую волну.

Встречные корабли, большие кнорры и малые ушкуи, шли под парусами, а вот гридь светлого князя не расставалась с веслами. Так и гребла, пока пять скедий не вошли в неширокое устье Ловати.

И потянулись речные берега, то крутые, то пологие, заросшие дубом и кленом, липой и вездесущей сосной, рябиной и орешником.

Ловать не походила на прямую и ровную дорогу – река виляла, намывая мели, выставляя валуны-одиночки, бурля на перекатах.

Но по ней проходил путь «из варяг в греки», а посему трудностей с устройством на ночлег у гриди не было – на расстоянии дневного перехода на берегах стояли малые крепостишки, где пара-другая «длинных домов» заключалась в квадрат частоколами из остренных бревен. Берегли конунги важную коммуникацию!

А потом потянулись волоки, где хватало гостиных дворов. Все пути тут давно уж были разведаны. Меж озер выкопаны каналы, чтобы бечевой тянуть суда, а на сухих путях уложены бревна и установлены ворота. Волоковые мужички и снедью обеспечат, и корабельные вozy предложат, только плати.

До верховьев Непра команда князя добралась на четырнадцатый день. И понесла скедии могучая река, полная вешних вод, на юг, где всегда тепло и даже зимы не пугают холодами.

Олег Полутроль, он же Сухов, теперь постоянно улыбался. Даже тогда, когда задувал встречный ветер, и приходилось грести, помогая неторопливому течению, он сохранял отличное настроение – он плыл в Константинополь. К Елене.

Глава 10, в которой варяги прибывают без опоздания

Собирая влагу с громадных пространств, великая река несла ее неторопливо, даже величественно, обнажая клочки суши – намывные островки, низкие и голые. Такие образования здешние славяны прозывали «выспами», выпевающими островками. Вот продержится выпс еще пару половодий, зарастет ивняком, покроется лопухом да мать-и-мачехой, тогда станут его величать отоком. А поднимется лес на отоке – все, можно давать ему имя. Созрел остров, выпсел.

Ближе ко граду Киуна, или попросту Киеву, зелени на берегах прибавилось, даже сосны затемнели за рощами дубов, за чащами грабов, за буковыми лесками. И уже прорывался лес степными прогалами, обещая вскорости сойти на нет, смениться травой до горизонта. Зато холмы раздались в ширину и в вышину, подымаясь настоящими горами, пушистыми из-за сосняков.

Время прибытия Инегельд рассчитал точно – к вечеру скедии должны были причалить к пристани Вусегарда⁵⁰, варяжской крепости в двадцати верстах от Киева.

Вусегард крепко сидел на высоком холме с правой стороны Непра, около него имелась переправа с левого берега – незваные гости могли в любой момент форсировать реку, тут-то им и готовили встречу, со славным угощением из каленых стрел и острых мечей.

Солнце уже почти касалось верхушек деревьев на высотах правого берега, нагоняя длинные тени, когда из незаметного затона стали выплывать лодьи. Они были велики, но

⁵⁰ Вусегард – Вышгород.

шли без парусов, уложив мачты на палубу. Борта их были увешаны щитами, и множество весел загребали воду, торопя корабли.

– Похоже, нам с ними по дороге, – спокойно заметил Турберн.

– Скрытно идут... – проговорил Боевой Клык.

Князь прошел на нос «Сокола» и глянул на реку из-за высокого штевня, увенчанного страхолудной башкой с клювастой пастью, полной клыков, более подобающей не соколу, а птеродактилю.

– Эй, Ивор, – кликнул Инегельд, – у тебя смотрок острее, глянь-ка... Разбираешь, чьи лоды?

Пожиратель Смерти привстал, щуря глаза, и его тонкие губы дрогнули в улыбке.

– Да это Халег загребает, – сказал он, – сын Ингорев. Вон его лодья, которая сбоку, у нее черный низ и синий верх!

– Ага, вижу! – присмотрелся Клык.

– Все равно непонятно, – нахмурился Железнобокий. – Там десяток лодий, считай – тыща бойцов! Откуда у Халега столько сил? У него и дружины своей нету – отец сыну не доверяет, всех бойцов при себе держит...

– А там не варяги плывут... – протянул Ивор. – Лиц мне не разглядеть, но гребут они хуже купцов наших, макают весла как попало... Княже, кажись, нас заметили!

Олег выглянул из-за щита, бросив взгляд на реку. Да, черно-синяя лодья круто заворачивала против течения, а прочие легли в дрейф.

– Паруса убрать, – отдал приказ Инегельд.

Лодья с черным низом и синим верхом подплыла ближе, настолько, что можно было различить выражения напряженных лиц, и тогда над бортом воздвиглась ладная фигура Халега, сына Ингоря.

– Инегельд! – узнал княжич встречного и замахал рукой. – Здорово! А у нас беда...

– Да почуял уже... – проворчал Клык. – Что опять не слава богам?

– А! – скривился Халег. – Батя расщедрился, посадил меня в Вусегарде. К правлению землями не допускает, будто я дите малое! А сам-то? Мало ему было зимнего кружения, так он по весне двинулся дань с древлян добирать! Те едва до тепла дожили, и на тебе, новая напасть...

– Жаден он у тебя, – прищурился Клык.

– Не то слово... – вздохнул княжич.

– А в чем беда-то?

– А в том и беда! Древляне устали терпеть безобразия, собрали в Малине войско... Малин – это градок их, к западу отсюда... Собрали они оружных тыщи три или поболее и на Киев двинулись. К Самбату не приступали и Подол обошли, а вчера осадили Вусегард и...

– И? – нахмурился Клык.

– ...И взяли его, – упавшим голосом договорил Халег. – А воеводу Вузлеву убили... Смед его сгубил...

– Какой Смед? – высунулся из-за спин Хурта Славинский. – Косой?

– Он...

– А ты где был? – задал Инегельд прямой вопрос.

– На охоте... – опустил голову Халег.

– Нету в том вины княжича, – подал голос один из гребцов, – прислуга древлянская ворота открыла!

– Понятно... – пробурчал Инегельд, насупясь. – А это кто с тобой?

Халег вздернул голову.

– А я людей охочих собрал по Десне, – сказал он с вызовом. – Батя на своей Горе заперся и помощи не шлет. А мне что – крепость сдавать? Да ни за что!

Инегельд кивнул понятиливо, с сочувствием даже, и проговорил ворчливо:

– Познакомил бы... Вместе ж биться будем...

Халег, не веря своему счастью, радостно представил спутников, оборачиваясь и тыкая

пальцем в лодьи, дрейфующие неподалеку:

– Больше всего северы пришло, вона люди Илигера, сына Балаха, а там – две сотни Илитвера Отчаянного. А еще со мной угры пошли, их привел дьюла Тоттош.

– А там вон кто? – кивнул Клык на дальние лодьи. – Уж больно черны... Не хазары случайно?

– Что ты! Это ультины, местные их уличами прозывают. Они из булгар, пришли к Самбату на торг, да и попали в заварушку. Их я не звал, но они сами меня нашли и сказали, что их мечи – мои мечи. Их предводителя зовут Курт, сын Альмаса из рода Дуло.

– Знатный род, – кивнул Инегельд. – И ты еще забыл назвать врага. Кто у древлян главным?

– Чагод Грозный, сын Агила! – ощерился Халег. – Это он смуту затеял, он и его сыновья – те еще детки!

– Большие детки, – проговорил Инегельд, соображая, – большие бедки... Так. Всем ставить мачты и поднимать паруса!

– Заметят же... – растерялся Халег.

– Вот и пусть заметят! – ухмыльнулся Клык. – Пусть увидят нашу силу и устрашатся. Вперед!

* * *

Отпылал пышный закат, на Непр упали пронзительно-синие сумерки, в которых вода отличалась от земли слабым блеском, отражением первых звезд.

Вусегард и в потемках был различим – его стены рисовались четким черным силуэтом на фоне дрожащего оранжевого зарева. Видать, древляне жгли костры во дворе крепости.

– Передать по лодьям, – глухо распорядился Инегельд. – Высаживаемся с шумом. Всем зажечь по факелу, орать, петь, брэнчать оружием. Запалить побольше костров. Подходите, тушите факелы и скрытно возвращаетесь на берег. Там их снова зажигаете, и топаете обратно к кострам. Уяснили? Пушай древляне насчитают не тысячу, а пять, десять тысяч воинов! Пускай всю ночь трясутся от страха – сомлевших и квелых мы одолеем шутя!

Варяги заготовили довольно, разбирая факелы и смешиваясь с усатыми савирами, чьи островерхие шлемы были обмотаны разноцветными чалмами.

На расстоянии перестрела от Вусегарда осаждающие разжигали костры, бродили вокруг, громко переговариваясь и хохоча, свистя и подвывая по-печенежски, на манер волков, гремя щитами и распевая боевые песни. А ультины и вовсе в пляс пустились – кружили вокруг огня, гикая, подпрыгивая, бешено вращая клинками.

Олег сунул горящий факел в траву, и тот потух.

– Обратно теперь, да? – задышал в затылок ему Пончик.

– Угу. Пошли, только тихо...

Пробравшись кустами, оба вышли на берег, где тоже горели костры, бросая отсветы на поникшие паруса.

– Дубль два! – ухмыльнулся Пончик, зажигая потухший факел.

– Вперед!

Они вернулись к кострам у крепости и вновь спустились к берегу. И еще раз. И еще. Если кто из древлян вел счет прибывшему воинству, то число взявших Вусегард в осаду давно перевалило за пять тысяч. Увидеть же истинное положение дел осажденным мешала ночь. Луны и той не было на небосводе.

– Строимся! – раздалась новая команда Боевого Клыка.

– Инегельд, как режиссер, – хмыкнул Пончик.

– Видать, – подхватил Олег, – батальную сцену готовит!

Было похоже на то. Князь выставил длинный ряд варягов со щитами и копьями в крепких руках. На роль героев второго плана он поставил савиров и булгар, за ними встали мадьяры – они почти не имели шлемов, но эта деталь не бросалась в глаза за грозным

блеском стали в первых рядах.

А на заднем плане гридни попросту повтыкали в землю весла, тонкие и прочные, рукоятками вверх. Весла должны были изображать копья.

– Травки, травки сухой подтащите, – крутился Инегельд, – побольше! В копешки скидывайте!

Гридни живо нагребли прошлогодней сухой травы, натаскав и сложив ее тремя стожками – прямо перед строем.

– Это осветители! – хихикнул Пончик.

– Точно! – поддержал лекаря Малютка Свен. – А иначе тем, в крепости, не видно будет...

– Кто по-древлянски кумекает? – спросил Инегельд.

– Я! – откликнулся голос из строя.

– Кто – я?

– Пелг, сын Нура! Я сам из Малина.

– Подь сюды, Пелг. Будешь переводить тем, кто внутри, то, что я им, собакам, скажу снаружи. Турберн! Как я отойду, поджигай все копешки.

– Будет сделано, княже!

Инегельд пошагал к крепости под защитой двух гигантских щитоносцев. За его широкой спиной прятался древлянин Пелг.

Турберн с факелом оббежал все три стожка и поджег траву. Повалил густой дым, красный с белесым, и копны вспыхнули ярким пламенем, высвечивая бесчисленное войско.

Инегельд встал руки в боки и зычно заговорил, избегая оскорблений, – не след злить врага, а то ярость может возобладать над трусостью:

– Эй, вы! Я, светлый князь Инегельд Боевой Клык, сын Акуна Кровавая Секира, привел с собою тьму воинов, храбрых и яростных!

Пелг старательно прокричал перевод – над кромкой стен Вусегарда виднелись головы осажденных, внимавших словам осаждающих.

– Вы можете покинуть крепость, – продолжил Клык, – пока горят наши костры! Не захотите – воля ваша! Тогда тысяча наших останется сторожить вас здесь, а остальных я поведу в Малин – насиловать ваших жен и дочерей, рубить головы вашим отцам и дедам, выпускать кишки сыновьям и жечь все, что горит! Я сказал.

Инегельд повернулся и зашагал прочь. Щитоносцы двинулись за ним, пятась на манер раков, пока их не поглотила тьма – копны пылавшей травы угасли. Но костры все еще горели, светясь красными россыпями углей.

– Разойтись! – негромко скомандовал Клык. – Весла – на место! Ультинам Курта Дулата и савирам Илитвера Отчаянного – обложить дорогу из Вусегарда на Самбат. Пропустить всех древлян и ударить им в спину, атаковать с флангов! Бить и гнать, сколько хватит сил!

Ультины восторженно заулюлюкали и бросились исполнять приказ. Они растворились во тьме, подобно ночным духам зла, а за ними во мрак канули молчаливые савиры.

– Думаешь, уйдут древляне? – с интересом спросил Турберн.

Инегельд ответил не сразу, Наверное, пожал плечами в темноте.

– Посмотрим... – буркнул он.

А за стенами крепости внезапно взвился дикий крик, потом еще один.

– Режут кого-то, что-ли? – покривился Железнобокий.

– Похоже, – сказал Ивор.

– Видать, – добавил Олег, – не все согласны оставлять крепость... Слышите?

В темноте разнесся протяжный скрип – это открывались ворота Вусегарда. Потом послышался множественный топот, словно били далекие барабаны, – сотни ног касались узкого моста через ров.

Топот стих, и тут же оглушительные кличи ультинов раскололи тишину, и дикие визги савиров – началась резня.

– В крепость! – указал факелом Инегельд. – Бегом!

Повторять ему не пришлось. Вся грядь Князева бросилась к городским воротам. Тяжеловесные створки стояли распахнутыми, за ними тянулась улица, смутно освещенная полупритухшими кострами. Кое-где отсвечивали скорченные тела людей.

Варяги зашагали по отнятому городу, и жители его, забившиеся буквально по щелям, почували будто – свои пришли!

Женщины и старики, дети и отроки боязливо выглядывали, охали, плескали руками, причитали, плакали. Свои!

На центральной площади, куда выходил двухэтажный терем, горел самый большой костер. Десятки убитых освещал его огонь – защитники города усеивали своими телами и утопанную пыль площади, и ступени терема.

– Натворили делов, – прорычал Инегельд, – псы смердящие!

– Княже! – послышался крик, и из темноты выбежал Халег, размахивая секирой. – Чагод ушел!

– Да и пес с ним... Поймаем – на осине подвесим.

– Так он казну с собой забрал! Он и сыновья его!

И зять!

Инегельд взревел. Что проку спасти дом, если грабитель ушел со всем добром?!

– Много ли в той казне было? – осведомился Турберн.

– Достаточно! Один шелк чего стоит. А там и серебришко было, и мехов куча...

– Ах, Чагод... – злобно выцедил Клык. – Ах, гнойный прыщ... Халег! Готовь коней!

– Для всех?! – оторопел княжич.

– Для моей «чертовой дюжины»! И для Хурты припаси, он поведет. Сыщи табунок выносливых лошадок, десятка три-четыре. Чтоб сию минуту были!

– Будут! – повеселел Халег и скрылся во тьме.

Варяги, савиры, болгары с мадьярами заходили в ворота Вусегарда, принося с собою убитых и раненых. Не слушая стонов умирающих, они хвастались трофеями и похвалялись своими победами. Пончику тут же нашлось дело, а Олег стал готовиться к подвигу. Выспаться ему уже никто не даст, да и небо на востоке серело, предвещая скорый рассвет, но вот подкрепиться не помешает...

Глава 11, в которой Олег ищет сокровища

Инегельд вел свою «чертову дюжину» между прибрежными зарослями ольхи и густыми камышами, потом набитая тропа свернула к мосту через речку Сетомль. И тут-то все увидели облако пыли, за которым размыто мелькали кони беглых древлян.

– Это они! – крикнул Олег.

– Сто-ой! – заорал Хурта Славин, приподнимаясь на стремянах. – Стоять, сказал!

Древляне лишь прибавили прыти коням, сворачивая под Лысою горой, и понеслись вверх по речке Глубочице, обходя Подол.

– За ними! – крикнул князь, прищпоривая черного как смоль жеребца по кличке Драконь. – Веди, Хурта!

Отряд пронесся по взбаламученной воде, подымая тучу грязных брызг, и по мелкому притоку вышел в Козарское урочище. Справа высилась Гора, просто Гора, расклиненная оврагами и промоинами, лесом заросшая, почти необжитая – с краю только тронутая деревушкой с частоколом вокруг, а слева задирала крутые обрывистые края гора Замковая, останец высокого древнего берега, с крепостью Самбат на плоской вершине – ядро будущего Киева времен Владимира и Ярослава. А пока Олег видел то, что было «до того».

Хурта проскакал мимо брошенных землянок – похоже было, что дома потонули в болоте, одни крыши плавают. Олег бывал в таких землянках – сыровато в них. В жару, правда, хорошо – не душно, а зимой... Жарко, влажно, чадно и темно – ни единого окошка

нет, весь свет через дымогон идет. Лавки прямо из земли нарезаются, сверху только циновки кладут, и пол земляной, холодный. Убого до невероятия, зато дешево. Да и безопасно – придут если кочевники, что они сотворят обитателям землянок? Самое большее – крышу спалят. Ну и что? Да под той крышей бревна в накат, а то и в два, землею переложенные. Не сгорят!

Кислая вонь выдавала хозяев – кожемяки тут проживали. Кожемяки... М-да. Это народец тертый... Дюжий народец. Помни-ка шкуры в чане – живо мясом обрастешь! Как бы тут стрелу не схлопотать... Вон опасное место – кособокий тын у вросшей в землю мазанки под соломенной крышей. И поодаль, где вишневый садочек... Зорко обшаривая глазами слободку, Олег перевел взгляд на склон Замковой горы. К урочищу тот спускался уступами, и с уступа на уступ вела тропа – телеге не поместиться, а конному – вполне. Тропа вела к крепости Самбат, и по той тропе вилась пыль.

– Хурта! – нетерпеливо сказал Боевой Клык. – Чего ждешь? Дует к Самбату!

– Они разделились, княже! Одни на Гору бросились, а другие к Подолу!

– Тогда так – ты, Хурта, бери с собой Воиста с Алком и чеши к Подолу. Вызнай, куда они так несутся. А мы в крепость! Дорога – вон. Понеслись!

Хурта с Алком Вороном и Воистом Коварным поскакали через Копырев конец к Подолу, а Клык повел остальных к Самбату. Незаметно было, что тропой пользовались часто, а уж в дождь по такой ездить... Сорваться тут – нечего делать.

Крепость была окружена крепким тыном из заостренных бревен, черных от смолы, сберегавшей дерево. Перед частоколом вырыли ров, в дожди полный воды, а ныне лишь мерзкая жижа воняла со дна.

Тын составляли из отборных стволов, зарытых в землю на треть. Бревна пригонялись плотно – прозора меж ними не было. За первым частоколом, отступая шагов на пару, забивался второй, а междурядье доверху было набито землею. Ромеев подобная крепость не впечатляла, и зря. По крайней мере стенобитным орудием деревянную стену не взять. Таран или ядро катапульты раскрошит кирпич и развалит каменную кладку, а вот от дерева отскочит, спружинив.

Ход для стрелков по верху стены прикрывался навесом из толстого корья, навесными плашками защищались проделанные в наружном тыне частые бойницы, узкие и высокие.

Ворота в крепость вели мощнейшие, просто феноменальные – хоть слонов загоняй, зато ни одна башня не укрепляла линию обороны, только сторожевая вышка торчала, поднятая на четырех прямых осокоревых бревнах.

Тяжелая створка из плах, обитых полосами бронзы, медленно затворялась.

– Быстро! – заорал Инегельд. – Быстро!

Варяги прибавили прыти скакунам.

Гнедка, доставшегося Сухову, тоже упрашивать не пришлось – конь так наддал, что у Олега в ушах засвистело. Дозорный на вышке глянул на такое дело, насчитал чертову дюжину русов, и махнул рукою кому-то внизу – Перевисищанские ворота по новой пошли открываться.

Правя левой рукой, правую держа на рукояти меча, светлый князь ворвался в крепость. Олег доскакал вторым. Он оказался на травянистом дворе, в глубине которого углом стояли два дома из толстых бревен, а перед домами – черный от древности и покрытый мхом колодезный сруб. От ворот к домам, огибая колодец, шла дорога, выложенная каменными плитами, справа от дороги пучились грядки огорода, а слева, посередине лужайки, лежала неприятная куча. Над ней густо кружили вороны.

– Не отставать! – сказал Клык, оборачиваясь, и повел бойцов узостью меж двух домов, сходящихся углами, пока не выбрался на главную улицу Самбата, сухую и пыльную, с коновязями и с изгрызенными поилками. По обеим сторонам улицы тянулись деревянные тротуары. Беленые хаты из саманного кирпича перемежались с длинными и низкими избами, крытыми на два ската снопами из камыша, густо смазанными глиной.

В конце улицы крутился табунок коней и бегали люди – мужики и парни в одних

холщовых штанах.

Боевой Клык прибавил скорости своему Драконю и подскочил к толпе и табуну. Люди сразу отступили, прячась за лошадёй, и выглядывали оттуда.

– Чагод?! – рявкнул Инегельд, помогая себе рукой – где, мол, такой?

Славины оживились, уразумев, что прямая и явная угроза направлена не на них, и заорали, выговаривая «Чагод», и дружно тыча руками куда-то в сторону.

– За мной!

Кони вынесли русов к княжьему терему, рубленному из дуба в два этажа. Когда-то сей теремок принадлежал хазарскому наместнику, тудуну Ас-Халибу, но эсконунг Аскольд снес спесивому хазарину башку и занял его жилплощадь. Нынче на ней был прописан великий князь Ингорь, сын Рюрика, а вокруг, в огромных избах, расселились боляре.

Узкие высокие окна Золотой палаты, тронного зала, были плотно задернуты тяжелыми парчовыми шторами, а на широкой лестнице, ведущей в Людную палату, толпились охранники – князь был на месте, но вступать в разборки с древлянами не торопился, занимая позицию «ни вашим, ни нашим». Дескать, напали люди Чагода на варяжский Вусегард? Вот пушай варяги и разбираются, а моя хата с краю...

Храня варяжскую честь, Инегельд Боевой Клык тоже не стал задерживаться у дворца, а проскакал мимо, даже не обернувшись. Охранники, в кольчугах до колен, с копьями и миндалевидными щитами, угрюмо проводили глазами своевольных варягов.

А те пересекли огромную торговую площадь, занимавшую половину крепости (когда-то здесь сарматы и анты обменивались товарами, тут Лес встречался со Степью), и вынеслись к Подольским воротам.

– Улизнули, гаденыши! – рявкнул Турберн.

Олегов гнедок выскочил из ворот и поскакал вниз по дороге, догоняя несущихся лавиной Боевого Клыка и Железнобокого. Дорогу сию славины называли Боричев увоз, и с него открывался вид на весь Подол, просматривались серебристые ленты Непра и затон Почайны.

Подол не окружала крепостная стена, даже бревенчатого частоколу не стояло вокруг разбросанного жилья. Лишь невысокий, оплывший под дождями вал тянулся меж берегом Непра и крайними огородами. Был когда-то и ров, да селяне пользовались им как свалкой, засыпая помоями и рухлядью, вырванным на грядках бурьяном и прочей дрянью. Трава на рву поднималась пышная, зеленущая, и подольские худые коровенки любили наведываться сюда.

Обширная низина, названная славинами Подолом, напоминала полуостров, примкнутый к лесистым горкам, чьи кручи опадали неглубокими распадками. С востока этот «полуостров» обтекал Непр, с севера – приток его, река Почайна, а на западе в Почайну впадала речушка Глубочица.

Заросли на Подоле держались лоскутьями и клиньями несведенных еще деревьев, а все остальное пространство было распаханно на поля и огородики, обнесенные плетеными заборами. Прячась в тень редких каштанов, стояли славинские хатки-мазанки из саманного кирпича, крытые прелой соломой, уходили ниже травы землянки. Двумя концентрическими кругами стояли повозки на тяжелых цельных колесах, с кибитками из войлока и воловьих шкур – болгары пожаловали. Съехались на торг и блестели гладкими черепушками – ультины брили головы по древнему фракийскому обычаю, оставляя оселедец – единственный клочок волос, свисающий до плеча, а усы их опускались на грудь, напоминая моржовые клыки.

– Вон они! – крикнул Железнобокий.

«Чертова дюжина» уже спустилась с Горы, и увоз перепал в Боричев ток, широкий у берега Почайны, стиснутый двумя рядами крепких изб, высоких амбаров и овинов, приземистых конюшен. Боричев ток даже в дожди не развозило, но дощатые мостки все же были проложены – чего зря по лужам шлепать, когда можно по сухому пройти? Часто мелькали гладкие коновязи и тяжелые бочки с водой – мера противопожарной безопасности.

– Они влево подались! – прокричал Фудри Московский. – Я видел!

Князь решил послушать молодого дренга и свернул на узкую песчаную дорожку, выющуюся между громадных каштанов и буков, в два обхвата каждый. Гулкий топот донесся из подлеска, и на дорожку вылетели двое древлян на взмыленных аргамаках. Один из всадников, с перебитым носом, размахивал скрамасаксом, другой был без оружия, он прикрывал пятерней глубокий порез на голой груди. Из зарослей выскочил третий – мощный детина с мутным взором и растрепанными льняными волосами. Рубаха его с богатой вышивкой была порвана, оголяя пластины мышц, а руки секли воздух кривым кинжалом и спатой времен Меровингов. И тут стало понятно, отчего беглецы так резко завернули – их догоняли Хурта и Воист с Алком.

– Это он! – гаркнул Хурта, указывая на древлянина с перебитым носом. – Это Смед Косой! Он воеводу сгубил!

Малютка Свен выхватил меч и с ходу «обезоружил» убийцу – попросту оттяпал ему руку со скрамасаксом.

– Держи его! – крикнул Инегельд, не оборачиваясь.

Безоружного сбил на землю Турберн, а детина со спатой сам полез на князя. Что случилось дальше, древлянин так и не понял. Да и не увидел толком – движения Клыка были смазаны от скорости. Зазвякала вышибленная спата. Крутнулся, отлетая, кинжал. А потом «вдоводел» отнял у детины его жизнь, недолгую и несправедливую.

Князь развернулся и посмотрел на убийцу воеводы. Тот был бледен, дрожал и скалился, удерживая на весу кровоточащую культю.

– Аркан ему на шею! – скомандовал Инегельд. – Поглядим, какой срок отпустит ему конь.

Малютка Свен и Фудри мигом набросили на гота петлю и перекинули конец через крепкий сук. Москвич не поленился залезть на дерево и крепко привязал волосяную веревку.

Лицо Смеды Косого исказилось. Он зарычал от злобы – и совершенно зря. Испуганный конь под ним взбрыкнул и поскакал в лесок, а тело всадника повисло в петле. Древлянин, дергаясь на веревке, пытался подтянуть тело одной рукой, но надолго его не хватило, скоро дерганья перешли в покачивания.

– Готов, – констатировал Свен и добавил сурово: – И так будет с каждым!

Отъехавший Турберн вернулся и предупредил:

– Там местные зашевелились, идут сюда, с копьями и топорами.

– Берем лошадей и уходим, – велел Клык. – С местными пушай ихний князь разбирается, а нам недосуг. Ивор, посторожи!

Пожиратель Смерти молча выдвинулся в проход, занимая дорожку, а Турберн живо расседлал коней – одного, потом другого.

– Давай помогу, – сказал Олег, спрыгивая наземь.

– Да сиди уж... – проворчал Железнобокий.

– Вдвоем быстрее.

Далекий гомон толпы зазвучал явственней, и вот на дорожку выбежали славины, рассерженные чужаками, невесть откуда явившимися и творящими беспредел. Разношерстный отряд был вооружен как попало – у кого копье, у кого топор или вилы. Двое держали в руках луки.

Ивор стоял широко раздвинув ноги, наклоня голову и разведя руки. Он был холоден и невозмутим. Напор толпы ослаб, передний ряд затормозил, не понимая, но пугаясь грозного спокойствия чужака.

Потом в задних рядах загомонили, подняли крик, и двое стрелков вскинули луки.

Руки Пожирателя Смерти в тот же миг метнулись к рукояткам мечей. Он выхватил оба, взмахнул ими – будто гигантская стрекоза вспорхнула – и пара отбитых стрел улетела в кусты. Однако толпа так просто не сдавалась – вперед протолкался коренастый парень с плечами такой устрашающей ширины, что казался квадратным. Этот удалец не стал разговоры разговаривать, а перехватил копье и метнул его с разворота. Ивор не дернулся

даже, лишь слегка отклонил голову, и наконечник свистнул мимо. Фудри мигом подбросил свое копьё и послал по квадратному удалцу – тот поймал «подарочек» грудью. Толпа взревела, качнувшись вперед. Варяги оскалились и полезли с седел, решив перебить местное население, раз оно не понимает, на кого можно буром переть, а с кем лучше не связываться!

И тут Хурта встал рядом с Ивором, повелительно вытягивая руку. Первое его слово, выкрикнутое в лицо славинам, перевода не требовало – Хурта требовал остановиться.

Олег оглянулся на дробный топот. А, вот и Алк! Довольный Ворон вел за собой пару выючных лошадей.

Подскакал Воист, спрыгнул и доложил на выдохе:

– Двух лошадей отняли! Паволоки и меха! – вдохнул и закончил: – Остальных Чагод увел! Ф-фу-у...

– Сыщем, – буркнул Инегельд.

Углядев Хурту, внушавшего славинам что-то гневное и резкое, Ворон стал переводить:

– Он говорит, что мы не враги им, а друзья... Что повешенный был убийцей, он прибил воеводу Вузлева... А Чагод – вор, он украл чужое добро, и вот хозяева пришли, чтобы наказать татя и отобрать награбленное... Что-то в этом роде.

Толпа подрастерялась. Чувствовалось, что многие были удовлетворены словами Хурты, – не хотелось им вступать в драку с опасными русами. Раз варяги в своем праве, то чего ж? Пушай сами с Чагодом разбираются, все по Правде вроде...

Неожиданно один из «непримиримых», полный и грузный мужик в богато расшитой рубахе, в шелковых штанах, заправленных в юфтевые сапоги, в красивой меховой жилетке, расстегнутой на широкой груди, нахмурился и сказал:

– Хурта?.. Сыне Идара?

– Узнал, Ишута! – перевел Алк слова Хурты Славинского. Ухмылка сына Идара в переводе не нуждалась.

Ишута засуетился вдруг, заюлил, его широкое лицо замаслилось радушной улыбкой.

– Говорит, – ухмыльнулся Ворон, – что стадо Хурты никакого дохода не принесло, расходы одни...

Сын Идара небрежно отмахнулся, обронив пару слов.

– Хурта ему отвечает: обойдусь, мол, я сюда не навсегда. Как приехал, так и уеду, можешь коров себе оставить.

Ишута был рад – видать, не такие уж убытки понес на Хртовых коровках! Он властно прикрикнул на неумных драчунов, стал увещевать толпу.

– Говорит, – переводил Ворон, усмехаясь, – это наши гости, это Хурта вернулся, как же можно друзей привечать копьями да топорами?

Толпа, растеряв инерцию, подуспокоилась. Люди стали расходиться, а Ивор спокойно вернул мечи в ножны.

Хурта, переговорив с Ишутой, покивал тому и вернулся к своим.

– Ну что? – подскочил Фудри.

– Все в порядке! – сказал Славин. – Ишута, сын Варансы, выбился, пока меня не было, в богачи. У него большие стада, к его слову прислушиваются.

– А Чагод тут кто?

– Чагод, сын Агила, в князьях ходил, но потом народ князя Мала выбрал. Чагод вроде как в тень ушел, к лихим делам пристрасился. Так что вольны мы вязать и вешать этого древлянина. Все по Правде⁵¹!

– Отлично! – кивнул князь. – Сколько добра Чагод с собой уволок?

– Самое меньшее – семь выючных лошадей. Я следы прочитал – Чагод разделил отряд – сам вместе с сыновьями ушел, а зять его, Свирид, где-то на Подоле затерялся, с ним двух лошадей отпустили, потом найдем...

⁵¹ То есть по закону.

– Ага! – сказал Боевой Клык. – Стало быть, семейка с собою пяток лошадок прихватила. Ладно... И где их теперь искать?

– Домой к нему явимся! В гости. У Чагода крепостца на запад отсюда, на полдороге до Малина, столицы древлянской.

– Тогда вперед!

И Инегельд легонько пришпорил Драконя.

* * *

Боевой Клык со товарищи ехали ниткой, прижимаясь к опушкам. Из зарослей ольхи, клена, бересклета, овейных высокими вершинами черностволых вязов, тянуло свежестью и гнилью. Острые стрелки хвощей, выбравшись на опушки, сигнализировали о близости водяных жил.

Хурта ехал впереди, пробираясь длинными полянами, объезжая сплошной лес или ручьи, где вода, запруженная трудягами-бобрами, превращала чащи в заболоченные низины. От поляны к поляне вели узкие прогалы, они, как протоки связывают озера, посуху соединяли одну пролысину леса с другой.

– Что-то тихо тут, – насторожился Фудри, – птичек не слышать...

– Для засады тут неудобье... – проворчал Турберн.

– А для честного боя? – спросил Олег и подбородком указал на всадников, пробиравшихся за опушкой, кустами орешника и боярышника, среди лип и ясеней.

Хурта сказал для Олега, не оборачиваясь:

– Это поляне, из молодых. Когда подъедем поближе, поднимите правые руки.

Настороженные поляне придержали своих коней, их руки неуверенно шарили по налучьям.

Хурта продолжал ехать все так же неторопливо, словно на прогулке, и поднял правую руку, раскрывая ладонь, – видите, дескать, не опасный я, не держу оружия и убивать никого не собираюсь.

Поляне помедлили мгновение и тоже продемонстрировали пустые руки, как знаки добрых намерений. Разошлись...

Снова потянулись темные леса, прозрачные реки, топкие болота. Толпами стояли вязы и клены, кряжистые дубы цепко закогтились в жирную почву. И вдруг разошлись дубы, оголяя уже не поляну очередную, а поле – черную, комковатую пашню, с кучами прелых сорняков. По меже торчала лебеда, разделяя своею «лесополосой» деляну, где посеяли жито, от участка, выделенного под ячмень. Неровная кромка деревьев окаймляла поле, врезаясь в него мысами, отступая затонами.

– Ближе уже, – обернулся Хурта, – сейчас рошу проедем, и мы на месте. Там родовой град Чагода стоит... Сыновья его – Окул, Мурат и Сура – с отцом живут, а дочь за Свирида отдана... Забыл уже, как звали девку. Зарина, что ли? Я у них во граде бывал пару-тройку раз, помню где что...

Олег выехал на край роши и увидел за деревьями родовой град – высокий частокол на валу, кругом обносивший обширный двор. До града было шагов триста по открытому полю, сплошь покрытому пнями, – тут коннице лучше не гнать, ноги скакуну легко переломает. А сама роща кончалась засекой – завалом из деревьев, поваленных вершинами к лесу. Ни пройти ни проехать – сучья навстречу торчат, норовя живот коню пропороть. Хурта махнул рукой – давай в объезд.

– Или ночи дождемся? – обернулся он к Инегельду.

Тот мотнул головой.

– Мы не грабить идем, – внушительно сказал князь, – мы за своим пришли. Только давай коней здесь оставим, через тын им все равно не перебраться...

Олег спрыгнул на землю и обернул поводья вокруг молодого кленика. Варяги, лучшие в мире пехотинцы и моряки, кавалеристами были никудышными и слезали с седел

раскоряками.

– Побежали!

Зорко оглядывая верх частокола, князь помчался к крепостце. Личный состав припустился следом.

Из-за частокола доносились невнятные голоса, ржание лошадей, но никто не высматривал врага в дозоре – или некому было, потому как людей нехватка, или это Чагода упущение...

– А вот и следы! – вымолвил на бегу Хурта, тыча рукой в отпечатки копыт, выдавленные на протоптанной дорожке.

– Верным путем идем, товарищи! – изрек Олег.

– Ходу, ходу! – пробурчал Турберн.

– Да мы и так как зайцы, – пропыхтел Малютка Свен.

Сперва они крепость увидели, а потом и унюхали – завонял ров, полный стоячей воды, покрытой ряской. Не будет ошибкой предположить, что и помои жители града скидывали туда же...

Крутые откосы вала затянуло малинником, через ров был переброшен мост – четыре бревна-переводины, опираясь на козлы, выдерживали толстый настил из распластанных повдоль бревен, выщербленных под копытами.

Ворота были узки – телега не пройдет. Тяжелая створка отвалена и казалась ушки под запорный брус, и только две жердины закрывали вход, не пуская приبلудную корову или другую скотину.

– Не здесь... – одними губами сказал Хурта и показал налево, где к тыну был прислонен лестничный шест – тонкое бревно с врезанными перекладами. – Я первый...

Пропустив Хурту, Олег полез следом. Хель⁵² раздери их задницы, не могли уже нормальные лестницы приставить!

Добравшись до верха, он перевалился вовнутрь.

Высокий снаружи, изнутри частокол казался низким – к нему была подсыпана земля, а над воротами ход для стрелков продолжался площадкой, сплетенной из нескольких рядов ивовых ветвей и устланной дернинами. Плетеный заплот скрывал и внутренний двор, круглый как арена. Лишь кое-где тын прорывался разрубам, и оттуда вниз, по склону насыпи, вели шестовые лестницы.

Олег выглянул в такой разруб, дыру в стене, и увидел четыре длинных и низких дома – стена по плечо, – разделенных высокими плетнями из толстых ивовых веток на дубовых столбах. Под насыпью кучились сараи и конюшни, амбары и хлева – беспокойное хозяйство рода.

– Гляди-ка, разросся как, – процедил Хурта, – вона, пятый сарай поставили... Богатеет род... Знать есть с чего.

В родовом граде не было соседей, не было горожан вообще – тут проживали только родичи, близкие и дальние. Когда тутошний юныш подрастал, ему сватали девицу со стороны и вводили ее в род. Все жили вместе, с рождения до смерти, и подчинялись законам рода. Законы рода, интересы рода – это было главным, личные и даже семейные пожелания в расчет не принимались. Никто не спрашивал жениха, по нраву ли ему невеста, любя ли, – раз роду угодно тебя женить, то бери ту, что дают, и не вякай. А никто и не вякал. Никому даже в голову не приходило восстать против решения рода, люди просто не знали иной жизни, кроме клановой, не существовали среди них индивидуалисты – сплошные коллективисты.

Никто в роду не стремился к личному успеху, к личной наживе, к преуспеванию за чужой счет – не было тут ни личного, ни чужого. Жизнь протекала покойно и размеренно, по издревле заведенному порядку. Серой была такая жизнь, скучной, зато безопасной и обеспеченной. В роду не было сирот – даже если ребенок терял обоих родителей, у него

⁵² Хель – очень негостеприимная хозяйка ада в верованиях северян.

оставалась куча теток и дядек, дедушек и бабушек и так далее по нисходящей. Род кормил до самой смерти своих стариков и стариц – учителей и наставников молодежи. И потому самым страшным наказанием для родовича было изгнание из рода. Таких называли изгоями или извергами – их извергали из рода, в чужой, опасный, холодный и голодный мир, где всякий мог убить отщепенца или сделать его рабом. А потому редко кто преступал закон, боясь стать отверженным. Но коли уж случалось кому-то совершить злодеяние, то преступник был обязан тут же признаться – не уходить дальше третьего дома, постучать и повиниться. Бывало, что родович повстречает на узкой дорожке соседа – из другого рода, да и шлепнет его по нечаянности. Тут уж род вступался за своего, и пострадавшим выплачивали виру – штраф. А иначе нельзя было – не договоришься с соседями, они возьмут да и объявят кровную месть! И примутся вырезать весь род, от мала до велика. Поэтому душегубство было происшествием воистину чрезвычайным.

Бородач в одних штанах провел под уздцы хромавшую лошадь и скрылся за кузницей – ее выдавал нудно колотивший молот. Следом выбежала пара степных коников, густогривых и длиннохвостых, а потом вышел парень, перекошенный от натуги, – одной рукой он нес сразу две переметные сумы. Наверняка с награбленным добром! А иначе отчего так выгнулся?

– А вон дом Чагода! – указал Хурта на крайнее строение.

Дом Грозного был вытянут через весь град. К дворовой стене дома лепились чуланы и кладовые, сложенные из толстых бревен.

– Туда! – скомандовал Боевой Клык, и шестеро кинулись к дому короткими перебежками.

Они вошли через кладовую – замков во граде не знали. По обе стороны узкого прохода хранились родовые запасы: соль в долбленных вязовых колодах, тканина, выделанные кожи, свернутые по десятку в рулон, – запах от них чувствовался и во дворе.

Таясь, Олег прошел в дом. Планировка была проще некуда – сплошной темный зал по всей длине, как у русов на севере. Крыша была собрана без потолка, балки и стропила будто черным мехом поросли – это висела сажа. Дальний угол зала перекрывал помост – полати сразу на дюжину человек. Хозяйская постель отгорожена серой тканиной. Сундуки из ровного тесаного дерева, высокие и низкие корзины, лубяные и берестяные короба, глиняные амфоры загромождали все проходы.

Свет шел через дымогоны, прорезанные в крыше, и от трех очагов, горевших под ними.

– А чего это очаги запалены? – насторожился Хурта.

«Или для тепла, или для свету», – мелькнуло у Олега. Но кто ж топит, когда на дворе плюсовая температура?

В то же мгновение свету стало поменьше – изо всех проходов показались крепкие ребята, в перекрестьях ремней – перевязей мечей и колчанов.

– Так вот чего ворота открытыми держали! – протянул Турберн.

– Гостей ждали! – ухмыльнулся Стегги Метатель Колец, поигрывая любимым скрамасаксом.

– Ты Ильдибада видишь? – спросил князь Хурту.

– А вон тот, что в шлеме-наплешнике!

Боевой Клык разглядел Грозного, низкорослого и широкоплечего, и пошел к нему, бросив через плечо сыну Идара:

– Переводить будешь! – и тут же загремел на весь дом: – Где наше добро, огузок дрисливого гуся?!

Хурта громко и с удовольствием перевел. Древляне даже растерялись – они же обложили чужаков, окружили их, осталось только перебить, а эти еще и голос повышают!

Некто, источающий зловоние, сунулся к князю слева. Клык нанес пушечный удар ногой, и Олег разобрал хруст кости. Чуть после – глухой шум падения. Больше звуков не раздалось – сломанные ребра проткнули сердце вонючки.

Звон и лязг скрестившихся мечей донесся сзади, но князь не обернулся, выцеливая

Чагода. Однако сын Агила не рвался в бой – победительная улыбка на лице его стала блекнуть.

– Спали тебя Перун! – буркнул Малютка Свен, появляясь слева. Меч его был замаран в крови.

Справа возник Фудри, примеривая трофейный меч – по руке ли?

– А ничего так, сподручно, – заметил он, явно играя на нервах древлян. Ведь прежний хозяин меча совершил невыгодный обмен – отдал клинок за свою смерть.

Олег не внес пока своей лепты в дело победы, но очень скоро ему представилась масса удобных случаев – родовичи бросились всей толпой, крича, размахивая холодным оружием. Они мешали друг другу, орудуя топорами и мечами, и князь Инегельд не стал пробиваться во двор, где их могли окружить. Наоборот, он стал отступать.

– Хурта! – крикнул Клык, отбиваясь от плотного Мурата, махавшего топором так, будто дрова колол. – Амфору с маслом не видать?

– Видать... – пропыхтел Славин, отталкивая ногой верткого Окула и добавляя ему заимствованным щитом. Острый умбон – навершие щита – проломил сыну Чагода ключицу. – Вон та корчага, слева от тебя!

Инегельд рубанул Мурата по ноге и добавил кулаком в сытую морду. Мурат сгинул, кувыркнувшись за тяжелый ларь. Но еще трое родичей напирали на князя, а хитроумный Грозный вперед не лез – подбадривал своих, прячась за спинами.

Боевой Клык подцепил ногой указанную корчагу-амфору, крутанул ее и отпасовал в очаг. Увесистый сосуд, полный дорогого оливкового масла, привозимого из Херсонеса, разбился о камни, ограждавшие очаг, и пламя полыхнуло как следует, огненной волной прихлынуло к ларям, подпалила серый занавес. Затрещала стопа циновки из тростника. Стало светло как днем.

Древляне оторопели: ловушка, которую они устроили светлому князю и его команде, оборачивалась не легкой победой, а тяжелым поражением.

– Я ж говорил! – гулко захохотал Свен. – Перун вас спалит! Ему только подскажи!

Одной рукою он смел в огонь кипу каких-то одежек, другой подбросил сухих банных веников – огонь загудел, радуясь новому угощению. Следом полетел кто-то из родовичей. Обжегшись, он завизжал и, не взвидя света, бросился прямо на Олега. Сухов любезно посторонился, а родович угодил на меч Суры, сына Чагода.

Грозный злобно заверещал, подзывая деток. Втроем они выскользнули из горящего дома – Чагод с Сурой волокли с собою подраненного Мурата. Во дворе их догнал Окул.

– За ними! – крикнул Боевой Клык.

Теперь ему уже никто не мешал – жители града кинулись тушить пожар. Лишь двое неизвестных в кожаных штанах и безрукавках мехом наружу прикрывали отступление Грозного.

Одного, походя, долбанул Турберн, другого уделал Стегги.

В конюшне поднялось ржание и топот – из ворот ее вынеслась верхом целая компания – Чагод и сыновья. Все четверо волокли за собой по паре выючных лошадей.

Олег бросился наперерез и вскочил на выючную лошадь, что неслась, выпучив глаза, сразу за жеребцом Мурата. Уцепившись за гриву левой рукой, Сухов махнул мечом и перерубил «буксир».

– Тпр-ру-у! – заорал он, осаживая коняку. – Приехали!

Оглянувшись, он увидел, что его примеру последовал Фудри. Сияя, как новенький динар, Москвич гордо вел под уздцы лошадь, навьюченную двумя чувалами с «мягкой рухлядью» – сырыми мехами, вонючими, но зело дорогими.

– Вот же ж, – засмутился Свен, – не поспел я!

– И слава богам, что не поспел, – серьезно заметил Ивор, – ты бы тогда точно хребет лошади переломал. Она и так нагружена, а тут ты еще со своей тушей.

– Уходим! – сказал князь и побежал к воротам. Следом поспешал Фудри, волоча за собой лошадь. Турберн с Хуртой прикрывали отход, хотя никто и не собирался на них

нападать. Воинов в крепости осталось мало, и они были заняты более важным делом – тушили пожар.

Мимо, фыркая, проскакали несколько коней, еще не оседланных, под одними попонами – решили прогуляться за всеми за компанию.

Выючные лошади были свежими, и Олег погонял свою до самого леса. Там уже вскарабкался на своего гнедка и спросил Хурту:

– И куда этот Чагод, в смысле Ча-гад, поскакал, ты имеешь представление?

Славин почесал в затылке.

– Судя по всему, – солидно сказал он, – Грозный и не собирался задерживаться в крепости. Стало быть, у него было на примете более надежное место. А тут одно такое – Запретный Град, где храм богу Сварогу. Там все купцы из древлян золото и серебро хранят...

– Ты сказал – Запретный. Почему это?

– Ну, это раньше запреты были наложены, а ныне попасть туда просто сложно, уж больно дорога опасна.

Князь кивнул и обратился к Хурте:

– Показывай эту опасную!

Сын Идара крикнул, потер грудь рукою, соображая, и вжал пятки коню в бока, понукая того к скачке.

Олег порыскал рядом.

– Что-то я не понял, – сказал он, – насчет купеческих захоронок. Древляне-то ладно, не тронут, а степняки? Храм для них не препона!

– Как сказать... – усмехнулся Хурта. – Раньше тот храм посреди города стоял, давным-давно. Старики рассказывают, многие жители с гуннами ушли, и город сошел на нет, один храм остался. А пройти к тому граду непросто, я ж говорю. Он как остров посреди обширных болот – топи страшные кругом, в самом сухом месте грязи по пояс! Чарусы даже зимой не промерзают. Ступишь на такую – вроде как ледок, а шаг сделаешь и ухнешь в мерзлую слякоть! А дорога дотуда одна, и та как след змеиный, и... Слово ты однажды такое сказал, мне понравилось... А-а! «Полоса препятствий»! Вот такая туда дорога – вся из препятствий да ловушек.

– Ямы? – спросил сведущий Фудри.

– Вот как раз ямы там отсутствуют – толку нет копать, любая выемка быстренько жижицей наполнится. Зато самострелы с обеих сторон, бревна-биты... Надеюсь, что жрецы не насторожили ничего. Но все равно, надо нам побережться...

Бродом перейдя несколько мелких речушек, где черная вода стояла почти недвижимо, отряд минул тихую буковую рощу и двинулся чернолесьем – невысокие холмы поросли мелкими, словно общипанными елочками, росшими вразбивку, не сплываясь в лесок. Трава, и та вырастала невысокой, словно на газоне стрижена.

– Следы видишь? – сказал Хурта и показал на вмятины, оставленные лошадьми.

– Вижу, – солидно заметил Олег, – выючные прошли?

– Они.

– То-то смотрю, отпечатки глубокие, – взбодрился Сухов.

– А вот и стежка-дорожка!

Хурта показал на два громадных дуба, стоявших по сторонам неширокой дороги, поросшей травой, – видать, не часто тут ездили.

– Едем осторожно, – строго предупредил сын Идара, – и глядим по сторонам. Нет, лучше я пехом...

Славин спрыгнул с коня и пошел вперед, не торопясь, все время вглядываясь в траву под ногами, шаря глазами по кустам за обочиной. Ивор все поверх глядел, князь зыркал настороженно, Фудри вертелся в седле. Один лишь Турберн спокойно ехал, не пуская в сердце тревоги.

Первый сюрприз высмотрел Олег.

– Хурта, – позвал он с седла, – ну-ка глянь... В шаге от тебя, слева!

Сын Идара присел на корточки, сунул руку и ощупал туго натянутую веревку, сплетенную из кожаных ремешков.

– Есть такое дело! – удовлетворенно сказал он.

Взяв копье, он бережно зацепил наконечником веревку, отошел, перехватываясь за древко.

– Берегись! – предупредил он и дернул за конец копья.

Веревка натянулась и вдруг резко ослабла, а из кустов, слева и справа, с гулом вылетели два тяжелых дрота. Мелькнули по-над дорогой и канули в сухой травостой.

– Ничего себе... – пробормотал Олег.

– А ты думал! – хмыкнул Хурта.

Дорога описала крутой поворот и пошла насыпной дамбой меж двух озер, поросших камышом и в два, и в три раза выше человеческого роста. Вода была покрыта ряской, будто грязной зеленой пеной.

– Ага! – каркнул Славин, нашаривая в траве еще одну растяжку. Взяв копье, он попросил: – Вы бы отъехали на пару шагов... Во избежание!

Олег послушно попятил гнедка. Князь своего Дракonia развернул боком. Хурта дернул... Вода в обоих озерцах всколыхнулась, и вот, с шумом и плеском поднялись со дна мокрые, грязные столбы в обрывках тины. На концах у обоих были набиты длинные шипы в локоть длиною. С гулом описав дуги, гигантские булавы ударили по дороге, да так, что аж земля сотряслась. Один из столбов не выдержал, изломился посередине, и тяжелый наконечник скатился в озеро, подняв облачко мути.

– Искусники, блин, – хмуро сказал Олег, – отбивную бы сделали из коня!

Князь фыркнул, Фудри хихикнул, Ивор отвернулся, а Турберн обнажил в улыбке ровные желтые зубы.

Дорога снова вошла в поворот и потянулась по сухому участку. Теперь и справа, и слева поднялись кряжистые сосны. Внезапно Хурта рванулся назад, его конь заржал, поскользнулся и упал на передние ноги. Это его и спасло – со стороны сосен, пригибая подлесок, вдруг сорвалось бревно, разворачиваясь и проносясь над дорогой, как исполинская коса, – длинные ржавые зубья дополняли эту аналогию. Бревно просвистело над самой головой ржавшего коня. Описав полукруг, оно врезалось в сосну. Дерево загудело, с веток посыпалась хвоя.

– Блин! – сказал Сухов потрясение – Очуметь!

– Очумеешь, – пообещал Турберн, – если моргать часто станешь!

Следующие двести шагов дорога никаких сюрпризов не припасла, а потом слева нарисовался широченный дуб с ребристой корой, в которой торчало два огромных копья, пущенных из самострела. Одно из копий прищипило к стволу тело Окула, сына Чагода. Пальцы древлянина были скрючены, а лицо запрокинуто к небу – рот и глаза были одинаково круглыми, словно мертвец не кончал предсмертного крика, так и тянул одну мучительную ноту.

– Ага, одного накололи, – сказал Хурта.

– Часто моргал! – определил Малютка Свен.

За очередным поворотом, там, где над дорогой нависала могучая сосна, изогнутая буквой «Г», Сухов заметил удивительные «качели» – свисая на двух крепких канатах, поперек «полосы препятствий» гуляло сучковатое бревно, подвешенное за оба торца. Видать, Чагод и компания спустили снаряд, но увернулись.

Сучков на бревне хватало, каждый был остр и опален в огне для пущей крепости, а там, где ствол шел гладко, неведомый садюга насверлил дырок, да и повставлял в них заостренные колышки. Махнут такие «качельки» – и коня насадят на острия, и всадника не пожалуют. Но, по всему видать, Чагоду с детками удалось и тут проскочить, не заполучив лишние отверстия в шкурах.

Олег с опаской объехал убийственные «качели», исчерпавшие энергию маха, почти уже замершие, и повел коня шагом. Дорожка выпрямилась и выглядела парковой аллеей,

обсаженной дубами. Справа и слева угадывались заросшие травой фундаменты – это была улица брошенного города. Тут Хурта и придержал коня.

– Дальше вы сами, – пробормотал он сокрушенно и засопел, – я туда не могу... Видать, не крепок я в вере...

Хлопнув Хурту по плечу, князь сказал беззаботно:

– Жди нас здесь, мы быстро, – и направил коня вперед.

Дубовая улица-аллея кончилась и вывела варягов к обширной поляне-площади, вытянутой с юга на север и обрамленной могучими деревьями.

За их стволами открывалось культовое здание. Сложенный из огромных дубовых бревен, черно-зеленых от времени и мхов, храм был восьмиугольным в плане. Более того, восьмигранник повторяли конические куполки по всем углам крыши и высокие, сводчатые двери, открытые на все стороны света. За ними виднелся истукан, изображавший Сварога, бога небесного огня, – это был толстяк, грубо вытесанный из пористого камня. Одной рукою идол прижимал к себе секиру, другой – кузнечный молот.

Еще дальше за храмом виднелись приземистые «длинные дома» и огромные валуны, испещренные знаками огня.

Ни одной живой души не было видно, ни звука малого не раздавалось. Так длилось несколько минут, а потом послышалось торжественное пение, и из дверей храма выступили жрецы в подобии тог или хламид, с резными посохами в руках.

Как оказалось, особого трепета Инегельд Боевой Клык не испытывал и благоговеть не собирался. Умилостивить бы Перуна, да Белеса, да Бодана, Эгера бы с супругой не забыть, а прочим богам пушай иные угождают. Не слезая с коня, князь громко осведомился:

– Где Чагод?

Жрецы Сварога сбились с шага, сталкиваясь, и уставились на пришельцев в крайнем изумлении.

Старший из них опомнился первым. Он гневно вскричал и ударил посохом, расковыривая худую песчаную землю, однако на князя эта мера пресечения не подействовала.

– Я спрашиваю, где Чагод? – повторил он вопрос. – Выдайте нам этого вора, и мы уйдем!

– Да бесполезно их спрашивать, они по-нашему ни в зуб ногой! – нетерпеливо воскликнул Олег. – Давайте сами поищем!

Жрецы сбились в кучу и наблюдали с ужасом и гневом, как воинственные пришельцы поскакали к баракам на заднем плане. Одно из приземистых зданий отличали широкие ворота, и Сухов догадался, что это конюшня. Одна из створок была открыта, из-за нее донеслось тихое ржание. Потом кто-то, похожий на Мурата, выглянул из конюшни и тут же скрылся. А мгновение спустя добрая дюжина храмовых стражников покинула конюшню, вздергивая золоченые секиры. Секироносцы одеты были одинаково – в длинные белые балахоны, и равно выделялись мощью и статью. За их широкими спинами мелькали Чагод и сыновья.

– Мечи к бою! – рывкнул князь, спрыгивая наземь и выхватывая клинок.

Секира – оружие опасное, но тяжеловатое, в махе даже сильную руку «ведет», инерция смазывает быстроту и растягивает движение. Подставиться под удар будет последней ошибкой в жизни, но зачем же допускать помарки?

Олег увернулся от секущего движения и рубанул стража по боку. Отпрянул от соседней секиры, ударил ее носителя. Пригнулся под гудящим лезвием и сделал выпад, подрубая ногу охраннику.

Малютка Свен охаживал врага деловито, без спешки, но и без промаха. Фудри Московский метался, как загнанная рысь, высекая кровь из храмовников, увертливо отпрыгивая в пиковые моменты. Стегги с Воистом и Сауком бились на левом фланге, Турберн с Ивором прикрывали тылы. А Боевой Клык поступил по-своему – вспорол противнику живот и отобрал секиру. Да как пошел махать ею... Мечта дровосека!.. Князь

рубил, кроил, хэкал и приговаривал:

– А вот не надо бы тебе железо в руки брать... Не дорос ишшо... Сморчок поганый... И-эх!

Взревев, как буйвол, из заднего ряда пробился Чагод, выставив толстое копье-рогон. Огромный наконечник, величиной с меч, неся, подрагивая, прямо светлому князю в живот. Светлый князь отпрыгнул, а в следующий миг оперенная стрела завязла у Чагода в горле.

– Я здесь! – послышался крик Хурты.

– Ага! – заорал Фудри.

Весело осклабившись, Олег огляделся мельком – от дюжины стражей уцелело трое. Мурата доконал меч Турберна, а Сура не стал дожидаться развязки – бросив секиру, он кинулся бежать, да так почесал, что очень скоро исчез за дубами, окружавшими храмовую поляну.

– Сдавайтесь! – гаркнул Инегельд.

Хурта рывкнул перевод. Стражи-храмовники побросали секиры, уразумев, что сражались не с людьми, а с ночными дивами, как минимум. Князь мечом указал на раненых и убиенных и перевел острие на бараки. Сын Идара растолковал приказ стражам: хватайте своих и скройтесь с глаз!

– Вроде все, – проговорил Ивор, оглядываясь.

Разгоряченный Свен шмыгнул носом и пробасил:

– Берем свое и сматываемся.

– Истину глаголешь, – улыбнулся Олег, направляясь к конюшне.

Переступив порог, он едва не споткнулся о груды кожаных мешков с драгоценными тканями, со золотом-серебром, с охапками соболиных шкур.

Князь приказал:

– Хурта, ты постереги пока. Олег, Ивор, Свен – хватаем сумы и грузим. Только выбирайте свежих коней!

– Выберем... – проворчал Саук. – Тут их полно...

Отбрав ровно две дюжины гнедых альпов и рыжих аргамаков, друзья навьючили их, распределив вес, и поехали прочь, удаляясь к «полосе препятствий».

Олег покачивался в седле, усталый и безучастный. Только усилием воли он заставлял себя следить за флангами и беречься от внезапной атаки. Запал кончился, порыв иссяк – они собрали почти все уворованное добро, кроме той доли, что уволок чагодовский зятек, но этой малостью можно было и пренебречь.

Жрецы попрытались, пение стихло.

– Турберн, – позвал князь. – Ты как, силушку не растратил?

– Осталось чуток, – ухмыльнулся Железнобокий.

– Это хорошо. Надо будет Свирида найти, а то негоже возвращаться с недоделками да недоборками. Мы с Фудри и Стегги к Вусегарду двинем, а ты бери Олега и Хурту и выследи этого зятка. Ивора возьми и Свена.

– Сделаем! – кивнул Турберн.

А Олег чуть не ляпнул: «Благодарю за оказанное доверие!»

Глава 12, в которой Олег уподобляется герою вестерна и спасает преступников

Перейдя по мостику через ручей, который местные звали незатейливо – Ручай, – Турберн со своими пересек редкую рощицу пирамидальных тополей и выбрался к харчевне, именуемой на ромейский манер таверной, – купцы из Херсона, когда прибывали в Самбат на торги, всякий раз заглядывали сюда.

«Таверна» напоминала длинные дома русов, только сложена она была не из дерева, а из саманного кирпича, и крышу покрывал не торф, а черный от дождей тес.

Развернув коня, Железнобокий сказал:

– Свирид где-то скрывается, но Зарина его здесь. Если он и решил уйти насовсем, то не один. Чагод подл, но только не для своих. Думаю, он для того и разделился со Свиридом, чтобы тот Зарину прихватил, дочку его...

Со стороны огородов подскакал Хурта.

– Что скажешь? – обернулся к нему Турберн.

– Дома Зарина, – выдохнул Славин. – Незаметно, что тревожится, – ходит по двору, скотину кормит... Воиста с Алком я там оставил, пускай приглядят.

– Ага... – сказал Железнобокий глубокомысленно. – Тогда так. Стегги с Сауком у Почайны побудут, один у моста, другой у брода. Ежели появится Свирид, не вспугните его, проводите незаметно до дому, а уж мы встретим ворюгу, как полагается. Ивор и ты, Свен, отправляйтесь к дому Свирида, Хурта вас проводит. Ты, Олег, здесь покрутись, в харчевне, послушай, что люди говорят, а я до Горы прогуляюсь. Все, разъезжаемся!

Варяги разъехались. Сухов проводил их взглядом, спешился, бросив поводья мальчишке-слуге, и переступил порог заведения.

Внутри было довольно светло – широкие окна, на зиму забираемые досками, стояли раскрытыми. В двух больших очагах шуровал огонь, подогревая похлебку в медных котлах. Кудрявый серый дым смерчками уходил в отверстия, прорезанные в крыше. Алые отсветы огня мешались с дневным светом и бликами ложились на закопченные стропила.

Зал был перегороден плетеной из ивняка стенкой, обмазанной глиной, – в проеме, задернутом занавеской, все плавало в дыму. Между столбов, подпиравших крышу, стояли четыре длинных стола и лавки. Земляной пол был присыпан резаной соломой.

Одну из выскобленных столешниц попирали ручки хозяина, с виду добродушного медведя – шея в обхвате головы шире.

Посетителей было немного, человек пять, все местные, менявшие выпивку на сельхозпродукты.

Держатель «таверны», завидя Олега, поспешил навстречу, излучая обаяние и радость – почуял настоящие деньги.

– Рады, рады вам, – частил он на плохом русском, и себя, и Олега употребляя во множественном числе, – рады! Проходите!

– Спроворь-ка мне яишню, – велел Олег, устраиваясь за столом спиной к стене, поближе к выходу, где дым глаза не ел.

– Со шкварками? – плотоядно уточнил ресторатор.

– С ними.

– Мигом! Анея, ты все слышала?

– Не глухая... – донеслось из-за перегородки.

Хозяин живенько выудил из-под стойки стакан червленого серебра – не поить же дорогого гостя из деревянных чашек или глиняных кружек! – и наполнил ее красным вином.

– Из Корсуни бочечка, – суетился он, что выглядело смешным при его габаритах, – самое что ни на есть... Отведайте!

Олег хлебнул и кивнул одобрительно. Хозяин расплылся в совершеннейшем счастье.

В зал вплыла статная женщина степной наружности – черные волосы, заметные скулы, придающие лицу диковатое выражение амазонки на отдыхе. И голубые глаза. Причудливо мешаются крови на днепровских берегах!

– Извольте! – улыбчиво молвила Анея и ловко расставила приборы, даже чистую тряпицу припасла и мису для омовения.

Олег изволил. Он умял и шкварки, залитые тремя яйцами, посыпанными какими-то пахучими травками и лучком, и изрядный кус свежего серого хлеба.

Поев, послушав лениво здешнего музыканта, тренькавшего на подобии лиры, Олег расплатился серебряным дирхемом.

– Премного благодарны! – обрадовался владелец заведения и сунулся к ларчику за мелочью.

– Сдачи не надо, – сделал жест Сухов. Стоит ли описывать состояние кабатчика?

К сожалению, мир устроен так, что белая полоса обязательно сменяется черной, ведренный день – ненастьем. Мироздание соблюдает свой баланс интересов, смертному неведомый...

На крыльце послышались гулкие шаги, умолкла лира, и в залу ввалился человек-квадрат, человек-куб. Среднего роста, но очень широкий в плечах, с грудью пловца, с короткими, сильными ногами скалолаза, человек был затянут в кожу – штаны из потертой серой замши, а торс в полтора обхвата распирал хорошо выделанную куртку из оленьей кожи, украшенную на груди бисером. Голова «куба» синела бритой кожей, один лишь чуб свисал на ухо, да два уса опадали на грудь, пряча уголки сжатых губ.

Талию, что была шире бедер, окручивал длинный пояс, на нем справа висел нож, а слева скрамасакс. И никаких броней – уже одним этим как бы бросался вызов, заявлялось всему миру о превосходстве и непобедимости.

«Кожаный» встал руки в боки и дерзко оглядел зал. Охотники-лесовики его не заинтересовали, пьяный рыбак в углу – тоже. Маленькие глазки-буравчики метнулись к хозяину и вернулись досмотреть Олега.

– Бунай, я тебя умоляю... – начал трактирщик.

– Ша, Чамот, – лениво остановил его Бунай и обратился к Олегу: – Тут кто-то Свирида искал?

– Ты Свирид?

– Я его друг! А ты что за диво? Варяг, что ли? Варяг – с печки бряк...

Олег холодно посмотрел на Бунаю.

– Как стоишь, гнида холеная? – сказал он негромко, но так, что посетители поежились. – Смирно!

– Чиво?! – оторопел Бунай.

– Я русский воин, – напустил льду Сухов, – и всякая шелупонь косматая должна стоять передо мной по стойке смирно – то бишь прямо, руки по швам, пятки вместе, носки врозь! Дошло, смазка для меча?

Да, славин был быстр. Он выхватил клинок и обрушил его на то место, где только что сидел Олег.

– Бери уроки у старух, – посоветовал Сухов Бунаю, – они научат тебя двигаться порезвей!

Небрежно отклонившись, он пропустил мимо зудящую сталь и выхватил меч. Краем глаза Олег заметил, что зрителей прибавилось.

Бунай ярился, Сухов насмешничал, но, разогревшись, он ощутил и жар гнева.

Меч распорол Бунаю куртку, окрашивая кожу в красное. «Друг Свирида» отшатнулся и, словно косой, пустил меч понизу. Олег подпрыгнул, уходя от лезвия и провел в подскоке прямой удар ногой в грудь славину. Буная отнесло и швырнуло спиной на стол, скрамасакс с грохотом упрыгал по столешнице. Славин тут же перекатился, ожидая рубящего маха и выхватывая нож, но Олегу было неинтересно убивать безоружного. Кинув меч в ножны, он вооружился кинжалом, твердо сжимая золотое тельце львицы.

Бунай, обильно потев и тараща глаза от натуги, уже не о победе думал, а о том, как сохранить лицо. И заодно – несвятое свое житие.

Дуэлянты закружились на тесном пятачке между очагом и стойкой. Когда в поле зрения Олега снова всплыла входная дверь, он увидел Ивора, обнажившего меч. Рядом с русом причитала девушка со светлыми волосами, перехваченными тесьмой.

Бунай поскользнулся и упал на одно колено. Кинжал махом сбрил взметнувшийся чуб.

– Бунай! – закричала девушка. – Перестань, слышишь?!

Но Бунай не слышал. Он бросился на Олега и ударил снизу. Сухов перехватил его руку и вывернул так, что острие кинжала уткнулось Бунаю в горло.

– Не убивай его! – заверещала девушка, падая на колени. – Не надо!

Олег отстранился, и ошеломленный Бунай рухнул лицом в солому. Завозился, не веря, что жив. По его бычьей щеке текла красная струйка.

– Что, Ивор? – спросил Сухов, выходя на крыльцо. – Нашли?
– Нашли! – кивнул Пожиратель Смерти, взглядом измеряя бунаевские объемы. – Турберн всех собирает в кучу...

* * *

Свирид, зять Чагода, занимал небольшую, но крепкую усадьбу рядом с защитным валом, выходившим к реке. Рядом с домом вымахала роща вязов, деревья росли не густо, и все прогалы затянуло подлеском. Там и спрятали лошадей.

В усадьбу Олег залез, как и Ивор, через высокий тын. Прирезанную собаку русы уже унесли за дом и лужу присыпали.

– Заходите, – скомандовал Турберн с крыльца, – и сидите тихо! Стегги уже совой крикнул – близко Свирид...

В доме было душно, сухое тепло накатывало от большой печи в углу. Огонь, трепетавший в плошке с бараньим жиром, тускло освещал комнату с низким потолком и полом из гладких плах.

– Семья его где? – осведомился Сухов.

– Связаны, в подполе сидят, – ответствовал Фудри.

– Ивор, спрячься во дворе, – негромко приказал Железнобокий, – дашь Свириду войти, а обратно не выпускай.

– Понял.

Тихо заскрипела дверь за Пожирателем Смерти, и воцарилась тишина, нарушаемая лишь дыханием Хурты, Железнобокого и Москвича. Олег впал в оцепенение, неспешно перебирая мысли.

Глухой стук, донесшийся со двора, мгновенно вывел его из задумчивости.

– Ти-хо! – прошипел Турберн.

Осторожные шаги на крыльце... Скрип двери...

– Зарина? – Свистящий шепот проник из дверей. – Зарина, это я, Свирид...

Дверь растворилась пошире, и в комнату вошел человек, закутанный в пыльный плащ, – пыль Олег учуял, аж в носу засвербило.

Неслышной тенью Железнобокий метнулся к двери и спокойно сказал:

– Ну, здравствуй, Свирид.

Зять Чагода вскрикнул, резко обернулся, и меч Ивора вошел ему в печень. Заклекотав, Свирид упал на колени и рухнул на бок.

– Зачем ты его заколол?! – свирепо зашипел Железнобокий. – Кто нам теперь скажет...

– Он привел лошадей, – перебил его Пожиратель Смерти.

Фудри выскользнул на улицу, следом выбрался Олег. Солнце уже зашло, полнеба пылало багрянцем, и этого кровавого освещения хватило, чтобы различить двух лошадей, понуро стоявших у коновязи. В их сумах лихорадочно рылся Москвич.

– Ого, тут даже золото есть! – крикнул он придушенно. – Клянусь Воданом!

Олег глянул на золотые предметы, подхваченные Москвичом. На закате золото отсвечивало кровью.

* * *

Усталый и раздраженный, Сухов вернулся со всеми в Вусегард. Халег, сын Ингоря, встретил его озабоченно и обрадовался, когда ему вернули Свиридову долю уворованной казны (о честно поделенных золотых монетах Турберн предпочел умолчать...).

Кое-как устроив гнедка, Олег завалился спать рядом с конем, на сеновале, и продрых всю ночь. Ему снилась степь без конца и без края, горячий ветерок обвевал лицо и лохматил волосы, а на каждом кургане сверкали розовым мрамором изваяния – нагая Елена Мелиссина, застыв в камне, смутно улыбалась и манила приблизиться...

Проснулся Олег ранним утром, но никакие туманы не прятали текучего блеску Непра – было очень тепло, и многие варяги уже открыли купальный сезон, окунаясь в речную воду, еще не прогретую солнцем.

Полутроль купаться не стал, но умылся всласть, обливаясь водой, зачерпнутой с берега. Под ногой хрустели округлые ракушки с ладонь величиной, и скрипела галька. Мелкая волнишка плескала о сапоги... Хорошо!

И тут же диссонансом прозвучал конский галоп – это мчался Инегельд. Копыта Драконя разбрасывали песок, а лицо у Клыка было мрачнее тучи.

– Что опять не так? – громко задал вопрос Олег.

Боевой Клык осадил коня и сообщил:

– Халега убили!

– Да ты что?! – в Олеговой памяти тотчас всплыл ножик-«заколка».

– Все то же... Ночью закололи.

– Где он?

– Да где и был, у себя.

– А ты куда?

– Надо князю сообщить... Про сына.

– Не завидую тебе...

– Да уж...

Шлепнув Драконя, Инегельд припустил по дороге к Киеву, а Сухов поспешил в терем посадника.

В опочивальне Халега, сына Ингоря, народу было как сельдей в бочке – Олег едва протолкался к деревянной кровати, где на дорогах покрывалах лежал, раскинув руки, княжич. Лежал одетым и обутым, даже не скинув плаща. Его бледное лицо было закинута, мертвые глаза смотрели остекленело, а в шее торчал тот самый ножичек с изящной витой рукояткой.

Сухов протиснулся к двери и понесся к конюшне. Спешно оседлав обрадованного гнедка, он вскочил на него верхом и поскакал самой прямой дорогой на юг, минуя Киев, к Витахольму.

Олег запрещал себе думать о возлюбленной, его компасом была логика. Если Елена причастна к убийству (причастна, причастна!), то ждать у моря погоды она не станет и постарается исчезнуть из поля зрения мстительных русов как можно скорее. А путь из Киева один – вниз по Непру. Уходить в степь равнозначно сдаче в плен кочевникам.

Все корабли, идущие на юг, в Херсонес или в Таматарху, никогда не следуют по опасной реке в одиночку, а собираются в караваны, по десять-пятнадцать судов, и вместе преодолевают пороги, сообщая отбиваются от степняков. Место сбора у них одно – у причалов Витахольма, варяжской крепости, поставленной в тридцати верстах к югу от Киева. И Олегу надо успеть увидеть Елену перед отплытием. Если она там... Вот в этом и следует убедиться.

Сухов немного отпустил поводья, доверяя коню. Гнедок не плошал, по-прежнему не терял резвости. За Киевом потянулись сплошные дубравы, широкой лесополосой разгораживая реку и степь.

Олег вывел коня на простор Дикого Поля, ехал и беспрестанно оглядывался. Земля, простор которой он сейчас преодолевал, находилась под властью князя киевского. Но кочевникам об этом забыли сообщить, и эти простодушные «доители кобылиц» сновали вдоль и поперек, то и дело наведываясь в пределы селений. Тащили все, что плохо лежит, воровали детей, увлакивали женщин, а мужчин или резали, или продавали в рабство. И какой из уделов печальней?

Набитая тропа поднималась на склоны высоких холмов и спускалась под горку, вилась по оврагам. Раза два Олег давал гнедку роздых, слезая с седла, и пробегал с километр, держась за гриву.

Утреннее солнце вкатилось на полуденную высоту, когда Сухов разглядел впереди высокий мыс, увенчанный крепостью. В укромной гавани скопилось несколько десятков

судов – северных кнорров, южных хеландий.

– Поднажмем, коняка! – попросил Олег, и гнедок поднажал.

Попылив по голым склонам, Сухов выехал на пристань и огляделся. Больше дюжины хеландий собрались отдельной группкой, на них царила обычная суэта – корабельщики-навклиры готовились отплыть. Успел вроде...

Углядев степенного мужика славинского обличья, но обряженного в золототканый дивитиссий, полуплащ-полухалат ромейского покроя, Олег подъехал к нему и спросил:

– Ты будешь старейшиной каравана ромеев?

Мужик подозрительно посмотрел на Полутролля и буркнул:

– Ну, допустим...

– Мне нужно осмотреть корабли!

Старейшина усмехнулся откровенно издевательски.

– А больше ты ничего не хочешь?

Олег положил ладонь на рукоятку меча и холодно сказал:

– Убили сына князя киевского. Мы ищем виновника, а ты скрываешь душегубца?!

Старейшина побледнел, губы его затряслись:

– К-как убили?! Да не может быть! Мы тут ни при чем, клянусь тебе!

– Новых людей набирали в Киеве? – Сухов говорил требовательно, с напором. – Гребцов, воинов, корабельщиков? Пассажиров брали?

– Нет-нет, на хеландиях плывет только старый состав! А пассажиров всего двое – старый ромей духовного звания с дочерью. Сам подумай – могут ли они быть убийцами?!

– Где они?

– На борту «Святого Поликарпа»...

– Проводи. Я должен убедиться лично.

– Да-да, конечно...

Спрыгнув с коня, Сухов повел гнедка в поводу.

Хеландия «Святой Поликарп» блестела свежеокрашенными бортами, но скрип снастей выдавал почтенный возраст судна. Олег примотал поводья к столбу навеса, под которым воняли пустые бочки из-под соленой рыбы, и взошел по трапу на борт хеландии. Пожилой ромей в черном плаще-сагии воспротивился было, но, перехватив мрачный взгляд Сухова, отступился.

Олег двинулся на корму, слыша за спиной торопливый шепот старейшины, объяснявшего купцу причину не примерного поведения руса.

Хеландия была мала для того, чтобы иметь отдельные каюты-камары для пассажиров, и те ютились вместе с владельцем корабля в малюсенькой подпалубной комнатке, больше похожей на большой ящик.

Олег согнулся, как мог, и протиснулся в крошечное помещение. Испуганный женский крик оповестил его о том, что подозрения оправдались.

В свете маленького, зарешеченного оконца Сухов разглядел Елену, приткнувшуюся на узком ложе, и ее немолодого спутника, отличавшегося нездоровой пухлостью.

– Не бойся, – сказал Олег негромко, – это я.

– Ты?!

Елена привстала на колени и сказала что-то властное пухлому. Тот кивнул послушно и вышел вон.

– Ты... – медленно повторила Елена, без сил опускаясь. – О, господи... Все? Я раскрыта? Меня убьют? Не то чтобы я боялась смерти, но пыток я не выдержу... – Она ухватилась за Сухова и взмолилась: – Помоги, Олег!

– Успокойся.

Сухов обнял женщину и погладил ее волосы.

– Никто тебя не тронет, – прошептал он. – Все знаю только я, и... Ну, ты же понимаешь! Скажи только, зачем ты убила Халега?

Елена отвернулась и ответила:

– Прости, это не моя тайна...
– А я и не пытаюсь вникнуть, – усмехнулся Олег. – Просто хотел убедиться, что ты успеешь скрыться с места преступления.
– Олег...
Сухов вздохнул.
– Жаль тезку... – сказал он. – Хороший был парень. Не знаю уж, что там напридумывало твое хитроумное руководство, но смерть Халега ничегошеньки не изменит.
– Не станет наследника...
– У Ингоря была не одна жена, да и мужик он крепкий, весь в батю. Ныне ему годков... сорок с лишним, и что ему помешает взять за себя молодуху лет через двадцать? Какую-нибудь Ольгу?
– Олег...
Елена крепко обняла его, целуя в щеки, в губы, в подбородок. Сухов порадовался отстраненно, что побрился с утра – острейшим ножом Ивора, оставил только бородку-эспаньолку и полоску усов на мушкетерский манер.
– Олег, – сказала женщина ему на ухо, – до отплытия еще есть время...
И принялась быстро и ловко лишать Сухова одежды. Он не сопротивлялся...

* * *

...Пыльный лучик, бывший в окошко, сместился совсем ненамного, когда Олег и Елена, голые и изнемогшие, разъяли объятия.
– Мне показалось, – произнесла женщина лукаво, – что я выразила свою благодарность наилучшим способом...
– Тебе не показалось, – улыбнулся Сухов и нагнулся, подбирая предметы туалета. Мелиссина живо завернулась в платье и снова приникла к возлюбленному.
– Больше я никуда не двинусь, – пообещала она. – Буду наслаждаться тихой жизнью в Городе...
– И я, – твердо сказал Олег. – Я найду тебя в Константинополе. Не сегодня завтра мы отплываем, двести, как вы говорите, варангов. Хотим послужить вашему базилевсу...
– А ты послужишь мне! – в полном восторге заявила Елена. – А я – тебе... О, Олег, мой милый, милый варвар! Земля велика и необъятна, но посмотри, как Бог скрещивает наши пути! Как я рада, что встретила тебя, если бы только знал! Это такое счастье – быть твоею, а не видеть тебя, не знать – горе...
Они б еще долго ворковали, но крики с пристани подгоняли, укорачивая время свидания. Еле оторвавшись от горячих Елениных губ, Олег вылез на палубу. Безразлично кивнув купцу, он строго сказал старейшине:
– Уходите немедленно! Все вы ни в чем не повинны, но слугам Князевым лишь бы виновного сыскать. Торопитесь!
– Мы отчаливаем тотчас! – пылко воскликнул старейшина и заметался по палубе, выкрикивая команды на греческом. Их подхватили на остальных хеландиях, и Олег поспешил сойти на берег.
Мореходы живо отдали швартовы, а наемные гребцы опустили весла, выводя хеландии по течению. Одна за другой они выплывали на реку, распускали паруса и устремлялись туда, куда утекала река, – к морю.
– Хоть бы все нормально вышло, – прошептал Олег и отвязал гнедка.

* * *

К Вусегарду он подъехал лишь к вечеру. Езда по ночам, да еще в одиночку, была опасна – в любой момент из леска, из оврага неприметного могла вымахнуть лихая ватажка, а то и вовсе стрела, на звук пущенная. Но и спешить было нельзя. Оступится конь или, того

пуще, ногу ломает, и все, как нету тебя, ибо пеший человек в степи – добыча зверя, а уж о двух ногах будет тот зверь или о четырех, какая разница?

Однако Бог или судьба хранили Олега и довели до вусегардских врат в целости. Сухов побаивался гнева княжеского, а оказалось – зря, никто и не заметил отсутствия Полутролля.

Инегельд, правда, в гневе был великом, ходил как тигр в клетке и перуны словесные пускал – не дай бог, угодишь на линию огня!

Олег предусмотрительно обошел светлого князя и спросил подвернувшегося Турберна:

– Чего это Клык так лаается?

Железнобокий лишь рукою махнул:

– Послал князюшка человека верного к Халегу Ведуну, чтоб тот решил, как быть и что делать. Теперь ждать придется ответа. Две недели туда, две – обратно. Считай, месяц пропал. Вот и лаается...

А Олег испытал мгновенное успокоение – теперь-то наверняка удастся Елене уйти безнаказанно, никому не догнать каравана! Скедии догнали б с легкостью, но им еще долго ждать отплытия. Ну и слава богу...

Глава 13, в которой варяги получают важные известия и выходят в море

Не прошло и четырех недель, как прибыли посланники от Халега Ведуна – на десяти лодьях прибыли, в полном боевом, а главным над ними был Аминод Мудрый, боярин и старый знакомец Инегельда. Боевой Клык встретил посланника как полагается, угостил, как следует, а после они заперлись надолго и беседу тайную имели. «Ничего не слышать – расстраивался Малютка Свен. – Я и так пристроюсь, и этак, а оттуда все одно: бу-бу-бу-бу!»

Однако от дружины светлый князь таиться не стал. Пришел наутро в гридницу и очень серьезно сказал:

– Разговор есть. Только для ваших ушей.

Тут уж и Малютка построжел.

– Значит, так... – начал Клык. – Я тут не сидел, как некоторые, зазря и не только по охотам шастал да по девкам киевским. Следопыты знатные поработали на меня, и все как есть выяснили. Халега, сына Ингоря, ромей убили.

Олег похолодел.

– Да, – продолжал князь, – побывало их тут немало, и купеческого звания, и духовного, однако убивцы не торгашами были и не попами. Скопец тут орудовал и девка с ним. Вот они-то и сгубили княжича... Но я не о том. Халег Ведун решил князя Ингоря не спрашивать и самому наказать ромеев. Ныне он собирает могучую дружину и явится к Миклагарду⁵³ виру требовать за убиенного княжича, почти что внука своего, а чтоб все было по чину, хочет с ромеями ряд мира и любви заключить. Во как...

Почто я это все вам рассказываю? Объясню... Мы с вами завтра же продолжим путь к Миклагарду и устроимся в этерию, сторожить базилевса и беречь его. Но это для вида. Великий князь еще одну службу подкинул нам – надо будет все у ромеев разведать и сюда передать. И про «огонь греческий» вызнаем, и число кораблей сочтем, и сколько войска стоит ромейского. Ясно вам?

– Ясно, – ответила гридь вразнобой.

– Ну, тогда прощайтесь с девками и собирайтесь. На рассвете отчаливаем...

* * *

⁵³ Обычно считается, что свой поход на Константинополь Олег Вещий совершил в 907 году, однако летописным датам доверять нельзя. К примеру, Новгородская первая летопись младшего извода уверяет, что Олег пришел к Царьграду в лето 6439-е от сотворения мира, то бишь в описываемое время, в 922 году.

Чуден был Непр! Могучий поток мутной влаги катил с верховий к низовьям, подпитываясь притоками, и ум отказывался верить, что можно в одном месте собрать такое количество воды. Справа берег вскучивался высокими холмами, перепадавшими в глубокие балки, слева стлался низменно. В первых рядах наступающих на реку растений шли камыш и тростник, к самой воде спускался развесистый краснотал, густели бересклеты и чернотвольные вязы, липа вкраплялась и ольха, высовывали острые верхушки тополя. Далее, где посуше, собирались в рощи дубы.

А запахи с берега ветер доносил иные – степные запахи. Пахло мятой, донником, вездесущей полынью.

Совсем близко от левого берега Сулы, мягким увалом перепадающего к югу, лес кончался. Кусты боярышника еще вклинивались в степное разнотравье, а чуть дальше рос один ковыль. Степь и лес рядом. Лес и степь. Лесостепь.

Скедии спускались, чередой острых килей нарезая мутную воду. Паруса здорово оживляли великую реку, распиравшую пустынные берега. Яркими красками переливались круглые щиты, развешанные по бортам, десятки весел вымахивали из воды и загребали в великолепной тождественности.

Северный ветер окреп, и над рекою разнеслась команда:

– Весла убрать!

Олег вытащил свою гребь из лючка и уложил сушиться на Т-образные козлы. Усталость покидала натруженные мышцы, сменяясь приятной истомой.

Над «Соколом» вились непровские чайки, а высоко в небе чертил ленивые круги орел. Все смешалось в природе.

– От Кенугарда до порогов, – заговорил Турберн, задумчиво почесывая грудь, отчего голова вытатуированного дракона словно морщилась, – примерно триста верст. В день мы пройдем верст семьдесят. Или восемьдесят...

– Это ты к чему? – спросил разомлевший на солнышке Малютка Свен.

– Место надо искать для ночевки.

– На берег нельзя, – мудро заметил Фудри, – а то набегут кочевники всякие, мигом скальпа лишишься! И что я тогда буду расчесывать?

– Руку опусти, – пробурчал Турберн, – и сунь в штаны. Может, и сыщешь, чего чесать...

– Ест остров, – сказал печенег Котян, – немного плыв, да!

– Остров – это хорошо, – сказал князь.

Ветер поддувал в парус, и течение несло скедию, но так же сверкала гладь реки, не выпячиваясь ни единым клочком суши.

Солнце садилось, хмурые тени от высокого берега легли на воду, стирая дневную синеву и зелень, а после красные и оранжевые блики залепили речной простор, замельтешили, заиграли. И вот тогда из закатных блесков выступило обтекаемое черное пятно, плоское и недвижимое.

– Эгей! – крикнул Фудри. – Остров вроде!

Остров был велик, его уже скрепили корни ивы, пошла расти трава. По форме он походил на перевернутую запятую, а узкий завиток-коса уходил на юг, постепенно пропадая в глубине. Северный бережок был просто завален сучьями, ветками, целыми стволами, выброшенными течением.

Пришвартовав скедии, варяги первым делом выставили охранение, а после запалили костры и подвесили над ними котлы. Повара изысками не увлекались – побросали в воду мяса, крупы, настрогали морковки, сунули головки лука, посолили. А голодной дружине много ли надо? Через часок котлы сняли с огня, и музыкой зазвучали стуки черпака, вылавливавшего гущу со дна.

После ужина разожгли еще множество костров на песке. Дождались, пока те прогорят, сгребли уголья в сторону и постелили кошмы на прогретый песок. Стало тепло и уютно. Разговоры увяли. Варяги разлезлись по кожаным спальным мешкам.

На остров опустилась тишина, только дозорные бродили берегом, шурша песком, да еще мощное журчание Непра трогало слух, пока не убаюкало.

* * *

Непр нес свои воды на юго-восток, а там, где впадала Самарь, великая река поворачивала на юг. Приближались пороги.

– Мачту снять! – скомандовал Боевой Клык.

Экипаж дружно опустил на палубу рей, замотал его в парус, уложил мачту, а после поскидывал всю одежду.

– Котян! – крикнул голый князь. – Вот только разбей мне скедию!

Котян-кормщик разобрал только свое имя, но ослабилась – пришел его черед блеснуть.

– Готовность! – заорал он и махнул рукой по течению, в сторону высокого острова, выступавшего из воды посередине реки.

Остров был покрыт кустарником и высокими соснами, а от северного мыса его углом расходились буруны, будто от штевня колоссального корабля.

– Готовность! – повторил кормщик и напрягся.

Олег привстал и сразу сел – стало нехорошо. Впереди, уже совсем близко, из воды выглядывали черные скалы – вершины треугольников стоячих бурунов.

А главное, «Сокол» уже не нуждался в гребцах – река сама несла скедию, наклоня течение. Теснина берегов сопрягалась со стремниной, и милый плеск волн вытеснялся гулом бурлящей воды. Перекачиваясь меж высоких скальных островков водопадами, Непр ревел и бешено пенился, свергаясь с высот.

– Первый порог миноват! – объявил Котян. – Это – Эссупи! Готовность!

Качаясь и валясь, скедия одолела второй порог – Хольмефосс.

– К берегу! – заорал Котян. – К берегу!

Команда шустро погребла куда сказано.

– Ходит ногами, – объяснил кормщик, – по воде! И тянут! Там третий порог – Гьялланде!

Олег перелез через борт в холодную воду. Ух, ты...

– Я вам что, морж? – шепотом жаловался Пончик.

– Т-терпи, тюлень... – прокряхтел Турберн, хватаясь за буксирный конец.

– Тебе-то хорошо, вон какое пузо наел. Как у моржа! Жирному не холодно!

Железнобокий не ответил. Он зачерпнул полную горсть воды и плеснул на лекаря.

– Уй-я!

– Весла в руки, – приказал князь, – и толкаем!

Варяги разобрали весла и пристроились пихать скедию – кто нос, кто корму, кто посередке.

Олег зашел в воду по пояс и уперся веслом в борт. Это было нетрудно, течение и само несло скедию, надо было только удерживать «Сокола» на курсе, чтобы кораблик не развернуло. И нужно было шагать, нащупывая босыми ногами дно, расшибая пальцы о камни, и удерживать тело от падения – Непр ощутимо толкал в спину. И еще одна нужда была в запасе – поглядывать на берег. Степь лежала вокруг. Дикое Поле. В любой момент из не приметной балки могли с визгом выметнуться печенег, подло напасть, осыпать стрелами и скрыться, а тебе только и останется, что метаться по берегу в бессильной ярости. И хоронить потом павших.

– Выходит! – скомандовал Котян. – Сейчас четвертый – Айфор!

Айфор, или, как его звали славяны, Ненасытец, был самым коварным. Но варяги настолько озябли и вымотались, что их уже ничто не могло взволновать, – хоть все водяные на них ополчись, они только отмахнутся от нечисти. Не до вас-де...

– Катки достат! – велел печенег-мореход.

Дрожа, растирая заочечневшее тело руками, члены экипажа перекидали на берег

припасенные дубовые катки. Айфор обходят посуху, а плавсредство тащат волоком. Самое трудное – это выволочь скедию на берег, дальше будет полегче.

– Каток подставляй!

– Разом – взяли! Еще – взяли!

– Пошла! Наехала!

– Тяни!

– Толкай!

– Удерживай! Удерживай!

Сила и воля команды сработала – скедия, гудя днищем и струя воду на песок, выкатилась на берег. А теперь экипажу надо было сделать ровно шесть тысяч шагов, удерживая борта скедии. Вовремя подбирать катки за кормой и подставлять их с носа. И толкать. И тянуть. Удерживать. Подбирать. Подставлять.

Позади к берегу подходил «Стратим», русы, толкавшие кораблик, кричали, растирали розовые от холода ноги и готовились к ударному труду на волоке. Среди рослых варягов выделялся гигант Кирилл. Его тело было здорово помечено рубцами. Углядев Олега, ромей ослабил беззубую пасть. Сухов помахал ему в ответ. Учитель как-никак – чуть ли не год Кирилл обучал Полутролля языку ромеев.

– Шибче ходим! – весело заревел Клык. – Шибче!

– Вода холодная! – пожаловался кто-то.

– Щас ты у меня разогреешься, потом умоешься! А ну, взялись!

Олег навалился на скользкую корму «Сокола». Уперлись всею ватагой, напряглись, оттолкнулись... Пошла, родимая!

Впереди медленно двигалась скедия «Пардус», облепленная с бортов экипажем. А справа от Олега ревел Айфор. Вода на его двенадцати грядах металась от берега к берегу, разбиваясь о скалы, острые как меч. В воздухе висела водяная пыль, среди камней кружили водовороты.

...Когда гудящие ноги Сухова домерили последнюю тысячу шагов, и скедия снова закачалась на воде, сил в теле не осталось совершенно – легкие разрывались и свистели, как дырявые мехи, руки дрожали, а сердце занавешивало глаза кровью.

Шестой порог Варуфорс образовывал большую заводь, но расслабиться не дал. Слабина в этих местах означала щепки от корабля, а от экипажа – кровь и кости.

Седьмой порог, Леанти, прошли по глубине, сторожко следуя всем изгибам берега, и лишь дважды лодья чиркнула бортом по скрытым скалам. Оба раза Котян болезненно морщился, словно это по нему саданули скалистым выступом.

Последний порог, что пенился выше Крайской переправы, носил название Струкун, то есть «порожек», и был как перемена после очень долгого и тяжелого урока.

– Проходит! – счастливо улыбнулся кормщик.

Олег глубоко вдохнул и выдохнул. С обоих берегов расходилась вдаль степь, порою открываясь сырыми балками, иной раз дыбась скалами. А дно было мелким. Брод. Перевоз Крайя.

– Можете одеваться, – милостиво сказал Клык.

– Премного благодарны! – низко склонился Турберн.

И получил звонкого шлепка по худой заднице.

* * *

Берега реки на перевозе сходились очень близко, ромей сказал бы – не шире Ипподрома. Плес невинно переливался на солнце, вспыхивая мириадами блесков. Сверкали капли воды, срываясь с весел. Расходились круги по воде, отражая в перехлестах интерференции густую горную лазурь.

«Обстановка какая-то... не боевая», – подумал Сухов. Даже плеск весел звучал, как в парке на гулянии, когда играет духовой оркестр, а граждане совершают увеселительные

лодочные прогулки...

Обстановка изменилась резко – над травянистым откосом левого берега вдруг вздыбились фигуры всадников – десятки и десятки. Кони неслись бешено и совершенно бесшумно – топот глушился травой, а ездоки мчались молча, хищно пригнувшись к напруженным шеям скакунов. Слетая с горки, лошади подняли облако пыли. Внесясь с разгону в мелкую воду, копыта взбивали ее, вскидывая брызги выше холок.

– К бою! – заорал князь, выхватывая меч.

Всадники в черных халатах и в черных колпаках выпрямились в седлах, растягивая луки. Олег с Турберном нырнули за щиты, развешанные вдоль борта, и едва не столкнулись лбами. Выше звучно тюкнули стрелы. Мимо!

– Печенеги! – опознал напавших Малютка Свен.

– Орда большой, – дополнил Котян, – называет Сары Кулбай!

Русы уже вели прицельную стрельбу, перебегая вдоль бортов, прячась за щиты в одном месте, выныривая в другом.

А кормщик Котян предпочел отбиваться с помощью дротиков-сулиц, их у него была целая вязанка. Печенеги направляли коней «вилками», охватывая дрейфующие скедии с двух сторон, и дротики внесли заминку в тактический маневр – одна сулица пронзила шею коню, и тот пал, топя всадника и взбрыкивая ногами. Следующая за павшим животина споткнулась о труп и тоже кувыркнулась в воду. Второй дротик Котян метнул, целясь в мышастого коня, но тому повезло – передние ноги животного провалились в подводную яму, и сулица пробила грудь густо обволосенному всаднику в роскошной куртке – по ней были пришиты медные бубенчики, а вышивка бисером изображала птичьи лапы.

– Халил, собака! – взревел Котян. – Узнат?! Заполучи!

Сброшенный с седла, печенег упал, ногой запутавшись в ременчатом стремях, и мышастый поскакал к берегу, волоча на буксире ездока, раздирая его лицо о камни.

– А-а-о-о-у-у! – завывали кочевники.

Пятеро или шестеро самых бойких из них, подскакав к скедии, перескочили с коней на борт, воинственно размахивая кривыми мечами.

Олег подхватил круглый щит, висевший на бортовой планке, с ходу суя левую руку под одну кожаную петлю и ухватывая пальцами другую. Продолжая движение, он вскинул щит, отбивая секущий удар изогнутого меча. Махнув скимитаром, Сухов скрестил его с печенежским клинком, а ногою ударил степняка по колену. Хрустнула чашечка, кочевник ударился о борт и полетел в воду.

– Очистить палубу! – заревел Боевой Клык.

Олег развернулся и обратным ударом меча разрубил горло печенегу с безобразным носом – красным, рыхлым и пористым, похожим на перезрелую клубнику. Ударом ноги Сухов придал падавшему врагу потребное направление, и тот бултыхнулся в воду.

Загодя вытягивая руку со щитом, дабы отвести удар третьего шустрика, десантировавшегося на скедию, Олег отвел меч, но тут его опередил Хурта – стрела пронзила печенега, а ее граненый наконечник вышел у вражины из груди, прокалывая бесполезные костяные пластины.

– Турберн! Котян! – закричал князь. – Разворачивайте скедию носом к берегу! Гребем на коней!

Печенеги не ожидали, что экипаж скедии, практически захваченной ими, перейдет в наступление. Нет чтобы о пощаде верещать!

Скедия развернулась и наплыла на скопление конников. Двигалась она неторопливо, но и лошадям, залезшим в воду по брюхо и выше, было не развернуться. Скедия ударила неспешным тараном, ее острый форштевень подмял под себя одного коня, другого. Чалый жеребец, пуча безумные глаза, сделал попытку выпрыгнуть из воды, сковывавшей движения, и дико заржал, вскидывая на планшир передние ноги. Всадник, натягивавший лук, обронил свое оружие и судорожно ухватился за гриву, но лодья продолжала движение. Чалый оступился, ударился о борт головой и скрылся под веселенькими блестками, рассыпанными

солнцем по воде. Только обезоруженный всадник задержался над поверхностью. Ивор тут же помог ему свести близкое знакомство с рыбами, ударив печенег копьем в шею.

Олег обернулся к корме – там бился Турберн. На него обрушивал меч ездок, чей конь буравил воду параллельным с ладьей курсом. Кривой и тяжелый клинок вышиб у Железнобокого меч из рук, варяг сразу же пригнулся, уходя от обратного удара, и подхватил весло. Разъяренный неудачей, Турберн заработал веслом как дубиной, одним концом разбивая голову коню, а другим, с разворота, его хозяину, – оба канули на дно.

Другого степняка Железнобокий снял, работая веслом как кием, – мокрая лопасть ударила всадника по голове, как по костяному шару.

– В лузу его! – заорал Олег. – Ха-ха-ха!

У Фудри рука была в крови, не понять, своей или чужой, но он продолжал азартно вертеть мечом. Однако кочевники отпрянули от скедии, и Москвич бросил меч в ножны, хватаясь за копье. А тут как раз молодой и прыткий печенег подвалил, вскакивая на седло ногами, – видать, сигануть решил на борт, удаль свою потешить. Копье вошло ему в живот, сгибая удальца в прямой угол. Фудри едва успел выдернуть оружие – кочевник перекинулся в реку.

– Уходим! – разнеслась команда князя.

Боевой Клык отбросил щит и упал на скамью.

– Уходим! – повторил он, хватаясь за весло.

Печенеги и сами, понеся потери и утратив боевой задор, спешно отступали, напрягая бедных своих земноводных коней. Русские стрелки, выстроившись рядами, посылали вслед убегавшим по десять-двенадцать стрел в минуту – живыми ушли не все. Олег сощурился – на вершине откоса недвижимо стоял одинокий всадник. Хан?..

Скедия развернулась на мелкой воде. Набирая скорость, двинулась к правому берегу, уходя на середину реки, куда не долетит никакая стрела.

Князь привстал, оглядывая своих.

– Все живы? – спросил он.

– Убиенным – выйти из строя! – подхватил Пончик.

– Не умничай! – ухмыльнулся Клык, радуясь, что все целы. – Вон, скинь лучше мертвяка!

У Пончика вытянулось лицо.

– Вот сколько уже раз говорил себе, – горько сказал он, – чтоб не высовывался. И все без толку!

Тяжко вздыхая, Шурик подобрался к мертвому печенегу, задержавшемуся на борту. Брезгливо перебросил за борт ноги в грязных шароварах, поднатужился, перевалил окровавленное тулово. Наклонившись к воде, чтобы омыть руки, он отчетливо прошипел:

– Угнетатель!

Котян, восседавший на месте кормщика, весело лыбился, хоть и плохо понимал, о чем говорят. Да и чего тут понимать? Радуются люди! Избежали смерти, одолели врага – чем не повод?

– Хортица! – крикнул он, вытягивая длань к югу.

Снизу наплывал большой остров, миль пятнадцать в длину, ромеями прозванный именем Святого Григория. Хортица – место удивительное, здесь, как в фокусе, было собрано все, что создала природа к северу от Русского моря⁵⁴. Ее берега и песчаными пляжами тянулись, и каменистыми откосами скатывались, и дыбились крутыми скалами. Остров надрезали балки и овраги, по нему стелились луга и вставляли леса, вода пересекала его по протокам, сбегала ручьями, копилась в озерцах. А уж живности сколько тут бегало, ползало и летало! словно со всей степи съехались делегаты от пернатых, лохматых и чешуйчатых.

⁵⁴ Русское море – так в те времена называли море Черное. Византийцы-ромей предпочитали говорить «Понт Эвксинский».

Котян плавно подвел скедию до укромной бухты, по берегу которой тянулась добротная пристань с бревенчатыми вымолами.

– Ого! – удивился Олег. – Да здесь целый порт!

– Сюда каждую осень ромеи прибывают, – объяснил Турберн, – торг ведут со степняками.

– Все-то ты знаешь...

– Учение – свет, а неученье – тьма! – назидательно произнес Пончик.

Скедия причалила к мосткам, и Котян соскочил на причал, мгновенным движением накручивая канат на истертый деревянный столб.

– Надо приносить жертва! – объявил кормщик, и светлый князь серьезно закивал: надо!

Олег только плечами пожал – приносите, мол, если вам делать больше нечего...

Разминаясь и гогоча, варяги повалили на сушу. Князь Инегельд топал впереди всех и вел за собой гридь.

По набитой тропе они поднялись на обширную поляну, отделенную от берега строем кряжистых дубов. Но на самой поляне произрастал и вовсе гигант леса, всем дубам дуб! В десять обхватов, с порепанной корою, оплывшей от старости, дерево впивалось в землю корнями толщиной с человеческий торс и воздымало к небу кипу могучих сучьев по четыре локтя в поперечнике.

Из земли, усыпанной толстым слоем фигурных листьев, выступал древний каменный алтарь. На нем было высечено яйцо, изображающее Вселенную, и скорчившийся человек – там, где полагалось быть желтку.

Котян с Хуртой скрылись в зарослях и вскоре вернулись. Печенег и славин тащили по птице – Хурта держал за лапы баклана, а кормщик волок селезня.

– Вы их в лавке купили? – сострил Фудри.

– Нет, – серьезно ответил Хурта. – Да тут это просто – подходи и бери. На Хортице охотиться и воевать нельзя – со всей Степью договор!

– А чего ж вы... – удивился Олег, кивая на добычу.

– А это не для еды!

Торжественно скрутив головы своим птицам, Хурта с Котяном побрызгали теплой кровью на корни дуба, приговаривая что-то нараспев – благодаря богов за то, что смерть отвели и даровали победу.

Князь и Турберн принесли в жертву несколько стрел, воткнув их в землю, Малютка Свен покрошил богам хлеба. Воист посыпал вокруг себя сыр, а Ивор плеснул вина из кувшина.

– А теперь и наша очередь! – довольно прогудел Турберн.

Расстелив на траве плащи, экипаж устроился поудобней и доел остатки провианта, захваченного в Киеве.

Олег как раз допивал вино из чарки, когда, скосив глаза, заметил выходившего из чащи старикана в белом. Старикан опирался на посох, его седые космы были обвязаны золотой тесьмой. «Жрец!» – догадался Сухов.

– Здравы будьте! – пророкотал жрец неожиданно густым и сочным баритоном.

Князь с Турберном поднялись с достоинством и поклонились.

– Наверное, это жрец бога Хорса, – предположил Пончик, – других святилищ тут нет.

– Тебе лучше знать, – сказал Олег. – Ты у нас в делах языческих смекаешь...

– Поднимался я на скалу, – неспешно заговорил жрец, – видал оттуда, как вы с ворогом расправились... Боги радовались, глядячи на вас из чертогов небесных.

Неожиданно зоркие глаза жреца глянули из-под нависших седых бровей прямо на Пончика.

– Пойдем, Александр, – сказал жрец. – Мой бог надоумил меня сделать тебе подарок...

Недоумеая, откуда жрец узнал его имя, Пончик пошел вслед за жрецом. Старикан не шмурыгал слабою старческой походкой, а шагал, хоть и не широко, но энергично.

Олег, а за ним и варяги двинулись следом, оставаясь в почтительном отдалении.

Миновав дубовую рощу и светлый соснячок, они вышли к подножию невысокого холма, заросшего травой. На плоской вершине холма крепко сидел храм странной архитектуры – шестиугольный, с острой крышей, уложенной шиферными плитками, окруженный кольцевым навесом на резных столбах. В глубине храма, сразу за открытыми дверями, угадывалась статуя бога Хорса – пухлощекий истукан держал на груди солнечный круг.

Внезапно из храма выбежали две собаки невиданной Олегом породы – размером со сенбернара, но больше всего походили на чау-чау. Большие, крупные, эти псы ступали мягко, вминая траву толстыми лапами, уши на лобастых головах стояли торчком, а хвосты мотались пышными бубликами. И оба были одной масти – рыжей.

Огромный косматый волкодав, порывая на Александра, завизжал, подлащиваясь к жрецу, заюлил, бешено заработал хвостом, вскидывая толстые лапы слуге Хорса на плечи, пытаясь лизнуть в лицо влажным красным языком.

– Привет, собака, – ласково потрепал пса жрец и указал на Пончика: – Свои!

Рычание булькнуло в глотке пса и заглохло. Язык вновь умильно свесился за ряд убийственных клыков.

– Танай! – громко позвал жрец.

В дверях храма показался подросток в штанах и меховой безрукавке на голое тело.

– Принеси Кавана!

Отрок кивнул и исчез. Минуту спустя он уже спускался, держа перед собой короб, плетенный из луба. В коробе что-то ворчал.

Жрец принял у подростка короб и протянул Пончику. В лубяной таре развалился лохматый рыжий щенок, головастый, с короткими толстыми лапами.

– Это хорт, – торжественно объявил жрец, – сам бог Солнца вывел этих собак и повелел дарить человекам. Нет лучшего сторожа, чем хорт! Когда щеня вырастет, он справится и с вором, и с волком.

Шурик запустил руку в короб и погладил детеныша. Тот блаженно зажмурился и хлопнулся на бок – давай, дескать, продолжай в том же духе.

– Благодарю тебя, – церемонно сказал Пончик и взял короб на руки. А увесист детеныш! Вот же ж бегемот вырастет...

Вернувшись на поляну, он гордо продемонстрировал подарок.

– Собака – друг человека! – выдал Сухов.

– Очень свежо, – заметил Шурик.

– Настоящий хорт! – выдохнул Фудри и потянулся погладить.

Щенок заурчал и лякнул пастью.

– Ого! – рассмеялся Железнобокий. – Защитничек нашелся, признал Пончика за хозяина!

– Ну, все, – проворчал князь, грозно сводя брови, – двигаем дальше.

– Дай я понесу, – выпросил Олег.

– А не съест? – усомнился Пончик, передавая короб.

Хорт внимательно поглядел на Сухова, и акцию устрашения проводить не стал – улегся и закрыл глаза.

– Все на борт! – объявил Инегельд. – Опоздавших оставляем на зимовку!

* * *

И вновь потянулись берега. Теперь слева по борту расстился Великий Луг – непровская пойма, самая большая в мире. Густые плавни, разрезаемые неисчислимым количеством протоков и стремительных речий, где болота и озера, бобровые запруды и старицы чередовались с островками и кучугурами, стелились до самого горизонта. Непроходимые заросли тростника, лозы, осоки, камышей чередовались с плавневыми дубняками и клочками ковыльной степи. А надо всем этим растительным беспределом кружились стаи пеликанов и бакланов, вспархивали тетерева, а из тени дубрав доносилось

уханье множества филинов.

Непр вновь изменил направление своего течения, повернув на юго-запад. Река делалась все шире и шире, пока берега и вовсе не ушли за горизонт – лодью вынесло в лиман. Вода все сильнее отдавала солью, а волны качали не по-речному.

Оставив справа по курсу остров Борисфен, который анты переименовали в Березань, а ромеи посвятили Святому Элевферию, скедия пошла в виду Гилеи, которую позже обзовут Кинбурнским полуостровом. Древние эллины чтили эти места, именно здесь шумела священная роща Гекаты. Весь полуостров зарос дубом, березой, ольхой, осиной, в Гилее паслись стада оленей и кабанов. Со времен Геродота предприимчивые ольвиополиты плавили здесь лучшее железо из наносов, принесенных рекой, и варили стекло. И что останется от Гилеи к векам будущим?..

С этими бодрыми мыслями Олег Сухов выплыл на просторы Русского моря, шумнокипящего Понта Эвксинского.

Глава 14, в которой Олег с Пончиком терпят небольшое кораблекрушение

Ветер свежел, скедии стало покачивать.

– Паруса долой! – полетела от корабля к кораблю команда.

Ветрила убрали мигом, кормщики напряглись, гребцы удерживали скедии от разворота бортом к волне.

А Олег опять вспомнил Елену. Тоскливое чувство утраты вернулось к нему, наполняло душу холодом и непокоем. Вроде он и не удаляется от нее, наоборот, все ближе и ближе, а вот поди ты... Эта великолепная красавица отдавалась ему, но никогда не будет его. Он был и останется для Елены грубым варваром, могучим северным героем, ненасытным в любви и в войне. Им никогда не быть вместе. Мелиссине, утонченной придворной даме, богатой и знатной, нужен совсем иной спутник. Да и кто говорит о женитьбе?! Он выбрал свой путь – присягнул великому князю и служит Гардам. И будет служить до последнего костра.

Сухов вздохнул – такова судьба всякого, кто вступает в борьбу и мечом добивается правды и богатства, почестей и славы. Тебе будет дано ощутить пьянящее чувство победы и торжество возмездия. Но ты лишишься простого человеческого счастья, у тебя не будет тихих вечеров наедине с любимой женщиной, ты не погордишься своим ребенком, не познаешь покоя и отдохновения в кругу семьи. Вместо этого холод и дождь, снег и ветер, пыль и жара, пот и кровь, грязь и боль. И все-таки... Неужто не упивался ты чувством одержанной победы? А когда восстанавливал попранную справедливость, разве не испытывал «глубокого удовлетворения»?

Олег поморщился, отгоняя коварные мыслишки, и глубоко вдохнул соленый, сырой воздух. Заметно похолодало, солнце спряталось за длинное серое облако, скрашивая розовым муаровую каемку. Приближался шторм.

* * *

Море стало сизо-зеленым, с длинными изгибами пены. Волны вздыбились и несли вскинутую воду туда же, куда летели облака – серые, серебристо-дымчатые, сизые, угольно-черные, пухлые и рваные в клочья. Тучи ворочались, мчались кувырком, клубились, растаскивались ветром на куски и снова лепились в кипящей целокупности.

Олег с тревогой прислушивался к скрипу дерева и звону туго натянутых снастей – ветерок, задувший с севера, поднимался с утра, поднимался, да и задул во все десять баллов. Буря к полудню набрала полную силу и больше уже не ослабевала в течение всего времени, пока скедии выносило в Русское море.

Что-либо противопоставить шторму было нельзя. Только держать лодью носом к волнам, к этим чудовищным, дымящимся водяной пылью стенам из серо-зеленой влаги.

Пусть пенистые потоки перехлестывают через тебя, лишь бы не опрокинуло судно, не перетерло в страшной вихревой пучине.

Сухов отер лицо и взглянул на небо. Клочковые тучи неслись с бешеной скоростью, их муаровое рванье подсвечивалось сполохами молний. Голая мачта описывала круги и восьмерки, потрескивала и постанывала натянутыми штагами.

На корме, отплевываясь и скалясь от натуги, удерживал рулевое весло Котян.

– Что-то ветрено сегодня! – проорал Пончик.

– Ага! – подхватил кормщик. – Видат, к дождю!

В это время скедия резко вскинула нос, и над кормой вздыбилась крутая водяная гора.

– Держись! – крикнул Олег.

Исполинская тягота воды, обрушившейся на полуют, наделала бед – неслышно лопнул штаг, унесясь черной змеей, и мачта с треском, резким, как выстрел, сломалась посередине. Вынырнув из пены, Сухов увидел очумелого Котяна, вцепившегося в рулевое весло, и только потом разглядел Пончика, барахтавшегося шагах в двадцати от борта, по шею в кипящем море. Недолго думая, Олег накинул на себя петлю фала, схватил спасательный бурдюк и прыгнул в шумящую пучину.

Природа будто взбесилась – визжащие ветра срывали с волн брызги и швыряли их, рассеивая в пыль. Волны налетали друг на друга, сталкивались, дробили свой накат, опадали, проваливались, кружась водоворотами, и снова вставали чередой, поднимая и обваливая грохочущие навесы вспененных гребней.

Олег доплыл до Пончика и натянул ему на голову спасательный мех, надутый «колбасой» и свернутый кольцом.

– Суй руки! – крикнул Сухов.

– Да я так...

– Суй, сказал!

Шурик просунул руку в круг, загреб и пропустил другую.

– Во! Поплыли!

Но нет, так просто изо всей этой свистопляски не вырваться, не пересилить чудовищную и равнодушную мощь моря! Фал вдруг резко натянулся и сразу ослаб, Пончика и Олега раздернуло, а продолговатое, мокро-блестящее тело скедии стало быстро удаляться.

Зло отфыркиваясь, Сухов распутал оборванный фал и сбросил его с себя. Пончик, поднятый на гребень, скатился как по горке.

– Вода холодная! – проорал он.

– Ничего! – крикнул Олег. – Не зима!

Водичка бодрила так, что глаза на лоб лезли.

– Понт какой-то беспонтовый! – провопил Пончик, отплевываясь. – Я видел, наши вроде заворачивают!

– Ты гребь, гребь давай!

«Сокол» опасно развернулся бортом к волне, его сильно накренило, но кормщик вырулил-таки, и корабль выровнялся, стал клевать воду носом, взметывая брызги.

– Вижу бревно! – донесся до слуха Олега крик Пончика.

– Это мачта! Хватайся!

Полупритопленный ствол с обмоткой из тугого каната здорово помог Сухову. Намокшая одежда стесняла движения и тянула вниз, а холод отбирал все силы.

Скедия неожиданно приблизилась, ее штевень стукнул по мачте, разворачивая ее. «Щас как шмякнет о борт!» – мелькнуло у Олега. Вслух он крикнул:

– Держись!

Мокрый, блестящий борт «Сокола» наехал дощатой стеной, и тут сверху протянулись крепкие руки друзей.

– Хватайся! – проревел Турберн.

Олег подпихнул Пончика, тот вцепился и полез наверх. Волна резко отнесла Олега от борта и бросила на него. Сухов извернулся, спружинив ногами. Схватился за планширь и

вскарабкался на борт.

– Ну вот! – сипел Пончик, кутаясь в кошму. – Хоть искупался напоследок... А то как это – на море был и не поплавал!

– Ветер стихает! – громко сказал Ивор.

– А толку? – уныло сказал Боевой Клык, щупая огрызок сломавшейся мачты.

– С-справимся... – выдавил Олег.

К ночи ветер стих совершенно, воды улеглись, разгладились влажным зеркалом, но небо прояснело лишь к утру. Так что определиться по звездам, куда их занесло, не получилось. Работу навигатора исполнил Пончик – на восходе солнца он протер глаза и обнаружил землю по левому борту.

– Остров! – заголосил он.

Тут уж все пробудились. Зевая и расчесывая дыбом вставшие космы, Боевой Клык тут же сделал привязку к местности:

– Левка!

* * *

«...Есть в Эвксинском Понте против устьев Истра посвященный Ахиллу остров, называемый Левкой и имеющий в окружности двадцать стадий; он весь покрыт густым лесом и наполнен дикими и ручными животными; на нем находится храм Ахилла с его статуей». Так о Левке говорил Павсаний в своем «Описании Эллады». Весь античный мир знал Левку – остров был местом погребения Ахилла, здесь же якобы находился один из входов в преисподнюю. На нем никогда никто не жил, единственной постройкой на Левке был Ахиллесов храм, а единственными обитателями – жрецы этого храма, порою устраивавшие поминальные игры. К шестому веку жрецов извели христиане.

При северо-восточных ветрах остров был отрезан от мира: его западный и южный берега обрывисты, а в остальных местах якоря переставали держать дно.

– К берегу! – повеселел Инегельд.

Осторожно обойдя гряду рифов, скедия подошла к северному берегу острова и бросила якорь. Еще три скедии уже толклись у берега. На пляжах, занесенных водорослями, возжигались костры, а с моря подходил последний корабль флотилии.

– Слава богам, – бодро высказался Клык, – все живы! Так, расходимся и ищем дерево для мачты! Турберн, останься, надо планширь менять. Видал, как мачта долбанула?..

* * *

Тропинка вывела Олега на довольно широкую песчаную дорожку. С обеих сторон на нее напирали разросшиеся кусты – словно толпа встречающих, машущих флажками. За кустами поднимался молодой еще лес – прилизанные веретена кипарисов перемежались с платанами и лохматыми туями. Слабый ветерок задувал с юга, донося запах тимьяна, перебиваемый ароматом гниющих водорослей.

Как-то сразу кипарисы поредели, словно шторы раздернулись, и открылась широкая поляна. Олег остановился. Прямо перед ним, на мощном стилобате из крупных известняковых блоков, поднимая фронтоны на стройных каннелюрованных колоннах, гордо высился храм Ахилла. Торжественный и строгий, открытый ветру, осиянный солнцем, периптер словно парил в лучезарном воздухе.

– Ух, ты! – раздался глас вездесущего Пончика. – А статуя там есть?

– Да виднеется что-то... – ответил Ивор, из-под руки оглядывавший храм.

– Давай глянем!

Олег отстал ото всех. Он хотел сначала обойти периптер – сделать круг по холодным плитам, то попадая в тень колонн, то выходя из нее, – и чтобы рукой касаться скульптурного фриза на стене, когда-то окрашенного в яркие синие, красные, коричневые тона.

Лишь обойдя храм вокруг, Олег миновал две колонны на входе в пронаос и окунулся в прохладную тень, как вчера в воду. Огромная статуя «быстроногого Ахиллеса» представилась ему во всей своей красе. В древности она была, по эллинскому обычаю, раскрашена как человеческое тело (там, где могучие члены героя не прикрывали латы, испещренные серебром), и Ахиллес выглядел как живой – замерли в экстазе рельефные мышцы, грозно сошлись брови. Казалось, мощный воин завидел врага и выпрямился, готовый обнажить меч... Десница его, бугрящаяся силой, стискивала длиннотенное копье, ясень пелионский. Шуйца придерживала у ног щит, огромный и крепкий. Блестящий шлем с золотым коневласым гребнем венчал главу Пелида, уминая русые кудри. Странно, но следов от христианских кувалд почти не было, только пара глубоких щербин портила левую ногу статуи.

Погладив гладкий мрамор там, где облез крашеный воск, Олег удалился. Неугомонные эллины добрались до этого, не шибко ласкового острова, до Ольвии, и положили край Ойкумене, севернее которого лишь орды варваров кочевали, вставали темные леса и бурлили глубокие реки. Там не было дорог, терм, библиотек, там люди строили себе землянки, мало отличимые от звериных нор, там мрак ночной могли осветить лишь редкие костры охотников, а зимой ложились глубокие снега, погружая природу в оцепенение на долгие полгода. Однако именно оттуда вышли скедии. Именно там начинается свой разворот могучая сила, зачиная великую Русь.

– Олег, ты идешь? – провопил Пончик за стенами храма.

– Иду...

Умельцы со скедии «Сокол» уже сыскали подходящего размера кипарис, обкорнали его и тулили на место сломанной мачты. Турберн, ворча, достал из заначки кожаные канаты – их вырезали из толстенной шкуры моржа непрерывной спиралью, от загривка к хвосту. «Моржовыми» снастями укрепили новую мачту, растянув ее штагами и вантами, и к вечеру подняли парус.

На ночь глядя скедии отплыли от острова, ловя попутный ветер.

* * *

Всю дорогу до ромейских берегов Инегельд подозрительно прислушивался и приглядывался к новой мачте, но дерево вело себя стойко, не гнулось, не трещало, не поддавалось ветру. И светлый князь понемногу успокоился.

Скедии шли напрямую к югу, забирая чуток к востоку, чтобы поточнее выйти к Босфору. Ночью шли по звездам, днем справлялись по «солнечной доске», вычисляя, какую долготу одолели.

И вот затемнела земля на горизонте, всхолмилась зубчатой полоскою.

Скедии совсем немного прошли на восток, и им открылся Босфор. Берега казались безлюдными, один лишь маяк виднелся на высоком холме – шестигранная призма из кирпича с опаленным верхом. Зато все вокруг радовало глаз буйством красок – склоны пышно зеленели, скатываясь к голубым водам, а надо всем опрокинут был лазурный свод небес.

– Лепота! – благодушно проворчал Клык, щурясь на солнце. – Лепота!

Ощутимое течение подхватило скедии и втащило в Босфор, а недолгое время спустя варяги вышли к стенам Миклагарда-Константинополя, «отца городов» и «ока вселенной».

За рамкой мощных стен и башен террасами поднимались дома его, дворцы и церкви, сверкая белым мрамором, отсвечивая красной черепицей с семи холмов Босфорского мыса, утопая в зелени садов и кипарисовых рощ. И все, что удавалось рассмотреть с палуб кораблей, было велико и обильно. А точкой наивысшего подъема, неким средоточием чудес и диковин, Олегу представился купол храма Святой Софии. Он казался огромным даже на расстоянии, но не подавлял – парил над садами и парками, над Священными палатами императорского дворца, над галереями Ипподрома, надо всем великолепным Городом.

– Лепота... – прошептал Сухов.

Черный дромон, взблескивая двумя рядами весел, приблизился к скедиям, скользя по индиговым разливам волн, и уже не отставал, сопровождая «вероятного противника», пока варяги не свернули в удобнейший залив Суд – еще одно название Золотому Рогу.

Справа глыбились башни Галаты и Перы, слева тянулась старая линия обороны – стена Юстиниана, часто утыканная мощными вежами. Весь берег у ее подножия был застроен амбарами и складами, на верфях топырились костяки недостроенных судов, кузницы гремели и звенели, проковывая горячие железа, над коптильнями вился сизый дымок. Сохли, трепыхаясь на ветру, рыбачьи сети. У гранитных причалов покачивались грузовые двухмачтовые хеландии и крутобокие селандеры, несуразные фризские когги и распластанные галеи. В порту поднимала шум толпа отъезжающих и провожающих, купцов и капитанов-навклиров. Шастали юркие коммеркиарии, высматривая, со всех ли взято мыто. Важно шествовали особы духовного звания. Тяжело печатали шаг стражи порядка. Скрипели и визжали на все лады подъемные краны-полиспасты, вынимая из трюмов кипы мешков и перенося их на сухое место.

Мычали волю, кричали верблюды, ржали кони, но все шумы покрывал сдержанный гул огромного города, перехлестывавший через стену Юстиниана.

Скедии проследовали по всему Золотому Рогу, доплыв до моста Каллиника, что напротив башни Анемы и Деревянных ворот. Здесь воспрепятствовать штурму извне могла лишь стена Ираклия. Она хоть и была укреплена двумя десятками массивных башен, но имелась в единственном числе, не то что тройная линия Феодосия! И все равно, для того чтобы назвать стену Ираклия слабым местом обороны Константинополя, надо было обладать большим излишком самомнения.

За стеною красовался круглый Влахернский дворец, а подальше высился Семибашенный замок, своего рода цитадель, что-то наподобие будущей парижской Бастилии.

«Сокол» с остальными кораблями варягов прошел в самый конец Золотого Рога, в тихую гавань, принадлежавшую монастырю Мамантис Августа, названного так в честь великомученика Маманда. Монастырь располагался в уютном предместье, среди садов и виноградников. Именно здесь полагалось пребывать русским купцам и послам. Надо сказать, русы любили сей дворец и ласково называли свое обиталище «Святой Мамой».

На причале варягов-варангов уже поджидали босоногие оборванцы-поденщики, зовомые мистиями, а за ними важничали надутые чиновники, лигитарии и коммеркиарии.

Брошенные со скедий швартовы были моментально приняты мистиями, за что Турберн одарил их медяками, а с коммеркиариями пришлось рассчитываться серебряными милиарисиями⁵⁵. Приняв серебро, коммеркиарий выдал варягам целый пучок свинцовых печатей – своеобразных квитанций в уплату за право причаливания, за право разгрузки, за использование казенной пристани, за использование императорских складов для хранения корабельных снастей, за право стоянки на рейде...

– Удивляюсь я с них, – сердито ворчал Боевой Клык. – И как это они не додумались еще плату брать за право ношения бород!

– Или за право глубоко дышать! – подхватил Железнобокий.

– Если дышишь через раз, – вставил Олег, – тебе сразу скидка...

Варяги захохотали, проталкиваясь к портикам «Святой Мамы».

На ступенях у входа в резиденцию их встречал надменный магистр – весь в белом, с украшенной перевязью-баптидионом на оба плеча. Это был мужчина лет тридцати, довольно высокий для ромея, с бледным лицом, оттененным черной ухоженной бородкой. Его тонкий хрящеватый нос портили широковатые ноздри, а густые брови, почти сросшиеся на переносице, гасили блеск черных глаз, то ли злых, то ли просто суровых. Впалые щеки

⁵⁵ 1 литра золота – это 72 номисмы, золотые монеты в 4,5 г. В одной номисме – 12 серебряных милиарисиев. В 1 милиарисии – 12 медных фоллов.

придавали магистру видимость аскета, борца за веру, но тщательно причесанные и напомаженные волосы исправляли обманчивое впечатление.

Он любезно поприветствовал варягов на ломаном русском и осведомился о цели их прибытия.

Инегельд приосанился, и пробасил:

– Я и мои люди желаем послужить базилевсу ромеев!

Магистр оглядел строй русских воинов – один к одному! – поклонился в ответ и сказал:

– Мы будем рады принять на службу храбрых варангов. Меня зовут Евсевий Вотаниат, пока будете подчиняться мне, так же как я подчиняюсь великому логофету⁵⁶. Сегодня переночуете здесь, а с завтрашнего дня вы будете размещены в Доме Варвара – это в регеоне Аркадианы, рядом с форумом Аркадия, и перейдете под командование этериарха... Условимся об оплате ваших трудов... По истечении года ваш предводитель получит десять литр золота, полусотники – шесть литр, воины – по три литры...

– Согласные мы, – небрежно молвил Боевой Клык. – А делать что?

– Для начала мы должны убедиться в вашей верности Наивеличайшему, – вкрадчиво сказал магистр. – Поэтому первые дни будете нести охранение снаружи – у входа во дворец, у выходов в парк, на Ипподром, во храм. Если же твои люди, варанг, будут смиренны, если мы не заметим их в пьянстве и буйностях, то вам доверят охрану опочивальни базилевса, личных покоев императрицы, дворца великого логофета и Золотой палаты. Вам также будет вменено в обязанность сопровождать повсюду Его Величество во время всех его выездов за пределы Священных палат. И хочу сразу предупредить, варанг, – голос Вотаниата стал жестким, а взгляд – колючим. – У нас не любят вражеских согладатаев!

Инегельд и глазом не моргнул, обиженно соврав:

– Мы сюда не на разведкуплыли, а только деньжат подзаработать на службе базилевсу!

– Я просто хочу предупредить, – тонко улыбнулся магистр и принялся смаковать: – Если кто попадется на подглядывании и подслушивании, то такому человеку сперва выкалывают глаза, потом отрезают уши, отрубают руки, а после этих неприятных процедур его прилюдно сжигают в чреве медного быка!

– Приятного мало, – равнодушно согласился Клык.

– Надеюсь, вы все поняли и мы сошлись в цене?

– Мы послужим, – утвердительно склонил косматую голову Инегельд.

– Тогда завтра с утра будьте готовы – вас отведут во дворец.

– Да хоть щас... – буркнул Клык.

* * *

Варяги разошлись по монастырю-резиденции, занимая свободные помещения, кидая по углам нехитрый скарб, бережно укладывая щиты, оружие и брони.

Олег выбрал маленькую комнатку, единственное окно которой глядело со второго этажа на Золотой Рог, и решил обосноваться тут. Пончик приволок свои душистые снадобья туда же.

– Как в общаге! – жизнерадостно сказал он, пихая под кровать короб с Каваном – хорт спал, повизгивая во сне и дрыгая лапой – догонял кого-то. Разложив туеса с зельями и чистыми холстинами, Шурик сел на прочный лежак с ременной сеткой и попрыгал. – А ничего так... Мягко. Слышь, Олег...

– Мм? – отозвался Сухов, раздумывавший о близости регеона Арториан.

– Надо что-то делать с Кириллом.

– А что с ним делать? – удивился Олег.

– Да он все еще здесь толчется! Идти боится домой. Представляешь? – Пончик похоже

⁵⁶ Великий логофет – главный министр.

передразнил ромея: – «А вдруг Мария жамужем?»

– Вот балбесина! Пошли.

– Ага!

Вдвоем они спустились вниз, в круглый общий зал с кольцевой колоннадой у стен, и сразу наткнулись на Кирилла.

– Ты еще здесь? – напустился на него Олег.

– Здешш... – понурился ромей.

– Так, ладно. Где твой дом? Далеко отсюда?

– Да нет, рядом... На улице Паммакаристи.

– Пошли! – решительно сказал Сухов.

– Куда? – испугался Кирилл.

– К тебе в гости!

– А...

– Бэ! Веди давай!

И ромей послушно повел – мимо стен монастыря, мимо маленького садика, украшенного старинной колонной с коринфской капителью, мимо приземистых складов, вросших в землю, мимо ротонды, исписанной каракулями на вечную тему «А + В = Л», прямо к маленькому, бедному домику. На белом заборе из ракушечника была нарисована спираль и большая буква «ипсилон», а по обе стороны от калитки росли одинокий кипарис и древняя олива, способная давать лишь тень.

– Ждешш! – измолвил Кирилл, задыхаясь, и указал на калитку в заборе. Сбоку от входа из стены торчал бронзовый держак для факела.

– Ну так стучи! – нетерпеливо сказал Олег.

– Боюшш! – отчаянно проговорил Кирилл. – Четыре года! Вдруг она жамужем?!

– Стучи, – спокойно приказал Олег, – и узнаешь. Выбрал свободу? Тогда и правды держись! Все лучше, чем мучиться незнанием. Стучи!

Кирилл робко постучал. Потом посильнее забрякал. Глухо заскрипела дверь, и женский голос, высокий и тонкий, спросил с испугом:

– Кто там?

– Это я... – едва промолвил Кирилл, закашлялся и сказал глухо: – Я это, Мария... Мария!

За калиткой охнули, что-то упало и покатилося с дребезгом. Загремел засов, и калитка распахнулась. На пороге остановилась маленькая, худенькая женщина. Неуверенно шагнула, еще не веря, но более всего желая уверовать.

– Кирилл... – застонала она.

– Я это... – бестолково бормотал Кирилл, то ли вздыхая, то ли всхлипывая. – Я...

Женские глаза блестели слезами и ничего не видели, но руки гладили родное лицо и узнавали. Разлученные обнялись. Они крепко, до судорог, цеплялись друг за друга, словно боясь, что их растащат. Мария плакала тихонько, Кирилл сопел и морщился от жгучей влаги, стекавшей по щекам. Двое никого не замечали, и никто им не был нужен.

– Ну, мы пошли... – деликатно пробормотал Олег.

Ромей оглянулся на Сухова – выглядел он так, словно его разбудили, не дав досмотреть хороший сон.

– Мария, – сказал Кирилл, – это дружья. Это они меня шпасли...

– Входите, входите! – засуетилась Мария, одной рукой вводя Кирилла, а другой маня Олега и Пончика.

Пропустив хозяина и гостей в крохотный дворик, она затворила калитку и пригласила всех в дом. Олег прошел вестибулом-прихожкой в комнату четыре шага на шесть и остановился. Маленькое оконце почти не пропускало света, зато, наверное, помогало хранить тепло очага.

– Как же ты... одна... – донесся до него счастливый и малость обеспокоенный голос Кирилла.

– А я не одна! – залилась тихим смехом Мария. – Ты же ничего-ничего не знаешь, бедненький мой! – и позвала: – Богорис! Проснись, Богорис!

Ясный детский голос спросил из тесной спаленки:

– Узе встава-ать?.. – В голосе читалось глубокое разочарование и пламенная надежда.

– Нет, родненький! Это твой папа пришел! Папа! Понимаешь?! Он вернулся!

Секундная тишина в спальне сменилась мгновенным шорохом откинутого одеяла и частым шлепаньем босых ног. Мария зажгла масляную лампу – руки ее дрожали – и в мерцающем свете на пороге показался херувимчик, каким его изображают на иконах – кудрявенький, пухленький, глазастенький, а личико... Если Кириллову душу и омрачали тени сомнений, то, стоило хоть раз посмотреть на маленького Богориса, чтобы понять: он – отец ребенка. Копия – папа!

– Шынок...

Кирилл стал на колени, чтобы быть вровень с ребенком, и тот недоверчиво, но надеясь, с боязнью, но радуясь, бросился отцу на шею и положил ему голову на плечо. Вряд ли дитя сознавало родство, но все вокруг так улыбались, а мама просто цвела, что Богорис послушно дал себя обнять и сам облапил большого доброго человека, который смешно шепелявил, совсем как соседская Ксенька...

Олег подергал Пончика за рукав, и они бесшумно покинули дом – не стоило мешать счастью двоих, каждый из которых неожиданно обрел третьего. Впрочем, Кирилл вернул в свою жизнь сразу двоих – и жену, которую любил, и сына, о рождении коего даже не догадывался.

Сухов на цыпочках вышел на улицу, а Пончик аккуратно прикрыл калитку. Лицо у Шуры было расстроенным.

– Чару вспомнил? – хмуро спросил Олег.

Пончик длинно и тоскливо вздохнул.

– Б...ское время! – выразился Сухов, и Пончев с ним согласился.

Глава 15, в которой над Олегом совершают таинство, а после бросают в тюрьму

Рано утром, когда солнце едва показалось за волнистой линией холмов на том берегу Босфора, щетинистой от кипарисов, трубач Стемид сыграл «подъем».

Олег потянулся как следует, покряхтел, позевал и стал одеваться.

Встрепанный Пончик сел и пробормотал спросонья:

– Князь велел приодеться в лучшее...

– Типа, «знай наших!»? Ух и вырядимся... Где тут моя парадная форма?..

Олег порылся в кожаной сумке и достал оттуда портки из мягкого льна, заменители «семейных» трусов. Надел, подвязал шнурком-гашником. Сверху – шелковую рубаху, кожаные штаны с расшитыми лампасами. Обмотал ступни «дембельскими» портянками из рытого бархату, обул мягкие юфтевые сапоги. Подпоясался, сунул в ножны акуфий – длинный и тонкий меч, похожий на клюв цапли. Такой клинок хорошо пробивал кольчужные доспехи.

– Плащи будем надевать? – поинтересовался Пончик.

– Давай... Для пущей важности!

Сухов накинул на плечи плащ-кису голубого «мушкетерского» цвета и застегнул его на плече золотой запоной. Готов к труду и обороне.

– Тебе бы еще шляпу с перьями, – сказал Пончик, – и вылитый Атос!

– Сейчас ты у меня договоришься... Пошли?

– Пошли! Сидеть, Каван!

В трапезной монастыря уже сидела половина гриди, уминая яства, поданные к аристону, первой трапезе дня. Остальное воинство решило как следует «прибарахлиться».

Олег не был голоден, но горсть фиников слопал.

Нервное возбуждение не покидало его – Елена была совсем рядом, очень близко от него. Он томился, ждал и надеялся, подгоняя неспешный ход времени.

– Будь спокоен, Ивор, – гулко раскатился голос Малютки Свена, – все девки – наши!

Сухов оглянулся на входящих. Пожиратель Смерти оделся скромно, без спецэффектов, разве что куртка его поражала обилием бисера и мелкого речного жемчуга, нашитого узорами в «зверином стиле». Зато Свен сиял и переливался – красные сапоги с желтыми нашивками, темно-изумрудные шаровары с напуском, огненно-алая рубаха и плащ сочного мандаринового колеру. Даже ножны, и те были из зеленого сафьяна с накладками из серебра, изображавшими звезды и луну.

– Ну, как я вам? – гордо осведомился Малютка Свен.

– Ты у нас самый яркий сегодня, – серьезно сказал Олег. – Пойдешь впереди, как знамя.

– А то!

Проводить варягов до места службы было поручено этериарху Елпидифору, огромному македонцу с голубыми младенческими глазами. Этериарх тоже разodelся в пух и прах. Он был в длинной красной рубахе-скарамангии, подпоясанной золотым ремнем, в наброшенном на плечи черном плаще-хламиде с вышитым на левом поле золотым орлом и украшенном серебряными бубенцами. Увесистая цепь из драгметаллов на шее и черная обувь с золотым шитьем довершали его одеяние, которому Малютка Свен сразу стал люто завидовать.

– Ну, здравы будьте, – поздоровался Елпидифор хриплым басом. – Десять лет подряд я набираю варангов, так что было время выучить вашу речь. Я – этериарх, то бишь командир этерии. Есть этерия великая, в ней служат мои соотечественники-македонцы. Есть этерия малая, для хазар, пачанакитов и арабов-христиан. А вы все будете в этерии средней, которая из наемников состоит, то бишь из варангов, ибо кого попало базилевс не нанимает... Уяснили?

– Да уж, поняли кой-чего, – проворчал князь Инегельд.

– Тогда собирайте свои манатки, и я проведу вас.

– Во дворец к базилевсу? – загорелся Малютка Свен.

– Сначала в Дом Варвара, а потом во дворец.

– Все собраны? – зычно спросил Боевой Клык.

– Все! – хором ответила гридь.

– Тогда пошли!

И гридь зашагала за развалисто шествующим этериархом.

На перекрестке варягам встретила погребальная процессия – несметная толпа слуг и рабов с масляными светильниками и зажженными свечами в руках заполонила всю улицу, шагая за гробом какого-то сановника. Попы молились, хор певцов возносил псалмы, а родные и близкие усопшего причитали, стенали, по-всякому выражая горе, хотя искренние слезы лила лишь одна пожилая женщина. Видимо, мать.

У моста Каллиника случилась заминка – муниципальные стражники требовали плату. Недовольно морщась, этериарх передал мзду и повел варягов к городским воротам. Причем ближайшие из них он миновал, видимо следуя данным ему указаниям – провести варангов по центральной улице Константинополя, дабы устроить и унижить диких варваров богатством и блеском столицы империи.

Олег с уважением оглядел западную линию обороны города – стену Феодосия. От Мраморного моря до Золотого Рога тянулся обложенный камнем ров шириной в пятьдесят локтей, полный воды. За ним поднималась зубчатая стена из отличного кирпича. За первую стеной вздымался второй ряд стен и башен высотой с пятиэтажный дом. А дальше вставала третья стена с башнями вдвое выше второй.

– Да-а... – задумчиво протянул Инегельд. – Возьми такую, попробуй... Твердыня!

Вопреки ожиданиям Сухова, этериарх не повел варягов к парадным воротам – идти до них было далеко, а направил стопы к тем, что поближе, – Малым золотым, предназначенным для простолудинов.

Стража приветствовала Елпидифора, одновременно разглядывая пополнение средней

этерии. Взгляды были хмурые (наемникам с севера хорошо платили), но и опасливые – часовые сравнивали свои силы с возможностями чужаков и скрепя сердце отдавали первенство варангам.

Войдя под широкий, сводчатый портал, варанги по очереди миновали все три стены, с севера обошли Пентапиргий – Семибашенный замок – и выбрались на роскошную Месу – Среднюю, главную улицу Константинополя. По обе стороны улицы тянулись колоннады портиков, защищавших прохожих от дождя и солнца. Колонны были толстые и тонкие, круглые, квадратные и граненые, из мрамора всех цветов и оттенков – черного хиосского, белейшего каррарского, желтоватого нумидийского, розового, зеленого, золотистого, красного с прожилками...

Олег шел и наслаждался – самым ощущением города, большого застроенного пространства, где по мощеным улицам бродят тысячные толпы, а глазу есть на что посмотреть со вкусом.

– Наконец-то я в настоящем городе, – вздохнул Пончик. – Тебе хорошо, а я все пять лет ничего не видел, кроме избушек и леса. Чуть не подхватил идиотизм деревенской жизни!

Варанги шагали мимо громадной мраморной цистерны Аспара, куда можно было влить целое озеро воды, мимо величественных храмов с белыми куполами, мимо розовых дворцов под крышами из позолоченной бронзы, мимо кипарисовых рощ, выше которых вздымались в два яруса аркады водопровода Валента, и очутились возле старой стены Константина, перегородившей город поперек.

Тут этериарх круто свернул и зашагал вправо, держась мощной кладки.

– Сначала я проведу вас к Дому Варвара, – объяснил Елпидифор, – покажу, где станете на постой... Кстати! – сказал он, оживляясь. – Здесь, рядом, обитают блудницы. Целая улица заселена женщинами, искушенными во грехе! Когда у вас заведутся монеты, приходите сюда и получите любую утеху, на выбор. Мой совет – будьте разборчивей, ибо девки бывают разные. Есть педаны, эти самые дешевые. Узнать их легко, они сами будут к вам приставать на улице. Бывают квазиллярии – это бедные служанки, живущие неподалеку и готовые продать себя за пару медных фоллов. Попадают еще копы, девицы из винных лавок, споят любого... Перегрины – это иностранки, пламенные сарацинки или пришельцы из запонтийских степей. Сальтатрисы и фидицины обслуживают мужчину по высшему разряду, одновременно играя на флейте и отплясывая страстный танец...

– Не-е... – выразился Малютка Свен, качая головой. – Зачем мне ее флейта? У меня и своя есть...

Варанги гулко расхохотались, и Турберн спросил заинтересованно:

– А еще кто тут водится?

– Еще? Люпинарии водятся, то бишь «волчицы», – охотно ответил Елпидифор. – Они занимают комнаты во вполне приличных домах. Заходишь туда и стучишься. Если на дверях висит табличка «окупато», значит, занято, ищи ту «волчицу», которая свободна. Да тут даже саги селятся, безобразные старухи из бывших проституток. Они продают любовные зелья, делают привороты... Да и сводни они известные. А вот те красивые дома принадлежат фамозам – куртизанкам высшего сорта, но вам туда дороги нет.

– Это еще почему? – обиженно спросил Малютка Свен.

– Фамоза не примет иностранца без должной рекомендации, к тому же услуги у нее страшно дороги. Рядовой варанг будет получать на службе у базилевса примерно восемнадцать номисм в месяц, а фамоза за одну ночь берет сто золотых монет!

– На фиг нужна такая... – проворчал впечатленный Свен.

– Вот именно, – поддержал его Елпидифор. – Но сразу за домами фамоз проживают деликаты, прекрасные девушки, берущие куда меньше фамоз. Зато куда более свежие и искусные в любовных делах. О, смотрите!

В окне дома напротив показалась молодая женщина со светлыми волосами, уложенными в высокую прическу. Она улыбалась и, словно от нечего делать, помахивала миртовой веточкой – знаком Афродиты.

– Зазывает... – вздохнул Елпидифор и заторопил гридней: – Пошли, пошли!

Варягов, приученных грести всю ночь, если надо, или бежать по лесу с вечера до утра, прогулка по городу не утомила, и вскоре они вышли на обширную прямоугольную площадь – форум Аркадия. Посередине форума возвышалась огромная колонна-башня, обвитая по спирали лентой мраморного барельефа, прославляющего подвиги Аркадия, которому отец его, Феодосий, выделил Восточную Римскую империю. Позолоченная статуя императора Аркадия торчала на верхушке колонны.

– Тут тоже Меса, – объявил Елпидифор. – Эта ее ветвь тянется от Золотых ворот и Студийского монастыря, а та, по которой мы шли, вела к церкви Апостолов. На форуме Тавра они сольются...

Варанги шли и дивились – поперек мостовой были расстелены ковры всех расцветок, и по ним шагали лошади, верблюды, ослы.

– Дураки какие-то, – недоумевал Свен. – Они же их запачкают!

– Зато сделают мягче, – сказал бывалый Турберн.

Рытый бархат, блистающие шелка, златотканая парча, узорчатая шерсть лежали тюками и кипами прямо на земле у дверей полутемных лавок, скрытых в тени портиков. Гридни шагали мимо столов менял, заваленных грудями золотых и серебряных монет, ловили «зайчики», пущенные ожерельями из окон мастерских ювелиров-аргиропратов, заинтересованно осматривали изделия оружейников – мечи, щиты, шлемы, разукрашенные чернью, золотой и серебряной насечкой.

– Пришли! – сказал Елпидифор, указывая на большой дом с колоннами и тонкими башенками по углам, стоявший в глубине двора, засаженного кипарисами.

– Это и есть Дом Варвара? – уточнил Олег.

– Он! – утвердительно кивнул этериарх.

– Недурно у вас варвары устроились...

Пройдя в дом, вернее будет сказать – во дворец, Елпидифор скомандовал:

– Брони, щиты, оружие оставляйте здесь.

– А не сопрут? – подозрительно спросил Ивор.

– Пока вас тут нет, охрану Дома несут мои люди, – успокоил его этериарх. – А если что и пропадет, то вам вернут стоимость потери в десятикратном размере.

– А, ну тогда пускай тащат, – удовлетворился Свен.

– С собой можете взять мечи, с остальным оружием будете являться только для охраны Палатия.

– Палатий – это дворец базилевса? – уточнил Инегельд, чувствующий себя не в своей тарелке.

– Именно. Готовы? Пойдемте!

Не присев даже, не осмотрев покои, где им предстояло стоять на постое, варяги двинулись дальше – осматривать достопримечательности и делать зарубки на память.

* * *

Отряд варягов пересек окруженную колоннадой прямоугольную площадь Тавра, в центре которой стояла громадная статуя быка, откованная из меди. Объемистое тулово было пусто внутри, а в правом боку имелось широкое и длинное отверстие, закрытое искусно подогнанной крышкой, повторяющей изгибы и бугры чудовищных мышц. Издали щель этого люка была незаметна, да и выступы тяжелых петель не бросались в глаза.

– Вот в этом молохе и казнят шпионов, – жестом гида протянул руку Елпидифор, указывая на медное изваяние. – Разводят под ним огонь, раздувают его кузнечными мехами, а когда медь раскалится как следует, преступника швыряют внутрь и длинными крюками запирают крышку. Утром после казни копоть на медном брюхе счищают, а изжаренные останки бросают псам...

– Мы прониклись, – сказал Олег.

И отряд двинулся дальше. С непривычки Сухов утомился – не физически, морально. После однообразия леса, степи и моря слишком много навалилось всяких чудес, чтобы голова могла их вместить. И он уже не обращал особого внимания на архитектурные излишества Филадельфии и Аргиропратия, лишь на форуме Константина встрепенулся – где-то неподалеку проживала Елена...

И вот варяги вышли на площадь Августеон. Олег остановился и поднял голову, уместая в поле зрения колоссальный храм Святой Софии.

Снаружи храм казался странным и неуклюжим нагромождением форм округлых и коробчатых, вознесенных торовидно и увенчанных плоским куполом.

Прямо на улице отливали свечи свечники, не обращая внимания на запреты градоначальника-эпарха, а за высокой оградой прятался прямоугольный мощеный двор храма, где раскрывался бассейн, вырезанный из зеленоватой яшмы, вокруг которого хороводили полуголые юродивые, грязные до безобразия, и попрошайки-нищие.

Девять бронзовых дверей вели со двора в самый большой зал на земле, но варягу-язычнику вход туда был закрыт.

Олег поджал губы и осмотрелся. Справа от него расположился Ипподром, над крытой галереей, окружавшей его, возвышалась кафизма – императорская ложа. Над нею замерла четверка коней, неукротимый бег которых запечатлел в бронзе великий Лисипп. Слева, на возвышенности, строго серело здание Сената, спуская к площади ступени длинной лестницы и поднимая строй желобчатых колонн.

– Олег! – послышался голос Пончика. – Догоняй!

Сухов встряхнулся и убыстрил шаги, небрежно огибая суетливых прохожих.

Священные палаты отгородились от города высокой стеной, выходя на форум Августеон мраморным вестибюлем Халкой, куда вели тяжелые кованые ворота с медной иконой Христа Спасителя, потемневшей от времени.

Пончик подобрался к Олегу и прошептал:

– Если бунтовщиков не остановит икона, то помогут ворота!

– Угу...

Бронзовый вызолоченный купол вестибюля поддерживался четырьмя арками, своды переливались яркими мозаиками, пол был выложен дорогими сортами мрамора, а в его центре выделялась вмурованная плита из порфира, на которую имел право становиться один лишь государь.

Заведя варягов за ворота, Елпидифор торжественно сказал:

– Это Главные ворота дворца. Есть еще ворота Святого Стефана, ворота Гормизды – южный вход на дворцовую территорию, и Водные ворота – с запада, на берегу Пропонтиса. И еще один выход – на Ипподром, но туда вы попадете не сразу... Следуйте за мной!

Этериарх повернулся и вышел в купольный зал с полом из фиолетового и желтого мрамора. Панели стен тоже были выложены цветным камнем, а под куполом помещались мозаичные картины, изображающие Юстиниана и базилису Феодору, пухлощеких царедворцев и полководца Велизария, любовника базилисы.

Двухстворчатая бронзовая дверь открылась прямо на зеленую лужайку со статуями, искусно подрезанными деревьями, цветниками и фонтанами. Неподалеку громоздилось внушительное строение, крытое бронзовой черепицей, сверкавшей на солнце. К зданию вели широкие мраморные ступени, на которых застыли гвардейцы-экскувиты в белых туниках и золотых шлемах с красными перьями. На их позолоченных щитах сплетались буквы, складываясь в заветное сочетание: «Иисус Христос».

– Ого! – восторженно воскликнул Малютка Свен. – Какой себе дворец отгрохал ваш базилевс!

Елпидифор снисходительно усмехнулся.

– Это не дворец, – сказал он, – это всего лишь казарма для почетной стражи.

– Понял? – добавил Олег, чтобы сбить спесь с ромея. – Эти петухи – для почета, а мы – для стражи.

Этериарх насупился и сделал жест рукой – топайте, мол, а то разговорились не по делу...

Варяги потопали по крытой галерее, пока не дошли до трех дверей, выложенных слоновой костью. Двери вели в первый тронный зал. Пол зала перед золотым тронном был устлан драгоценными коврами.

– Здесь во дни больших праздников, – объяснил этериарх с придыханием, – базилевс принимает поздравления...

– И для этого – целый зал?! – изумился Инегельд.

– Да! – ответил Елпидифор, не скрывая торжества.

Когда этериарх провел гридней в Золотую палату, Олег совершенно отупел от впечатлений. Дворец никак не мог кончиться. Пятнадцать внутренних дворов, десять галерей, две термы, три трапезные, четыре церкви, десяток роскошных покоев, парки, склады, гавань, висячие и подземные переходы – все это был один Палатий, город в городе, где жили и служили десять тысяч человек – конюшие, телохранители, кухари, стражники, священники, прислужники и сановники всех мастей. Прощения принимали референдарии, письмами ведали нотариусы, хартуларии отмечали повышение по службе придворных чинов...

Купол Золотой палаты опирался на восемь полукуполов, венчавших восемь ниш, расходившихся во все стороны подобно лепесткам цветка. Двери у этого зала были отлиты из серебра, а мозаики блестели на золотом фоне.

Этериарх отпахнул массивную завесу из золотой парчи, вышитую черными орлами в зеленых кругах, в симметричном порядке перемежающихся с красными крестами, и показал варягам золотой трон базилевса.

Перед тронном «росло» золоченое дерево, ветви его кишели золотыми птицами, а по обе стороны от трона возлежали позолоченные львы в натуральную величину.

– Когда на тронном восседает Его Величество, – негромко проговорил Елпидифор, – эти птицы поют на все лады, а львы рычат...

– Мм?... – утомленно промычал Инегельд, тупо уставившись перед собой.

– Завтра вы заступите на охрану всех четырех входов во дворец, – строго сказал этериарх. – Кто будет сторожить ночью, а кто днем, решите сами. Теперь пусть каждый возьмет по пропуску, без предъявления сего вас сюда не пропустят.

Елпидифор раздал варягам печати из красного воска с оттиском павлина и проводил их коротким путем до ворот Халки.

– Свободны! – бросил он и запер вход на засов.

Варяги сразу оживились, стали разбиваться на группы по интересам – кто намылился в хорошую таверну, кто в квартал Зевгмы, где тоже хватало «жриц любви», а любители попариться собрались в знаменитые бани, выстроенные еще Севером Септимием, но почему-то прозванных термами Зевксиппа.

Олег, чувствуя волнение, помахал рукой своим, и тут его остановил голос Пончика:

– Ты куда?

– Дела! – загадочно ответил Сухов.

– Какие? – не отставал Шурик.

– Личные.

– А-а... Ля фам?

– Цыц! – весело цыкнул на лекаря Олег и бодро зашагал по Месе к форуму Константина. Там он свернул направо и довольно быстро нашел церковь Святого Сампсона. Покрутился и набрел на кованую решетку запущенного парка.

Он двинулся вдоль нее, а ему навстречу шаркала постоломи седая старушенция в латаной хламиде. Сгорбившись, она качала головой, от чего седые космы мотались из стороны в сторону, и вела за собой на веревочке маленького серого ослика, везущего немудреную поклажу – две облупленные амфоры с водою.

Олег поднапрягся, припоминая ромейскую грамматику, и старательно выговорил:

– Бабушка, подскажи, где тут находится дом Елены Мелиссины?

Бабушка глянула на Олега исподлобья, не разгибая спины, и вытянула руку к решетке, ограждающей парк:

– Вот забор, – прошамкала она, – а вон дом.

– Спасибо!

– Ступай себе с богом...

Олег прибавил шагу. Недаром ему понравилась эта ограда, и малость одичавший парк!

Свернув за угол, он притормозил. Шагах в тридцати от него ограду раздвигали высокие мраморные столбы, удерживавшие решетчатые створки ворот. По одну сторону от них стоял полноватый седой мужчина, в котором Олег с радостью узнал Игнатия Фоку, а по другую топтался магистр Евсевий Вотаниат. Магистр горячился, упрашивал Игнатия, морщился досадливо, но верный спутник Елены лишь пожимал плечами и что-то бубнил равнодушным голосом.

Скривив лицо в негодующей гримасе, Евсевий сказал что-то резкое, сопровождая глаголение непристойным жестом, и зашагал прочь, Олегу навстречу.

Находясь в гневе, магистр мало что замечал. Он бормотал под нос неясные угрозы и чуть ли не шипел от бессильной злобы. Бросив недовольный взгляд на Сухова, он криво усмехнулся и процедил:

– А-а, варанг...

И стремительно удалился, шелестя тяжелыми одеждами.

– А-а, магистр... – сказал Олег вдогон, но Евсевий не расслышал, всецело погруженный в переживания.

Сухов приблизился к воротам и негромко позвал, чувствуя замирание и прочие прелести близящейся встречи:

– Игнатий!

Фока удивленно посмотрел на него и залучился в радостной улыбке узнавания:

– О, варанг!

Он быстренько отворил узорчатую калитку, и пропустил Сухова во двор. Самому особняку было никак не меньше нескольких веков. Выстроенный в типичном римском стиле, дом замыкал в себе обширные атриум и перистиль, и выходил в парк открытой галереей-виридарием.

– Елена дома? – спросил Полутроль.

– Дома, дома! От одного магистра прячется, устала она от него... А тот настырный такой... Проходи, проходи! А ты здорово по-нашему говоришь, чисто.

– Да куда там... Пары слов связать не могу. У ромея уроки брал, а у того половины зубов нету, шепелявит страшно, так что с произношением у меня проблемы...

Разговорившись от волнения, он ускорил шаг, взошел-взлетел по ступеням лестницы, охраняемой парой мраморных львов, и открыл тяжелую дубовую дверь, часто обитую полосками бронзы.

Сразу за входом ему открылся обширный вестибул, где все дышало полным спокойствием и нешуточным богатством. Стены были выложены из кирпича и покрыты великолепными фресками, колонны из белоснежного мрамора с Проконеза, из светло-зеленого – с Каристоса, из бело-красного – с Ясосу, из розового – с «ямных приисков» Фригии упирались в мозаичный пол и поддерживали расписные потолки.

Свет в помещение попадал сквозь окна, разделенные тонкими колонками, а свинцовые рамы, заделанные кругляшами мутного зеленоватого стекла, были распахнуты по случаю теплой погоды.

На второй этаж вела мраморная лестница, закрученная вполоборота.

Игнатий прикрыл за Олегом входную дверь и позвал своим высоким голосом:

– Елена! К тебе пришли!

Из покоев наверху донесся недовольный голос красавицы:

– Я же просила никого не впускать!

Мелиссина в длинной голубой столе, подпоясанной в осиной талии, вышла на галерею,

хмуря бровки. Узнав Олега, она охнула и буквально слетела с лестницы, с визгом бросилась Сухову на шею, целуя и тиская.

– Ты пришел! Ты нашел меня!

– Прощай... – просипел Олег. – Ты меня задушила...

Елена тихо засмеялась и прошептала:

– Что же ты стоишь? Неси меня! Бегом!

– Бегом нельзя, – рассудительно сказал Сухов, подхватывая женщину на руки, – а то еще уроню...

И он понес свою драгоценную ношу наверх, безошибочно найдя опочивальню, схожую с будуаром. Здесь стояла высокая посеребренная кровать с изголовьем, застеленная дорогим покрывалом, у ложа курилась амбра. Угол занимал одежный шкаф-«башенка», модный в то время у ромеев, а слева от входа поместился стол, инкрустированный слоновой костью, и парочка табуретов, вогнутых посередине.

Олег опустил Елену на ковер, чувствуя, как сводит сохнувшие губы. Женщина распустила волосы, и те упали двумя черными волнами на грудь – твердеющие соски буравили тонкую ткань.

– Помоги мне раздеться... – слова упали.

Олег помог.

* * *

Прошел час или минула эра, неважно. Когда погружение в горячие глубины закончилось и Олег малость пришел в себя, Елена легла на спину, закинув руки за голову, и томно потянулась, мягкая-мягкая, ласковая-ласковая.

Олег перевалился на бок, ощущая частые сокращения сердца и пестуя удовольствие излечившегося, – тоска и горечь разлуки отпустили его. Горький осадок воспоминаний еще саднил немного, но быстро растворялся в громаде наслаждения и тихой радости, радости покоя, убеждения от тревог и напастей.

– О чем задумался? – нежно спросила Елена.

– О душе, Аленушка.

– Але... Как-как?

– Русы имя твоё произносят как Алена. А уменьшительное от него – Аленушка.

– Красиво... Звучит как-то... пушисто!

Мелиссина радостно засмеялась и вдруг замерла, спохватившись.

– Ты сказал – о душе?

– О ней. У тебя великолепное, просто сказочное тело, но мне этого мало, я хочу владеть и душой твоей.

– Оле-ег... – Елена, не найдя слов и боясь обидеть «варвара», погрозила ему пальчиком.

– Я хочу принять крещение.

Женщина вздрогнула и села рывком, отчего ее груди колыхнулись из стороны в сторону.

– Ты серьезно?!

– Разве этим шутят?

– О, Олег! – простонала Елена, накидываясь на возлюбленного, словно желая заласкать его до смерти. – Я самая счастливая из женщин! Правда-правда! А когда?

– Когда я хочу креститься? Да хоть сейчас!

– Пошли!

– Только я хочу, чтобы это было в Святой Софии.

– Милый! Обязательно! Я все устрою! Ступай прямо туда и подожди во дворе. Я договорюсь, и тебя введут в храм!

– Ладно.

Олег быстро оделся, наблюдая за напевавшей «Аленушкой», и вышел, впервые не

ощущая сосущее чувство потери, – он верил и знал, что еще вернется сюда. И не раз. И не два...

Кивком попрощавшись с Игнатием, Сухов вышел на улицу, направляя стопы к Великой Константинопольской Церкви, чей купол манил из-за черепичных крыш и острых метелок кипарисов.

– Где ты был, варанг? – прорычал вдруг знакомый голос, и Олег с удивлением узнал магистра Вотаниата.

Евсевий стоял перед ним с перекошенным лицом, а глаза его метали молнии – отверженный ухажер испытывал острый приступ ревности, а больше всего был уязвлен тем, что свой выбор Елена остановила на дикаре из гиперборейских лесов.

– Что ты забыл у Елены Мелиссины?! – взревел он.

– Интересно, – холодно проговорил Олег, – а какое твое собачье дело?

Магистр онемел – он давно уже отвык от подобного обращения.

– Как ты смеешь, варанг... – начал он тянуть сквозь зубы и с размаху ударил Сухова по щеке. Удар прошел мимо, зато варягу все удалось – ребром правой ладони по кадыкастому горлу Евсевия, костяшками левой руки под нос, отчего брызнули и слезы, и кровь, прямой правой в подбородок. Магистр отлетел к решетке парка, раскидывая по ней руки, и завалился, суча ногами, хлюпая носом, тараща глаза.

Олег наклонился над поверженным соперником и проговорил назидательно:

– Теперь до тебя дошло, почему базилевс доверяет прикрывать свою задницу именно варангам?

И пошел себе дальше...

* * *

Во дворе храма Сухов проскучал изрядно, кружа вокруг яшмового бассейна и шугая нищевородов. Мельком он видел Елену, о чем-то беседовавшую со священником, и даже самого патриарха Феофилакта в лиловой длинной мантии, ведомого под руки здоровенными иподьяконами.

И вот пробил час. Тот самый священник, что беседовал с Мелиссиной, в черном облачении и с большим золотым крестом на груди, ласково улыбнулся Олегу и поманил за собой.

Олег стронулся с места и пошел следом, не чуя ног и ощущая себя существом ангелическим, витающим над землею, но не соприкасающимся ни с чем земным.

Священник провел Сухова в крещальню – круглый в плане храмик близ Святой Софии, и подвел к купели – огромной мраморной лохани...

Память Олегова плохо сохранила подробности таинства. Он запомнил высокий голос то ли чтеца, то ли певца, возносивший псалмы, – полупонятные слова разносились под куполом слабым эхо.

Через узкие, часто зарешеченные оконца падали ощутимые лучи, в которых плясала пыль, но полутьму они не разгоняли, и свет крученых свечей, отражающих маслянистый блеск золотых образов, не казался бледным. А с потолка смотрело гигантское лицо Христа – изможденное и недоброе. Святой лик отвергал молящегося надменностью черт, пугал робкого черным безумием отекавших лютых глаз. Невозможно было представить, что на своде изображен Спаситель, принесший в мир любовь. Нет, над вами тяжело нависал безжалостный, холодный судья, алкавший жертв и смерти.

Олег покачал головой – живописец ошибся, Иисус никогда не был таким. Наверное, художник не мог себе иначе представить Пантократора, отверзающего двери адовы...

Священник показал руками – раздевайся, и Сухов снял с себя все, полез в купель, полную воды. Его осеняли крестом, рисовали кисточкой крестик на лбу, намазывая елей, заставили трижды окунуться.

Дрожа больше от переживаний, чем от холода, Олег вылез, оделся и обулся и

почувствовал на шее теплые руки Елены, застегивающие цепочку нательного крестика, золотого, с перегородчатой эмалью.

– Любимый... – прошелестело слово.

Сухов словно очнулся, воспрял ото сна. Он с удивлением заметил, что не он один был крещен – рядом стояли, склонив головы, человек десять с мокрыми волосами. Высоченный северянин, синеглазый и светловолосый, смиренно стоял рядом со смуглым и курчавым арабом, носатый кавказец шептался с рыжим здоровяком типично британской наружности.

Тут священнослужители запели и повели крещеных в храм Святой Софии.

Смирняя дыхание, Олег вошел под своды самого большого зала на земле. Четыре мощнейших столба стояли свободно, образуя квадрат, перекрытый куполом. Со столба на столб были перекинuty гигантские арки, а основание куполаверху окружал светящийся венец из сорока окон – снопы золотистого сияния как бы отрезали покрытый мозаикой купол, подвешивая его в светоносном воздухе, вознося к небесам.

Гремел хор, попы в золотых одеждах разыгрывали богослужение, уподобляясь библейским героям – лились священные песнопения, сопровождаемые курением ладана и возжиганием свечей. Священники двигались медленно и торжественно, словно разыгрывая мистерию. Да почему – словно? Пение, звучащее под сводами Софии, узоры света на стенах, горение свечей в шести тысячах канделябров из массивного серебра, свисавших с потолка в виде огромных гроздей, сто семь колонн, восстающих из мозаичного пола – все подвигало человека к божественному, воспламеняя в душах мистический жар.

Олег посмотрел на второй ярус, предназначенный для женщин, и сразу нашел Елену. Перевел взгляд на алтарную нишу, где в клубах фимиама и огнях дрожал лик Богоматери с Младенцем. И закрыл глаза. Исполнилось.

* * *

Ближе к вечеру он покинул дом Елены Мелиссины и двинулся к Дому Варвара – завтра ему заступать на дежурство. Емкая чаша доброго вина уняла хоровод мыслей в голове и сумбур эмоций. Олег шагал, ощущая крестик на груди, и ему было спокойно. Он словно очистился, побывав в купели. Крепка ли была вера его? Это вряд ли... Хотя кто знает? Может, он просто отринул язычество, но не захотел повиснуть в духовной пустоте без опоры? Или же он решился на духовный подвиг из-за Елены?

Олег рассудил, что забота о счастье возлюбленной стала той бабочкой, что перетянула чашу весов...

– Стой! – раздался вдруг грубый окрик, и сразу вокруг Сухова возникли темные фигуры, злобные и опасные, воздух наполнился вонью, а в свете факелов заблестели мечи. Наконечники копий протянулись из темноты, больно втыкаясь в тело, стремясь не убить, но обезоружить. Чья-то грубая рука молниеносно чиркнула ножом, лишая Олега перевязи с мечом.

– Вот ты и попался, варанг! – сказала одна из темных теней, оформляясь нескладной фигурой Евсевия Вотаниата.

– В чем дело, магистр? – ледяным тоном спросил Олег. – Или тебе повылазило? Я – варанг, рядовой-манглавит средней этерии, слуга и воин базилевса!

– Ма-алчать! Ты арестован, варанг! Я привел за тобой два десятка слуг правосудия. Дернешься, варанг, и превратишься в ежика, истыканного стрелами!

Разнесся мощный хохот, и тут же пахнуло новой волной зловония.

– Ведите его!

Строй тюремщиков окружил Сухова вытянутым овалом, мечи, копы и стрелы стерегли каждое его движение. Олег сжал зубы и пошагал.

Вели его не слишком долго – свернули на широкую Халкопрачийскую улицу, по прямой линии связывающую форум Августеон с воротами Просфория, и вышли к кварталу Октагон, названному так из-за высокой восьмиугольной стены, огораживающей его. Во

времена Константина за этой стеной располагалась казарма, теперь там устроили тюрьму.

С гулом отворились сводчатые ворота – как оказалось, первые, поскольку стен насчитывалось две, а между ними рычали и ласкали пастями злые собаки, натасканные на людей. Они давились лаем и гремели длинными цепями, а острая, резкая вонь псарни била в нос.

Заскрипели, раскрываясь, внутренние ворота, впуская в тюремный двор, застроенный жилищами вертухаев. Тюремщики, громко сопя, направились под арку к камерам, покалывая Олега в спину копьями и тем понуждая его двигаться куда сказано.

И снова вонь, застарелая и вьющаяся в камень, ужасный запах бессильного отчаяния, боли и страха. Привлеченные светом факелов, узники бросались к решетчатым дверям, кричали и выли на разные голоса в безумной надежде на обретение воли.

– Куда его, сиятельный? – пробасил один из тюремщиков.

– В пыточный зал! – прозвучал ответ магистра. – Да-да, варанг! Ты думал, что я обойдусь пошлой местью? Нет! Завтра сюда явится судья, тебя допросят, осудят как убийцу, насильника и шпиона и казнят. Не быстро, ибо такое удовольствие, как умирание язычника, стоит растянуть!

Толпа ввалилась в зал допросов, посередине которого высилась трибуна для судей и писцов, а рядом располагались «рабочие места» палачей – каменные скамьи с кольцами для кистей и лодыжек. Пыточные лежаки были сделаны с наклоном, неведомые каменщики трудолюбиво продолбили в них канавки для стока крови и нечистот. У стен остывали очаги, в которых калили орудия пытки, развешанные неподалеку. Чего тут только не было, каких только инструментов по причинению боли! Клещи на деревянных ручках, железные изогнутые прутья для обжигания тела, бурава для ослепления, лопаточки для обдирания кожи, крючья для вырывания внутренностей, щипцы для вырывания ногтей, решетки для поджаривания плоти, долота для костей...

А с потолка, ужасая одним видом своим, свисали цепи, ошейники, петли, обещающая выкручивание рук и подвешивание на крюке за ребро.

Олег оглядел строй ухмыляющихся тюремщиков, по совместительству – палачей. Все они были одеты, как пещерные люди, – в кожаные, пятнистым мехом вверх, куртки и короткие штаны.

– Все как с ума посходили, – медленно проговорил Олег. – Вы что, не понимаете? Я – варанг! За мою смерть жестоко отомстят мои товарищи. Вы этого хотите? Предлагаю сделать так – вы возвращаете мой меч и провожаете за ворота...

– В цепи его! – гаркнул Вотаниат, и тюремщики бросились исполнять приказание.

Сухова приковали за шею к ржавой цепи, вделанной в каменную кладку, и хорошенько отпинали.

– Ладно... – прохрипел Сухов, сплевывая кровь. – Значит, ждите гостей!

Верил ли он сам в помощь друзей? Конечно, его будут искать, но когда найдут? И в каком виде?

Одно Олег знал точно – к Богу он обращаться не станет. Бог – это для души, а тело надо спасать, не прибегая к помощи небес, забывая кротость и смирение...

Глава 16, из которой становится ясно, для чего нужны друзья-товарищи

Кряхтя, Олег устроился поудобней и спиной привалился к стене. «Ну, я попал...» Цепь, хоть и ржавая, держалась крепко, не вырвешь – кольцо вмуровано на совесть.

Миазмы, ползущие из камер, портили воздух, угнетали сознание обещанием неволи и смерти, да и сам зал допросов здорово давил на психику. Ведь ему никак не меньше полутысячи лет, и все эти годы здесь пытали людей. Кровь и моча стекали по желобкам, сливаясь в зияние булькающей клоаки, а куда девались боль и страх? Может, черной накипью оседали на стенах, впитываясь в каменную кладку?

Факелы, оставленные тюремщиками, погасли в своих держакках, но свет костров со двора проникал в сводчатые окна и плясал на стенах. Хохот и выкрики подтверждали догадку Сухова – магистр хорошо проплатил здешним вертухаям, и те накачивались вином. Глухо доносился собачий лай – «друзья человека», не раз пробовавшие вкус людской крови, унюхали жареное мясо и требовали справедливой дележки.

Олег попробовал языком зубы – вроде не шатаются... Синяки останутся, но это пустяки, дело житейское. Были бы кости целы, а кровоподтеки сойдут...

Он закрыл глаза и усмехнулся. Удивительно... Страх не было. Злость была, она клочкотала где-то в потемках души, оживляя иногда предвкушение мести, а вот сердце билось ровно и спокойно. Олег не боялся. Ему уготовили мучительную смерть, обещая ослепление, усекновение главы и прочие радости местного правосудия, но ничего в нем не сжимается от ужаса и безысходности. Наверное, он просто не верил в собственную смерть. Рано ему еще умирать.

Или это так крещение действует? Знать бы... Сколько уж им передумано, сколько мыслей прокручено в голове...

Для чего он, именно он, пришел в храм? Сам пришел, по собственному почину. Не в порыве, а по трезвом размышлении. Слабый ищет у Бога утешения и поддержки, но ему-то зачем вера-костыль? Боязливый человек, запуганный картинами ада, жаждет уберечься от вечных мучений, но он-то не верит в пекло. Бог есть любовь, а не палач с садистскими наклонностями.

Все что ему нужно – приходить иногда под гулкие своды храма и почувствовать успокоение. Пускай вокруг вихрится карусель смерти и мерзости, трещат кости и льется кровь, а в храме, как в «глазу бури», должна стоять тишина и покой. Ему надо ощутить убережение от мира, даже от радостей земных, равно как и от гадостей, остаться наедине с собой и Тем, к кому обращаешь... нет, не молитву. Зов. И привет.

Ему надо просто побыть в намоленном месте и принести бескровную жертву – поставить свечку.

В двадцать первом столетии он никогда не заглядывал в церковь, да там это и не требовалось. Как подумаешь – благодать была, тишь да гладь, а проблемы... Да какие ТАМ проблемы?

Зато здесь он прошел через сумерки язычества, насмотрелся на сальные губы вытесанных из дуба идолов, которые мазались кровью – бывало, куриной, а бывало, и человеческой. Запутанные ритуалы, непонятные табу, простецкие отношения с богами, в которых торг был уместен, – поможешь, божечка, тогда мы тебе овечку на закланье, а не окажешь поддержки – отхлещем розгами за недостаток старания! И лупили своих божков, ежели те не исполняли договор, клали идолище на землю и секли.

Разве это вера? Так, полное собрание суеверий.

Домовому в блюдечко молока наливали, чтобы задобрить. В фундамент крепости ребенка закладывали, дабы умиловить местных духов. Когда спускали на воду новую лодью, она должна была килем проелозить по телу раба, да так, чтобы кровь повыше на борта брызнула...

Хочешь не хочешь, но вся эта мерзость налипала на душу, грязнила ее, а теперь... Олег потрогал крестик под рубахой. Это как могучий оберег, отталкивающий мрачную эманацию древних верований, не пропускающий тлетворное дыхание зверобогов.

О, он всегда будет спорить с богословами о неразрешимых парадоксах христианства, будет ставить под сомнение догматы веры, но вовсе не из пустого и суетного желания доказать недоказуемое. Просто нравится ему добрый человек Иисус, и он станет всячески защищать Его, ибо заповедь «Возлюби ближнего» есть величайшая идея, основополагающий мотив бытия на тысячи лет вперед...

Олег ногой дотянулся до оброненного факела, подтащил его к себе и сунул в кольцо цепи, заделанное в стену. Подергал – ничего. Нажал – дерево хрустнуло и разломилось.

– Ч-черт...

Неожиданно что-то изменилось вокруг. Олег прислушался, недоумевая, что же его вдруг насторожило. Собаки! Один из псов взвизгнул от боли, потом другой, третий... Ну, бывает, что сцепятся, начинают грызнуть... Не бывает! Их цепи заделаны так, чтобы достать человека-беглеца, но друг до друга собачищи не доберутся. Неужели...

Додумать мысль Сухову помешали посетители – трое тюремщиков, основательно набравшихся дешевого пойла, ввалились в зал допросов.

– Ник-ик!-ита! – взревел один, мотая лохматой башкой и не открывая опухших глаз. – Ты х-де, Никита? Я тебя н-не вижу...

– Федор, я здесь, – ответил собутыльник, неустойчиво покачиваясь. – Чур, я буду судьей!

Третий их сотоварищ пьяно засмеялся, брызгая слюной, и зигзагом прошел к каменной трибуне. Сопя, он взгромоздил на нее кувшин, повернул голову к Олегу и заголосил, как на публичной казни:

– Так наказан безбожный варвар, родом из Гипербореи, за убийства христиан и насилия над хыр... хр-истианками. Слава правосудию Романа справедливейшего, всемилостивого, наивеличайшего! Ик...

Федор уселся на ложе, потом прилег.

Никита, самый трезвый из троицы, подобрался поближе к Сухову и склонился перед ним.

– Имя свое назови, нехристь! – поворочал он языком.

– Олегом наречен, – смиренно ответил варанг, – сыном Романа. Но в одном ты, Никитос, неправ – крещен я.

– Брешет! – убежденно сказал Федор. – Так и запишем...

Заигравшись в писца, он рассмеялся.

– Ты кого дурить удумал, варанг? – ласково-грозяще спросил Никита.

– Ближе подойди, – попросил Олег.

Никита погрозил ему пальцем.

– Шуточки шутим? – прищурился он и рыгнул. – Щас ты у меня плакать будешь... От смеха! Григорий, тащи сюда буравчики! А то у этого слишком много глаз!

Григорий скис от остроумия товарища и пошагал за инструментом, сгибаясь и трясясь от хохота. Ухватив со второй попытки ржавый бурав с деревянной рукояткой, он разочарованно сказал:

– А он холодный!

– Ну сходи к костру, прокали! Только быстро давай...

– Щас я, мигом...

Григорий уплелся, а Никита допустил оплошность – потеряв равновесие от винных паров, он отшагнул, удерживаясь от падения, и Олег немедля ухватил его за ногу, сжав ее ступнями и выворачивая. Глухо вскрикнув, тюремщик рухнул на колени, и Сухов моментально перехватился, сжав ногами шею Никиты. Резко крутанув, он добился того, что раздался мокрый хруст, и голова Никитина согнулась не поздорову.

Сгибая ноги в коленях, Олег подтащил к себе обмякшее тело и отыскал здоровенный тяжелый ключ.

Ключ не подходил.

– Ах, чтоб тебя...

Пошарив на поясе убитого тюремщика, Сухов обнаружил не слишком длинный нож с широким лезвием. Сгодится...

– Иду уже, иду... – послышался голос Георгия. Тюремщик появился в дверях, неся перед собой буравчик, кончик которого светился красным накалом.

– Несу уже... Никита, ты чего?

– Да вот, – непринужденно сказал Олег, – прилег твой дружок, отдохнуть решил. Что стоишь, Гриш? Федя спит, Никита спит, ну и ты ложись!

Григорий покачался, туго соображая, и повернулся уходить, ворча что-то вроде:

«Лучше позову...»

Брошенный нож вошел ему в печень. Тюремщик захрипел, рухнул на колени, покачался и распростерся на каменном полу.

– Позовет он... – пробормотал Олег. – Я т-те позову...

Орудуя ключом, он принялся расшатывать вмурованное кольцо, но ему опять помешали. Послышались тихие шаги, и в зал вошел человек с факелом. Трезвый. Это был Ивор Пожиратель Смерти.

– Ивор! – радостно воскликнул Сухов. – Ты?!

– Да вроде! – рассмеялся варяг и оглядел помещение. – Ого! Ты, я смотрю, уже позабавился.

– Ключ не могу найти, – пожаловался Олег.

– Это мы мигом. Свен! Обыщи трупы, нужен ключ!

– А какой? – послышался голос со двора. – Большой такой, длинный?

– Да, да! – ответили Олег с Ивором.

Вскоре в пыточную ввалился Малютка Свен с целой пригоршней ключей, а за ним появился Турберн Железнобокий и Стегги Метатель Колец, Пончик и сам Инегельд Боевой Клык.

– Привет, ребята! – расплылся в улыбке Сухов. – Вот уж правда, рад всех вас видеть! Как нашли-то хоть?

– А к нам Игнатий прибежал, – затараторил Пончик, – знаешь такого? Игнатий Фока. Говорит, магистр, тот самый, как его... Евсевий... дальше забыл, в общем, этот Евсевий подговорил целую шайку, и те взяли тебя, арестовали, короче. Мы сюда...

– Понятно...

Пятый по счету ключ подошел, и кандалы растворились со ржавым скрипом.

– Свободен! – прогудел Малютка Свен.

– Уходим, – приказал Клык, – пока нас тут не застукали.

Спасатели и спасенный вышли во двор тюрьмы. Во дворе было тихо, тюремщики валялись вокруг гаснущих костров, то ли мертвые, то ли пьяные.

За внутренними воротами только воняло псиной, самих собак слышно не было.

– Мы их сверху, – объяснил Свен, – из луков.

– Быстрее, быстрее! – поторопил варягов Инегельд.

Все выбрались на улицу и торопливо зашагали в сторону Месы.

– И что теперь? – осведомился Олег.

– А ничего, – осклабился Клык. – Мы все спали, понял? Никуда не ходили, ничего не видели...

– Никого не трогали, – поддакнул Малютка Свен.

– Вот именно. Завтра с утра топаем во дворец. Будем охранять по очереди. Полсотни с утра до вечера, полсотни с вечера до утра. Отсыпаемся, гуляем и все по новой. А если этот Евсевий будет взбухать, то мы тут такое устроим... Весь ихний Миклагард на уши поставим и скажем, что так и было!

Тут из тени отделился полноватый человечек, в котором Олег узнал Игнатия Фоку.

– Живой? – воскликнул он. – Ну и слава богу!

– Передавай привет, Игнатий, – улыбнулся Сухов, не уточняя, кому именно.

– А как же!

Фока растворился во тьме, а Турберн сказал с удивлением в голосе:

– Вот ведь, скопец, а с понятием!

Варяги прыснули в здоровенные кулаки, боясь нарушить тишину, и зашагали вдоль по Месе, скрываясь в тени портика.

* * *

А рано утром, еще до восхода солнца, полусотня Турберна Железнобокого направилась

к императорскому дворцу. Олег шагал впереди, ступая в ногу со всеми.

Варяги шли в полном боевом – в кольчугах и шлемах, при мечах, ножах и секирах. К нам не подходит!

Редкие прохожие оборачивались на них, провожали взглядами, но отпускать замечания побаивались, понимали – варанги обид не прощают, зарежут.

Дежурный офицер дворцовой стражи пропустил варягов в ворота Халки, а хмурый, невыспавшийся этериарх развел всех по постам.

Олегу, Ивору, Малютке Свену и Стегги Метателю Колец досталось охранять вход во дворец Триконх, украшенный тремя апсидами, богато отделанный мозаиками и разноцветными мраморами. К нему примыкал перистиль Сигма.

Сухов подглядел за Турберном и встал так, как Железнобокий, – ноги расставив пошире, а руки оперев о рукоятку секиры. Целый день так простоять нелегко, но варанги – не почетный караул, можно и размяться. Главное, пост не покидать.

– Это сколько же нам достанется в месяц? – задумался Пожиратель Смерти. – Если в номисмах считать? А?

– Достаточно, – сказал Турберн весомо.

– Восемнадцать золотых, – посчитал Сухов, – а Турберну все тридцать шесть, как полусотнику.

Железнобокий фыркнул насмешливо.

– Тоже мне, – сказал он насмешливо, – нашлись считалыщики! Скоро великий князь подгребет, устроит базилевсу бледный вид. И кто нас тогда на службе оставит? Да мы и сами уйдем, ждать не станем, пока нас гнать велят...

– Это что же, – расстроился Малютка Свен, – мы так и не получим золотом?

– Получим, не беспокойся! Халег Ведун вытрясет из ромеев все что можно. Всем хватит!

– А, ну тогда ладно, – успокоился Свен.

А Сухову стало тревожно. Приближалось то, ради чего они все оказались здесь, – нашествие. Великий князь Халег приведет под стены Константинополя пятьсот кораблей. Двадцать тысяч воинов устроят тут переполох... Город им, конечно, не взять. Изю всех стенобитных орудий русам пока известен один лишь таран, а чтобы устроить приступ Константинополя, следует выстроить осадную башню-гелеполу, лучше две, выставить батарею мощных катапульт или баллист, и чтобы отряды умелых саперов под прикрытием заваливали ров, устраивали подкопы... Иначе будет много шума из ничего. Русы похулиганят в предместьях, пограбят имения-проастии и будут безобразничать, пока базилевс не заплатит им златом-серебром, чтобы ушли и больше не показывались. Ромеям не впервой покупать худой мир, ибо он всегда оказывается дешевле войны.

– Идут... – проворчал Турберн.

– Кто? – не понял Свен.

– Базилевс шествует, и вся свора тутошних бездельников за ним... Тут так каждое утро. Малый выход называется.

Олег прислушался. Издали донеслось гулкое: «Повелитель! »

Трусцой прибежали ленциарии-копьеносцы, потряхивая белыми и красными страусиными перьями на шлемах. Их толстый командир, пыхтя и отдуваясь, расставил бойцов через равные промежутки.

Следом спешили церемониарии с позолоченными жезлами в руках. Они сустились, вводя в зал магистров с патрикиями, друнгария городской стражи и друнгария императорских кораблей. Представители низов – виноградари, рыбаки, шелкопрядильщики-сирикарии – толпились подальше от сиятельных особ, обступая галерею, по которой базилевс прошествует по собственному дворцу, направляясь в храм Святой Софии. Шествие приближалось. Уже слышен был множественный шорох башмаков.

Прошагали силенциарии, поднимая жезлы из палисандрового дерева, с набалдашниками в виде серебряных шаров, и требуя тишины.

– Повелитель! – раздался голос распорядителя-препозита.

В конце галереи, чьи своды удерживались двумя рядами колонн, зареяли древние штандарты, веллумы и аквилы, увенчанные серебряными орлами или раскрытой ладонью, увитые лентами. Когда-то под ними сражались легионеры, превознося gloria romanorum, славу римскую, теперь же это стало реквизитом пышной церемонии.

За гордыми аквилами качались хоругви-лабарумы и знамена-драконы, в самом деле схожие с надувными змиями из раскрашенной ткани.

И вот показался сам базилевс Роман Первый Лакапин. Он шествовал, облаченный в пурпур и голубой дивитиссий, а его золотая хламида даже на вид была тяжела, столько драгоценностей покрывало ее. С императорского венца-стеммы свешивались понизи жемчуга, а в руке монарх держал зажженную свечу.

Над головой базилевса покачивался крест Константина, чтобы просвещать вселенную истинной христианской верой, перед ним несли жезл Моисея, дабы пасти народы. Ритмично звякали серебряные цепочки кадильниц, окуривая Романа Первого фимиамом.

– Повелите! – величественно произнес препозит, и базилевс, храня скуку на лице, благословил свечой присутствующих.

За базилевсом степенно выступали его соправители – сыновья Христофор и Стефан, а также Константин Багрянородный, третий соправитель-симбазилевс. Это был высокий голубоглазый красавец, истинный император, сын Льва VI Мудрого и базилиссы Зои Карбонопси.

Роман Лакапин был при Константине регентом, однако пользовался всеми правами самодержца. Правда, на всякий случай он выдал замуж за Багрянородного свою дочь, а то мало ли...

Шурша златоткаными одеждами, мимо Олега проскользнула знакомая фигура. Да никак Евсевий!

Магистр, чуя будто, что его узнали, обернулся. Породистое лицо дрогнуло и застыло каменной маской, одни прищуренные глаза смотрели, как из прорезей шлема, и светились лютой ненавистью. Олег равнодушно посмотрел на Евсевия и отвернулся – за пышной церемонией было куда интересней наблюдать, чем за этой гнидой холеной...

Ромей, пребывающий в немалом сани, обернув руку полый белой хламиды и обратившись лицом к базилевсу, трижды медленно осенил его в воздухе широким крестом. Хор грянул:

*Многая лета!
Многая лета тебе,
Автократор ромеев,
Служитель Господа!*

Огромная свита топала следом за автократором, шелестя одеждами и шаркая по мраморным плитам. Бездельная толпа, всю жизнь свою ползающая на брюхе перед тронем владыки, выпрашивающая у того землицу, дары, должности... Сотни и сотни сиятельных тунеядцев... На них пахать можно, а они тут расползались.

Обуреваем праведными мыслями, Олег не сразу заметил спешащего к ним этериарха. Елпидифор остановился перед варангами и скомандовал:

– Кто крещен – шаг вперед!

Сухов сделал шаг. Рядом вышел Пожиратель Смерти.

Турберн усмехнулся в бороду, Малютка Свен недопонял, а Олег обрадовался.

– И ты тоже?

– А то! – отозвался Ивор.

– Двое? – довольно сказал Елпидифор. – Отлично! Следуйте за мной.

Полутроль с Пожирателем Смерти подхватили секиры и зашагали за этериархом. Вопросов они не задавали, но Елпидифор сам разъяснил суть положения.

– Сегодня Его Величество изволит на Ипподроме присутствовать... – проговорил этериарх и замялся: – Покажите крестики!

Варяги молча продемонстрировали затребованное. У Ивора на груди висел серебряный крестик, у Олега – золотой.

Успокоившись окончательно, Елпидифор продолжил:

– Будете сопровождать Его Божественность и сопровителей всю дорогу до Ипподрома и охранять их в кафизме. Понятно?

– Так точно, – выразился Олег и осведомился: – А что, Его Величеству что-то угрожает?

Этериарх нахмурился, а после с неохотой, но ответил:

– Скажем так – существует опасность нападения. А Его Божественность не доверяет никому, кроме варангов...

Ивор удовлетворился ответом и заверил Елпидифора:

– Не беспокойся, мы не подведем.

Олег кивнул, соглашаясь с другом, и обронил:

– Оправдаем высокое доверие!

* * *

Собираясь на Ипподром, царская семья приделась в скарамангии цвета персика. И базилевс, и симбазилевсы несли на головах похожие обручи-стеммы из золота и драгоценных эмалей, увенчанных крестами, и с жемчужными подвесками-катасестами, качавшихся по бокам.

Роман Лакапин ступал величаво – он нес себя, как наивысшую драгоценность. Сыновья его семенили следом, изредка шушукаясь и хихикая в кулачки, а Константин, единственный, кто был рожден в Порфирной палате императоров ромейских, плелся позади, углубленный в собственные мысли.

Выдерживая дистанцию, за правителями империи шагали Олег с Ивором, взяв секиры на плечо, а за варангами поспешали приглашенные в негнущихся одеждах из толстой парчи – эпарх⁵⁷ Константинополя, великий логофет и еще пара сановников, раздувшихся от важности и собственной значимости.

Замыкали процессию экскувиты. Эти блистали серебром и золотом, потряхивали пышными султанами на шлемах, но к военному ремеслу были приспособлены слабо – любой варяг раскидал бы десяток этих разряженных кукол, изображающих воинов, и даже не запыхался бы.

Семья базилевсов со свитой проследовала в атриум дворца Дафне, где из порфировой чаши бил фонтан, через массивные железные двери попала в триклиний Девятнадцати аккумуляторов с многоугольным столом, за которым император имел привычку угощать послов, миновала церковь Святого Стефана, и перед процессией открылась залитая светом бесконечная мраморная галерея с мозаичным полом, куда на равном расстоянии были вделаны плиты красного порфира. К стенам галереи жались высшие чины империи. Базилевс, еще выше задрав подбородок, зашагал, ступая на порфирные плиты, и чины пали ниц, униженно растягиваясь и даже умудряясь на ходу поцеловать ногу самодержца. Это являлось наивысшей формой низкопоклонничества – надо было суметь так приложиться к ноге Божественного, чтобы и самому как следует унизиться в лобзании, и не помешать при этом ходьбе Самого. Без долгой и упорной тренировки такой номер не получится...

В конце галереи слуги раздвинули серебряный занавес с вытканными на нем птицами, и вся процессия оказалась в кафизме, ложе для императора, поднятой на двух дюжинах

⁵⁷ Эпарх – градоначальник Константинополя. Эпарху также подчинялась стомильная зона вокруг столицы; по своему положению эпарх занимал одно из ближайших мест к императору и пользовался привилегиями. Например, только эпарху позволялось передвигаться по городу в повозке и носить башмаки разного цвета...

колонн. И только тут Олег понял, что за гул доносился до него все это время, то усиливаясь, то стихая. Нет, это был не шум прибоя – галдела стотысячная толпа, занявшая каменные скамьи Ипподрома.

Гигантская арена, имевшая форму вытянутой подковы, замыкалась с западной стороны мощным строением, возвышавшимся вровень с многоярусными трибунами. На нижнем этаже этого помпезного сооружения находились конюшни, отсюда на арену открывалось шестнадцать ворот, а над ними размещались лучшие места для знати и вельмож, тех самых, что ползали на брюхе перед базилевсом (и когда только гордые римляне успели нахвататься этих «правил хорошего тона», более подобающих восточным деспотиям?).

Но еще выше возносилась кафизма, похожая на башню в три этажа, разукрашенная поясами мраморных гирлянд и горельефов.

Галдеж огромной толпы зрителей внезапно сложился в могучее прошение: «Взойди! Взойди!»

И базилевс взошел – Роман Первый поднялся по ступеням, выложенным морскими раковинами, в императорскую ложу, задернутую пурпурными занавесями и увенчанную лисипповской⁵⁸ конной четверкой. Видимый с трибун до колен, в белизне одеяний, оттененных пурпуром, базилевс высился – Божественный, Величайший, Несравненный.

Олег, впрочем, не царственным выскочкой любовался – он обзирал Ипподром и окрестности.

Белые трибуны, заполненные народом, поднимались в виде амфитеатра, устроенного самой природой в глубокой ложбине. Верхний край Ипподрома окаймляла колоннада, а меж колонн открывался вид на Босфор, где проплывали корабли, на кипарисы азиатского берега, на башни и портики Палатия, на увалистый разлив черепичных кровель, белых куполов, триумфальных арок, на церковь Святого Стефана, откуда за ристаниями колесниц могла наблюдать базилисса – на трибуны допускался исключительно мужской пол.

Сама арена копировала римский Большой Цирк, вдоль нее тоже тянулась «спина» – невысокий каменный помост, загроможденный памятниками и статуями. Колоссальными иглами торчали обелиски – один был из розового гранита, его вывез из Египта Феодосий и установил посреди арены на четырех бронзовых кубках, а другой, догонявший по высоте пятиэтажку, был облицован позолоченными бронзовыми плитами. Тут же поместили знаменитый фонтан в виде четырех бронзовых змей с золоченой чашей, отлитой почти полторы тысячи лет назад, в честь победы эллинов над персами. Рядом стояла гигантская статуя Геракла, большой палец которого был толще талии смертного человека. И еще, и еще... Бронзовая Гера, мраморные Феодосий и Грациан, какие-то атлеты и неведомые боги... Хаотическое смешение эпох, стилей, масштабов! Все по отдельности – шедевры, собранные вместе, они подавляли чудовищной безвкусицей.

До Сухова долетел обрывок разговора, и он прислушался. Эпарх Константинополя тихонько делился с великим логофетом:

- ...Тюрьма в Октогоне обезлюдела. Собаки перебиты, тюремщики перерезаны...
- Бунт? – нахмурился великий логофет. – Побег?
- Ни то, ни другое. Логофет претория⁵⁹ докладывает, что все узники на месте. Тюремщики заколоты прямо во дворе, там же стояли кувшины с недопитым вином...
- Пьяная драка? – просветлел великий логофет.
- Это вряд ли. Собак постреляли из луков, со стены. Получается, что кто-то проник в Октогон и расправился с тюремщиками...
- Нет-нет, – замотал головой великий логофет. – Случилась пьяная драка. Ведь это

⁵⁸ Лисипп – знаменитейший эллинский скульптор, современник Александра Македонского. Тетриппу, ту самую конную четверку, стяжают в 1204-м крестоносцы из Венеции, где она находится по сию пору.

⁵⁹ В обязанности логофета претория входило, помимо прочего, слежение за тюрьмами.

доказано? – Он посмотрел в глаза эпарху с настоянием.

– Ну, разумеется, – понятиливо усмехнулся эпарх. – Чего только не бывает от винных паров, а эти тюремщики пили, как варвары, не мешая крепкое хиосское с водой, и меры не знали...

– Вот и результат, – подвел черту великий логофет.

– Есть вести куда более тревожные, – понизил голос эпарх. – Кто-то из твоих приближенных, сиятельный, мутит «Зеленых»...

Великий логофет не побледнел даже, а посерел. – Этого... быть не может... – еле выговорил он.

– Еще как может... – притворно вздохнул эпарх. – Мои люди схватили двоих, и у обоих дома обнаружили целые арсеналы. А кроме оружия – чистые листы пергамента с готовыми свинцовыми печатями от твоего ведомства, сиятельный...

– Ты же не думаешь... – прохрипел великий логофет.

– Как можно, сиятельный, – тонко улыбнулся эпарх. – Но кто мог иметь доступ?

– Не время говорить... – слабым голосом сказал логофет.

– Боюсь, как бы не было поздно...

– Все так серьезно? Тогда... Тогда это либо Ираклий Кириот, патрикий, либо Евсевий Вотаниат, магистр... Кто-то из них, больше некому...

«Ага... – подумал Олег, напряженно разбирая слова, произнесенные тихими, задавленными голосами. – Я еще и в какую-то интригу вляпался, оказывается! Чем дальше, тем интересней...»

Тут гул толпы перешел в рев – базилевс дал знак особому сановнику, и тот обронил на арену платок. Игрища начались.

Взрвели трубы, перекрывая людской гомон, распахнулись ворота, и на арену, покрытую благовонной пылью, выехали колесницы, отделанные золотом, сбруя коней, запряженных четверками, просто искрилась и переливалась драгоценными камнями.

Возницы и сами выглядели по-царски. Разодетые в пух и прах, увешанные блестящими цацками, они гордо стояли на колесницах, правя упряжками. Вдобавок ко всему, на колесницах тряслись и качались арочки и столбики, плетенные из лозы и еле удерживающие пухлые гирлянды цветов, охапки цветов, целые цветочные копны.

– Василий Агарянин! – узнал своего любимца сын базилевса Христофор.

– А вон Бешеный Али! – воскликнул Стефан.

Трибуны ревели и стонали, приветствуя своих. Различались возницы по цвету плащей. Выступали венеты, или «Голубые», прасины звались «Зелеными», русии числились в «Красных», а левки были «Белыми». Цвета сохранились со времен Рима, и у каждого находились свои сторонники-фанаты. Это были спортивные партии, за каждой из них стояли десятки тысяч болельщиков, которые легко превращались в сторонников того или иного политика, бунтовщика или царедворца – неважно. Разгул страстей на Ипподроме легко мог захлестнуть улицы Столицы Мира и даже восколебать трон. Вот и мутит кто-то «Зеленых»... Беспорядки готовит? И зачем? И кто? Неужто Евсевий под базилевса копает? Интересно, какая у него может быть цель? Нет-нет, сам он фигура мелкая, кто-то неизвестный стоит за ним, добиваясь своих целей... Каких? Государственного переворота? Тогда, скорей всего, во главе заговора или Христофор, или Стефан. Дескать, засиделся папочка, пора и нам порулить... Константин в заговорщики не годится – это интеллектуал, не способный устроить резню ради воцарения. С другой стороны... Да кто вообще сказал, что существует заговор?! Может, и Евсевий тут совершенно ни при чем? Бог весть...

Все это время Сухов стоял возле колонны с угла императорской ложи и делил свое внимание между кафизмой и ареной, рассуждая как телохранитель. Пройти в ложу императора с трибун было нельзя – две крутые лестницы по бокам кафизмы имелись, но двери были закрыты наглухо. И какие двери – их только тараном взломаешь! А иных подходов и не было – кафизма являлась как бы бастионом Палатия, выдвинутым к арене. Разве что меткий лучник мог засесть на верхней галерее Ипподрома и оттуда выцелить

самодержца...

Олег внимательно оглядел колоннаду, венчавшую амфитеатр. Меж колонн белели фигуры, но не живые – это стояли прекрасные статуи, свезенные в Константинополь отовсюду – из Рима, из Александрии Египетской, из Антиохии, Коринфа, Афин, Пергама...

– Тебе нравятся конные состязания, варанг? – неожиданно обратился к Сухову Константин Багрянородный и улыбнулся. – Я перехватил твой внимательный взгляд и понял, что тебе понятна наша речь...

– Понятна, величественный, – поклонился Олег, не зная, как ему выкрутиться, и сказал: – Я должен быть внимательным, чтобы первым заметить опасность и вовремя отреагировать на нее... Мне за это деньги платят.

Однако этот пассаж, должный продемонстрировать грубую приземленность варвара, дабы отпугнуть тонко организованного Константина, не сработал. Багрянородный усмехнулся только.

– Так как тебе все это великолепие? – кивнул он на трибуны.

– Денег сюда вбухано немерено, – протянул Олег. – Раньше тут гладиаторы рубились-кололись, нынче возницы катаются наперегонки. Каждому свое...

Константин засмеялся, но его смех совершенно поглотила буря криков с трибун – начались ристания.

Колесницы рванули с места, с прочерченной белой линии, и понеслись, обгоняя друг друга, рассыпая цветы. Вперед сразу вырвались «Зеленые» и «Голубые», русии с левками начали отставать – возницы изо всех сил погоняли лошадей, но все было бесполезно. А потом две отстававшие колесницы столкнулись. Детали крушения были плохо различимы – взметнулось облако пыли, замелькали колеса, ноги, гривы, махнул красный плащ, покрывая белый... И пара коней в оборванной упряжи похромала в сторону.

Служители тут же ринулись на арену, растаскивая обломки. Одну из колесниц, почти целую, только с одним колесом, откатали прочь, увели лошадей, а возницу в белом плаще унесли в Ворота мертвых...

Шум на трибунах нарастал, сопровождая мчащиеся колесницы. В отрыв ушли двое «Зеленых» и пара из лагеря «Голубых». Еще один «Зеленый» мчался позади фаворитов, но обгоняя «Красных» с «Белыми».

Он ничем не привлекал к себе внимания, кроме того, что не погонял лошадей. У него вообще не было кнута в руках. Четверка, запряженная в его колесницу, была отменной – кони каппадокийской породы бежали ровно, не напрягаясь, и вполне могли потягаться с теми, что ушли вперед.

Олег насторожился. Когда же возница и вовсе стал натягивать поводья, притормаживая колесницу, он почувствовал «ветерок смерти».

– Ивор! – коротко бросил Сухов.

– Вижу! – было ответом.

А возничий рывком согнулся, сорвал цветочный чехол, открывая заряженный «скорпион», станковый арбалет, и прицелился в императорскую ложу. В Стефана.

Неслышно сработал убийственный механизм, выпуская короткое копье.

Олег отшвырнул мешавшую секиру и рванулся к симбазилевсу. Уговаривать времени не оставалось, все решали доли секунды – Сухов оттолкнул Стефана, а Ивор поймал сына базилевса, удержав от падения.

Пожиратель Смерти склонился на колени, пригибая голову, дабы не создавать Олегу помех, а Полутроль выбросил руку ладонью наружу, большим пальцем вперед, и поймал летевшее копье. Со свистом развернув его, Олег метнул его в спину вознице, соскочившему с колесницы и срывавшему с себя плащ, – видать, решил затеряться среди зрителей. Отцепить плащ он успел, и в это же мгновение копье вонзилось ему в спину, пригвождая спадающую зеленую ткань. Возница взмахнул руками и упал на арену.

Тут подоспели «Красные» и «Белые», они объехали труп и обогнали неспешно бредущую четверку каппадокийцев, но на трибунах все уже позабыли о гонках – народ ревел

и топал ногами, выбегая на арену и потрясая кулаками.

В кафизме царила тихая паника – эпарх бегал из угла в угол, приседая от ужаса, великий логофет стоял столбом, у Романа Лакапина тряслись губы, а Стефан поднимался с пола, тараща перепуганные глаза. Константин стоял в стороне, вчуже наблюдая за происходящим, Христофор же поклонился отцу и сказал дрожащим голосом:

– Покажись... Народ волнуется.

Базилевс заторможенно кивнул и сделал три шага, являя себя зрителям. Весь Ипподром сотрясся во взрыве ликования.

Унимая бешеный стук сердца, Олег подобрал секиру и занял прежнее место.

– Нет... – сказал ему базилевс. – Мы уходим. Игры отменяются.

– Да, Несравненный, – мигом согнулся великий логофет.

Подбежавший эпарх распростерся перед базилевсом и глухо доложил:

– Я выяснил личность возницы, покушавшегося на Твою Божественность. Это Никифор Метафраст. Он – человек Евсевия Вотаниата, магистра. Его ищут...

– Найди его! – каркнул базилевс, нетерпеливо вздергивая голову, и зашагал прочь.

Ивор с Олегом переглянулись и двинулись следом. Они хорошо выполнили свою работу.

Глава 17, в которой Север бьется против Юга

Незаметно прошла неделя, потом другая и третья. Олег втянулся. Служба при дворе базилевса оставалась для него докучной лишь по ночам, когда ничего не происходило, а в полутемных галереях встречались одни китониты, экскувиты и прочая гвардия, оберегающая спокойный сон базилевса.

Зато дневные дозоры заносили в память немало интересного и поучительного.

Сухов был для придворных простым варангом, то есть бессловесной чуркой с глазами и страшной секирой в руках. Титулованные особы шушукались между собой, разносили сплетни, распускали слухи, и им даже в голову не приходило, что варанг понимает их речь, что он понимает мотивы поведения и наблюдает за развитием интриг со стороны.

...Леонтий Трахомотий, протостратор⁶⁰, устраивал на тепленькое местечко своего племянника Николая, здоровенного и тупого недоросля.

* * *

...Димитрий Хрисокефал, ипат, копал под самого куропалата, начальника охраны дворца. Он исподтишка вредил куропалату, щедро плеская грязи, наушничая, подкупая нижестоящих и умильно вылизывая задницы вышестоящим.

Кто-то еще усердно трудился, составляя горы пустопорожних документов, кто-то брал взятки, обещая устроить дела подателю мзды, но слова своего не исполняя.

Впрочем, среди тысяч придворных бездельников и сановных тупиц попадались люди большой учености и изворотливого, хитрого ума. Эти, как правило, не увлекались интригами, но частенько именно от них исходили решения, нашептанные базилевсу на ушко и становящиеся императорскими указами.

Незримые советники мелькали тенями по Палатию, не ослепляя взоры массой побрякушек и дымовой завесой фимиама. Интриганы не ставили им ловушек просто потому, что не принимали их всерьез, не ведали об истинном весе.

⁶⁰ Чтобы было понятней читателю, сошлемся на «Тактикон», византийскую табель о рангах. Основных рангов насчитывалось четыре. К 1-му, высшему, относились анфипаты, патрикии, протоспафарии и дисипаты. Ко 2-му – спафарокандидаты; к 3-му – спафарии; к 4-му, низшему, – ипаты, страторы, кандидаты, мандаторы, апоэпархи. Протостратор, в отличие от стратора, то есть конюшего, являлся главным конюшим.

С такими «серыми кардиналами» Олег желал бы сойтись поближе, но – потом. Ибо в настоящее время он был никто, и звали его никак. Гвардеец-наемник, дикарь из северных лесов, опасный варвар.

Смутные мыслишки уже мелькали у Сухова в голове, но он пока даже не задумывался о путях исполнения мечтаний. Всею свое время.

Правда, первый шаг он все-таки сделал. После того как Олег с Ивором уберегли сына базилевса от грозившей ему участи на Ипподроме, варангам оказали доверие – начали ставить на посты внутри дворцов Палатия, а самим спасителям был открыт доступ к святым святым – к опочивальням базилевса и базилиссы.

Пожиратель Смерти ворчал поначалу – дескать, могли бы и как-то посущественней отблагодарить. И его вроде как услышали – безвестный кандидат, суетливый и юркий, вручил Ивору и Олегу по увесистому мешочку с новенькими номиссами. Пожиратель Смерти мигом повеселел и в тот же вечер отправился в квартал Зевгмы, куда вели ворота с изображением Афродиты. Квартал славился злаными местами, там легко было напиться и получить любовные утехи в ассортименте. А Олег заглянул к Елене.

С какой-то поры в душе его установилось равновесие. Они с Еленой любили друг друга, и его обращение в истинную веру лишь укрепило отношения, укрепило настолько, что Олег созрел для того, чтобы остаться в империи не на год, а навсегда. Правда, Елена была зоста-патрикией, а это высший женский ранг, стоявший выше присуждаемых чинов и санов, как звание патриарха.

И сие было проблемой – Олегу срочно требовалось возвышение.

Сухов усмехался, думая об этом, ибо мотивация представлялась ему небывалой, по крайней мере, непонятной для придворных. Ведь он преследовал цель возвеличения не корысти ради, а по любви. Олег ощущал острую необходимость хоть как-то сравняться с Еленой, ибо ситуация, когда «он – титулярный советник, она – генеральская дочь», совершенно не устраивала его.

Однако пока он ничего не мог изменить в своей судьбе. Хотя кто знает капризы Фортуны? И кому бывает слышна поступь Фатума?..

* * *

Прошел ровно месяц, и князь Инегельд собрал свою гридь на совет. Было тепло, и все с удобствами разместились во внутреннем дворике Дома Варвара.

Боевой Клык оглядел воинов и негромко довел до сведения:

– Тут купец прибыл из русов, вести принес интересные... Великий князь Халег Ведун спускается по Непру и скоро двинется за море.

Дружина оживленно зашевелилась, а Клык продолжил, не повышая голоса, так что все разом утихло:

– Нам велено на седьмой день выйти к морскому берегу и передать, сколько у ромеев кораблей водится императорских, сколько сил они выставить могут против наших... Ворон, ты проведал, что там, в Мангале ихней деется? И как бы нам секрет «огня греческого» вывести?

– А никак, – буркнул Алк Ворон. – Мангала та высокою стеной обнесена, да и тролль бы с ней, со стеной, но там вот какое дело... Спросить не у кого! Рабы, что горючку готовят, все как один глухие, а языки у них отрезаны. Скажешь им – не услышат, а и поймут, что толку? Слова-то вымолвить не смогут!

– А написать если?

– А там грамотных не держат! Все продумали ромеи, все учили. Пуще всего они берегут тайну неугасимого пламени!

– Оно и понятно, – проворчал Турберн. – Не будь у них горючки и сифонов огнепальных, как бы они воевали? Да их бы давно те же арабы побиили!

– Значит, никак? – нахмурился Клык. – Но не все ж там рабы!

– Не все, – согласился Алк. – Но подойти невозможно – тройное оцепление стоит, из самых надежных и проверенных. А главное, никого из тех, кто в чинах ходит, хватать и пытаться проку нет. Никто из них не посвящен в тайну до конца и полностью, все знают по чуть-чуть. Каждый в одиночку работает – сделает свою часть и уходит. Приходит другой, добавляет то, что он знает. И все с охраной...

– Полный секрет «греческого огня», – вступил в разговор Олег, – только базилевсу ведом, да и то... Есть, конечно, люди, знающие тайну от и до, но кто они? И где их искать?

– Понятно, – вздохнул Боевой Клык. – Жаль, конечно... Ну ладно. Чем гасить огонь негасимый, хе-хе, мы Халегу передать успели... Ты точно знаешь, что его уксусом тушат?

– Точно, – твердо ответил Ворон. – Недаром на ихних дромундах всегда наготове бочка с уксусом – мало ли... Еще говорят, мочой погасить можно, но того я не знаю, не пробовал...

Гридь жизнерадостно загоготала. Отсмеявшись, Клык спросил, оборотясь к Турберну:

– Железнобокий, может, хоть ты порадуешь?

– Может, – усмехнулся тот. – Во-первых, друнгарий царского флота – раззява и недотепа, но в себе уверен напрочь. В общем, не противник, а мечта победителя. Во-вторых, кораблей у него всего шесть десятков, сплошь дромунды, только вот тех, что могут огонь метать, всего двадцать наберется.

– Это славно! – осклабился Клык.

– Еще штук сорок строится, а семьдесят дромундов по провинциям ихним разбросаны. Если их собрать, сила выйдет немалая, но на сборы месяц уйдет. Так что...

– Может, пожечь их к такой-то матери? – предложил Малютка Свен.

Турберн помотал головой.

– Ромеи, они, конечно, тупицы известные, – строго проговорил он, – и дуралеи порядочные, но не до того, чтобы корабли свои без присмотра оставлять. И ты не забудь, что нас за стены Миклагарда не просто так пустили – тут за нами постоянный пригляд и, ежели что, против нас тысячи воинов выставят.

Боевой Клык покивал озабоченно и перевел взгляд на Олега:

– А ты что скажешь, Полутроль? Ты ж по-ихнему балакаешь, слышал что?

– Насчет чего, князь?

– Ну вот сколько у города защитников наберется.

Сухов подумал, что лучше будет не зарождать в дружине напрасных надежд – меньше крови прольют, и своей, и чужой.

– Что тут скажешь... – протянул он. – Ромей варягу не противник, ясен пень, но это если один на один. А их тут такое множество, что они нас числом возьмут, трупами завалят. В городе постоянно находятся тагма схол, тагма экскувитов и тагма арифмы, еще и виглу сюда прибавьте, это стража ночная. А вне города служит тагма иканатов. Иканаты мешать будут и сопротивление окажут, но Халегу Ведуну они не станут серьезной помехой – все предместья будут ваши... наши, то есть. Но за городские стены великий князь не попадет – не научены мы пока стены рушить, а они у Миклагарда крепки.

– Это точно... – протянул Клык. – Ну ладно, служим далее, а на той неделе к морю двинем.

* * *

И опять Сухов загрузился проблемой, не поддающейся простому решению. Как ему быть? Главное, с кем? Крещение не только открыло ему двери Великой Константинопольской Церкви, но и наложило обязанности.

Человек десять из тех, что прибыли с князем Инегельдом, стали христианами задолго до похода – кто в Херсонесе был обращен, кто в свейской Бирке, а Стегги сподобился аж в Реймсе принять крещение, когда бывал там проездом. И крестики на шеях не выделяли гридней из общего строя, они по-прежнему служили своему князю-язычнику, пировали с ним, исполняли его приказы. Для них перемена веры не стала сменой вех, выбором иного

пути. А вот Олег чувствовал свое отдаление от бывших товарищей. Между ними и им словно незримая стена выросла. Никто ее не замечал, кроме самого Сухова, но убеждение росло в нем и отвердевало: не быть ему более Полутроллем. Чувство христианского долга боролось в нем с чувством родства.

С одной стороны, эти веселые варвары-варяги были одной с ним крови, он испытывал к ним искреннее уважение и гордился принадлежностью к русской гриди. С другой стороны, гридни не задумаются даже, когда будут «зачищать» предместья Константинополя. От их руки могут полечь – и полягут! – мужчины и женщины, старики и дети. Вся Европа содрогается при одном упоминании норманнов и не делит «северных людей» на варягов и викингов, все они одинаково хороши. Жестоки и беспощадны.

И все же варяги – свои для него, а своих он предавать не намерен. Но и ромеи-христиане для него уже как бы не чужие. Елена... Игнатий... Тот старик-священник. Даже симбазилевс Константин.

В принципе, не порывы благородства руководили Суховым, не позывы к беззаветному служению. Если честно, Олега заботили не столько вопросы сбережения жизней населения «Царьграда», сколько собственное духовное благополучие. Ему хотелось сохранить в душе то состояние покоя, которое он обрел под куполом Софии, сохранить то хрупкое равновесие, когда ступаешь по лезвию бритвы между грехом и подвигом, и тебя не «ведет», не заносит. Ну и пусть... В конце концов, он в подвижники не записывался. Он обычный человек и одинаково способен исполнить и меру зла, и меру блага.

А наилучшим способом сберечь покой было бы крещение Халега Ведуна, всех князей, что с ним придут, и дружин их. Тогда бы долг и родство не противодействовали бы друг другу, а совместились бы... Хм. А разве это не достойная цель? Сближать империю и Гардарики, способствовать смягчению нравов и русов, и ромеев, помогать и тем, и другим не зло творить, а добиваться справедливости... Один он ни черта не стоит в этом деле, но разве Пончик будет не с ним? А Елена? Результатов они добьются мизерных, ну и что? С тем же успехом можно пихнуть землю под ногами, что изменит орбиту планеты, но на какую долю? И все же... На Руси уже стоят первые церкви, и число их будет расти вплоть до княжения Владимира. Хорошо это или плохо? Он задавал себе этот вопрос еще в «родном» будущем, но ответа не нашел. Он ругал попов за жадность, князей за жестокость, ибо крестили Русь огнем и мечом. Все так. Но есть ли иной путь? Язычество держится только по инерции обычая, по народной привычке, но оно отжило свое, как род. Пора давать ход новому. Чему? Выбрать вариант «И» – обратить Гардарики в ислам? Ну уж, нет уж! Пусть лучше православие...

С такими мыслями Олег шагал по улицам Эксокиония, западного района города, где в эпоху Феодосия селились готы.

Пройдя улицей Псамафилийской мимо монастыря Святого Диомида к форуму Тавра и свернув, Олег забрел в настоящее гетто, застроенное мрачными многоэтажками-инсулами. Дно Константинополя. Мрачные, сырые улочки, запакошенные донельзя, с рождения голодные маленькие оборванцы и их опухшие родители, вечно нетрезвые и ничего не требующие от жизни, кроме выпивки... При появлении Олега ребятня смолкала, а их папаши втягивали головы в плечи, уподобляясь нашкодившим котам. Но особой враждебности Олег не ощущал. Страх – да, был. Варанг все-таки. Хотя, если разобраться, этим-то чего бояться? Отбирать у них нечего. Лишать этих убогих их поганеньких жизней? Да кому они нужны...

У Олега испортилось настроение. Бессонная ночь, проведенная на посту, оставила в нем усталость, дневной негатив добавил раздражения. Ой, да пошло оно все...

Олег вывернул на улицу Палатия, пересекающую полуостров от порта Элевферия до Палатинских ворот на берегу Золотого Рога, и зашагал по ней, возвращаясь к Ипподрому.

– На ловца и зверь бежит! – донесся до него довольный бас Инегельда.

Князь в окружении «чертовой дюжины» перегородил Сухову дорогу и щерил белые зубы. – Ты куда собрался?

– Да так, – отделался Олег, – гуляю...

– Пошли тогда, – сказал Клык решительно и хохотнул: – Прогуляемся к морю! Айда!

И «чертова дюжина» в полном составе зашагала к Палатинским воротам.

Из города их выпустили легко, не глядя, да и какие могли быть подозрения? Отслужили варанги всю ночь, пора и отдохнуть от трудов воинских...

Сунув пару медяков перевозчику, они одолели Золотой Рог и высадились рядом с Галатской башней, от которой через залив, к Сотенной башне Юстиниановой стены тянулась заградительная цепь, ныне окунутая в воду.

– Коней надо сыскать, – решил Боевой Клык, – не пешком же к морю добираться...

– Это точно, – согласился Турберн и направил стопы по берегу в обход крепостных стен Галаты, между бесконечной пристанью и рядом лавок.

Справа скрипели и терлись бортами рыбацкие саландеры да купеческие хеландии, а у выхода в Босфор стояла на якорях пара дромонов – «Феодосий Великий» и «Св. Димитрий Воин». Застилая их, проходили на веслах длинные веретенообразные кумварии, тоже боевые посудины, но помельче дромонов. Корабельщики в черных накидках-сагиях пели псалом:

*Охраняет Господь путь праведных,
И путь нечестивых погибнет...*

А слева бушевала рыночная стихия, где продавцы и покупатели вели неравную борьбу за медь и серебро, уже не надеясь на золото:

– Почем рыба?

– Рыбица свежайшая, только из моря!

– Почем, спрашиваю?

– По три фолла, почтенный!

– Так я ж недавно по два покупал!

– Ну-у, когда это было-то...

– Благовонные притирания! Благовонные притирания!

– Купи амбру! Muskus отдаю даром – за один милиарсий!

– А вот миосотис, душистее не бывает! Нард из Лаодикии! Достопочтенный, не проходи мимо!

Тут благовония перебил грубый запах навоза, и Железнобокий взял след. За ним в толпу ввинтился Саук, знаток лошадей.

Вообще-то конями положено было торговать на форуме Амастриана, но не топтать же галатцам в такую даль! И вот, прямо у крепостной стены, была устроена коновязь, где фыркали и отаптывались скакуны всяких пород и вовсе непородистые, завезенные из Болгарии, мохнатые и длинногривые степные лошадки. Они были неказисты и коротконоги, а посему много за них не просили. Железнобокий живо сторговался и на правах хозяина вручил товарищам поводья чертовой дюжины коней, купленных вместе с попонами.

– Седел нету, извиняйте, – бурчал он. – Как-нибудь доедете, не развалитесь...

Варяги вскочили на коней, обхватывая ногами некрупных лошадок, и отправились в поход.

Все были одеты на ромейский манер – в холщовые рубахи-хитоны и портки, заправленные в мягкие сапоги, крест-накрест перевязанные ремешками. Хитоны не имели длинных рукавов, это было для русов необычно, и они набросили на плечи светло-коричневые сагии из некрашеного сукна. Так комфортнее, да и мечи на поясах прикрыты.

– Ходу, – сказал Клык и показал пример, добавил прыти своему коньку.

Животина Олегу досталась с норовом, все спину горбила, брыкаться пыталась. Сухов разозлился и треснул коня кулаком меж ушей:

– Смирно, животное!

Убедившись, что хозяин едет в седле, а не под седлом, лошадка стала сама кротость.

Кавалькада оставила позади Галату, поскакала меж сельхозугодий. Лес держался

жалкими клочками, маленькими рошицами или отдельно стоящими кипарисами, все остальное было распаханно и засеяно.

Олег благодушествовал. Стояло чудесное утро, он скакал в составе «чертовой дюжины», по дороге, вымощенной камнем, углубляясь в «пояс Цереры», окружавший Константинополь. Слева и справа зеленели ухоженные поля, шелестели сады, расстилались, полосатя холмы, виноградники, тянулись высокие каменные ограды усадеб-проастиев. Крестьянские дома строили пониже и пожже – из камня или самана, а покрывали черепицей или тростником. К домам примыкали огороды, сараи, погреба и большие, врытые в землю кувшины-пифосы для зерна или вина. Пахотные участки разделялись межами, канавами, изгородями из жердей и камней, рядами деревьев и кустов.

Чем дальше от Города, тем реже попадались усадьбы, пока вовсе не сошли на нет. Мощеная дорога сменилась грунтовкой, зато заросли сгустились, оставляя безлесными лишь скалы да выжженные солнцем верхушки холмов. А потом повеяло свежестью, ветерок донес запахи соленой влаги и гниющих водорослей. И показалось море, Русское море – удивительный синий глянец уходил за горизонт, лишь кое-где тронутый белыми завитками барашков.

Лазурный простор был пуст, но не тих – размеренные удары прибоя доносились глухо и явно.

– Будем ждать здесь, – решил Инегельд. – Собирайте в кучи хворост, запалим семь костров.

Олег слез с коника, разминая ноги, – приходилось все время с силой сжимать колени, чтобы удержаться. Ничего... Зато какая тренировка!

Варяги рассеялись, собирая сушняк, и живо сложили семь костров – осталось их только поджечь. И развалились на травке, потащили из сум припасы и фляжки с забористым неразбавленным.

– Хорошо тут... – проговорил Фудри Москвич, жмурясь на солнышке. – Тепло... Только люди злые. И врут на каждом шагу. У нас хоть и холодно, зато все свое. Все свои...

– Эт-точно... – разморено сказал Турберн. – Да и скучно тут. У нас там и лес, как лес, и реки, как реки. Охота там, рыбалка... По грибы сходить, и то веселее, чем по здешним улицам слоняться.

Олег промолчал – о Библиотеке, где вечно пропадал Пончик, он распространяться не стал. А Ипподром, похожий на художественную галерею? А «Дом света», сияющий в ночи на всю Месу? А Палатий, где скульптур и картин древних собрано столько, сколько и не снилось будущим директорам Эрмитажей и Лувров?

Ленивая сиеста прошла в неге – Олег со товарищи тупо отдыхал в тенечке. Подремав до обеда, погулял и снова разлегся на старом месте.

Варяги обеспокоились лишь однажды, когда внизу, под грядой скал, прошел по узкому пляжу ромейский патруль. Прошел и скрылся за мысом, где воды Понта Эвксинского вливались в пролив Святого Георгия, как богобоязненные ромеи переиначили эллинское название Босфор.

И вот тогда, словно дождавшись ухода ромейской береговой стражи, за морем поднялись паруса. Много парусов, полосатых и однотонных.

– Наши идут! – расплылся в довольной улыбке Инегельд.

– И кого это они с собою тащат? – нахмурился Железнобокий. – Паруса вишь какие? В один цвет.

– Славинов, наверное, – убежденно сказал Стегги Метатель Колец. – Князья их давно уж головы подняли. Жадные они до золота, вот и напросились в поход... А Халегу что? Ему лишние мечи не помеха...

– Да какие там мечи! – фыркнул Малютка Свен презрительно.

– А лодьи у них, как наши ушкуи, – пригляделся Турберн к корабликам под однотонными парусами.

– Дак это ушкуи и есть, – сказал Хурта Славинский, не особо жалующий князей

своих. – Зимой их новгородцы много понаделали, а по весне все в Киев сплывили.

– А чего тогда не сговорились, чтоб им скедий спустили? – спросил Железнобокий с недовольным видом. – Будут тут нас позорить!

– Так я ж говорю, – подхватил Стегги, – жадюги они! В ушкуй больше трех десятков вояк никак не вместить, а скедия сороковник запросто примет...

Турберн только головою покачал. Инегельд напряженно всматривался и воскликнул вдруг:

– Есть! Поймал!

Олег пригляделся в недоумении и тоже словил «солнечного котенка», как русы прозывали «солнечных зайчиков», – видать, кто-то с борта пускал их зеркальцем.

– Зажигай костры! – скомандовал Клык.

Гридни забегали, зачиркали огнивами, и потянулись дымки, вспыхнуло прозрачное пламя.

– Зелени подкиньте, а то дыму маловато!

Бойцы подкинули, и потянулись к небу семь кривых серых столбов, определяя в десятках число кораблей императорского флота.

Потом Железнобокий с Вороном накинули на пару костров свои сагии и тут же сдернули. Опять набросили и снова убрали. Так два прерывистых дыма сообщили дополнительную информацию – о двадцати самых опасных дромонах, на которых не только баллисты стоят, но и сифоны огнепальные.

С лодий заблестало зеркальце – «Вас поняли!».

– Все, – отрывисто сказал Инегельд. – Уходим!

Варяги живо собрали манатки и вскочили на коней.

Оставив костры догорать, «чертова дюжина» поспешила обратно, подальше от берега моря.

– Если попадемся, – предупредил Турберн, – нас не пожалуют!

– А что нам будет? – нахмурился Малютка Свен.

– Секир-башка будет, – серьезно ответил Саук.

– Ходу!

Отряд поскакал напрямик через дубравы и заросли хмелеграба, пока не выехал на дорогу. Здесь их ждала неприятность – большой разъезд конных иканатов в медных чешуйчатых доспехах с кожаными полосками-птеригами на плечах, смахивавшими на эполеты, в остроконечных шлемах, с овальными щитами-скутами и однолезвийными мечами-падамерионами. Впереди скакал офицер в красном плаще, с круглыми вышитыми вставками на хитоне.

Он зло закричал, углядев варягов, и выхватил короткий меч. В атаку!

Иканаты, сипло взревев, пришпорили коней и бросились на варягов. Тем ничего не оставалось, как кинуться наутек. Даже тигр не считает зазорным убежать от дикого буйвола...

Олег улепетывал со всеми, успокаивая себя тем, что никто из «чертовой дюжины» не должен быть пойман или убит, ибо это будет подставой для всей гриди. Да и не хотелось ему разборок-заварушек в такой хороший день...

Варяги вынеслись на мыс, откуда открывался вид и на Босфор, и на море, и завертелись на обрыве. Дальше дороги не было. А преследователи догоняли, их с русами разделяла только хилая роща кипарисов. Оттуда донесся топот копыт, к которому добавились громкие крики, в которых мешался гнев и страх, – видать, ромеи разглядели подгребавший русский флот – сотни лодий с распушенными парусами, взблескивая тысячами весел, шли к Босфору, выстроившись в три линии.

Офицерский голос провopil команду, и иканаты затопотали в обратную сторону – предупредить о набеge страшных северных варваров.

– Ишь ты их, – смущенно закричал Клык. – Вот что значит дороги не ведать... Выперся! Едем.

– Постой, – сказал Железнобокий и указал на Босфор.

А там, показавшись за изгибом холмистого берега, выходили черные дромоны. Их паруса были свернуты и притянуты к косым реям – корабли шли на веслах, размеренно, в два ряда окунавшихся в воду.

– Ага... – тяжело сказал Инегельд, подумал и слез с коня.

– Щас что-то будет... – протянул Ивор.

Олег тоже спешил и накрутил поводья на руку. Конь сразу полез мордой в сумку и получил сухарь.

– На мелкое место им надо, – занервничал Клык, – туда дромунды не сунутся...

– Не бойсь, – сказал Турберн, – Халег не отрок сопливый, дело знает...

Русский флот словно послушался Инегельда – скедии с ушкуями сместились к отмелому месту. И тут же поползли вниз паруса, зашатались, укладываясь, мачты – ничего не должно отвлекать от боя. На скедиях произошло множественное движение – часть гребцов накидывала брони, разбирала мечи и секиры, снимала с бортов развешанные щиты. Грозно щерились головы чудищ, вздернутые на высоких штевнях скедий, а на носах ушкуев открывали зубастые пасти резанные из дерева медвежьих башки.

Флот русов несколько перестроился – простираясь по фронту на полверсты, он укрепил крылья, где корабли шли в глубину на три линии. В центре же – на две, причем с большими промежутками между скедиями, чтобы, не мешая соседу, уворачиваться от таранных ударов.

Дромоны выплывали медленно – силой течения их сносило назад, но мало-помалу они сближались с лодьями. С палуб ромейских кораблей доносилось нестройное пение – хриплые голоса мореходов-дромонариев выводили: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!»

На флагмане «Двенадцать апостолов» хлопала по ветру пурпурная хоругвь с изображением Богородицы – охранительницы града Константинова. Над ее главой можно было разобрать шитый серебром полумесяц со звездой внутри – знак Артемиды-звероловицы, римской Дианы. По палубе «Двенадцати апостолов» расхаживали иерей и диакон, облаченные в ризы, и тянули молитвы, усиленно окуривая воинство Христово благодатным дымом из кадильниц.

На кормовой башне-ксилокастре недвижно стоял сам друнгарий флота в сагии с вышитыми золотыми орлами по черному полю.

А уж как бегали матросы, как стегали рабов, прикованных к веслам, как суетилась судовые ратники-эпибаты!

На носовых башнях сдергивались кожаные чехлы, прятавшие начищенные медные купола сифонов и зловещие трубы, жерла с наконечниками в форме оскаленных монструозных морд. То и дело воздух, наполненный скрипом и плеском весел, разрывал дикий свистящий рев «нигларос» – предохранительных клапанов, а над палубами дромонов вился легкий дымок – сифонисты рьяно шуровали в топках, поднимая давление в котлах с кипящим составом Каллиника, прозванным «греческим огнем».

Эпибаты ухали, накручивая рычаги баллист и онагров.

– Ох и будет нам... – пробормотал Ивор.

– Не каркай! – сердито цыкнул Железнобокий.

Один за другим двухмачтовые дромоны вырывались в море, и сразу улавливали ветер. Мигом расправлялись треугольные красные паруса, и выгнутые луками реи разворачивались «бабочкой» – один рей в одну сторону, другой – в противоположную. Так ветрила полнее всего наполнялись попутными дуновениями.

Победно взвыли трубы, полсотни громадных дромонов медленно выстроились полумесяцем и двинулись на русские скедии. Флагман держался позади, наблюдая за ходом сражения.

Скедии, лишённые мачт и парусов, казались утлыми суденышками, убогими однопалубниками на фоне черных кораблей под красными парусами. Но скедий было много, и варяги, славные морскими победами, знаменитые пираты, не собирались сдаваться. Русские корабли не жались на отмели, дожидаясь, пока их сожгут.

Халег Ведун бросил основные силы на ту часть ромейского флота, что не грозила его скедиям сожжением.

Сверху было хорошо видно, как изящные варяжские суда веером двинулись к дромонам, заходя с правого фланга, ближнего к берегу. Первыми сдали нервы у командира корабля «Победоносец ромейский» – сработала катапульта, и вверх, описывая дымную дугу, взвился объятый пламенем снаряд – двухведерный глиняный сосуд. Он разбился о драконью голову ближней скедии, и хлынуло жидкое пламя, окатило форштень, разлилось по волнам. Однако варяги не попрыгали в ужасе за борт, а принялись сноровисто тушить пожар – зачерпнули кожаным ведром уксуса из бочки и погасили «греческий огонь». Только пятно трескучего и чадного пламени расплылось по мелкой волне, пока не затухло.

Взлетели еще два снаряда, и тут уж постарались кормщики – следя за траекторией полета, они ускоряли ход скедий или замедляли его, сворачивали с пути. И обе «посылки» бесполезно плюхнулись в воду.

А самые быстрые из варяжских кораблей уже достигли дромонов, не числящихся в «огнеопасных», и пошли на абордаж.

Эпибаты обстреливали русов с палуб, метали дротики и копья, но варяги упорно пробивались, уворачиваясь, принимая стрелы на щиты. И вот громовой рев разнесся над притихшей водою – раскрутились и полетели к бортам дромонов цепи с крюками, варяги по двое подкидывали товарищей, перебрасывая тех за высокие борта. Пока первые вступали в бой, прикрывая идущих следом, на палубы дромонов залезали десятки и сотни осатаневших воинов, не знающих, что такое пощада и милосердие.

Первым был захвачен дромон «Жезл Аарона» – русы вырезали тех, кто им сопротивлялся, а тех, кто поспрыгивал за борт, отстреляли из луков.

Следующим сдался «Святой Иов», за ним пал новенький дромон «Великомученица Варвара».

Друнгарий флота впал в ярость, его трубачи подали сигнал, и сразу пять огнепальных кораблей с левого фланга повернули, ломая строй.

Началось замешательство, неповоротливые дромоны мешали друг другу. Один корабль не вовремя сменил курс и столкнулся с соседом, ломая тому весла по всему борту (а весла ломали руки и грудины рабов...). «Феодосий Великий» неуклюже развернулся, потерял ветер и врезался носом в борт «Дракону». Корпус не пострадал, но толчок многих эпибатов сбросил в море, что породило волну хохота на скедиях.

«Дракон» тут же отомстил варягам, поскольку был огнедышащим – сифонист направил трубу на скедии, из ее жерла повалил голубоватый пар. Помощник сифониста подполз, поднимая лампаду, и из трубы с ревом забило чадающее пламя. Огненная струя окатила две скедии подряд, и тут уж никакой уксус не спас мореходов – и людские тела, и корпуса кораблей равно горели, погибая от страшного, негасимого жара.

– Сволочи! – зарычал Малютка Свен. – Я бы их... Ух!

– Глядите! – воскликнул Ивор.

А поглядеть было на что – Халег Ведун наверняка имел план, который начал осуществляться на глазах у Олега Сухова. Варяги запалили захваченные дромоны и направили их против строя ромейских кораблей.

Дымно горели алые паруса, огни ползли по канатам, растекались по палубам. Треск пламени мешался с воем гребцов. Немногие варяги, оставшиеся на палубах, нещадно лупили невольников по исполосованным спинам, заставляя грести навстречу смерти.

Сработал сифон, окатывая «греческим огнем» палубу «Святого Иова», но жажда мести сработала против ромеев – дромон лишь пуще воспламенился и плавно вписался между двумя ромейскими кораблями. Затрещали, лопаясь, весла, перепутались снасти, раздутый ветром огонь перебросился еще на две палубы. И вопль человеческий утроился...

Одна за другой сгорели пять скедий, но добрая сотня варяжских кораблей атаковала дромоны, обступив ромейские корабли, как лайки медведя.

И только тут на ромейском флагмане поняли замысел русов – Халег оставлял кораблей

двести, чтобы сковать или разгромить флот империи, а главные силы уже брали мористее, продолжая движение к Константинополю.

Первым покинул место битвы головной корабль, трубачи друнгария выдували пронзительные сигналы к отступлению.

Дромоны с готовностью сдавали назад, переставляли паруса, переключивали рули. Потрепанные ромейские корабли замедленно юркали в горловину Босфора, как черные крысы-пасюки в нору. Пользуясь течением, они заскользили к Константинополю.

А русские лоды, оставив догорать свои и чужие корабли, кинулись вдогон.

– Вот, – радостно протрубил Инегельд, – а ты говорил!

Кто именно говорил и что именно, осталось тайной.

– Поскакали! – услышала приказ «чертова дюжина» и без промедления исполнила его.

Глава 18, в которой Олегу дается ответственное поручение

«Чертова дюжина» пробиралась запутанной сетью дорог, то уходя от Босфора, то вновь приближаясь, всякий раз наблюдая отступающие дромоны, теснящиеся в узком проливе, и следующие за ними скедии.

– Во, гонят! – воскликнул Малютка Свен.

– Век бы любовался, – прокричал Ивор, – как ромеи драпают!

– Догонят наши, нет? – поинтересовался Саук.

– А зачем? – пожал плечами Олег. – Я так понимаю, великий князь сюда не только за вирой, но и за уважением пришел, он признания ищет, хочет, чтобы базилевс не относился к нему как к какому-то слуге! Для чего тогда дромоны жечь? А вот силу показать надо было. Он и показал...

Инегельд задержался на круче, оглядывая живописные берега пролива, и сказал с озабоченностью в голосе:

– Это, конечно, все хорошо, но нам бы в город вернуться, да поскорее. Мы свое дело сделали. Ищите дорогу, хватит плутать!

Дорога вскоре и сама нашлась – узкая, но мощенная камнем, старой римской работы. С такой только пыль сметай – простоит тыщи лет, и ничего ей не сделается.

Вскоре и первые дома завиднелись. Было видно, как селяне суетились, собирая вещи в тюки, хватая детей, выискивая занащенное серебро. Грохотали телеги, тюпали копыта лошадей, мычали коровы, истошно гагакали гуси, наспех засунутые в клетки, плетенные из ивы. Жители бежали кто куда, лишь бы схорониться, лишь бы не попасть под русскую секиру.

Вскоре и кавалерия показалась – катафрактарии в тяжелом облачении казались сутулыми, а их могучие кони, почти полностью скрытые под доспешными попонами, выглядели валунами, каменными глыбами, вдруг обретшими движение.

Катафрактарии заметили варягов и поскакали наперерез, то ли ошибочно признав в них пришельцев-русов, то ли ради профилактики.

Князь Инегельд, бранясь по-черному, развернул коня и поскакал прочь, ибо разборки с тяжелой конницей могли кончиться печально.

«Чертова дюжина», уже не надеясь добраться до моста Каллиника, повернула к Галате. И едва не столкнулась с еще одним отрядом – по дороге мчались во весь опор наемники-угры, гикая и свистя на все лады. Их было под сотню человек, и связываться с этими отморозками степей у варягов тоже не возникало желания.

Вот и вышло, что варягам помогли свои же.

Корабли флота русов так и не догнали дромоны – тем удалось прошмыгнуть в Золотой Рог, и за кормой последнего катапультноносца из воды поднялась исполинская цепь. Ее ржавые звенья грузно покачивались, то утапливаясь, то как бы всплывая и гоня поперечную волну.

Самые быстрые скедии развернулись у этой финишной черты и неспешно двинулись обратно. Но недалеко – Халег Ведун разбил лагерь за Галатой, на плоском берегу.

Тысячи воинов высыпали на берег, вытаскивая на берег корабли, а после взялись копать ров, насыпать вал, ставить частокол – все как всегда, отработанная годами практика действенной обороны. Приготовленных заранее кольев не хватило, и в дело пошла роща кипарисов.

«Чертова дюжина» подлетела в самый разгар работ, когда на валу уже торчали первые заостренные бревна, но сплошной стены пока не наблюдалось. Русы поначалу встретили подъезжающих варягов неприветливо, но потом заревели от восторга, опознав друзей и побратимов.

- Турберн! Здорово! Не отлежал еще железные бока?
- Да это ж Инегельд! Здорово, Клык!
- Хо-хо-хо! Ивор!
- Глянь, Малютка Свен еще больше усох! Привет, заморыш!

Кивая и щеря рты, «чертова дюжина» прошла сквозь плотный строй и оказалась возле единственного шатра, поставленного поближе к скедиям.

- Халег! – взревел Боевой Клык. – Встречай!

Пола шатра откинулась, и наружу вышел сам великий князь. Халег Ведун был в пластинчатом доспехе, отливавшем медью, в черных штанах, заправленных в червленые сапоги, а длинные седые волосы его обжимал золотой венец.

Выйдя, великий князь выпрямился и встретил Инегельда с усмешкой:

- От своих бегаешь?
- Да какие они мне свои, – пробурчал Клык.
- Ладно, князь, заходи, поговорить надо...

Князя великий и светлый скрылись за пологом шатра, и «чертова дюжина» разошлась по лагерю, приискивая старых знакомцев, обзаводясь новыми товарищами. Уже слышен был веселый бас Малютки Свена и взрывы хохота вокруг.

Олег счел себя притомившимся и устроился на берегу, между сохнувших скедий, с бортов которых еще капала вода. Скучал он недолго, быстро нашлась тема для размышлений – было заметно, что русы не распространяли понятия равенства и братства на славянов, а от политкорректности они были и вовсе далеки.

Русов с Халегом Ведуном отправилось немало – человек двадцать князей, великих, светлых и простых, ярлы и великие бояре собрали свои дружины и дружинки в один кулак, приводя их из Бьярмов и Алаборга, Альдейгьуборга и Хольмгарда, Хинугарда и Дрэллеборга, Полтескьуборга и Мелинеска – со всех градов и весей Гардарики, которую все чаще называли просто Русью.

Помаленьку-потихоньку горделивое название Русь распространялось на оба берега Непра, почти на всем протяжении пути «из варяг в греки», повсюду, где русские конунги брали власть над местными племенами.

Одно было плохо – мало было русов. Постепенно светловолосые, белокожие, сероглазые великаны с Севера растворялись на просторах плодovitого Юга среди местного населения, не шибко рослого, черноглазого и темноволосого, сходного с теми же ромеями или итальянцами-фряжинами. Но уж больно любы были варягам чернявые южаночки, да и те привечали высоких блондинов... Так и шел великий процесс этногенеза, так выходил из «плавильного котла» народ, который много позже нарекут русским.

Но вот воинов-славянов варяги в свое братство допускали неохотно, держались наособицу и ставили себя куда выше выходцев из какого-нибудь Трубежа, Искоростеня или Турова. Вот и здесь, в лагере близ великого города, в глаза бросалась разделительная линия, незримая, но четко проведенная между русами и славянами.

Скедии вытаснены отдельно от ушкуев и стругов, варяжские каркасные шатры заняли места посуше, спихнув славянские палатки в низинки. Особо горят костры, особо варятся каши, да и сами бойцы не братаются. Похоже было, что славяны занимали в сборном войске

тот же уровень, что и вспомогательные части ауксиллариев в римских легионах, – смерть на всех одна, а доля в добыче разная...

– Олег! Подь сюды!

Сухов обернулся и увидел Инегельда, манившего его к себе.

– Слушаю, князь.

– Значит, так, – важно проговорил Клык. – Халег предлагает нам выслужить у базилевса весь положенный срок, то бишь год. Я дал согласие – и за вас, и за себя. Чай, не против?

– Я – за, – улыбнулся Олег.

– Ну, раз так, ступай к великому князю. Хочет тебя видеть лично...

Сухов очень удивился, но перечить не стал, полез в шатер, раздвигая два полога на завязках.

Легкий войлок пропускал немного света, да и дымогон вверх был открыт, так что все убранство княжеского шатра видно было без напряжения глаз.

Выровненный пол был посыпан свежескошенной травой, в глубине стояла большая кровать с вышитыми подушками, шелковыми и меховыми покрывалами. Рядом уминали траву украшенный резьбой сундук, скамья и столик с серебряным кувшином и кубками. На стойке из перекрещенных ясеневых шестов распялена кольчуга, наверху самого длинного шеста висел шлем, щит и ножны прислонены внизу.

Сам хозяин шатра сидел на скамье, уперев руки в колени, и ждал, пока Олег осмотрится. Спohватившись, Сухов отвесил не слишком глубокий поклон и сказал:

– Здрав будь, княже.

– И тебе того же, воин, – серьезно ответил Халег. Тут же его борода разлезлась ухмылкой: – Говорят, и тебя Вещим прозывали?

– Было такое, – смутился Олег.

– Ну, я не к тому звал тебя, чтобы прошлое вспоминать, – решительно заговорил князь, – впору о будущем думать. Сказывали мне, что ты ромейскую речь разумеешь?

– Разумею, княже. Так способнее. Безъязыкий в чужой стране все равно что слепой.

– Это верно... Я слышал отсюда, что согласился ты отбыть весь срок службы... А задержаться тут не хотел бы?

– Я... – растерялся Олег.

– Постой, – поднял руку князь. – Я не просто так это сказал, а с умыслом. Надобен мне тут свой человек, у ромеев, смысленный и верный, который бы все понимал, слышал и видел, а после рассказывал посланникам моим... Или тех, кто после меня избран будет людьми, потому как стар я и давно уж позван предками. Знаю, трудно стать у ромеев своим, народ они дюже подозрительный, но попробовать-то можно?

Олег подумал для солидности и твердо ответил:

– Я с радостью останусь в Миклагарде и буду работать во вражеском окружении. Долг каждого истинного руса – помогать родной земле. Если князь считает, что мой долг – помогать ей отсюда, я исполню его с тщанием.

– Вот и славно, – ласково сказал Халег. – Ступай и помни наш разговор. Да, и возьми сие, – князь протянул старинный перстень из серебра, оправляющий овальную печатку из бирюзы. – Ежели кто покажет тебе такой же, знай, то посланец от нас, можешь верить ему.

Олег с поклоном принял перстень и покинул шатер. Радость теснилась в его сердце – Халег Ведун легко и просто решил ту задачу, над которой он бился, – как остаться в Константинополе, не став для Руси, как минимум, перебежчиком. А то и изменником... «Чертова дюжина» не поняла бы его устремлений, это как дважды два. Теперь же другое дело – он остается исполнять приказ самого великого князя! Большое ему за это человеческое спасибо...

* * *

Незаметно за вечерело. Крепкий частокол стоял неколебимо, дозоры лениво слонялись по округе, высматривая неприятеля – на его же родной земле.

Военный лагерь был кучно заставлен шатрами, между которых горели костры и сидели воины в кружок. Тесноту чувствовали все, но и безопасность – тоже.

Горели огни и по ту сторону частокола. «За цепью», по тихим водам Золотого Рога и Босфора плавали плоты с чанами, в которых пылала горячая смесь. Огни красиво отражались в волнах, освещая акваторию, – русы не пройдут незамеченными!

Длинные цепочки горящих факелов очерчивали зубчатые линии стен Константинополя и Галаты, а на башнях горели костры, подогревая смолу в котлах с выливными носиками. Всполохи огня отсвечивали на латах и оружии, выхватывали из темноты то корму корабля у причала, то выщербленную стену.

Насмотревшись на растревоженную столицу империи, Сухов протолкался к центральной площади лагеря, расположенной на берегу. Тут тоже горели костры, освещая покачивающиеся скедии. Головы драконов, троллей и горгулий подсвечивались снизу, только клыки блестели, да блики дрожали на выпученных буркалах.

После сытного ужина варяги разговор вели ленивый, лишь бы время скоротать до отбоя. Но они сразу оживились, когда к шатру великого князя пробился юнец-дозорный и доложил Халегу Ведуну:

– Там ромей поймали... Вернее, он сам пришел. По-нашему бает, говорит, самого главного видеть хочу, тайну открыть готов...

Халег, не глядя на юныша, буркнул:

– Веди.

Дозорный исчез, и вскоре объявился перебежчик – высокий, длинный как жердь ромей, закутанный в потрепанную хламиду. Когда он откинул ткань с лица, Олег даже вздрогнул – это был Евсевий Вотаниат, магистр, которого объявили в розыск!

Евсевий заметно исхудал, тщательно стриженная бородка нынче торчала неопрятными клочьями, в ней застряли крошки, а в волосах – солома. Мрачное, даже зловещее лицо магистра было отмечено печатью усталости, а в глазах дрожал огонек загнанности.

– Где ваш князь? – спросил он глухо. Акцент выдавал ромей, но понять можно было без труда.

Халег Ведун, сидевший у костра вместе с гриднями, обернулся к магистру и спокойно ответил:

– Я – великий князь Халег. Слушаю тебя...

– А я – враг базилевсу, – криво усмехнулся Евсевий. – У нас говорят: «Враг моего врага – мой друг».

– Разве я вражду с базилевсом? – хладнокровно сказал князь. – Я пришел говорить с ним о мире и любви, а не чинить расправу и смерть. Чем быстрее он это поймет, тем меньше прольется крови.

– Я могу помочь вам!

– Как?

– Мне известны тайные двери в стенах галатских. Я смог бы провести твоих воинов к башне, откуда опускают цепь, и тогда корабли войдут в Золотой Рог!

Халег улыбнулся, щуя глаза, и промурлыкал:

– Я и без твоей помощи попаду туда. Завтра.

Евсевий недоверчиво покачал головой и зашел с другого боку:

– Тайные ходы есть и в стенах, окружающих Константинополь... Через один такой Михаил Пьяница попал в город, когда тот был осажден Аскольдом и Диром. Я покажу тебе его!

Халег заинтересовался, и тогда Сухов шагнул вперед.

– Не верь ему, великий князь! – резко сказал он. – Этот человек – беглый преступник. Он предал базилевса и с легкостью предаст тебя, хотя бы для того, чтобы оправдаться перед императором!

– Замолчи, проклятый варанг! – взбеленился Вотаниат. – Как я жалею, что не убил тебя, когда мог!

– А ты попробуй снова. Со второй попытки! Дать тебе меч или ты привык кусаться и щипаться?

Варяги весело зашушукались, предвкушая ха-арошую потасовку, а то и настоящий поединок. Халег поднял руку, унимая гридь.

– Ты хочешь биться, Олег? – осведомился он, храня невозмутимость.

– У меня с этим длинным хорьком свои счета. Дозволишь ли?

– Дозволю.

Олег обернулся к магистру.

– Я вызвал тебя, – сказал он. – Тебе выбирать оружие.

Евсей Вотаниат неожиданно успокоился.

– Превосходно, – сказал он, осклабясь. – Я выбираю не меч, а секиру. Говорят, варанги – великие мастера биться на топорах? Вот и проверим этот слух...

Халег набрал побольше воздуха в грудь и оповестил окружение:

– Секиру и щит каждому! Освободить круг!

Гридни живо расступились, уширяя «арену», а оруженосцы притащили две секиры и два круглых щита.

Олег молча сунул левую руку за лямку щита, уцепился пальцами в рукоятку-держак, взялся за топорище. Сам топор был широк, с закругленным лезвием, но не слишком тяжел – полегче того, каким орудует лесоруб.

Сухов покрутил секиру, принаравливаясь заново, – давненько он не брал в руки подобное орудие убийства... Меч, конечно, сподручней, но уж больно дорог клинок. Даже в дружине Халега большая часть воинов имела при себе одни секиры. Да и кольчуги были не на всех. В основном, гридни носили кожаные доспехи с нашитыми бляхами или кольчужными накладками. Полновесные кольчуги ценились высоко и передавались по наследству от отца к сыну.

– Сходитесь! – прозвучал приказ.

Олег прикрылся щитом и двинулся на Вотаниата, поигрывая секирой. Топор – он и есть топор, массы у него побольше, чем у меча. Остановить после замаха трудно и разогнать нелегко. Приходится постоянно держать секиру «на махе», она должна всегда двигаться – так легче ударить или отвести выпад противника.

Магистр набычился и попер на Олега. Его секира описала дугу, вдруг резко пошла снизу вверх, обещая пропороть Сухову живот. Полутролль отпрыгнул в сторону, а секира Евсевия взвилась вверх и засвистела по косой, целясь то ли в шею, то ли в голову.

Олег отвел грохнувшую секиру щитом и нанес удар своей – по колену магистра. В самый последний момент Вотаниат отскочил. Внезапно отбросив щит в сторону, он схватился за топорище обеими руками и ударил со всей мочи по Олегову щиту. Сухов поставил его ребром, но металлическая оковка не выдержала, лопнула, а прочная ясеневая основа изломилась напополам, удерживаемая воедино воцеленной кожей.

Освободившись от щита, Олег схватился за топорище у самой железки и ударил древком, отбивая секиру магистра. Теперь левая рука оказалась на замахе, и боевой топор ударил прицельно, с оттягом правой, рассекая ребра Евсевия. Прорубить грудину Олегу вряд ли бы удалось, да и зачем такой удар? Еще секира застрянет в кости...

С приглушенным возгласом Вотаниат отпрянул, а варяги взорвались криками восторга.

– Вломи ромею! – орал Малютка Свен.

– Снеси ему черепушку! – поддерживали его в первых рядах.

– Руку, руку отсеки!

– Бей!

– Руби!

– Покажи ему!

Олег снова закружился, помахивая секирой. Магистр развернулся с ударом Сухову в

спину, но лезвие достало лишь край хитона. А Олег ответил прямым колющим ударом, со звоном отбил секиру противника и ударил того в пах ногою. Магистра скрючило. Выпучив глаза, он вяло отмахивался, отступая семенящим шагом к берегу, и вдруг швырнул секиру в Сухова. Не разгибая спины, он метнулся к скедиям, проскользнул между... Две стрелы прогудели вдогон, но не попали. С тяжелым всплеском Евсей Вотиант скрылся в воде Босфора.

– Лягушка прыгнула в болото, – спокойно сказал Халег Ведун. – Молодец, Олег, не посрамил нашей чести. Ну, все! Отбой! Завтра будет трудный день...

Глава 19, из которой доносится знаменитое: «Мы от рода русского!»

Рано утром к частоколу, окружавшему варяжский лагерь, подъехала делегация ромеев – целая толпа магистров, патрикиев и прочих мандаторов, разодетых как на парад. Сопровождение из экскувитов блистало не меньше.

Для послов в частоколе прорубили достаточное отверстие, и те пролезли на стоянку, пугливо озираясь. Варяги молча расступились, образуя живой коридор к княжескому шатру.

Процессия отважно двинулась на переговоры. Впереди шагал личный посланник базилевса Лев Малеин, протоспафарий из ведомства логофета дрома, ответственного за внешние сношения империи. Малеин вышагивал в красно-зеленых одеждах, положенных ему по чину, а на груди его побрякивала золотая цепь.

– Олег, – сказал великий князь, не поворачивая головы, – скройся с глаз! Не нужно, чтобы тебя видели с нами. Достаточно и того, что вчерашняя «лягушка» упрыгала... веры ему, может, и не будет, но кто его знает? Скройся!

Сухов спрятался за спины товарищей, а Халег Ведун поманил к себе толмача из херсонитов, густо обволоченного, остролицего типчика. Тот подсеменил, безостановочно кланяясь.

– Его величество базилевс шлет архонту Халегу свои приветствия, – величественно начал протоспафарий, – и выражает кроткое недоумение: зачем храбрым русам потребовалось нарушать мир?

Толмач торопливо нашептал перевод.

– Я к твоему базилевсу, – мрачно проговорил Халег Ведун, – то ли дважды, то ли трижды послов засылал. И что? Все разы они зря прождали по месяцу и отбыли назад – базилевс так и не соизволил принять их. А я хотел с ним ряд заключить, ряд мира и любви!

Протоспафарий тонко улыбнулся:

– Ты должен понять, архонт... Базилевс не по злой воле заставлял так долго ждать твоих послов – того требовал обычай...

– Плевать мне на обычай! И забудем дела посольские. Теперь я сам прибыл сюда и не уйду, пока мы с базилевсом не урядимся.

– Это твое последнее слово, архонт? – пропел посланник.

– Предпоследнее, – буркнул князь. – Надо будет еще кое-что исполнить... Ваши люди зарезали сына великого князя Ингоря, и мы требуем по Правде своей отплатить за это непотребство.

– Сколько ты просишь? – деловито спросил понятливый протоспафарий.

– Немного. По двенадцать фунтов серебра на каждую скедию...

– Так у тебя их пятьсот! – ужаснулся посланник.

– ...И паруса новые, – невозмутимо продолжил Халег. – Для русов – шелковые, а для славин – из крепкого холста. Все, разговор окончен.

– Я немедленно донесу до ушей базилевса твои слова, архонт, – поклонился протоспафарий и отбыл восвояси.

Подождав, пока тот скроется, Олег Сухов приблизился к великому князю и поклонился.

– Что скажешь? – обратился к нему Халег. – Согласятся они?

– Думаю, согласятся, – сказал Сухов, обдумывая каждое слово, – ежели ты, княже, последуешь моему совету... Не гневись только и не сочти слова мои за неподобающую смелость.

– Говори, говори... – проворчал князь.

– Знаю, что удержать воинов сложно, и молодцы твои уже прошлись по предместьям Миклагарда. Прикажи только, чтобы гридь твоя не трогала церкви здешние и монастыри. Это расположит к тебе ромеев.

– Думаешь? – сказал Халег с сомнением.

– Уверен. Их очень удивит то, что варвар щадит святыне для них места.

– Ладно, не тронем храмов Распятого... – князь усмехнулся с хитринкой. – У меня тоже есть одна задумка, чтобы их... того... расположить.

– Какая же?

– Увидишь. Ну, все, топайте к своему базилевсу. Он, наверное, вас обыскался уже!

Собравшаяся «чертова дюжина» вежливо посмеялась и двинулась вон, через пролом в частоколе к лошадям своим.

Олег спустился с вала и удивился – повсюду трудились варяги и славяне, работая лопатами и ломом. Они срывали бугры и заравнивали ямы, трамбовали грунт тяжелыми обрубками бревен и засыпали овраги. Что за притча?

– Чего это они? – любопытствовал Фудри, влезая на коня.

– Знать бы, – буркнул Турберн. – Хитрит Халег, старый лис!

– Все тут? – нетерпеливо обернулся Клык. – Вперед!

Отряд поскакал между «дорожных рабочих», пока не въехал на пустынные улицы селения. Дома стояли брошенными, вокруг царил безмолвие, словно все село стало выморочным.

Вскоре, однако, донеслись крики. Несколько человек ромейского обличья выбежали на улицу и резко затормозили перед «чертовой дюжиной». В одном из бегунов Олег узнал верного спутника Елены.

– Игнатий!

Фока вздрогнул сперва, потом узнал Сухова и радостно всплеснул руками.

– Олег! – Его улыбка тут же сползла с губ, уступив место растерянной гримасе, изображавшей испуг: – Там Елена, в проасти! Она вернулась на минутку, чтобы забрать ценности, а тут варанги напали!

– Вперед! – яростно крикнул Сухов.

Варяги?! На его Елену? Да хоть сам Халег Ведун, без разницы! Любой отведает меча, кто хоть пальцем коснется Мелиссины!

– Мы с тобой! – крикнул Ивор, понукая коня.

За ним поскакали Малютка Свен и Стегги. Остальные переглянулись, и Клык махнул рукой:

– Едем!

Чувствуя его раздражение, Турберн сказал:

– Надо же своему помочь-то...

– Против своих же?!

«Чертова дюжина» проскакала парой улиц и выехала к воротам богатого имения. Вернее, ворота уже лежали на земле, вышибленные тараном, а в переднем дворе сустились воины в кожаных доспехах и шлемах, с шестоперами и секирами в руках.

– Да это славяне! – обрадовался Боевой Клык. – Ну, слава богам... Бей славянов!

Славяне не приняли боя и кинулись в парк, варяги за ними.

Проасти напомнил город в миниатюре. Варяги скакали через парк и видели поперечные аллеи, украшенные статуями, и брызжущие фонтаны, а за клумбами и пышным розарием поднимался маленький храм. Была здесь и роскошная купальня под двумя куполами, и приземистый барак для рабов. В сторонке стояли добротные конюшни, овчарни, коровник, а за ними сверкал рыбный пруд и зеленели огороды. Даже маленькая

тюрьма имела в пределах проастия, даже богадельня для престарелых слуг! Хорошо иметь домик в деревне...

Славины дунули за межу, сложенную из плоского плитняка, а Олег, озираясь кругом, подскакал к террасе особняка.

Тут же, у столба коновязи стояло несколько лошадей, породистых и ухоженных. Все они были расседланы, кроме одной белой кобылки с золотистой гривой набок. Кобылке очень «шло» шелковое покрывало, свисавшее с крупа. Седло было расшито жемчугом и отделано золотыми бляхами.

– Елена! – крикнул Олег, спрыгивая с седла. – Елена!

– Елена! – послышался тонкий зов Игнатия.

Из дома донесся шум, и на террасу выкатился очумелый славин, кое-как отмахивающийся обломком меча от разъяренной Мелиссины, кроившей воздух акуфием.

Увидев Сухова, славин кинулся в атаку и напоролся на меч.

Выдернув клинок, Олег бросился к возлюбленной:

– Ты в порядке?!

– Да! – выдохнула Елена, отбрасывая оружие и цепляясь за крепкую суховскую шею.

Олег нежно гладил отвердевшую спину и чувствовал, как Мелиссина расслабляется, смягчается, возвращая утерянную женственность.

– Валькирия! – ухмыльнулся Боевой Клык и спрятал меч. – Ну, не буду мешать...

Елена подняла голову и взглянула Сухову в глаза.

– Ты поступил не по правилам, – игриво произнесла она. – В Самбате ты уже спас мне жизнь, так что теперь моя очередь уберечь тебя от смерти.

– Прости, – улыбнулся Олег, – больше не буду.

– Я тебя люблю...

– А я тебя еще больше... Поехали отсюда!

– Да-да, едем...

– Игнатий сказал, что ты хотела забрать ценности.

– Ах, это по дурости. Я совсем забыла, что отнесла их в местный храм Богородицы, когда вернулась из Самбата. Жаль, конечно, что теперь они уплывут еще дальше, на твой север...

– Может, и не уплывут. Я упрощу великого князя не трогать храмы...

– Думаешь, подействует? – округлила глаза Елена.

– Посмотрим, – пожал плечами Олег.

Он посадил женщину на белую кобылку и вскочил на своего жеребчика.

– Клык! Где ты?

– Туточки...

Светлый князь вышел из парка, хрустя каким-то плодом.

– Зелен еще, – сморщился он и зашвырнул огрызок в кусты.

– А парочку мы все-таки догнали, – похвалился Малютка Свен, прилаживая меч на место. – Уделали...

– А ты не нарушай приказ! – выразился Турберн. – Правильно? А то все работают, а эти самые умные, шарить по домам кинулись! Непорядок...

– За что боролись, – весело констатировал Олег, – на то и напоролась. Поехали!

«Чертова дюжина», превратившись в почетный эскорт зоста-патрихии, поскакала к Золотому Рогу.

Там-то Сухов и увидел действие, описанное в летописях.

Варяги не зря трамбовали рыхлую землю и ровняли ее – они готовили волок. Да не простой – обычно корабли волокут без мачт, дабы облегчить груз, а в этот раз Халег Ведун испробовал новую методику.

Скедии протаскивали через проломы в частоколе и надвигали на дубовые катки. Дорога мимо Галаты и Перы к северной части Золотого Рога, докуда протянулся «волок», шла поначалу несколько в гору, и великий князь придумал, как облегчить труд гридням, – он

приказал поднять паруса!

Теплый восточный ветер наполнял их и легко тянул корабли вверх по пологому склону – только успевай катки подставлять.

Гогочущие команды удерживали скедии «на курсе» и метались от кормы к носу, вдвоем перетаскивая тяжелые колесные пары. Очень скоро их голые спины заблестели от пота, зато и корабли не волоклись – летели! А уж когда скедии миновали перегиб и начинался спуск, паруса приходилось спускать – больно быстро разгонялись корабли.

– Ай, молодец! – возопил Железнобокий, пришедший в восторг от выдумки Ведуна. – Нет, это надо же, а?!

– Не понимаю только, – нахмурился Клык, – зачем ему все это?

– Что же тут непонятного? – усмехнулась Елена. – Ваш великий князь действительно умница, и он не зря запретил своим воинам грабить окрестности уже на другой день. Ну, что там можно найти стоящего? А в Золотой Рог набилась тысяча кораблей со всего света, и каждый из них битком набит зерном, кожами, благовониями, тканями, да чем угодно! Это же немыслимое богатство! И все это может стать его, если базилевс не проявит мудрости и не согласится заключить договор с вашим правителем.

– Халег Ведун – не наш правитель, – возразил Малютка Свен, – мы другого князя выбрали, его Лидулом звать...

– Да это неважно! – рассмеялась Мелиссина. – Поехали!

Отряд вихрем промчался по пустынному мосту Каллиника и поскакал вдоль стены Феодосия. Мосты, переброшенные через ров к ближайшим воротам, были сожжены, только те, что вели к Золотым воротам, оказались целы, хотя и облиты нефтью.

– Стойте! – заорал Олег, задирая голову к высоким квадратным башням, фланкировавшим трехпролетную триумфальную арку, украшенную статуями Геракла и Прометея. – Не поджигайте!

– Кто такие? – закричали в ответ, поднимая факел. – Чего надо?

– Мы сопровождаем зоста-патрикию Елену Мелиссину! – нашелся Сухов. – Немедленно пропустите!

– Открывайте ворота! – завопила Елена. – Чего ждете?

На башне переговорили, и самые большие, средние ворота, предназначенные для парадных въездов самого базилевса, стали плавно растворяться, открывая глубокий проход в толще стен.

На улицах Константинополя совсем не было видно народу. Даже Меса, по обыкновению шумная, была в этот день пустынна и тиха – лавки стояли закрытыми, никто не прохаживался под Царскими Портками; когда-нибудь мелькнет нечесаная голова раба-посыльного или кошка пробежит, и снова полная тишина.

Город оцепенел. Город попрятался. По двое, по трое скакали гвардейцы-вестовые, и их озабоченная хмурость лишь множила страхи. Церкви были набиты битком. Паства, истово отмахивая поклоны, молила Спасителя явить силу Свою и прогнать поганых язычников.

«Чертова дюжина» проводила Елену до дома и вернулась к месту постоя, где их уже поджидал этериарх. Елпидифор был нервен.

Порывисто подойдя к Инегельду, он спросил:

– Где вы были?

– Провожали зоста-патрикию Елену Мелиссину, – важно проговорил Боевой Клык, – из проастия к дому.

– Вот как? – Брови этериарха вползли на лоб и снова опустились на глаза. – Скажи, князь, могу ли я верить тебе и твоим людям в этот день, когда такие же храбрые варанги, как и вы, стоят под стенами города?

Инегельд осерчал. Он высился над этериархом, похожий на медведя.

– Нам, ромей, не только храбрость ведома, – прорычал Клык, – мы и честь свою храним! Нам без разницы, кто там стоит, под стенами, да хоть архангелы вашего бога! Мы присягнули базилевсу, что убережем величество от ненужных ему встреч, и наше слово

крепко! Ясно тебе?

– Ясно, ясно! – заулыбался Елпидифор с облегчением. – Поверь, у меня и в мыслях не было тебя обидеть, но я же не за себя беспокоюсь, мне нужно быть уверенным в безопасности Его Божественности...

– Не бойсь, – проворчал Инегельд, остывая, – не пострадает божественность, пока мы рядом. Проверено.

– Ну, тогда заступайте на пост!

– Полусотня Асмуда! – рявкнул Клык, оборачиваясь к гриди. – Готовы?

– Всегда готовы, – было ответом.

– Чего тогда тут отаптываетесь? Базилевсы ждать не любят!

И варяги, пересмеиваясь, зашагали в сторону Палатия, спокойные и уверенные в себе люди, не чуждые понятия чести.

Олегу надо было выходить на дежурство в ночь, и он решил прогуляться. А когда добрел до форума Августеон, то свернул к Софии и вновь оказался под великолепными сводами.

Правда, остаться наедине с собой не удалось – церковь была полна народу. Люди то падали ниц, лишаясь чувств, то вдруг одухотворенно вскрикивали. Юродивые вопили о конце света, а певцы возносили псалмы.

Олег прошел поближе к алтарю.

Низкий серебряный иконостас с рельефами святых был поставлен на двенадцать позолоченных колонн и отделял алтарную часть от остального храма, а посреди главного нефа, чей купол казался недостижимым, отливал цветным мрамором невысокий помост-амвон. Над ним нависал балдахин из драгметаллов, увенчанный крестом в сто фунтов весом из чистого золота.

С амвона вещал патриарх.

– О, Город-царь!.. – проникновенно восклицал Феофилакт. – О, Город-царь едва ли не всей Вселенной! О, Город, воздвигший многие победные памятники после одоления ратей Европы, Азии и Ливии! А слабый и ничтожный неприятель смотрит на тебя сурово, пытается на тебе крепость своей руки... Что это?! – воздевая руки к небу, возопил патриарх. – Откуда поражение столь губительное? Откуда гнев столь тяжкий? Откуда упал на нас этот дальнесеверный страшный Перун? Откуда нахлынуло это варварское, мрачное и грозное море? Не за грехи ли наши все это ниспослано на нас? Не обличение ли это наших беззаконий? Вспомните, как несправедливо обижали мы приезжих русов! Получая прощение неоднократно, сами не миловали никого... Часто внушал я вам: берегитесь, исправьтесь, обратитесь, не попускайте отточиться Божьему мечу и натянуться Его луку!

К сводам Софии вознеслись еще более бурные рыдания и причитания.

– Помните ли вы то время, когда скифский, и грубый, и варварский народ, и жестокий, и борзый, народ неименитый, но достигший блистательной высоты и несметного богатства, неожиданный и гордящийся оружием, так быстро и так грозно нахлынул на наши пределы, как злая волна холодного моря? Помните ли вы тот трепет, и те слезы, и рыдания, которым тогда предавался наш город в крайнем отчаянии? Помните ли вы ту мрачную и страшную ночь, когда жизнь всех нас должна была закатиться вместе с закатом солнца, и свет нашего бытия поглощался глубокой тьмою смерти? Помните ли тот час невыносимо горестный, когда приплыли к нам варварские корабли, дышащие чем-то свирепым, диким и убийственным... когда они проходили перед стенами града, неся и выставя гребцов, поднявших мечи, и как бы угрожая городу смертию от стали разящей, и когда всякая надежда оставила людей?

Напряжение внутри храма достигло опасного предела, за которым рассудок помрачается.

– И вот тот же народ, – возгремел патриарх, – снова вздумал взять град Константинов в свою добычу! А мы слышали о них только тогда, когда их увидели и познали страх, хотя и отделяли их от нас столькие страны и правители, судоходные реки и пристанищные моря...

Горько мне от того, что дожил я до таких несчастий... Горько от того, что сделались мы все поношением соседей наших...

На время умолкнув, Феофилакт затем громко воскликнул, обращая свой взор к куполу храма:

— О, царица городов царствующих! О, храм мой, Святилище Божие, Святая София, недреманное око Вселенной!.. Рыдайте, девы!.. Плачьте, юноши! Горюйте, матери и жены! Пропливайте слезы и дети! Плачьте о том, как умножились наши несчастья... Так возопием, припадая к светлому образу Богородицы: Досточтимая, спаси Град Свой, как ведаешь, Госпоже!.. Покажи русам, что Город укрепляется Твоею силою!.. Сколько душ и градов взято уже варварами – воззови их и выкупи, яко ее всемогуща... Даруй же и мир крепкий жителям Города Твоего!

И ввысь взметнулся соединенный вопль, вырвавшийся из тысяч уст:

— Спаси!

— Помилуй нас, грешных!

— Спаси и сохрани, Пресвятая Дева!

— По-ми-и-илу-уй!

— Спаси и сохрани!

— Смилуйся, Богородица Дева!

— Господи, помилуй нас, грешных!

Олег протиснулся мимо разгоряченных тел и выбрался на улицу. Задумчив и отрешен от земного, он медленно спускался по Месе, пока не вышел на форум Тавра. Там он заметил что-то новенькое – дощатый помост, над которым торчали столбы трех виселиц, укрепленных распорками и вытягивавшие перекладыны с кольцами для веревок – издали казалось, что по синему небу провели три черные прориси, коряво выписав буквы лямбда.

Приблизившись к эшафоту, Сухов неожиданно узнал одного из казненных – на виселице, раскоряченной справа, вытянулся в петле Евсевий Вотаниат, бывший магистр, а ныне, как извещала черная табличка, болтавшаяся у него на груди, «изменник и вор».

Вот и встретились, усмехнулся Олег. Чего же ты хотел, магистр? Чего добивался? Возомнил ли ты себя грозным сокрушателем государства, таким «делателем базилевсов»? Или обижен ты был на Романа Первого? А может, сыночки базилевсовы тебя подговорили, подбили на измену государю?

Судя по содранным ногтям, тебе уже задавали эти вопросы, но ты или смолчал, или разговорился не по делу, выдав и правых, и виноватых, лишь бы палач отстал и не мучил твою плоть и твою душу...

И вот душа твоя отлетела в края, неведомые смертному, а брошенная плоть, уже окоченевшая, покачивается под ласковым ветерком с моря...

— Покойся с миром, враг мой... – усмехнулся Олег.

* * *

Отстояв ночь у покоев базилисы, Сухов решил и день продержаться, сменив Стеги, – судя по шепоткам пробежавших на цыпочках сановников да по пьяным откровениям одуревшего от страха диетария Николая, старшего по дворцовому помещению, с утра намечался прием русских послов. Разве можно было пропустить такое действо?

...В пятом часу утра, когда отошла заутреня в константинопольских церквах, Палатий просыпался. Этериарх и папия – великий ключарь, приступали к отпираанию дверей.

Первой отпиралась облицованная слоновой костью дверь, пропускающая в Лавзиах. Там этериарх и папия передевались в богатые скарамангии, шитые серебром, и следовали однажды заведенным порядком через залы и переходы в Хрисотриклиний и дальше – в Камилас, в Магнавру, в Эрос, в Буколеон...

Потом наступал черед веститоров-облачателей. Одни из них бежали в камару Святого Феодора, чтобы взять там жезл Моисея и прочий реквизит, а остальные толпой отправлялись

в ризницу и там выбирали императорский скарамангий. Несли со тщанием и благоговением и клали на дубовую скамью перед дверью, оббитой серебряными листами с отчеканенным на них узором. За этой дверью почивал Его Величество базилевс...

И вот церемониарий приближается к серебряным створкам и трижды ударяет установленным стуком. Створки распахиваются, и веститоры торжественно вносят в опочивальню скарамангий.

А в это время ко дворцу стекаются толпы приглашенных, спеша занять лучшее место и теша себя мыслью: а вдруг именно сегодня сам базилевс бросит на меня свой благосклонный взгляд?!

Церемониальная суета расходится волнами по необъятному Палатию – служители гасят лампы, накрывая светильни медными колпачками на длинных тростях, свет раннего утра проникает в высокие, узкие оконца, и уже издали доносятся отгулом звуки голосов, сопровождая ежеутреннее шествие, которое закончится в Великой Константинопольской Церкви. Там патриарх-сын вручит императору-отцу просфору и флакончик с розовым маслом, а отец одарит сына пурпуровым кошельком с золотыми номисмами...

От мыслей Олега оторвал подошедший этериарх.

– А ты почему еще здесь? – спросил он дружелюбно, хотя заметно было, что ночью Елпидифор не спал.

Олег поклонился, согласно этикету, и объяснил свое желание. Этериарх усмехнулся с пониманием и сказал:

– Пошли со мной.

– Куда?

– В камару Феодора. Послов примут лишь после второй трапезы дня, мы называем ее дипнон. Хоть выспишься...

Камара оказалась не каморкой, а залом с аркадами и широкими окнами, со стенами, отделанными золотыми мозаиками, сводившимися к лику Христа Спасителя.

На возвышенном месте стояли три золотых трона, а под куполом покоился тяжелый стол из черного дерева, инкрустированный серебром, слоновой костью и лазуритом.

Этериарх отдернул занавес и указал подбородком на мягкие, обитые алым шелком скамьи.

– Выбирай любую! – сказал Елпидифор и удалился.

Лениво размышляя о странном расположении к нему этериарха, Олег сложил оружие с доспехом в кучку и с кряхтеньем разлегся. Пять часов здорового сна – его...

* * *

К обеду он проснулся бодрым и голодным. Умывшись в чаше фонтана, отлитого из серебра, Олег прошел в одну из дворцовых кухонь, и тучный повар мигом отрезал для варанга изрядный кус ветчины, а хихикающая девица с носиком, перемазанным в муке, протянула Сухову ломоть свежее испеченного хлеба.

Умяв то и другое, Олег поспешил в Хрисотриклиний – близился прием послов.

Он успел вовремя – человек двадцать посланников уже топтались у двери в тронную залу, усердно наставляемые хранителями этикета. Варяги добродушно отмахивались от назойливых придворных и с любопытством разглядывали убранство, блиставшее мраморами и драгоценными металлами в таком изобилии, что страдала всякая мера.

Размеренно ступая, явился адмиссионалий, обязанный вводить послов пред очи Божественного.

Раскрыв двери в Золотую Палату, он пригласил послов войти. Варяги зашли не особо чинясь и вовсе не робея – дескать, видали и не такое.

Вслед за послами прихлынули придворные хлыщи, с ними вовнутрь проник и Сухов.

Все столпились перед тяжелым пурпуровым занавесом, ожидая начало первого действия спектакля «Прием послов». Протекторы и драконарии стояли вдоль стен с

каменными лицами, похожие на раскрашенные статуи.

Скрежетнув кольцами, занавес медленно раздвинулся, являя базилевса и его сопративителей, занявших низкие золотые троны и сидящих совершенно неподвижно, как Будды. Полилась торжественная музыка, исполняемая на водяном органе, затенькал заводной соловей, сидящий на позолоченном дереве, закричал павлин, заклекотал орел. Ожили золотые львы, движимые пружинами. Они били хвостами о пол, раскрывали пасти и, двигая языками, громко ревели, исторгая всю мощь скрытых мехов.

Сверху базилевса накрыли клубы фимиамного дыма, и тогда препозит не выдержал, зашипел в спины послов:

– Троекратное земное преклонение! Троекратное! Падайте! Падайте ниц!

Варяги послушались и слегка склонили головы, приветствуя повелителя ромеев. Тому ничего не оставалось, как смириться и не требовать от гордых варваров большего, чем могло позволить их чувство достоинства.

– Кто вы такие и откуда прибыли? – внушительно произнес базилевс.

Переводчик тихо растолковал варягам смысл сказанного. Один из них, белокурый гигант с раздвоенной бородой, кивнул и сделал шаг вперед, заставив драконариев содрогнуться и побелеть.

– Мы от роду русского, – прогудел гигант. – Меня зовут Карл Вилобородый, это Либиар Лысый, а вот Фарлоф из Хинугарда, далее – Веремуд Высокий, Рулав Счастливый, Гуда Косматый, Руалд Рыжий, Карн Змеинный Глаз...

Представив всех, Вилобородый вновь обратился к базилевсу:

– Мы посланы великим князем Халегом Ведуном и прочими великими князьями земли Русской, а также великими боярами и светлыми князьями.

– Чего хотите вы, посланцы северных пределов? – спросил император.

– Чего и раньше хотели, – хмыкнул Карл и отвечал: – Хотим, чтобы ты, государь, подписал с нами ряд мира и любви. Ну и доплатил чтоб за наши старания.

У Романа Лакапина дернулась щека.

– Мы посовещались и решили, – торжественно провозгласил император, – заключить договор с правителями русских земель. Вам выплатят виру серебром, по двенадцать фунтов на каждый моноксил, и пошлют новые паруса – русам из шелка, славинам – холщовые.

Вновь заиграли органы, сгустилась фимиамная пелена, и занавес закрыл троны. Антракт.

Глава 20, в которой Олега вознаграждает базилевс

Было очень рано, по улицам Константинополя еще витала сонная одурь, на востоке едва занималась заря, а в Палатии уже царил суета – наступал час утренней церемонии пробуждения базилевса и его явления подданным.

Сквозняки повсюду разносили запах догоравших фитилей. Утренний ветерок завел в открытые окна, дотягивая запах амбры от лавок торговцев благовониями.

Олег, зевая, прошелся по залу, украшенному по обыкновению коврами, хоругвями и паникадилами. Блистали оружием протекторы, возносили знамена драконарии. Хрисотриклиний – восьмиугольный зал с куполом на шестнадцати колоннах – был полон народу, но Олега никто не теснил. словно и на Сухова пал отблеск великой и грозной славы Халега Ведуна и его воинства.

Накануне состоялся синклит – тайное заседание синклита, где в присутствии базилевса Романа и послов князей русских были пурпурными чернилами прописаны кой-какие исторические документы и скреплены печатями из красного воска с выдавленными на них павлинами.

Казначей, причитая над каждой номисмой, выдали откуп за смерть Халега, сына Ингоря, и варяги в тот же день подняли паруса. Русы – шелковые, а славяны – холщовые. И

убыли.

Дня три константинопольцы были взбудоражены, обсуждали великое событие, но память человеческая быстро ступала горести и ужасы, и вот взбаламученная вода жизни снова потекла плавно, а тошнотные впечатления легли мутным осадком на донышки душ.

К Олегу протолкался сонный Ивор и спросил:

– А ты чего спать не идешь? Послов больше не ожидается!

– Да этериарху я зандобился, – досадливо сморщился Сухов. – У меня глаза слипаются, а он: «Подожди, подожди...»

– Служба такая, – сказал Пожиратель Смерти с сочувствием и двинулся к выходу.

Олег вздохнул и потер глаза. Спать хотелось ужасно.

– Олег! – донесся строгий голос Елпидифора. – Ступай за мной.

Недоумевая, Сухов пошел за этериархом, имевшим вид загадочный и таинственный.

В полутемном и пустынном коридоре Елпидифор обернулся к Олегу и сказал с придыханием:

– Сейчас ты будешь лицезреть базилевса, ибо в этот день назначена хиротония⁶¹.

– Чья? – не понял Сухов.

– Твоя!

– Моя?!

– Да, да! Его Величество достойно оценил твои заслуги по убережению христианских святынь и хочет вознаградить тебя. Идем!

Обалдев окончательно, Сухов послушно потопал за своим проводником, пока они оба не оказались у серебряной двери в опочивальню Благочестивого. Придворные уже выстроились в два ряда, готовые желать доброго утра повелителю. Среди этих подхалимов блистала Елена Мелиссина, прекрасная и недоступная зоста-патрикия, «патрикия опоясанная». Ее стан, грудь и плечи обвивал лор – узкая парчовая полоса, золотая на голубом, а волосы были уложены в высокую, похожую на башню прическу прополому. Увидев Олега, зоста-патрикия ослепительно улыбнулась.

Тут уже суетились четверо веститоров-облачателей в белых плащах, откинутых за плечи. В руках они держали дивитиссий цвета персика.

Церемониарий прислушался. За серебряной дверью кашлянули, потом громко прочистили горло, словно подавая знак. И палец с большим перстнем трижды стукнул в дверь опочивальни. Веститоры встрепенулись, а папий, обернув краем красной хламиды руку, воздел ее и провозгласил высоким голосом:

– Веститоры!

Препозит Дамиан – здоровый, пузатый, розовый кабан, – повторил низким басом:

– Веститоры!

Облачатели внесли дивитиссий в императорскую спальню, и Олег увидел вялого Романа в тонком хитоне.

– Приступим! – пропищал папий.

– Веститоры, приступайте! – прогремел препозит.

Двое поднесли базилевсу серебряный таз, третий полил на руки Его Божественности из золотого кувшина, а четвертый вытер их полотенцем.

Потом наступила очередь скарамангия и дивитиссия, под конец облачения на базилевса накинули хламиду, тяжеленную от нашитых драгоценностей, и возложили лор.

– Препозит! – подозвал базилевс.

Дамиан совершил земной поклон и поцеловал край священной хламиды.

– Подведи ко мне варанга Олега!

Сухов приблизился, заколебался, но все же смирил гордыню и встал на колени, рукою касаясь пурпуровых башмаков, на которых жемчугом были вышиты кресты. «Потерпишь!» –

⁶¹ Хиротония – возведение в сан, присвоение титула.

сказал себе Олег.

Базилевс, сопя, поднял полу хламиды и накрыл ею Сухова. Запахло пылью и благовониями.

Роман I Лакапин возложил на Олегову голову пухлую пятерню и промолвил:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа... Властью, данной мне от Бога, посвящает тебя наша царственность в спафарии. Встань, спафарий Олег! Аксиос!

– Аксиос! – зашумели сановники, толпящиеся у опочивальни. – Аксиос!

– Аксиос! – произнес высокий звонкий голос Елены.

Сухов поднялся, оглушенный и малость растерянный. Он совершенно не знал, как ему быть и что делать, но базилевс избавил его от долгих размышлений – начинался малый выход, и Его Величество прошествовал мимо. Придворные гурьбой двинулись за ним, и вот уже густой голос препозита разнесся под сводами:

– Повелитель!

– Я так рада, – сказала Елена, подходя к Сухову, – я так счастлива... А ты?

– Не знаю, – честно признался Олег. – Я мечтал о возвышении, чтобы... Ну, чтобы хоть как-то сравняться с тобою...

Елена замотала головой и сказала, перебивая:

– Ты всегда будешь рядом со мною и выше меня, ибо ты мой повелитель, владыка души моей...

Олег ничего не ответил, только осторожно коснулся губами припухших губок Елены.

– Тебе надо переодеться, спафарий, – сладко улыбнулась Мелиссина и взяла со скамьи, где недавно лежал императорский скарамангий, сверток с одеждой, положенной Олегу по рангу.

Сухов натянул хитон с красным украшением на груди, а сверху накинул синий сагий. Сбросив сапоги, он переобулся в мягкие кампанныи – как легко ногам!

– Ну, как я тебе?

Елена Мелиссина взяла Олега за руки и сказала с чувством:

– Ты – самый красивый, самый лучший, самый родной для меня и любимый человек. А я – самая счастливая женщина! Олежек... я правильно уменьшила твое имя? Скажи, как по-вашему звучит титул спафария?

– Меченосец, – ответил Сухов.

– Я верю, мой меченосец, что это была не последняя твоя хиротония. Ты поднимешься на высоту, путь к которой преодолевают немногие. Но тебе дано достигнуть большего, я знаю это, чувствую... Пошли домой?

Домой... Олег ощутил вдруг громаднейшее облегчение и тихую радость, то маленькое счастье, которое ускользало от него все эти годы и вот нахлынуло, наполнило всего. Он посмотрел в лукавые глаза возлюбленной, где разгоралось опасное темное пламя, облизал пересохшие губы и ответил:

– Пошли.